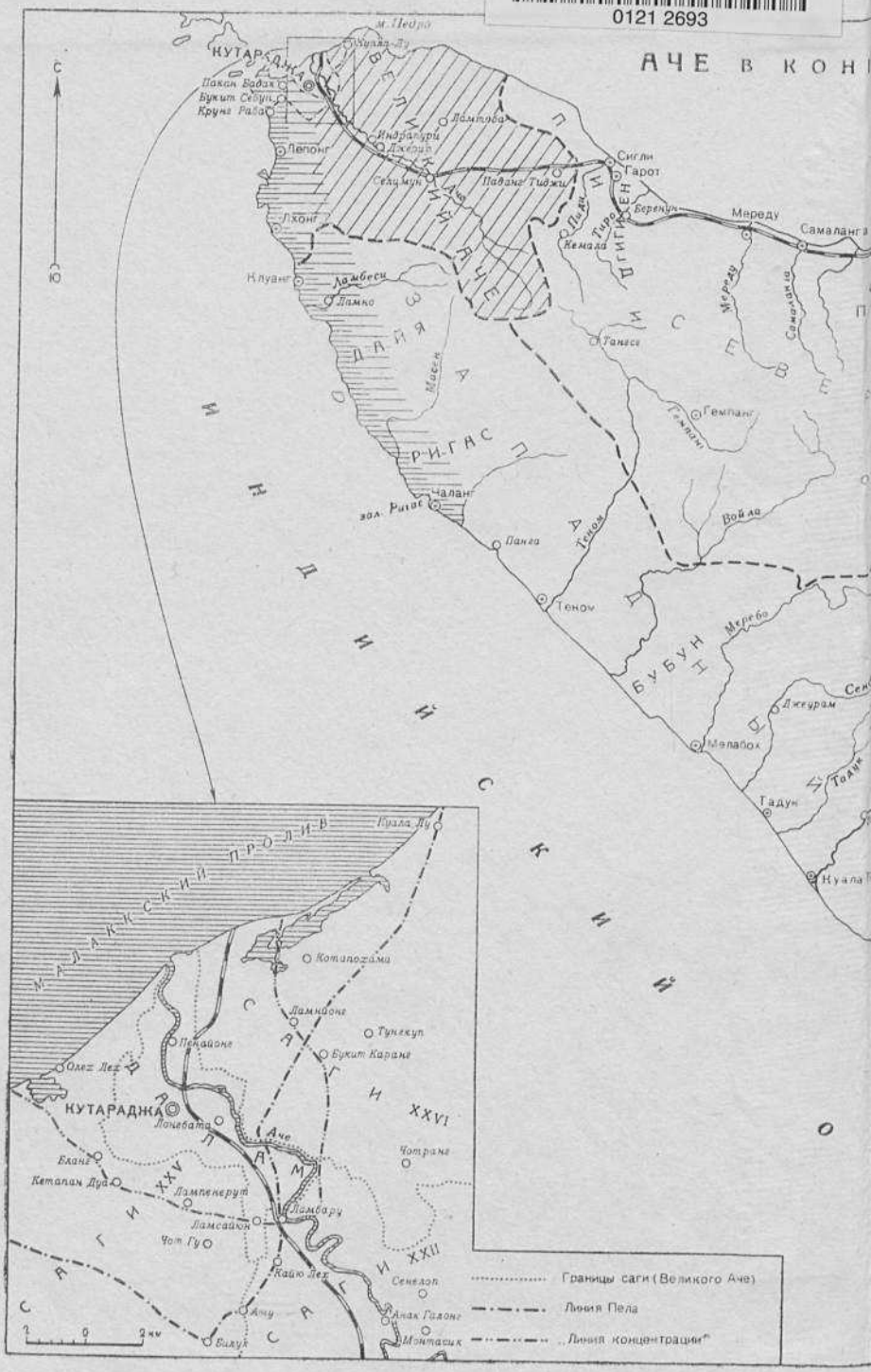
В. А. ТЮРИН

Ачехская война

BIBLIOTHEEK KITLV
0121 2693

PN 123 956 676

Е XIX - НАЧАЛЕ XX В.

Малакский пролив

Телок Семаве
Биреун
Булогблангара
Гедонг
Пасе
Кертов
Рамплаке
Тандджунг Семитох
Иди
Педава Райот
Пеурэлак
Бидеп
Такенгон
оз. Лаут Тавар
Джамбо Аер
Пеурэлак
Лангсар
Серуней
Джамат
Симпанг Конжи
Симпанг Тамиам
Куала-Симпанг
Симпанг Кири
Кла
Тралгун
Пендене
Блангкеджерен
Веситанг
Куала-Батуе
Бланг Пиди
Лауэн
Кедах
Меуче
Тапа Туан

САНГАН
ЛАПИНГО
ГАЙО ЛУАСО
ТАМИАНГ
ЛАНГКАТ
ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГ
ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ

Границы афделингов Аче
Центр Аче
Центры вассальных владений
Прочие населенные пункты
Железные дороги
Государство Самана в Великом Аче в начале 90-х годов
Область влияния Теуку Умара в начале 90-х годов

Названия вассальных владений одноименные с их центрами не подписаны

15 0 15 30 км

L-359N

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. А. ТЮРИН

АЧЕХСКАЯ ВОЙНА

(ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ИНДОНЕЗИИ

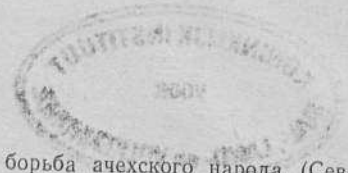
V.A.TIURIN
ACEH WAR

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

9(М)3
Т98

Ответственный редактор
А. Б. БЕЛЕНЬКИЙ

Героическая борьба ачехского народа (Северная Суматра) против голландских захватчиков — одно из наиболее мощных антиколониальных движений Востока. В книге рассматриваются основные этапы Ачехской войны (1873—1913 гг.), идеология и организация национально-освободительного движения и особенности голландской колониальной политики в Аче, даются яркие портреты героев борьбы за независимость.

1-6-3
90-70

Введение

Сорокалетняя борьба ачехского народа против голландских захватчиков является крупнейшим и самым длительным антиколониальным движением в Индонезии. Война разгорелась в переломный момент индонезийской истории, который знаменовался окончательным колониальным захватом архипелага, определившим границы современной Индонезии, оформлением новых методов эксплуатации и управления колонией, созданием предпосылок современного национально-освободительного движения в этой стране.

Исследование Ачехской войны позволяет определить характер и движущие силы народных движений в Индонезии до возникновения буржуазно-демократического национально-освободительного движения, изучить особенности голландской колониальной политики, на которую влияло сопротивление, оказываемое народами Индонезии.

Изучение Ачехской войны важно еще и по следующей причине. Для исследования индонезийской истории (и у нас, и за рубежом) характерен «явацентризм», который, хотя и преодолевается в последнее время, тем не менее все еще заметен. Огромные области страны, расположенные вне Явы и Мадуры — наиболее развитых районов архипелага, все еще не изучаются должным образом, и их история продолжает рассматриваться в значительной мере с точки зрения исторического развития Явы. Ачехская война, самое крупное явление в истории Внешних владений[1] во второй половине XIX — начале XX в., представляет огромный интерес для исследователя исторических процессов, происходивших в этой части Индонезии. Если для Явы и Мадуры данный период был временем зарождения капиталистических отношений и формирования сил национально-освободительного движения, то для большей части Внешних провинций основным вопросом являлась борьба за независимость. Особенности этой борьбы и характер колониальной политики, тесно связанные друг с другом, во многом определили в последующем быстрый рост национального самосознания у ряда народов Внешних провинций, специфику развития национально-освободительного движения. Так, например, среди причин, способствовавших распространению в Аче идей мусульманского национализма, не последнее место занимают те, корни которых надо искать в борьбе народа за независимость в последней четверти XIX — начале XX в. Поэтому исследование Ачехской войны, как и

[1] Внешние владения, или Внешние провинции,— в колониальную эпоху название районов Индонезии вне Явы и Мадуры.

других народных движений архипелага, позволяет во многом понять и сегодняшние особенности исторического развития различных районов Индонезии.

Наконец, изучение Ачехской войны представляет интерес для исследования однотипных с нею движений против колониализма за национальную независимость в других районах Азии и Африки. Борьба народов Судана, Алжира, Северного Кавказа в XIX в. имеет много общих черт с Ачехской войной, анализ которой позволяет определить типичные черты антиколониальных движений того времени.

В данной книге рассматривается история Ачехской войны в целом — с ее начала до окончания. Голландская историография не создала ни одного крупного обобщающего труда по истории Ачехской войны. Единственным исключением является вышедшая в 1969 г. книга журналиста П. ван Феера «Аче» [347], которая носит, однако, популярный характер и посвящена не столько самой войне, сколько отношению к ней голландской общественности. Наше исследование представляет собой первую попытку дать законченную историю борьбы ачехского народа за независимость. Военная сторона рассматривается в тесной связи с социальными и идеологическими особенностями движения, а также с голландской колониальной политикой того периода. Автор считал необходимым включить в книгу главу, в которой вкратце рассмотрены особенности общественного строя ачехцев и политическая история султаната до вооруженного столкновения с голландскими колонизаторами, так как в советской историографии эти вопросы практически не освещались, а введение такого материала в научный оборот позволит расширить наше представление об истории Индонезии.

Ачехские собственные имена, термины и географические названия по возможности даются в книге в их индонезийской транскрипции; например: Мелабох вместо Меулабох, улубаланг вместо улеёбаланг, саги вместо сагоё, Абдулмаджид вместо Абдомает и т. д.

Ниже дается краткий обзор источников и литературы; некоторые источники характеризуются в связи с обсуждением конкретных вопросов в самом тексте книги.

*

Ачехские источники, касающиеся периода войны, немногочисленны. Ценность их огромна: они позволяют не только взглянуть на события с точки зрения ачехцев, но и разобраться в крайне сложной проблеме идеологии и внутренней истории ачехского сопротивления.

В годы войны в Аче большой популярностью пользовалась «Хикаят пранг Компени» («Повесть о войне с Компанией»), автором которой был народный сказитель Абдулкарим, или Докарим. Поэма, довольно подробно изложенная К. Снуком Хюргронье в книге

«Ачехцы» [142] [2], распространялась из уст в уста на протяжении многих лет; Докарим постоянно дополнял ее, и окончательный вариант сложился где-то в начале 90-х годов XIX в. (погиб Докарим после 1893 г.). «Хикаят пранг Компени» — рассказ о борьбе ачехского народа с голландскими захватчиками начиная с 1873 г. Главный герой поэмы — Теуку Умар, которого Докарим считал самым выдающимся деятелем ачехского сопротивления. Поэма интересна и с точки зрения внутренней истории антиголландского лагеря. Питая симпатии к Теуку Умару и другим партизанским вождям, Докарим неодобрительно относится к религиозным лидерам — уламам, многих из которых он не стесняется критиковать и даже высмеивать.

Другая героическая поэма, повествующая об Ачехской войне называется «Хикаят пранг саби» («Повесть о священной войне») [3]. Если произведение Докарима можно назвать поэмой-хроникой, то «Хикаят пранг саби» — поэма в более точном смысле этого слова. Это волнующий призыв подняться на борьбу с захватчиками, содержащий раздумья над судьбами родины, ставшей жертвой вторжения неверных. В отличие от произведения Докарима «Повесть о священной войне» была создана в кругу улам, и взгляды ее автора (или авторов) идентичны идеям той группировки в лагере ачехского сопротивления, которая сформировалась вокруг главы саманистского государства и его преемников. По-видимому, поэма создавалась еще в 90-х годах XIX в., но доступный исследователям вариант относится к началу XX в. и отражает настроения, получившие распространение после разгрома саманистского государства.

Важными источниками являются произведения руководителей саманистского государства и идеологов сопротивления конца XIX в. — Мохаммада Самана, Хабиба Самалангского, Теунгку Кутакарангского. Их воззвания, письма, проповеди интересны как с точки зрения освещения фактических событий Ачехской войны, так и с точки зрения отражения различных взглядов в руководстве антиголландским движением [4].

Целый ряд ачехских источников, хотя и не относится непосредственно к исследуемому периоду, представляет немаловажный интерес для анализа общественного строя Аче и изучения политической истории предшествующего времени [5]. К ним относятся, например, своды законов ачехского султаната [33; 279, прил.; 343, гл. XXVI], героическая поэма «Хикаят Малем Даганг» [85], летопись «Хикаят Аче» [88].

---

[2] Здесь и далее первая цифра в квадратных скобках обозначает номер, под которым работа стоит в списке использованной литературы, последняя цифра — страницу. Если дается ссылка на несколько работ, одна от другой отделяется точкой с запятой.

[3] Опубликована на малайском языке и переведена на голландский язык Х. Т. Дамстэ [63; 65].

[4] Эти документы опубликованы или пересказаны голландскими авторами Снуком Хюргронье, Ферстеге, Зентграафом.

[5] Библиографию ачехских источников см. [67].

Из *европейских источников* прежде всего следует отметить официальные материалы и документы. Во-первых, это голландские, английские и русские дипломатические документы, как опубликованные в специальных изданиях [116; 153; 118; 119; 28], так и помещенные в приложениях к различным работам. Эта группа источников освещает в основном внешнеполитические аспекты Ачехской войны, главным образом на ее начальном этапе. Вторая (и более значительная, чем первая) группа источников такого рода включает голландские парламентские материалы, относящиеся к обсуждению ачехского вопроса, отчеты колониальной администрации, переписку должностных лиц, донесения и инструкции губернаторов Аче, договоры с раджами вассальных владений и т. п.[6]. Особую ценность среди этих источников представляет первый том «Служебных советов» К. Снука Хюргронье, содержащий наиболее важные документы и письма творца голландской колониальной политики в Аче в конце XIX — начале XX в. [143].

Следующую часть европейских источников представляют описания Аче и Ачехской войны, составленные очевидцами и участниками. Капитальный труд, охватывающий первые семь лет Ачехской войны, создал участник первой голландской экспедиции в Аче Э. Б. Килстра [95]. Он широко использовал официальные материалы, военные реляции и описания дислокации войск, отчеты военной администрации Аче и т. п. Содержащая подробное изложение событий трехтомная работа Килстры является ценным источником по истории первых лет войны, главным образом чисто военной ее стороны.

Такой же характер, как и труд Килстры, носит книга редактора семарангской газеты «Де Локомотиф» П. Броосхоофта «История Ачехской войны», в которой изложение доводится до 1886 г. [51].

Хорошее освещение в воспоминаниях и описаниях современников получил период первых голландских экспедиций. Впечатления участников первой экспедиции 1873 г. собраны в докладе комиссии, созданной для расследования причин ее неудачи [129]. О второй экспедиции 1873—1874 гг. оставили воспоминания командующий экспедицией Я. ван Свитен [149], его заместитель Г. М. Ферспейк [158], морской офицер И. А. Крюйт [98], участник экспедиции Г. Ф. В. Борель [48] и др.

Второй период Ачехской войны (1874—1880) хуже освещен в воспоминаниях и описаниях очевидцев, чем ее начальный этап. Наиболее значительными источниками для этого периода являются работы начальника штаба голландского экспедиционного корпуса в Аче Х. Ф. Мейера [108], командира батальона

---

[6] Кроме отдельных изданий, например [37], многие документы и письма даны в приложениях к работам Э. Б. Килстры, К. ван дер Маатена, Я. ван Свитена, А. Крюйсхеера, Наардинга и других авторов. Многие документы были опубликованы в голландских периодических изданиях.

В. Л. де Пети [123], губернатора Аче генерала К. ван дер Хейдена [84].

Третий (1881—1896) и заключительные (1896—1913) периоды Ачехской войны нашли широкое отражение в свидетельствах современников. Воспоминания оставили губернаторы А. Прюйс ван дер Хувен и П. Ф. Лагинг Тобиас [128;103], офицеры жандармерии Смит, ван дер Маатен и Кемпеес [135; 107; 92], голландский генеральный консул на Пинанге Й. А. ван Крюйт [99], английский моряк Брэдли [50] и многие другие. Хорошим источником является составленная капитаном А. Крюйсхеером летопись событий 1896 г. — переломного года Ачехской войны [100]. Единственную в своем роде работу написал ассистент-резидент Великого Аче К. Ф. Х. ван Ланген, который составил для служебного пользования список (с краткими характеристиками) видных деятелей ачехского сопротивления, феодалов и улам [105].

Самыми ценными источниками для этого периода являются работы К. Снука Хюргронье[7]. Это его фундаментальные описания Аче и Гайо [142; 144], а также многочисленные статьи по различным вопросам Ачехской войны[8]. Книги и статьи Снука Хюргронье охватывают широкий круг проблем. Особую важность им придает анализ внутреннего характера ачехского сопротивления и его идеологии — сюжетов, почти не затрагиваемых другими голландскими авторами. Велика ценность произведений Снука Хюргронье и с точки зрения рассмотрения особенностей голландской колониальной политики в Аче и других районах архипелага.

Немногочисленная, но очень интересная группа голландских источников представлена очерками журналистов и военных писателей [138; 139; 137; 124; 43; 113]. Эти очерки, в которых рассказывается об отдельных эпизодах или деятелях Ачехской войны, позволяют подчас живее и полнее представить характер военных действий, особенности тактики, отношение населения, чем сухие отчеты и препарированные воспоминания.

Наконец, последнюю группу западных источников составляют публицистические произведения. Наибольшую ценность представляют работы Г. Ф. В. Бореля [47], Я. ван Свитена [148], Х. Б. ван Даалена [61; 62], В. А. ван Рееса [53], П. Г. Боомса [45; 46], Х. А. А. Никлау [111; 112], Й. И. де Рошемона [131—133], П. Ф. Лагинг Тобиаса [104], Э. Кемпе [91], Э. Б. Килстры [94], Й. Ферстеге [155; 156], Х. К. ван дер Вейка [336], И. Д. Франсена ван де Пютте [77], Э. Ф. Э. Дауэс Деккера [68; 69], В. Коола [57], С. К. Х. Недербюрха [110], В. А. Коблейна [55], Й. Б. ван Хэютса [83], Г. А. Схерера [134], В. Ниювенхайзе-

---

[7] Подробная характеристика Снука Хюргронье и его работ, равно как и характеристика других важнейших источников, дается в связи с конкретно рассматриваемыми вопросами.

[8] Большинство интересующих нас статей опубликовано в IV томе «Избранных сочинений» [147].

на [52; 118], Й. Й. Б. Фаноя [76]. Эти работы (здесь перечислены далеко не все) весьма разнообразны: солидные труды с приложениями, хлесткие памфлеты, газетные и журнальные публикации. Одни авторы стремились свести счеты с политическими противниками, другие предлагали рецепты «умиротворения» Аче, третьи защищали своих единомышленников, подвергшихся критике в печати или парламенте. Мы видим широкую гамму политических взглядов — от крайне реакционных до социалистических. Источники этой группы представляют интерес в двух отношениях. Во-первых, многие из них сообщают важные сведения относительно военных действий, состояния голландской армии, политики колониальной администрации, причем часто в пылу полемики авторы не стесняются сообщать факты о голландских зверствах в Аче и сурово осуждают те или иные мероприятия колониальных властей, особенно если у власти стоит соперничающая партия. Во-вторых, эта группа источников позволяет проанализировать отношение общественного мнения Нидерландов к Ачехской войне, проследить влияние войны на политическую борьбу в метрополии и воздействие этой борьбы на голландскую колониальную политику в Индонезии.

Строго говоря, публицистичность весьма присуща и источникам второй группы — воспоминаниям и описаниям современников, и подчас трудно провести достаточно четкую грань между этими источниками и собственно публицистическими материалами, тем более что последние часто создавались участниками Ачехской войны, которые широко использовали личные воспоминания и наблюдения.

Огромное количество материалов, включая источники, рассеяно в голландских периодических изданиях. Сюда входят описания различных походов и экспедиций, воспоминания колониальных чиновников и офицеров, публикации документов, переводы и т. д. Некоторые статьи в журналах и газетах были опубликованы отдельными изданиями. Большинство же таких материалов, использованных в монографии, напечатано в журналах, главным образом в «Индийском военном журнале».

Подавляющее большинство западных источников принадлежит перу деятелей голландской колониальной администрации и военных и написано с позиций, враждебных боровшемуся за свою независимость ачехскому народу. Это обстоятельство необходимо учитывать при использовании источников. Тем не менее позиции авторов настолько разнообразны и различия между ними подчас так велики, что при достаточно полном использовании этих источников они дают далеко не однозначное представление об Ачехской войне и голландской колониальной политике.

Первые исследовательские работы об Ачехской войне появились сразу же после того, как началась война. Наибольший интерес среди ранних работ представляют книги А. Герлаха, Г. Кеппера, А. тен Беека, П. Керхерса, Й. Банка [235—237; 262; 207;

263; 205]. Как эти, так и более поздние голландские авторы оправдывали колониальную войну против Аче, изображая ее как войну с варварством и невежеством, во имя прогресса и цивилизации. Помимо военной истории первых лет Ачехской войны в упомянутых выше работах содержатся сведения об истории Аче с XVII в. с упором на анализ отношений между Нидерландами и Аче.

Среди более поздних книг по истории Ачехской войны следует выделить уже упоминавшиеся работы Э. Б. Килстры и П. Броосхоофта. Как и многие другие книги по Ачехской войне, их можно отнести одновременно и к источникам, и к литературе. Килстра помимо истории войны с 1873 по 1881 г. написал также ряд статей в «Индийский военный журнал», охватывающих период 80-х годов XIX в. [267—269]. Работы Килстры и Броосхоофта отличает несколько больший интерес к политическим событиям войны, чем это свойственно подавляющему большинству голландских историков, специализирующихся на чисто военной стороне проблемы.

В конце XIX—начале XX в. появился ряд работ, по преимуществу вышедших в голландской военной академии в Бреда, которые представляли сжатое описание основных операций голландской армии в Аче. Книги Г. Б. Хоойера, Й. В. Ф. Херфкенса, К. Д. Э. Хотца, Й. К. Пабста касаются практически лишь военного аспекта событий в Аче [244; 245; 248; 249; 298; 299], совершенно оставляя в стороне все другие проблемы. Эта литература рассчитана на слушателей военной академии, хотя, конечно, значение ее выходит за рамки учебных пособий (особенно это относится к книге Хоойера). Подробное перечисление походов, стычек, экспедиций, детальные цифры численности голландских войск, участвующих в операциях, а также голландских и ачехских потерь составляют основную ценность этих работ.

На протяжении Ачехской войны, а также после ее окончания постоянно выходили книги и статьи, посвященные отдельным эпизодам войны (часто в беллетризованной форме), истории родов войск колониальной армии или ее отдельных частей, сравнению Ачехской войны с другими колониальными войнами [218; 223; 214; 288; 296; 313; 320; 206; 215].

Большое место в голландской историографии Ачехской войны в XIX в. заняли работы биографического характера. В основном это книги и статьи, посвященные губернаторам и генералам, служившим в Аче, а также крупным колониальным деятелям [230; 307; 291; 302; 285; 337; 202]. Ачехским деятелям уделялось несравненно меньше внимания, причем исследователей в первую очередь привлекали люди, ставшие на путь сотрудничества с голландцами [203; 329].

По мере нарастания сопротивления ачехского народа голландские исследователи, особенно те, кто служил в Аче, проявляли все больший интерес к истории, этнографии, общественному устройству Аче, понимая, что без знания этого трудно сделать прак-

тические выводы относительно современного положения. Если до конца 80-х годов XIX в. появилась лишь одна книга по этим вопросам [328], то в конце XIX — начале XX в. наряду с трудами Снука Хюргронье голландская историография обогатилась интересными работами по социально-экономическому строю Великого Аче и его вассальных владений [278; 279; 276; 327; 252].

Голландские работы XX в., посвященные Аче и Ачехской войне, значительно уступают по численности работам, написанным в XIX в. Практически история войны в целом оказалась освещенной лишь в статье Х. Т. Дамстэ [226], позднее опубликованной в «Энциклопедии Нидерландской Индии», и в общей истории Индонезии Э. С. де Клерка, во втором томе которой имеется глава «Ачехская война» [266]. Задуманная де Клерком работа по истории Ачехской войны не была выполнена — автор написал лишь ее предысторию [265]. Внимание голландских авторов по-прежнему привлекали деятели голландской колониальной администрации, которым в XX в. было посвящено несколько работ [227; 229; 102; 293; 107]. Продолжалась и традиция страноведческого изучения Аче, иногда в общем комплексе с другими частями Суматры [286; 257; 271; 345]. Из новых направлений в изучении Ачехской войны следует отметить исследование экономического состояния Аче в период борьбы за независимость [280], анализ взаимоотношений голландской администрации с местной знатью [319] и особенно изучение деятельности героев ачехского сопротивления [304; 322; 344]. Тенденция связать последующее развитие Аче с войной против голландского господства наблюдалась у очень немногих голландских авторов, в частности у Пикара в его книге «Аче и война с Японией» [303].

Для специальных и общих голландских работ, касающихся Ачехской войны [266; 239; 330], характерен вполне определенный подход к ней. Ачехская война не получила в этих книгах признания как широкое народное движение. Его специфика, расстановка внутренних сил, политика руководства сопротивлением на различных этапах — все это осталось вне поля зрения голландской колониалистской историографии. Колониалистская историография изображала Ачехскую войну как борьбу отдельных феодалов и фанатичного духовенства против «прогресса и цивилизации». И это не случайно. Стремление принизить народные движения, приуменьшить их значимость всегда были характерными чертами этой историографии.

Работы М. Х. Секели-Люлофс и Х. Зентграафа, в которых сочувственно рисовались герои борьбы за независимость, были скорее исключением из общего правила голландской историографии, которое предполагало изображение ачехцев полудикими, коварными людьми, склонными к феодальным усобицам и пиратству.

В последних работах голландских и американских ученых начинает пробивать дорогу новый подход к народным движениям в Индонезии — как к национально-освободительным [169; 334;

340]. Но в отношении Ачехской войны практических шагов в этом направлении не сделано, и если, например, движение Дипонегоро или война падри получили новые оценки в современной западной литературе, то для Ачехской войны дело дальше простых упоминаний или весьма поверхностной постановки вопроса не пошло.

В монографии использованы многочисленные западные источники и исследования, освещающие общие проблемы голландской колониальной политики в XIX—начале XX в., особенно во Внешних владениях, англо-голландское соперничество на Суматре, историю Аче и особенности его общественного развития в эпоху, предшествующую войне[9].

Индонезийские историки проявляют большой интерес к истории борьбы народов Индонезии за независимость и к героям этой борьбы. Их работы пронизаны отрицанием европоцентристских теорий, обличительным духом, направленным против голландского колониализма.

Из индонезийских работ, посвященных борьбе ачехского народа за независимость, следует отметить прежде всего книгу Мохаммада Саида [311], в которой освещается история Аче от прихода индонезийцев на архипелаг до начала XX в. Добрая половина книги посвящена Ачехской войне. М. Саид прослеживает ее историю, начиная с первой голландской экспедиции в 1873 г. до 1903 г., который он считает годом окончания войны. Автор использовал широкий круг источников и литературы, прессу и полевые материалы, собранные им во время поездок по Аче.

Из других индонезийских работ наибольший интерес представляют биографии героев борьбы ачехского народа за независимость — Теуку Умара, Теунгку Чик ди Тиро, Чут Нья Дин и др. [243; 253; 258]. Эти работы (особенно книга Якуба) дают новый материал, сообщают подробности жизни и деятельности руководителей народного движения. Если вспомнить, что голландская колониалистская историография или не обращала большого внимания на борцов за независимость, или рисовала их портреты черными красками (например, Теуку Умара), то становится понятным значение этих индонезийских работ.

Разделы и упоминания об Ачехской войне есть и в общих работах по истории Индонезии, в индонезийских школьных учебниках [301; 321].

Недостатками индонезийских работ являются не всегда критический подход к источникам, неточности в именах и датах, отсутствие аппарата. Авторы часто в поисках аргументации обращаются не столько к логическим доводам и анализу источников, сколько к национальным чувствам. Индонезийским авторам свойственна идеализация феодальной знати (М. Саид) и улам (И. Якуб). Они подчас не замечают сложного внутреннего ха-

---

[9] Ввиду невозможности в кратком историографическом обзоре дать ссылки на эти работы отсылаем читателя к библиографии в конце книги.

рактера ачехского сопротивления. Тем не менее значение этих работ велико: они выражают индонезийскую точку зрения, критически оценивают концепции историков колониалистской школы, разоблачают действия голландской военщины в Аче.

В довольно обширной *советской литературе* по Индонезии Ачехская война до сих пор не стала предметом специального исследования. Но это не означает, что такое мощное народное движение не привлекло внимания советских ученых. В трудах А. А. Губера [190; 191] дается общая оценка Ачехской войны, прослеживается ее связь с колониальной политикой Нидерландов в конце XIX — начале XX в., анализируются ход и движущие силы народного движения. Раздел об Ачехской войне содержится в главе Ю. В. Маретина, посвященной Индонезии, в вузовском учебнике новой истории стран Азии и Африки [192].

Проблемы социально-экономического развития Аче в доколониальную эпоху затрагивались Н. А. Симония и Ю. А. Сотниковым [193; 196]. Характеристика колониальной политики Голландии, в том числе и во Внешних владениях, а также общие проблемы исторического развития Индонезии в интересующую нас эпоху рассматриваются в капитальной монографии А. Б. Беленького [165]. Статьи по Ачехской войне появились в «Советской исторической энциклопедии». Наконец, краткий очерк этого народного движения содержится в книге по истории национально-освободительного движения в Азии и Африке [188].

Большую пользу автору принесли также работы советских ученых по истории других стран, особенно истории Индии, Судана, Северного Кавказа, Алжира, т. е. стран, где происходили сходные или однотипные народные движения, направленные против колониального порабощения [166; 174; 189; 194; 200].

Глава I

Султанат Аче перед голландской агрессией

Страна и население

Историческая область Индонезии Аче (ныне провинция Республики Индонезии) находится в северной части о-ва Суматры. Аче располагается между 95° и 98° восточной долготы и 2° и 6° северной широты, занимая территорию общей площадью немногим более 53 тыс. *кв. км*, т. е. примерно в полтора раза больше, чем Нидерланды. Внутренний Аче — гористая страна с многочисленными речными долинами [271, т. I, 79]. В среднем внутренние районы Аче располагаются на высоте 800 *м* над уровнем моря, высота же горных хребтов составляет 1500—2800 *м* [257, 145]. Особенно гориста южная часть Аче — Гайо и Алас. К северу гор становится меньше. Прибрежный Аче — низменная область, особенно удобны для земледелия участки по побережью и устьям рек Северного и Восточного Аче. Вдоль ачехского побережья расположен целый ряд удобных заливов и гаваней: Тапа Туан и Мелабох — на западном побережье, Сигли, Телок Семаве, Иди, Лангсар — на северном и восточном. Короткие, но полноводные реки стекают с расположенных в центре области гор к побережью, образуя долины, в которых издавна селились жители Аче, и естественные пути с побережья во внутренние районы.

Климат Аче тропический, с характерными для муссонных районов двумя дождливыми сезонами — осенним и весенним. В среднем за год выпадает от 2000 (в восточных районах) до 4000 *мм* (на западе) осадков. «Сухой» сезон продолжается примерно с июня по сентябрь, максимум осадков выпадает в октябре — ноябре [257, 183]. На побережье часты заболоченные участки с мангровой растительностью; бóльшая же часть Аче покрыта влажно-тропическим лесом.

Аче делится на несколько областей. Важнейшая из них — Великий Аче — была центром султаната. Великий Аче занимал крайнюю северную оконечность Суматры, ограниченную заливом Крунг Райч на северо-востоке и заливом Клуанг на северо-западе. Главной артерией области была р. Аче, в устье которой находился султанский домен — Далам. Территория Великого Аче делилась на три саги («угла») — объединения феодальных владений: саги XXV мукимов — на северо-западе, саги XXVI мукимов — на северо-востоке

и саги XXII мукимов, занимавший южные, внутренние районы Великого Аче [328, 15] [1]. С юга к саги XXV примыкали входившие в Великий Аче так называемые южные владения — Лепонг, Лхонг, Клуанг. К Великому Аче относились также острова у северного побережья Суматры — Уэй, Брас и др.

Южнее Великого Аче находились вассальные владения ачехских султанов. На Западном берегу [2] важнейшими из них были Ригас, Теном, Мелабох, Сенаган, Тапа Туан, Трумон. Важнейшими княжествами Северного берега (к востоку от Великого Аче) были Пиди, Гигиён, Мереду, Самаланга, Телок Семаве, Гедонг, Кертой. Мыс Диамант отделял от Северного берега Восточный берег с княжествами Симпанг Улим, Танджунг Семантох, Иди, Лангсар, Маджапахит и др. К югу от горных районов Великого Аче и Пиди, во внутренней части острова, находились Гайо, а еще южнее, на границе с Батакландом, — Алас, населенные родственными ачехцам народами.

Основным населением султаната были ачехцы, говорившие на особом языке индонезийской группы. На восточном побережье сильно ощущался малайский элемент, и малайский язык был распространен в Аче, особенно среди знати и духовных лиц.

В период первой мировой войны, т. е. сейчас же после окончания Ачехской войны, в Аче жило свыше 676 тыс. человек, из них в Великом Аче — несколько более 103 тыс. человек [271, т. I, 215—216]. Ачехцы делились на оранг барох, или оранг банда (букв. «люди равнины», или «люди города»),—жителей прибрежных, столичных районов, и оранг тунонг, или оранг дусун (букв. «люди гор», или «люди деревни»), — горцев. Население прибрежных областей подвергалось влиянию внешнего мира и государственных институтов, тогда как горцы сохраняли патриархальный быт и родовые связи в большей неприкосновенности. Прибрежные и горные жители отличались друг от друга одеждой, говором (горцы говорили на нескольких диалектах, в то время как на побережье язык был более единообразен), украшениями, пищей. Оружие было одинаковым во всех частях Аче: ренчонг — кинжал с одной отточенной стороной, клеванг — короткий меч, капах — дротик и тумбах — копье. Употреблялось и огнестрельное оружие — главным образом кремневые пистолеты и мушкеты [98, 56]. Одинаковым было и жилище. Дом представлял длинную постройку на сваях под двускатной крышей. По центру дома проходил коридор, по сторонам которого располагались комнаты для малых семей (обычно в ачехском доме жила большая семья). Вдоль всего дома снаружи шла

---

[1] В дальнейшем они именуются: саги XXV, саги XXVI и саги XXII; читаются: саги двадцати пяти мукимов, саги двадцати шести мукимов, саги двадцати двух мукимов. Обозначение римскими цифрами, встречающееся в большинстве голландских источников, стало традиционным для литературы, в том числе и индонезийской, об Ачехской войне.

[2] Административное деление на Западный, Северный и Восточный берег введено голландцами; здесь речь идет о чисто географическом делении.

открытая галерея. Рядом с домом сооружались кухня и хозяйственные постройки [252, т. 2, 18—23].

Основным занятием ачехцев было земледелие. Главной культурой являлся рис, выращиваемый как на орошаемых, так и на суходольных землях. Вспахивали поле плугом с длинной рукояткой и коротким лемехом. Рабочим скотом служили буйволы. В ряде районов рис сажали, выращивая предварительно рассаду, в большинстве же случаев сеяли прямо после вспашки поля. После сбора урожая на орошаемых полях сажали промежуточные культуры — маис, сахарный тростник, овощи. Главной культурой, выращиваемой на ладангах (суходольных полях), был перец, особенно на побережье, откуда он вывозился европейскими торговцами. На ладангах применялась подсечно-огневая система земледелия [257, 174—175]. Кроме перца на них выращивались рис, сахарный тростник, лук. Сахарный тростник был третьей по важности культурой после риса и перца [142, т. I, 275]. Повсюду в Аче разводили кокосовую и арековую пальму, бананы и фруктовые деревья [34, 24]. Значительную роль в жизни населения прибрежных районов играло рыболовство. Мореходство в XIX в. уже пришло в упадок вследствие конкуренции европейцев, вытеснивших ачехских торговцев. Аче славился ремесленниками: оружейниками, ювелирами, резчиками по камню и дереву. Было развито также ткачество [34, 25], гончарство и производство плетеных изделий.

В целом хозяйство было натуральным. На внешний рынок из Аче поступал в основном перец, отчасти бетель; внутренние экономические связи между областями султаната, равно как и специализация районов, были незначительными.

Возникновение султаната Аче и его история (до середины XIX в.)

Северная Суматра издревле была одним из наиболее развитых районов Индонезии. Здесь же возникли и одни из самых ранних государственных образований архипелага. Область будущего Аче лежала на важном морском пути, связывающем архипелаг с Индией. Барус, упоминаемый еще Птолемеем, а также Поло (Поли) китайских источников V—VI вв., возможно, следует идентифицировать именно с этой областью [339, 184].

Примерно в IX в. в арабских географических сочинениях появляется название порта Ламури (Рамни), по-видимому входившего в состав Сривиджаи в качестве одного из центров этого могущественного государства [314, т. I, 265]. Этот порт под названием Иламуридечама фигурирует в надписи о победоносном походе южноиндийского правителя Раджендры I Чола на Сривиджаю в 1025 [273, 245]. Китайские географы Чжоу Чжу-фэй (1178) и Чжао Ю-гуа (1225) также упоминают Ламури как значительный торговый центр Суматры [339, 179]. Ламури знали Марко Поло

и автор яванской поэмы XIV в. «Нагаракертагама». Все эти данные свидетельствуют о преемственности торговых центров на Северной Суматре.

Центры, которые возникали на ачехском побережье с первых веков нашей эры, относятся к приморским городам-государствам, характерным для раннеклассовых обществ малайско-индонезийского мира [3].

Города-государства ачехского побережья, хотя долгое время и находились на периферии могущественных империй Фунани и Сривиджаи, тем не менее являлись значительными для того времени центрами цивилизации. Индийское влияние в Аче чувствовалось слабее, чем, например, в Сривиджае или центрах на Западном побережье Малайи. Но и здесь существовала устойчивая традиция, связывающая с индийскими пришельцами не только образование государства, но и само появление слова «Аче» [4].

В Аче долгое время сохранялось превосходство жителей внутренних, горных районов над прибрежным населением, вследствие чего торговые центры здесь развивались медленнее, чем те, которые располагались на более или менее обширных аллювиальных равнинах Восточной Суматры. По этой же причине индийские колонисты до VII в. едва ли селились на ачехском побережье [339, 329].

Во второй половине XIII в., после падения Сривиджаи, города ачехского побережья приобретают бóльшую значимость на великом торговом морском пути из Индии и стран Ближнего и Среднего Востока в Юго-Восточную Азию и Китай. Наиболее быстро развивались княжества Северо-Восточного побережья Суматры. Они стали пионерами распространения на архипелаге новой религии — ислама, шедшего на смену индуизму и буддизму. Сопротивлявшиеся экспансии Маджапахита, тесно связанные с мусульманскими индийскими торговцами, правители мелких княжеств Северной Суматры перешли в ислам. Новая религия не только упрочила их связи с индийскими торговцами, но и послужила сильным идеологическим и политическим оружием в борьбе за объединение княжеств и создание торгового центра в районе Малаккского пролива. В начале XIV в. на Северо-Восточном побережье Суматры возникло государство Пасей. Пасей стал крупным торговым портом, одним из центров науки, литературы и искусства малайского мира [5]. В начале XV в. Пасей уступает свое первенствующее значение Малакке, но остается значительным торговым городом. Падение Малакки в 1511 г. под натиском португальцев и утверждение последних в Пасее в 1521 г. способствовали возникновению

---

[3] Подробнее см. [180, 524—529].

[4] Согласно ачехской легенде, индийские торговцы, высадившись на берегу, попали под дождь и спаслись от него под большим деревом, восклицая: «Ачах!» («Прекрасно!») [279, 386]. О различных теориях происхождения названия Аче см. [343, 23—26].

[5] Об истории княжества Самудра-Пасей см. [343, 109—126].

на Северной Суматре султаната Аче. Это государство возникло в отличие от Пасея и Малакки не просто в качестве нового центра, к которому перешло торговое первенство. Его появление было связано с необходимостью для местного населения создать свой торговый центр в западной части малайско-индонезийского мира, поскольку старые — Малакка и Пасей — оказались в руках португальских пришельцев. Именно характером Аче как антипортугальского центра местной торговли и ориентировкой его правителей на враждебное португальцам мусульманское купечество Индии объясняется превращение Аче в оплот мусульманства на архипелаге. Географическое положение Северной Суматры — близость ее по сравнению с другими районами архипелага к Индии и Аравии, куда совершались паломничества и откуда проходили проповедники, — также способствовало успехам ислама в Аче.

Аче, возникший на месте древнего Ламури, до начала XVI в. входил, видимо, в состав княжества Пиди (Педир) [88, 29]. Первым султаном нового «портового государства», центр которого (Бандар Аче Дар ас-Салам) находился в устье р. Аче, на месте теперешней Кутараджи, был Али Мугхаят-шах, умерший в 1530 г. При нем Аче завоевал Пиди и Пасей на восточном побережье, княжество Дайя на западном[6] и изгнал португальцев с Северной Суматры [205, 15]. На протяжении XVI в. султанат Аче настойчиво боролся за торговый путь через Малаккский пролив. Главным соперником Аче были португальцы, обосновавшиеся в Малакке. Другим противником Аче был южномалайский султанат Джохор, претендовавший на роль преемника Малаккского султаната. В 1537 г. ачехский флот, сильно выросший при султане Алауддин Риайят-шахе, или ал-Кахаре (1530—1568), осадил португальскую Малакку, но был вынужден с большими потерями отступить [287, 37]. В 1547 г. ал-Кахар, оправившись от поражения, вновь осадил Малакку. Ачехский флот опустошил окрестности Малакки и перерезал сообщение города с внешним миром. Лишь ценой огромного напряжения сил португальцам удалось отбить это нападение. Ал-Кахар проявил себя незаурядным правителем. Он создал мощный флот, объединил против португальцев прибрежные княжества Суматры и установил связи с Турцией, откуда получил пушки и артиллеристов [292, 196—197]. В 1568 г. он вновь осадил Малакку, но помощь Джохора, находившегося в состоянии войны с Аче, позволила португальцам и на этот раз удержать город [311, 112].

Последняя треть XVI в. прошла в бесконечных войнах Аче с португальцами и Джохором. Несмотря на частые смены султанов на ачехском троне и некоторое ослабление влияния Аче на торговом пути через Малаккский пролив, султанат продолжал оставаться грозным противником португальских колонизаторов.

---

[6] Об истории средневекового княжества Дайя на Западном побережье Аче см. [343, 203—206].

Период расцвета Аче приходится на первую половину XVII в. В конце XVI в. в Юго-Восточной Азии появились соперники португальцев — голландские и английские колонизаторы. Местные государства, боровшиеся с португальцами и испанцами, пытались использовать появление их конкурентов в своих целях. Султан Алауддин, напавший на первую голландскую экспедицию братьев де Хаутман, появившуюся в 1599 г. в Аче, в последующие годы установил с голландцами дружеские отношения. Он освободил голландских пленников и направил в 1602 г. посольство в Нидерланды. Вслед за голландцами в Аче появились первые английские экспедиции [205, 26; 235, 37—38]. Голландцы и англичане были заинтересованы в установлении дружеских связей с сильным государством, которое занимало выгодные позиции на берегах Малаккского пролива и торговало перцем. Кроме того, они рассчитывали на помощь Аче в борьбе с португальцами. Султанат оказал поддержку голландской Ост-Индской компании в борьбе с португальской Малаккой: в 1629 г. ачехский флот осаждал эту крепость. Ачехские султаны умело использовали затруднения европейских колонизаторов, связанных борьбой друг с другом, для усиления своего государства. Султан Искандар Муда (1607—1636), воспользовавшись упадком могущества португальцев, которые с трудом отбивали натиск голландцев и Джохора, укрепил власть Аче в близлежащих княжествах Северо-Западной и Северо-Восточной Суматры. При нем и его преемнике Искандаре Тани (1636—1641) Аче достиг предела могущества. Султанат распространял свое влияние на западное и восточное побережье Суматры, почти до южной оконечности острова, его вассалами были княжества Малайи—Перак, Кедах, Паханг. Ачехские султаны контролировали районы производства перца и добычи олова — основных продуктов, вывозимых европейцами из Малайи и Суматры [287, 91—94]. Аче превратился в значительное торговое государство. Ачехские корабли плавали в Индию и даже к берегам Красного моря, в Аче встречались торговцы из Индии, Персии, Абиссинии, Турции, Аравии, Китая, Пегу, не говоря уже о малайцах и яванцах [314, т. I, 43]. В Аче прибывали посольства из Мекки, которых щедро одаривали ачехские султаны. В дружеских отношениях находился султанат с Турцией, откуда получал пушки, и с империей Великих Моголов, оказавшей несомненное влияние на нравы и церемониал ачехского двора [314, т. II, 252].

Превращение Аче в крупнейший на архипелаге торговый центр, приток иностранных торговцев, особенно мусульманских, рост военного могущества ачехских султанов — все это способствовало духовному подъему, проявившемуся в развитии литературы и мусульманской теологии. Связь с мусульманским миром помимо торговли обеспечивалась паломниками — хаджи, направлявшимися со всего архипелага через Аче в Мекку. Многие из них по возвращении оседали в Аче и усиливали влияние ислама в стране. Покровительство религии объяснялось и политическими соображени-

ями султанов конца XVI—XVII вв., которые боролись с «неверными» — христианами, язычниками — батаками и ниасцами и недостаточно ревностными мусульманами — минангкабау. Кроме того, ачехские султаны пытались ограничить власть наследственных феодальных владетелей Аче и своих вассалов, используя в этих целях внедрение мусульманского права (хукум) вместо обычного (адат) и поднимая авторитет духовенства как представителя центральной власти. Необходимо учитывать также довольно прочные традиции первых мусульманских районов на архипелаге, каковыми были княжества Северной Суматры. Ведь и в эпоху расцвета Малакки (XV в.) Пасей оставался местом, куда малаккские султаны отправляли послов для разрешения богословских проблем.

В XVII в. в Аче проник суфизм, оказавший огромное влияние на ачехский ислам. Суфизм, пришедший в Аче из Аравии и Индии, нашел отклик в народе, в котором были живы индуистские и буддийские традиции. Особенно привился в Аче, как и вообще на архипелаге, культ святых. Так, один из наиболее значительных мистиков XVII в., суматранец Абдуррауф из Сингкеля, написавший труды по шафиитскому праву, член суфийского братства шаттарийя (в которое он вступил в Мекке), после своей смерти превратился в почитаемого ачехцами святого Теунгку ди Куала [314, т. II, 247—248]. В суфийские братства — кадирия, накшбандия и др. — часто вступали ачехцы, совершавшие хадж. По возвращении на родину они распространяли идеи суфизма в Аче и сопредельных землях. Значительным явлением в религиозно-философской и литературной жизни Аче XVII в. было появление мистических пантеистских произведений Шамс уд-дина Пасейского и Хамзы Фансури [295; 170, 165—169].

С середины XVII в. начался упадок Аче. Государство, возникшее как конгломерат слабо связанных между собой территорий, которые сохранили свою государственность и общественную структуру и отношения которых с центром ограничивались выплатой дани, не было прочным. Как и все подобные образования, оно в значительной мере было обязано своим существованием благоприятной внешнеполитической обстановке. Как только эта обстановка стала изменяться, начался упадок государства, лишенного внутренней экономической спайки.

В 1641 г. голландцы сменили португальцев в Малакке. Надежды местных государей на избавление от торговой монополии колонизаторов не оправдались: мощная голландская Ост-Индская компания, укрепившись в Индонезии и Малайе, осуществляла эту монополию даже эффективнее, чем португальцы. Видя в Аче главное препятствие на пути установления господства над торговлей Малайи и Суматры, голландские колонизаторы вступили в борьбу с султанатом. Вначале они подорвали влияние Аче в княжествах Западной Малайи — центрах оловодобычи [338, 132]. В 60-х годах XVII в. голландцы нанесли Аче еще более сильный удар. В 1662 г. они заключили с рядом минангкабауских князей Западной Сумат-

ры Пайнанский договор, по которому получали монополию на торговлю перцем и освобождались от торговых пошлин во владениях раджей, подписавших договор [235, 46]. Аче не сумел отстоять свои вассальные владения на западном побережье Суматры и утратил контроль над районами производства перца.

Отпадение вассальных владений, упадок торговли и сокращение доходов немедленно вызвали внутренние осложнения в Аче. Слабые правители (точнее, правительницы) второй половины XVII в. не сумели справиться с сепаратистскими тенденциями не только вассалов, но и владетелей в собственно Аче, которые, потеряв доходы от торговли и участия в военных походах, стремились компенсировать их за счет увеличения административной, судебной и налоговой власти над крестьянством своих владений.

С конца XVII в. в султанате не стихали междоусобицы. В 1699 г. султанша Камалат-шах Зиятуддин была свергнута и султаном стал араб Бадр ал-Алам [205, 41]. Арабская династия в 1729 г. после междоусобной войны уступила место династии, основанной бугским феодалом, ставшим султаном под именем Алауддин Ахмад-шаха. Междоусобицы продолжались и при новой династии. Каждое из трех объединений (саги) феодалов собственно Аче поддерживало своих претендентов на престол, и в 60—70-х годах XVIII в. в Аче, например, было сразу три султана.

Ослаблением Аче попытались воспользоваться колонизаторы. Правда, голландцам, занятым войнами с государством Риау-Джохор и борьбой с английскими конкурентами, было в тот момент не до Аче. Но английская Ост-Индская компания после окончания Семилетней войны проявила серьезный интерес к созданию восточнее Бенгальского залива военной базы, которая могла бы также выполнять роль торговой фактории на пути в Китай [198, 66—67]. Еще в 1764 г. капитан Т. Форрест появился в Аче и вел переговоры о создании английской фактории. В 1772 г. власти Мадраса направили в Аче с таким же заданием посольство Э. Монктона [221, 18]. Еще одна миссия была направлена в Аче генерал-губернатором Индии Гастингсом в 1784 г. Захватив о-в Пинанг у султана Кедаха (1786) и затем Малакку у голландцев (1795), английские колонизаторы на некоторое время потеряли интерес к Аче как к возможной базе в Малаккском проливе.

Новая попытка Англии утвердить свое влияние в Аче связана с именем Томаса Стэмфорда Рафлза. После того как Англия в 1816 г. была вынуждена вернуть Нидерландам захваченные во время наполеоновских войн владения в Индонезии и Малайе, бывший губернатор Явы Рафлз стал губернатором Бенкулена, небольшой английской колонии на западном побережье Суматры. Т. С. Рафлз, находясь в Бенкулене, развернул кипучую деятельность по созданию английских колониальных владений на берегах Малаккского пролива. В январе 1819 г. Рафлз захватил Сингапур, а в апреле того же года заключил с султаном Аче договор, который ставил султанат под английский контроль.

В 1815 г. в Аче произошел очередной переворот: при поддержке калькуттской торговой фирмы «Палмер и К⁰» трон захватил сын торговца, происходящего по женской линии от султанши Камалат-шах, свергнутой в конце XVII в. Нового султана Шариф ал-Алама поддержала часть ачехской знати, тогда как многие феодалы Великого Аче и вассальных княжеств оставались на стороне свергнутого Алауддин Джаухар ал-Алама [311, 233]. Последний обратился за помощью к англичанам, и Рафлз убедил генерал-губернатора использовать удобный случай для утверждения в Аче. В результате 22 апреля 1819 г. между Джаухар ал-Аламом и Рафлзом был заключен договор, по которому англичане обещали помочь свергнутому султану в борьбе за трон. В обмен Джаухар ал-Алам предоставлял английским подданным право свободной торговли в важнейших портах Аче, место для торговой фактории и обязался не допускать в свои владения представителей других западных наций [205, 47—48] [7]. Опираясь на договор, английские колонизаторы расширили торговлю с Аче [34, 165—166] и укрепили свое влияние на восточном побережье Суматры, куда в 1823 г. был отправлен со специальной миссией крупный чиновник из Пинанга Джон Андерсон [8].

Но раздел сфер влияния в Юго-Восточной Азии с Голландией помешал Англии закрепиться в Аче. Будучи заинтересована в том, чтобы иметь союзника в Европе и надеясь выторговать у Голландии признание свободы торговли в Индонезии, Англия решила не претендовать на колонии на архипелаге. Согласно статьям IX и XII договора от 17 марта 1824 г., англичане передавали Голландии Бенкулен и все владения на Суматре, а также обязались не создавать на Суматре своих поселений и не заключать договоры с тамошними правителями [198, прил., 191—192]. Слабая в военном отношении Голландия была рада заключить соглашение с самым серьезным своим конкурентом, который к тому же мог защитить ее восточные владения от посягательств других держав. Поэтому Нидерланды уступили Англии свои фактории в Индии, отдали Малакку и отказались от притязаний на Сингапур. Англичане добились также режима наиболее благоприятствуемой нации в Индонезии и признания свободы торговли на всем архипелаге (за исключением Молуккских о-вов). Хотя договор 1819 г., предоставляющий Англии особые права в Аче, утратил силу в связи с англо-голландским соглашением, англичане настояли на том, чтобы голландская сторона признала независимость Аче и обязалась не предпринимать против него враждебных действий [95, т. I, 390]. Английские колонизаторы рассчитывали при благоприятных обстоятельствах возобновить свои притязания на Северную Суматру, обладание которой обеспечивало им господство по обеим сторонам Малаккского пролива.

[7] Текст договора см. [34, прил. II, 217—221].

[8] Наиболее полное описание событий в Аче первой четверти XIX в. см. в книге Дж. Андерсона [34, 22—158].

Султан Аче Джаухар ал-Алам умер в начале 1824 г. После его смерти вспыхнула обычная для Аче борьба за престол между группировками знати, и султаном был избран старший сын покойного Туанку Дауд, принявший имя Алауддин Мохаммад Дауд-шах. Братья султана добились права получения в свою пользу торговых пошлин в ряде важнейших пунктов Западного и Восточного берега Аче и занимались пиратством, фактически выйдя из-под контроля центральной власти [34, 152—153].

В 1838 г., после смерти султана Алауддин Мохаммад Дауд-шаха I, в Аче начались серьезные усобицы. Знать столичной области, а также раджи вассальных княжеств поддержали брата бывшего султана — Алауддин Ибрахим Мансур-шаха. Феодалы горных областей выдвинули кандидатуру сына покойного султана, принявшего имя Алауддин Сулейман Искандар-шах. До смерти последнего в 1858 г. в Аче не стихала междоусобная война, в ходе которой центральная власть еще более ослабла.

Общественная структура Аче

Общественный строй Аче отличался рядом особенностей, которые сказались на характере сопротивления народа голландским захватчикам.

Родовые и территориальные связи

К началу войны родовые связи, хотя и играли значительную роль в ачехском обществе, особенно в горных районах, тем не менее повсеместно уступили решающее место связям территориальным. Каждый ачехец относился к одной из четырех родовых групп, именуемых «кавом» или «суке»[9]. Кавом включал в свой состав всех тех, кто по мужской линии происходил от одного предка (реально или предположительно) [142, т. I, 45].

В описываемое время сохранились лишь остатки брачных и иных ограничений, действовавших внутри кавомов. Сохранилось и противопоставление трех кавомов кавому Имам Эмпат — видимо, отголосок борьбы между родовыми конфедерациями в Аче. Территориально кавомы давно уже перемешались, и невозможно соотнести определенный кавом с той или иной областью Аче. Жители прибрежных районов, особенно столичной области, в конце XIX в. часто не знали, к какому кавому они относятся [142, т. I, 47].

Если территориальное и политическое влияние кавомов было незначительным, то в социальной жизни Аче они продолжали играть заметную роль. Именно кавомы регулировали столь важные в жизни ачехского общества кровную месть (била) и «цену крови», вергельд (диёт) [286, 228].

---

[9] Тига Ратус, Чут (Джа или То) Санданг, Джа (То) Бату и Имам Эмпат.

Кровная месть затрагивала всех членов кавома, проживающих в данной местности. Даже в прибрежных районах она была явлением повседневной жизни, и это в немалой степени способствовало сохранению здесь роли кавомов. В горных же областях — саги XXII, Пиди и др., — где кровная месть была еще более распространена, система кавомов действовала весьма эффективно. Через кавомы осуществлялись социальные связи горцев и прибрежных жителей: первые собирали деньги для уплаты вергельда в прибрежных районах, а вторые прибегали к помощи горцев для борьбы с кровниками.

Члены одного и того же кавома, проживающие в какой-либо местности, выбирали главу — панглиму кавома, который решал дела, относящиеся к кровной мести. Поскольку кровная месть продолжала составлять весьма важную характеристику ачехского общества, а по традиции кровные споры решались, как правило, без вмешательства территориальных вождей, влияние панглимы кавома в горных районах было значительным. Обычно территориальные вожди считались с главами кавомов и не предпринимали серьезных действий без совещания с ними [279, 389]. Вместе с тем выбор главы кавома в описываемое время полностью зависел от владетельного феодала — улубаланга. Последний утверждал главу кавома и одаривал его одеждой и оружием, что, по ачехским обычаям, ставило панглиму кавома в определенную зависимость от улубаланга [142, т. I, 46]. В прибрежных районах назначение глав кавомов происходило редко, но в горных областях панглима кавома встречался повсеместно. Это свидетельствовало о разрушении родовых связей в более развитых областях Аче и о сохранении остатков родовой организации во внутренних районах султаната. В последующем, в годы войны, это обстоятельство сыграло немаловажную роль в характере народного сопротивления: более тесно спаянные горцы составили костяк антиголландского движения.

В целом к началу Ачехской войны различия между кавомами постепенно устранялись. Война способствовала интенсификации этого процесса. Во время борьбы с колонизаторами даже в горных районах кавомы забывали свою вражду и выступали против врага плечом к плечу [279, 389].

Деревня

Основной социальной единицей в Аче была деревня — кампонг (по-ачехски «гампонг»). Ачехская деревня состояла из нескольких десятков беспорядочно разбросанных усадеб. Усадьбы, включавшие жилые и хозяйственные постройки и сады, отделялись одна от другой изгородями. Весь кампонг также окружался изгородью и воротами.

Ачехский кампонг был соседской общиной, в которой могли жить представители разных кавомов. В состав кампонга входили не только дома и сады, но и окружавшие деревню поля и лес (в

том числе джунгли в горной части Аче). Совокупность обрабатываемых рисовых полей, принадлежавших кампонгу, именовалась бланг. Необрабатываемые участки (паданг), которые встречались главным образом во внутренних областях Аче, также принадлежали кампонгу. Бланг делился на участки (умонг) отдельных семей. Переделов земли в ачехской деревне не было, каждая семья (обычно большая) владела землей в течение поколений, могла делить свой участок, продавать и закладывать его, передавать по наследству и т. д.

Свидетельством существования соседской общины было преимущественное право односельчан на покупку продаваемого в кампонге земельного участка; в случае продажи земельного участка его владелец должен был уведомить своих соседей, от которых требовалось согласие на продажу [142, т. I, 288]. Об этом же говорят правила выпаса скота. После сбора урожая риса бланг становился общей собственностью деревни, каждый житель которой мог свободно пасти на нем свой скот. Владелец умонга, желавший использовать свой участок для выращивания промежуточных культур, должен был обнести его изгородью; в противном случае он не имел права жаловаться на потраву. С другой стороны, в ачехской деревне существовали строгие правила, касающиеся выпаса скота в период от посадки до сбора риса [142, т. I, 258—259]. Как и запрещение чужому скоту вторгаться на огороженные участки (поля или сады), эти правила свидетельствовали об устойчивости индивидуального землевладения и землепользования в Аче.

Во главе ачехского кампонга стоял староста — кечик (по-ачехски «кеучи» — старый). Он ведал всеми адатными делами деревни, кроме тех, что касались кровной мести. Семейные дела, земельные споры, урегулирование внутридеревенских конфликтов, установление сроков праздников, распределение мяса убитых животных — таков был обычный круг обязанностей именуемого «отцом деревни» кечика [286, 227]. Староста зависел от владетельного феодала — улубаланга, который назначал его и мог в любой момент лишить поста. Но одновременно кечик представлял интересы односельчан, защищая свой кампонг и от назначившего его улубаланга. Именно это обеспечивало старосте поддержку деревни. Власть кечика была практически неограниченной во всем, что касалось обычного права — адата, знание которого сосредоточивалось в семье старосты, поскольку в таких случаях адат выражал интересы большинства деревни. Но даже наиболее влиятельные кечики практически не могли заставить односельчан повиноваться распоряжениям, которые шли вразрез с установившимися традициями и интересами кампонга [142, т. I, 65].

Показательно, что в мусульманской стране, какой был Аче, брачными проблемами ведали не духовные лица, а светский староста, так как эти вопросы относились не к религиозному (хукум), а светскому (адат) закону. Для ачехской деревни, основанной на

матрилокальном браке, особое значение представляло удержание женщин в кампонге. Обилие населения было важнейшим фактором процветания кампонга, поэтому адат ограничивал (в противовес хукуму) свободу брака. Кечик принимал меры, чтобы воспрепятствовать уходу женщин из деревни (даже когда мужчина уходил работать на перечные плантации на побережье, его жена оставалась в деревне, а не следовала за мужем), одновременно всячески поощряя женитьбу мужчин из других кампонгов на жительницах своей деревни [252, т. I, 13—14].

Несмотря на связи с улубалангами (часто и родственные), кечики в Аче были в первую очередь представителями кампонга, причем выражали его наиболее общие интересы — иными словами, как правило, кечики легко улавливали настроения деревенского большинства и действовали в целом в соответствии с этими настроениями. Это обеспечивало кечикам необычайную устойчивость в условиях ачехского общества. Не удивительно, что кечики — основа деревенской верхушки — стали одной из опор антиголландского сопротивления на этапе образования теократического государства Самана, отвечавшего в тот период интересам широких крестьянских масс Аче.

Доходы кечика свидетельствовали о характере его власти как арбитражной и общественно полезной по преимуществу. Статьи этих доходов указывали на «несобственнический» их источник и вытекали из управленческих и социальных функций. Согласно ачехскому адату, должность кечика считалась почетной, и непосредственные доходы от нее были весьма скудны. Они состояли из платы за дозволение женщине кампонга выйти замуж (четвертая часть испанского доллара, или 1 мас) и небольших подарков от улубаланга, которому кечик передавал судебные дела или дела о разделе наследства [142, т. I, 66]. Но, заботясь об интересах своего кампонга и не желая, как и другие его жители, вмешательства улубаланга в дела деревни, кечик стремился по возможности не доводить судебные дела до улубаланга. Крестьяне также с большей охотой обращались к своему кечику, чем к улубалангу, который взимал большие судебные пошлины. Суд кечика обходился дешевле и, главное, ограничивал вмешательство феодалов в деревенские дела. Получал кечик и «подарки, укрепляющие дружбу», за советы, которые он давал в соответствии с адатом, за обязанности опекуна и т. п. Немалым подспорьем для старосты служило бесплатное угощение на всех семейных торжествах и деревенских праздниках.

Обычно в Аче кечик ведал одной деревней. Но иногда община-кампонг состояла из нескольких деревень, и тогда в каждой из них действовал ваки, подчинявшийся кечику.

Вторым после кечика лицом в ачехской деревне был теунгку, или, точнее, теунгку меунасах. Теунгку формально ведал религиозными делами и шариатским законом (хукум) в кампонге, но фактически его роль явно не укладывалась в рамки, отведенные

мусульманскому священнослужителю, и он был скорее жрецом-шаманом и адатным лицом, нежели уламой в точном значении этого слова. Положение и роль теунгку ярко свидетельствуют о подчиненной роли шариата и религии в такой, казалось бы, наиболее «исламской» части Индонезии, какой был Аче, и о своеобразном приспособлении ислама к домусульманским институтам и верованиям.

В каждом кампонге имелось здание, именуемое «меунасах» (от арабского «мадрасах» — духовная школа), которое многие исследователи принимали вначале за мечеть; в некоторых кампонгах таких зданий было несколько. Это было обычное ачехское жилище, но без окон и деления на три части [252, т. II, 47]. Хотя формально это здание считалось религиозным и было предназначено для совместных молитв, фактически оно являлось не чем иным, как мужским домом, характерным для всего малайско-полинезийского мира. Меунасах служил своего рода деревенским клубом, где взрослое мужское население собиралось по вечерам; в дневное время здесь была школа. В меунасах ночевали люди, прибывшие в кампонг в гости или по делам; наконец, там проходили деревенские собрания, устраивались праздники, заключались брачные контракты. Все эти свои функции мужской дом сохранил еще от доисламских времен. С приходом ислама изменилось его название и добавилась еще одна функция — быть местом ежедневных молитв. Но показательно, что, как правило, ачехцы в меунасах не молились и даже в месяц поста по-настоящему религиозные люди старались в час вечерней молитвы оказаться подальше от меунасах [142, т. I, 62]. Там, где деревенские власти отличились религиозным рвением, они могли принудить юношей к совершению в меунасах вечерних молитв или даже ночных бдений, но в большинстве случаев этого не происходило и мужские дома сохраняли свои адатные, а не религиозные функции.

Естественно, что связанный с меунасах теунгку в таких условиях был не мусульманским священнослужителем, а скорее жрецом-шаманом, деревенским церемониймейстером, хотя в ряде случаев он мог использовать свое формальное положение для возвышения в качестве мусульманского духовного лица. Ачехские пословицы: «Кечик — отец, теунгку — мать кампонга» и «Хукум и адат неразрывны, как сущность и атрибуты бога» — довольно точно выражают положение теунгку меунасах. Будучи после внедрения ислама наделен функциями мусульманского священнослужителя, теунгку тем не менее остался адатным должностным лицом ачехского кампонга. Хукум вообще играл подчиненную роль в деревне, вся жизнь которой определялась адатом [142, т. I, 72—73]. Показательно, что должность теунгку была, как правило, наследственной и теунгку мог не обладать знанием Корана и тем более других религиозных книг. Ученость теунгку увеличивала его доходы, но не являлась необходимым атрибутом должности. Теунгку заботился о меунасах, совершал брачные и похоронные обряды, органи-

зовывал деревенские праздники, наблюдал за ритуальным убоем животных, давал советы при болезнях и иных несчастьях. В том случае, если теунгку не был достаточно сведущ в религиозных вопросах (а в Аче это было повседневным явлением), он передавал часть своих функций более образованному человеку, сохраняя, однако, за собой должность и уступая лишь часть своих доходов.

Помимо вотивных даров, которые уходили из рук теунгку в случае его некомпетентности в религиозных вопросах, и бесплатного угощения на многочисленных праздниках теунгку меунасах получал денежные подарки (как и кечик) во время бракосочетания, а также погребальный взнос; кечик делился с теунгку частью своих доходов, получаемых при передаче судебных дел улубалангу или имаму.

Но теунгку извлекал часть доходов и в виде религиозных налогов, обычных для мусульманских стран,— фитры и закята. Фитра (питрах) уплачивалась жителями ачехского кампонга в конце поста в размере двух аре риса (около 2,6 *кг*) с каждого члена семьи, включая детей и рабов [142, т. I, 238]. Хотя питрах считался специфически мусульманским религиозным сбором, видимо, он существовал и в доисламские времена. На это указывает его характер: глава семьи уплачивал питрах в качестве взноса для участия в деревенских празднествах. Вероятно, некогда в ачехской деревне жрец-шаман собирал зерно для проведения праздников, постепенно этот сбор превратился в устойчивый налог на его содержание и в качестве такового сохранился в мусульманском Аче, приняв название фитры. Хотя по шариатским нормам фитра должна была взиматься натурой, в Аче, где товарно-денежные отношения достигли известного развития, этот налог собирался в денежной форме [142, т. I, 240].

Если фитра восходит к доисламским временам, то другой религиозный налог — закят (ачехское «джакеуёт») явился следствием победы мусульманства в Аче. Закят не был таким регулярным налогом, как фитра, и его взимание в значительной мере зависело от силы и авторитета деревенских и вышестоящих властей. Формально закят составлял десятую часть собранного риса, одну голову скота из каждых сорока, двенадцатую часть промытого золотого песка и 2,5% прибыли от торговых операций [279, 413]. В довоенном Аче практически собирался только закят с земледельцев, и лишь во время войны уламы и деревенская верхушка распространили этот налог на остальные виды производственной деятельности населения.

Согласно господствовавшему в Аче шафиитскому толку ислама, закят делился на восемь частей [142, т. I, 269—270] [10], из которых

---

[10] К. Ф. ван Ланген, считая, что закят делится на четыре части, исходил, видимо, не из формального, а фактического раздела закята в довоенном Аче [279, 413].

лишь одна шла теунгку меунасах. До перехода руководства антиголландским сопротивлением в руки духовенства и деревенской верхушки львиную долю закята, превратившегося в налог, взимаемый владетельным феодалом, получал собиравший его улубаланг, а теунгку оставалась лишь та часть, которая должна была идти бедным (пакир) и нуждающимся (мискин). Тем не менее и до войны деревенская верхушка в Аче получала значительные доходы от закята. По свидетельству некоторых источников, питрах и закят делились между кечиком и теунгку [279, 414], что лишний раз подтверждает слабую расчлененность адатных и шариатских норм в ачехской деревне и подчиненную роль чисто мусульманских институтов.

В своей деятельности кечик и теунгку опирались на деревенский совет, состоящий из старейшин — оранг туа (ачехское «уреуёнг туха»). Старейшинами были самые почитаемые и влиятельные люди деревни; естественно, что имущественное положение играло при этом не последнюю роль. Оранг туа должен был строго соблюдать морально-этические нормы, принятые в ачехском кампонге. Как правило, старейшинами были старики или пожилые люди, но иногда ими становились молодые люди из влиятельных семей. Членов деревенского совета не выбирали, число их могло быть самым различным. Выдвижение в старейшины зависело от традиций семьи, мнения односельчан, необходимости для кечика и теунгку считаться с тем или иным человеком; здесь действовал весьма сложный и в то же время простой механизм выработки общественного мнения в кампонге, на котором базировалась власть деревенской верхушки.

Деревенские дела обсуждались в присутствии всех желающих принять в этом участие жителей кампонга. Вообще ачехское общество сверху донизу пронизывалось принципом, именуемым «мупакат» («единодушие»): вопросы решались не голосованием, а посредством выработки единого согласованного решения [142, т. I, 76—77]. Даже владетельные феодалы обсуждали важнейшие дела только в присутствии представителей населения — деревенской верхушки.

В кампонге же все жители имели право голоса при обсуждении различного рода вопросов. Практически, как и всегда в социальных структурах подобного типа, решающая роль принадлежала верхушке, владевшей к тому же ораторским искусством, высоко ценимым в Аче. Но конечно, само сохранение принципа «мупакат» свидетельствовало о прочности демократических традиций, особенно в основной социальной ячейке ачехского общества. Вне сомнения, сплоченность и внутренняя спайка деревни, отсутствие резкого антагонизма между ее верхушкой и основной массой, наиболее талантливые представители которой довольно легко получали доступ к решению жизненно важных для деревни проблем, в немалой степени способствовали превращению ачехского кампонга в основу антиголландского сопротивления.

Класс феодалов

Ачехская знать состояла из двух основных групп — наследственных вождей и султанской семьи. Ядро первой группы составляли владетели определенных территорий — имамы и улубаланги, иногда объединяемые под общим названием адатной знати (в противовес уламам — духовной элите ачехского общества). Различные по происхождению, имамы и улубаланги накануне войны слились в единый слой феодальной знати Аче.

Кампонги в Аче объединялись в территориальные единицы — мукимы. Главой мукима являлся имам (ачехское «имеум»). Число деревень, входящих в муким, могло быть самым различным; традиционно считалось, что в мукиме должно быть около тысячи мужчин, способных носить оружие [279, 391]. Мукимы появились в Аче с исламом. Согласно шафиитскому толку мусульманского закона, для пятничной молитвы необходимо присутствие по крайней мере сорока взрослых мужчин; с другой стороны, закон требует от каждого совершеннолетнего свободного мужчины посещать пятничную службу, даже если последняя происходит на некотором расстоянии от его жилища. Первоначально мукимы и были объединениями верующих вокруг мечети (не меунасах, а месджид), находившейся в кампонге или вне его, а имам — главным лицом в мечети и организатором пятничной службы.

В эпоху усиления центральной власти в султанате, т. е. в первой половине XVII в., ачехские султаны разделили на мукимы всю территорию Аче, стремясь ограничить власть владетельных улубалангов путем распространения института имамов, зависящих от центральной власти и действующих как религиозные наставники населения. Но скоро имамы стали превращаться в наследственных владетелей мукимов, а последние — трансформироваться в территориальные феодальные единицы. К. Снук Хюргронье считал, что уже в 30—40-е годы XIX в. имамы превратились в «маленьких улубалангов» [142, т. I, 84]; в известной ачехской героической поэме «Хикаят Почут Мухамат», рассказывающей о междоусобной борьбе в Аче в середине XVIII в., мы находим имамов, которые действуют как военные предводители в своих мукимах; в этой поэме имамы — такие же владетели, как улубаланги, власть которых признавали далеко не все формально подчинявшиеся им имамы [142, т. II, 92—97].

Трансформация должности имамов — характерный пример поглощения традиционными формами ачехского общества новых институтов, которые утверждались, лишь найдя место в традиционной структуре. Религиозный институт, созданный с целью политической и идеологической консолидации султаната в эпоху подъема центральной власти, превратился в адатный орган, воспринимавшийся ачехцами во второй половине XIX в. как устойчивое образование в социальной структуре, ничего общего с религией и централизацией не имеющее. К началу войны и в течение самой

войны имамы были адатными вождями [142, т. I, 85]. Отношения имама с вышестоящим владетелем — улубалангом — зависели от конкретного соотношения сил. Как правило, имамы признавали верховенство «своего» улубаланга, выступали с воинами по его зову, передавали ему судебные сборы и торговые пошлины. Но часто, особенно в периоды усобиц, имам стремился стать независимым от улубаланга владетелем, по своему усмотрению выступая на стороне одной из враждующих партий [142, т. I, 87]. Накануне войны таким владетелем был, например, имам мукима Чадэ — самый влиятельный сторонник потерпевшего поражение претендента на ачехский престол [142, т. I, 85]. Один из наиболее выдающихся деятелей ачехского сопротивления, Теуку Раджа Хусин, обычно именуемый Имамом Лонгбатским, по влиянию и могуществу не уступал самым значительным улубалангам Великого Аче. Война с голландскими захватчиками предоставила многим имамам, теснее, чем улубаланги, связанным с деревенской верхушкой, благоприятные возможности для выхода из-под юрисдикции улубалангов.

После окончания первой мировой войны, когда голландцы провели унификацию административной системы, в Великом Аче было 58 имамов, подчиненных улубалангам, и 22 имама на правах улубалангов [271, т. 2, 195]. По-видимому, эти цифры можно принять и для Аче конца XIX в., поскольку колонизаторы, как правило, не перекраивали границ феодальных владений.

Верхний ярус наследственной адатной знати составляли улубаланги (ачехское «улеёбаланг»), само название которых — военный предводитель — указывает на их происхождение от военных вождей родо-племенных конфедераций. По-видимому, уже в XVII в. улубаланги были владетельными феодалами, обладавшими военной, судебной, налоговой и административной властью в своих областях. Даже могущественные султаны первой половины XVII в. сумели навязать улубалангам лишь определенные ограничения, но так и не смогли сломить их власти.

Владения улубалангов в Аче XIX в. назывались по титулу владетеля или определялись числом мукимов, первоначально входивших во владение: IX мукимов Тунгкуп, III мукима Олех Каранг, VII мукимов Ату, VII мукимов Бант и т. п. Обычно в улубалангство входило большее число мукимов, чем то, которое формально в нем значилось. Всего в Великом Аче до войны было примерно 25—30 улубалангств.

Улубаланги предводительствовали ополчениями своих владений, сохранив первоначальные функции военных вождей. Они являлись администраторами и судьями, и поступления от штрафов и различных пошлин составляли едва ли не главную статью доходов улубалангов Великого Аче. Все судебные дела, которые по каким-либо причинам не могли быть решены на уровне кавома и деревенских властей, поступали на рассмотрение улубаланга. Последний заставлял деревенскую общину платить также особый

штраф за нераскрытые кражи [142, т. I, 117]. Улубаланг получал 1% от стоимости продаваемых в деревнях рисовых полей, а также 10% наследства в том случае, если между наследниками возникали споры, которые урегулировались улубалангом; к улубалангу часто обращались кредиторы, которые не могли получить свои долги,— в этих случаях улубаланг получал от трети до половины взимаемой с должника суммы [142, т. I, 116]. Естественно, улубаланги стремились расширить свою юрисдикцию, вмешиваясь в дела кампонгов, поскольку это приносило им значительные доходы.

Важным источником доходов феодалов, особенно в прибрежных районах, служило взимание торговых пошлин. Формально взимание пошлин было прерогативой султана, который делился доходами от торговли с владетельными феодалами. Кодекс XVII в. точно определял долю каждого из владетельных феодалов Великого Аче в торговых пошлинах [279, прил. А, 446—447], практически же в XIX в. каждый владетель собирал все торговые пошлины в свою пользу, и лишь вассалы султана на побережье (вне Великого Аче) передавали часть пошлин в казну. Улубаланги взимали пошлину в размере 1 исп. долл. с каждого судна, плававшего по рекам в их владениях, 5-процентную пошлину с иностранных судов и 2—2,5-процентную—с товаров, продаваемых местными жителями [142, т. I, 117]. В пользу улубалангов шел также специальный рыночный сбор, взимавшийся с торговцев на многочисленных базарах.

Улубаланги облагали налогами различные виды производственной деятельности жителей своих владений. Так, они взимали (в зависимости от местности) пошлины с продажи дров, кирпича, кокосового масла, бетеля и т. д., получали налог с рыбаков и крестьян, выращивающих перец. Земельного налога в точном смысле этого слова в Аче не существовало. Улубаланги не взимали постоянного налога с рисовых полей, находившихся во владении деревенских общин. Лишь на побережье, где выращивался перец — товарная культура, феодалы брали твердый налог в размере одного пикуля с человека [142, т. I, 118]. Устойчивым поступлением стала для улубалангов часть питраха и закята. Существовало большое число нефиксированных подношений крестьян своим феодалам: подарки рисом и фруктами от первого урожая, подношения по случаю торжеств в семье улубаланга и т. п. Жители владения были обязаны улубалангу также натуральными службами: они бесплатно сооружали для него жилища и укрепления, строили мосты, дороги, обрабатывали его рисовые поля.

Накануне войны продолжало складываться частное землевладение ачехских феодалов. Этот процесс усилился в обстановке междоусобиц XVIII—XIX вв., развития товарно-денежных отношений и ослабления центральной власти. Важным источником формирования феодального землевладения на удобных рисовых полях был захват участков, принадлежавших султанам [142, т. I, 122]. В условиях ослабления центральной власти феодалы превращали эти земли в свою собственность и взимали с них налог (васэ) в

размере одной трети урожая. Феодалы широко использовали сложившееся в малайско-индонезийском мире правило, согласно которому человек, расчистивший участок леса, становился владельцем этого участка. Используя труд крестьян, рабов и зависимых людей, улубаланги и имамы расчищали джунгли и становились собственниками новых земель. Особенно широкое распространение такая практика получила на побережье, где выращивался перец. Здесь феодалы привлекали на свои земли крестьян из Великого Аче, которые платили собственнику половину урожая [147, т. IV(2), 355].

Постепенно феодалы переходили к прямому наступлению на сельскую общину, используя для этого свою административную и судебную власть. Нарушая права общины, могущественные имамы и улубаланги захватывали выморочные земли, а также приусадебные участки ушедших из деревни жителей [142, т. I, 115, 117]. Широко использовали феодалы правило «ланггех умонг», по которому человеку, совершившему проступок, запрещалось обрабатывать свое рисовое поле до тех пор, пока он не уплатит штраф. Поскольку часто крестьянин был не в состоянии выплатить налагаемую улубалангом значительную сумму, поле забрасывалось, и постепенно улубаланг начинал его обрабатывать с помощью своей челяди или сдавать участок исполу. Через несколько лет такая земля становилась полной собственностью улубаланга [142, т. I, 115]. «Ланггех умонг» применялся при проступках, связанных с борьбой ачехского крестьянства со своими феодалами, например когда крестьянин поднимал руку на члена семьи или челядинца улубаланга. Снук Хюргронье свидетельствовал, что улубаланги часто прибегали к провокациям, чтобы захватить у жителей кампонга их собственность, и что многие улубаланги считались «очень опытными в захвате рисовых полей» [142, т. I, 115].

В Аче начали появляться и собственные хозяйства феодальной знати, работы в которых выполнялись рабами или окрестными жителями, однако размеры этих хозяйств были незначительны. Основная масса частновладельческих земель сдавалась в аренду малоземельным или безземельным крестьянам или посаженным на землю рабам на условиях испольщины. Хотя трудно определить размеры земельной собственности феодалов, процесс ее складывания и наступления феодалов на общину накануне войны принял значительные масштабы. Об этом свидетельствуют повсеместное недовольство засильем улубалангов, наблюдаемое в Великом Аче, и легкость, с которой духовенство и деревенская верхушка сумели сломить силу и влияние знати в ходе войны.

Улубаланги делились на три группы. Первую составляли собственно улубаланги — наследственные феодальные владетели Великого Аче. Ниже шли так называемые улубаланги султана, чьи владения располагались в султанском домене или возникли в результате утраты владетельными улубалангами части своей территории. Еще менее высокий статус был у раджей вассальных при-

брежных владений, которых владетели Великого Аче рассматривали не как улубалангов, а как кеджуруанов (наместников) и мантри (чиновников). В действительности могущественные прибрежные владетели вроде раджей Пиди, Тенома или Симпанг Улима не только не уступали феодалам Великого Аче, но часто даже превосходили их силой и влиянием.

Великий Аче, за исключением султанского домена, делился на три части — саги, бывшие объединениями улубалангств. Саги назывались по числу мукимов, первоначально входивших в них: саги XXV мукимов, саги XXVI мукимов и саги XXII мукимов[11]. Во главе саги стоял панглима, обычно один из наиболее могущественных улубалангов этого саги. Происхождение саги и их глав неясно. Снук Хюргронье считал, что конфедерации улубалангов существовали еще до создания централизованного государства в XVII в. [142, т. I, 91]. Напротив, ван Ланген полагал, что разделение на саги было предпринято султанами и что первоначально панглимы саги являлись султанскими наместниками [279, 392]. Так или иначе в XIX в. панглимы саги были крупнейшими ачехскими феодалами, которые возглавляли ополчение своих саги, участвовали в выборах султана, выступали представителями улубалангов своего саги при решении государственных дел.

Старшим среди панглим считался панглима саги XXII, носивший титул Панглима Полим Муда Сетиа Перкаса. По преданию, род Полимов восходил к сыну Искандара Муды и абиссинской рабыни, который был старшим братом наследника престола («полим» — старший брат). Род Полимов особенно усилился в период усобиц в первой четверти XVIII в., и к началу войны Панглима Полим Чут Банта[12] был самым могущественным феодалом Великого Аче. Полимы всячески подчеркивали свою самостоятельность по отношению к центральной власти, месяцами не являлись ко двору, обращались к султанам иначе, чем другие улубаланги, и т. д. [142, т. I, 135]. Местопребыванием Полимов был кампонг Глиёнг, земли вокруг которого составляли их удел; кроме того, улубалангства-мукимы Айер Аланг и Махинг также находились под управлением членов семьи Полимов, а улубаланги V мукимов Монтасик были их родственниками [279, 408—409]. Самым влиятельным феодалом саги XXII после Панглимы Полима являлся владетель области VII мукимов Баит [105, 31—35].

Власть главы саги XXII была прочнее, чем власть панглим других саги, что объяснялось большей сплоченностью населения этого района — воинственных жителей горных кампонгов, видевших в Полимах скорее клановых вождей, нежели феодалов. Кроме того,

---

[11] К началу войны в саги, как и в улубалангствах, действительное число мукимов превышало номинальное: например, в саги XXII было 37 мукимов, а если считать с VII мукимами Пиди (где на самом деле было 9 мукимов), то целых 46.

[12] В дальнейшем он обычно именуется Панглима Полим I, так как в Ачехской войне активно действовали представители трех поколений этой семьи.

сам процесс феодализации протекал в саги XXII гораздо медленнее, чем в прибрежных районах, и противоречия крестьянства и знати были здесь выражены менее резко. На замедленность процесса феодализации указывает, в частности, существование в саги всего лишь двух крупных улубалангств (VII мукимов Баит и V мукимов Монтасик); остальная территория делилась почти на 20 мелких улубалангств-мукимов, в значительной мере совпадавших с родовым делением. Более тесная связь с населением своего саги и более слабое развитие частного феодального землевладения позволили Полимам и другим феодалам саги XXII поддерживать свой авторитет в крестьянской среде даже в годы существования теократического государства и всеобщего падения авторитета улубалангов.

Саги XXV мукимов занимал территорию в северо-западной части Великого Аче, в непосредственной близости от султанского домена. Глава саги носил титут Панглима Теуку Муда Сетиа Улама [105, 6]. Панглима Абас, возглавлявший саги XXV в последней четверти XIX в., не обладал серьезным влиянием. В саги XXV наиболее далеко зашел процесс укрепления власти улубалангов, превращавшихся в частных феодальных собственников, и это сказалось на положении панглимы саги, который не был ни самым богатым, ни самым влиятельным феодалом саги XXV. Во время крупной междоусобной войны 1838—1858 гг. прилегающая к султанскому домену область, которой владели улубаланги из рода Нек, оказалась разделенной на три владения. Прибрежная Мераса осталась у семьи Нек, глава которой носил титул Теуку Нек Раджа Муда Сетиа. Основная часть удела — VI мукимов — оказалась в руках «нового человека» по имени Теуку Нанта Сетиа, выдвинувшегося во время междоусобной войны, в которой он боролся на стороне раджи Сулеймана против султана Ибрахима. Наконец, в части владения семьи Нек за рекой Чангкул утвердился Теуку Чут Банта, бывший военачальник рода Нек [322, 22—26]. Крупным владением в саги XXV были IX мукимов, где правили улубаланги из рода Пурба Вангса.

В саги XXVI мукимов, охватывающем северо-восточную часть Великого Аче, за власть панглимы боролись две семьи, соперничество которых также восходило ко времени междоусобной войны 1838—1858 гг. Султан Ибрахим Мансур-шах (1838—1870) утвердил наследником умершего панглимы саги его сына, известного под именем Теуку Муда Лампасейский. Часть улубалангов не подчинилась этому решению и избрала главой саги младшего брата покойного панглимы — Теуку Ламронгского [142, т. I, 135]. Борьба продолжалась и после начала войны, оказав влияние на поведение улубалангов саги XXVI в период голландской агрессии. Власть панглимы в саги XXVI, как и в саги XXV, не была значительной, хотя в целом панглимы саги XXVI пользовались несколько бóльшим влиянием на улубалангов. Самым крупным улубалангом в саги XXVI был владетель XIII мукимов Тунгкуп, носивший титул

Теуку Имам Тунгкуп[13]. Другим значительным владением были XIII мукимов Олех Каранг.

Между владетельными феодалами и простым населением находилась довольно многочисленная прослойка дружинников и должностных лиц улубалангов. Верхний ярус этой прослойки составляли банта — младшие братья или другие родственники владетелей. Они от имени улубалангов управляли теми или иными районами их владений, помогали им в судебных и военных делах, причем нередко выкраивали себе отдельные владения — об этом говорит титулатура многих улубалангов, в которой встречается слово «банта».

Далее шли панглимы пранг — военные панглимы, которые являлись предводителями отрядов улубаланга или известными своей храбростью и силой дружинниками. Они получали оружие от владетельных феодалов и являлись по их зову в случае возникновения военных действий. Аче никогда не испытывал недостатка в усобицах и военных походах. Учитывая, что каждый взрослый мужчина там владел оружием, с которым практически никогда не расставался, ясно, что в ачехских кампонгах всегда проживало достаточное число опытных воинов. До Ачехской войны они были дружинниками владетельных феодалов, в годы войны стали вначале военными предводителями феодальных ополчений, а затем — организаторами (наряду с деревенской верхушкой и уламами) партизанских крестьянских отрядов. Хотя и значительно реже, чем банта, военные панглимы тоже поднимались до положения феодалов. Например, родоначальник семьи владетелей IV мукимов в саги XXV был панглимой пранг семьи Нек [279, 407].

Самую многочисленную часть окружения имамов и улубалангов составляли раканы (букв. «последователи»). Они формировались из рабов, людей, которые отдались под покровительство улубаланга, спасаясь от кровной мести или кредиторов (оранг салах), и вообще лиц, связанных с феодалом отношениями личной зависимости. Раканы получали от улубаланга пищу и одежду для себя и своих семей и жили или в доме феодала, или по соседству. Они выполняли домашнюю работу, обрабатывали землю улубаланга, входили в его дружину, выполняли различные поручения, собирали налоги и пошлины [142, т. I, 119].

Признаком принадлежности к феодальной знати была приставка «теуку» (от «туанку» — мой господин). Но в Аче иногда и кечики, и военные панглимы, и вообще старые, уважаемые люди присоединяли эту приставку к своему имени. В титулатуру же имамов и улубалангов (а феодалы обычно были известны не по именам, а по титулам, воспринимавшимся как личное имя) приставка «теуку» входила обязательно.

Во главе Аче стоял султан, именуемый ачехцами «раджей» или «потеу» («наш господин»). К началу Ачехской войны власть сул-

---

[13] Тунгкуп делился на три владения: собственно Тунгкуп (IX мукимов), муким Сием и III мукима Кайю Анджанг.

тана была незначительной. Султан был скорее сакральным символом единства государства, нежели действительным сюзереном. Особа султана считалась священной, существовал сложный церемониал, определявший действия султана и его поведение [142, т. I, 128].

Особенностью образования ачехского султаната, повлиявшей на его последующее развитие, было складывание его как «портового государства». Султаны Аче распространяли свою власть прежде всего на прибрежные области, стремясь к контролю над мореплаванием и торговлей. Основой их могущества был сильный флот, служивший одновременно торговым и военным целям. Включение тех или иных областей в состав султаната почти не меняло положения прежних владетелей, становившихся вассалами ачехских султанов. Поскольку основные доходы султаны получали от торговых пошлин, пиратства и морских походов, они не особенно заботились об установлении серьезного контроля над налоговой системой, военной организацией и землевладением во внутренних областях Аче. В султанате не сложилось единой административной и налоговой системы, султанам не удалось заменить наследственную знать аппаратом чиновников. Лишь прибрежные районы Великого Аче и Пиди — старая база «портовых владетелей» — подвергались такому сильному воздействию государства на общественные процессы, которое привело к разрушению системы кавомов, ускорению феодализации. Показательно, что в саги XXII, расположенном во внутренней части Великого Аче, все эти процессы происходили замедленно и к началу войны не были окончательно завершены.

В XVII в. ачехские султаны попытались укрепить свою власть в пределах Великого Аче, что нашло отражение в законодательстве Искандара Муды и других султанов. Султаны стремились к налоговому и судебному контролю над улубалангами, а также добивались обязательного утверждения последних в должности султанскими грамотами (саракатами). К этому же времени относится выработка правил дворцового церемониала, этикета, проведения различных религиозных праздников, назначения придворных [343, 319]. Наконец, султаны пытались использовать для укрепления центральной власти авторитет мусульманского духовенства. Об этом свидетельствуют законы XVII—XVIII вв., направленные на организацию мукимов и внедрение мусульманского закона (хукум) в судопроизводство [279, прил. А, 436—461].

Последующий упадок султаната привел к фактическому забвению законодательства XVII в., и в XIX в. реальная власть султанов ограничивалась лишь пределами их домена, хотя многие внешние формы, ведущие начало от могущественных султанов XVII в., сохранились. Так, например, улубаланги при вступлении в должность являлись ко двору и получали саракату от султана, уплачивая за это определенную сумму. Анализ саракат показывает, что они носили явно формальный характер. Владетельные

феодалы рассматривали саракату как желательный, но вовсе не обязательный документ, заботясь больше об утверждении в наследственном владении, чем о признании этого факта султаном.

Султанский род в Аче был многочисленным, разросшимся кланом, члены которого именовались туанку. Поскольку в Аче не было наследования престола от отца к сыну, а султан избирался из правящего рода, то практически едва ли не каждый туанку имел возможность стать султаном. Выборы нового султана обычно сопровождались междоусобной войной между крупными феодалами, которые избирали султана. Естественно, что султан в таких условиях зависел от поддержки панглим саги и улубалангов, которых он щедро одаривал, когда восходил на трон [14].

Туанку считались выше остального населения Аче и могли почти беспрепятственно чинить насилия над простыми людьми, поскольку поднятие руки на туанку рассматривалось как тягчайшее преступление [142, т. I, 141]. Но туанку опасались бесчинствовать во владениях могущественных улубалангов, а также в горных районах, где население давало отпор притязаниям знати. Туанку жили за счет доходов от султанского домена, а также дани, которую вассальные владетели платили время от времени в казну. По реальному влиянию и богатству туанку далеко уступали улубалангам. Как правило, они не имели определенных владений; единственным исключением была ветвь султанского рода, обосновавшаяся в Куала Бату (Пиди) [142, т. I, 142]. Эта семья не претендовала на избрание ее членов на трон и превратилась в обычный феодальный наследственный род.

Основная масса туанку жила в султанском домене, который именовался Даламом (букв. «внутренняя часть») [15]. Далам располагался в устье р. Аче. Центром его был кампонг Пекан Аче, где располагался дворец—кратон (в голландских источниках часто вся область Далама неточно именовалась Кратоном), и соседние кампонги Канданг, Мердувати, Джава, Пантей, Кедах [343, 332]. В этих деревнях жило население, находящееся под непосредственным контролем центральной власти. В деревне Канданг жили потомки рабов ачехских султанов, в Мердувати — султанские раканы, в Джаве — иноземцы и торговцы [279, 405].

Основная территория Далама (24 деревни) в середине XIX в. уже не принадлежала султанам. Ею владел первоначально феодал Теуку Панглима Месджид Райя, титул которого («Панглима главной мечети») указывает на некогда существовавшую связь его

---

[14] Адат говорил о «12 улубалангах, которые назначают и смещают государя», а панглим саги сравнивал с опекунами невесты — Аче,— которая постоянно возвращает свою юность в браке с тем султаном, которого опекуны выберут ей в мужья. Последняя параллель находила выражение в материальном ее воплощении: жених-султан дарил опекунам-панглимам по 500 исп. долл. при восшествии на престол.

[15] В эпоху расцвета султаната эта область по названию столицы именовалась Бандар Аче Дар ас-Салам.

носителя с центральной администрацией султаната. При султане Ибрахим Мансур-шахе Панглима Месджид Райя утратил власть над кампонгами правобережья, которые перешли к улубалангу султана Теуку Кали Маликуладилю. История раздела Далама — яркий пример трансформации чиновников султана во владетельных феодалов. В XVII в. Кали Маликуладиль носил титул не теуку, а теунгку и был верховным судьей султаната, обладающим знанием мусульманского права. Упадок центральной власти и обычный для Аче переход любой должности в наследственную превратил носителя этого титула в улубаланга султана. В середине XIX в. одному из Маликуладилей удалось, воспользовавшись междоусобной войной, отобрать половину владения у Панглимы Месджид Райя и стать настоящим улубалангом [142, т. I, 98—100].

В эпоху усиления государства ачехские султаны, прочно владевшие всем Даламом, прилагали усилия для распространения своей власти на некоторые периферийные области султаната, стремясь ограничить улубалангов. Так появились в Аче вакафы (ачехское «вакеуёх»). Под вакафом в Аче понималась не земля или другая собственность, переданная на нужды религии (таково обычное значение вакфа, или вакафа)[16], а территория, находящаяся под непосредственным управлением султана (здесь прослеживается явное стремление султанов придать распространению своей власти освященный религией характер). В эпических поэмах «Хикаят Почут Мухамат» и «Хикаят Малем Даганг» встречается выражение «уреуёнг вакеуёх нибах раджа» («люди вакафа, служащие радже») в сочетании со словом «бибиуёх» («свободные»), что означает освобождение жителей вакафов от повинностей и служб в пользу улубалангов. Население вакафов должно было воздерживаться от участия в феодальных усобицах [142, т. I, 123].

В XIX в. вакафы превратились в обычные феодальные владения, находившиеся под управлением улубалангов и имамов, считавшихся улубалангами султана. Всего в Аче считалось 18 улубалангов султана [343, 331—332]. В основном вакафы сосредоточивались поблизости от Далама и на побережье саги XXV и XXVI, т. е. там, где султаны пользовались большей властью, чем во внутренних областях. Улубаланги вакафов происходили от должностных лиц султаната (гражданских и военных), получивших эти районы из рук султанов. Пример этого дают III мукима Керкун в саги XXVI, где утвердилась семья наследственных главных писцов султаната, носивших титул Керкун Катимбулук [142, т. I, 125]. Следы существования вакафных районов сохранялись также в вассальных княжествах побережья [343, 331].

Частная земельная собственность султанов сложилась только в долине р. Аче, а не на вакафных землях, которые рассматривались как находящиеся под управлением, а не как собственность

---

[16] Земля, переданная мечети, именовалась «умонг сара» или «умонг сара меусигит (месджид)».

султанского дома. Земля же по берегам р. Аче и на островах, лежащих близ ее устья, именовалась «танах раджа» («земля раджи») и являлась собственностью султанов в точном смысле этого слова [142, т. I, 122].

Духовенство

Важное место в ачехском обществе занимали люди, связанные с мусульманской религией. Этот слой был неоднороден, включая в себя представителей администрации султаната, собственно духовенство, а также тех, кого можно назвать своего рода интеллигенцией. Все они носили титул теунгку, под которым мог скрываться и простой деревенский теунгку меунасах, и судья саги, и «потомок пророка», и странствующий учитель. Эта довольно разнородная масса в голландских источниках периода войны именуется уламами, хотя собственно уламой в Аче считался лишь человек, являющийся авторитетом в области религиозного права и доктрины [142, т. II, 5—6], хорошо знающий арабский язык и священные тексты. Близко к уламам стояли алемы — люди, изучившие священные книги (китабы) и совершенствующие свои знания, т. е. пошедшие в науке дальше знания Корана. К этой группе примыкали лебе (ачехское «леубе») — набожные люди, ревностно выполняющие религиозные предписания (случай, не частый в Аче), сейиды (ачехское «сает») — действительные или мнимые потомки пророка, а также хаджи — совершившие паломничество в Мекку. Особую групп теунгку составляли кали — судьи, связанные с администрацией султаната, саги и улубалангств. Наконец, существовала группа священнослужителей в мечетях.

Последняя группа была в Аче XIX в. немногочисленна, поскольку собственно мечеть (меусигит, месджид) не была здесь центром духовной жизни. В годы расцвета султаната в Аче была построена Месджид Райя — главная мечеть в Даламе, сохранившаяся до 1874 г., когда она была сожжена голландскими захватчиками. Были построены главные мечети в трех саги, а также несколько мечетей в Великом Аче и Пиди. Персонал мечети состоял из имама (не путать с имамом мукима), хатиба и билала [142, т. I, 85]. Имам мечети (имам сембайянг) был значительным лицом, передававшим в XIX в. свою должность по наследству [279, 410]. Доходы имама поступали от рисовых полей и кокосовых пальм, переданных султаном и улубалангами мечети в качестве умонг сара. Должности хатиба и билала — служителей мечети — были незначительными и не являлись источником больших доходов, но давали их обладателям почетное положение. Мечетей в Аче было сравнительно немного, а полный штат священнослужителей имелся лишь в Месджид Райя и ряде центральных мечетей улубалангств и вассальных владений. Истинными центрами религиозно-общественной жизни в Аче были меунасах и религиозные школы; посещение мечети воспринималось населением как не всег-

да желательное дополнение к повседневным и привычным собраниям в меунасах. Поэтому и должностные лица мечетей не пользовались в Аче большим авторитетом и не относились к числу наиболее значительных теунгку.

Гораздо влиятельнее были кали — судьи. Кали (кадли) появились в Аче в эпоху усиления центральной власти, когда султаны пытались использовать мусульманское право для укрепления своего влияния. Но очень скоро кали в улубалангствах превратились в назначенцев улубаланга, юрисдикция которых была ограничена главным образом бракоразводными делами. В Аче, как и вообще в малайско-индонезийском мире, мусульманское законодательство в наибольшей степени повлияло на семейное право, в то время как в остальных областях жизни почти безраздельно господствовал адат, толкователями которого были кечики, имамы мукимов и улубаланги. Кали присутствовал при заключении брака в качестве вали — представителя невесты, если последняя не имела родственников или если брак совершался вдали от дома невесты, удостоверял законность брака с несовершеннолетними, объявлял брак расторгнутым. Но даже здесь он действовал как лицо, зависимое от улубаланга, который давал согласие на расторжение брака и которому кали передавал часть полученных денег. Кали выступал также оценщиком при разделе имущества или признании последнего выморочным. В данном случае он выступал исключительно от имени улубаланга, который выдавал ему вознаграждение из своей доли [142, т. I, 96].

Верховный кали султаната, как отмечалось, превратился в улубаланга султана с титулом теуку, а затем стал наследственным владетелем части Далама. Подобное превращение претерпели и некоторые другие кали [142, т. I, 127]. Существовали также главные кали Далама и трех саги, которые именовались «кали рабон джале» (от арабского «кадли раб'ул джалил» — судья бога всемогущего). Хотя эти должности, как и любые в Аче, имели тенденцию стать наследственными, тем не менее кали рабон джале не превратились в исследуемое время в улубалангов, как это произошло с Кали Маликуладилями, а являлись в первую очередь уламами — богословами. Крупной фигурой был кали Далама по имени Теунгку Шех Марахабан — улама из Пиди, долгое время живший в Мекке [279, 423]. Видным уламой был кали саги XXII Теунгку Танахабейский, один из идеологов саманистского движения.

Наибольшим влиянием в Аче пользовались «неслужилые» представители религии — сейиды и уламы. Сохранение в Аче домусульманских верований, распространение культа ачехских святых, влияние шиизма (через Индию) — все это способствовало созданию атмосферы почитания и ореола святости, окружавших сейидов и улам.

Особым почитанием в Аче пользовались сейиды — «потомки» пророка Мохаммада (почти все они имели фальшивую генеало-

гию). Сейидов в султанате было немного, большинство их давно утратили всякие связи с Аравией, не знали арабского языка и родились в Аче. Несмотря на то что далеко не все ачехские сейиды были богословами и пандитами (учителями), они занимали привилегированное положение. Каждый ачехец считал честью принять сейида в своем доме, брак девушки с сейидом рассматривался как великая честь не только для семьи девушки, но и для всего кампонга. Сейиды пользовались неприкосновенностью даже в периоды междоусобиц, любой ачехец вступался за обиженного сейида. Именно это обстоятельство позволяло сейидам заниматься торговлей во внутренних районах Аче[17]. В Аче сейиды издавна именовались «теунгку сает» или «пангулу» (в Пиди), но в середине XIX в. и в период войны их часто называли хабибами.

Мусульманские ордена (тарика), столь популярные в других частях Суматры, не пользовались влиянием в Аче, хотя ачехские хаджи, жившие в Мекке, являлись членами различных орденов.

Решающую роль в общественной и культурной жизни Аче играли уламы (вместе с примыкавшими к ним алемами и малемами). В руках улам находилась система образования, многочисленные школы служили центрами распространения влияния прославленных улам на население. Уламы были несравненно более многочисленны, чем сейиды, кроме того, они были, как правило, коренными ачехцами, связанными родственными узами со многими знатными и незнатными семьями, составляя неотъемлемый элемент ачехского общества. Уламы представляли своего рода интеллигенцию этого общества, причем интеллигенцию довольно демократического толка, поскольку они, как правило, принадлежали к простонародью, а не к феодальной верхушке. Талантливому, энергичному человеку из простонародья было гораздо легче стать уламой, чем занять место на ступеньках уже достаточно сформировавшейся феодальной иерархии. Это обстоятельство способствовало постоянному притоку свежих сил в уламское сословие, пополнявшееся не только сыновьями из семей улам, но и за счет учащихся духовных школ, лебе и т. д.

Снук Хюргронье писал, что уламами в точном смысле в Аче считались только люди, которые достигли совершенства в знании религиозной доктрины и права, тогда как начатки знаний в этих областях могли дать право называться малемом или алемом, но не уламой. Для уламы было обязательно знание арабских священных книг, арабского языка и грамматики [142, т. II, 5, 7]. Практически, особенно в период войны, под уламами подразумевали малемов и алемов, т. е. лиц, получивших довольно элементарные богословские знания.

Уламы в Аче были тесно связаны с деревенской верхушкой, дети которой пополняли их ряды,— часто, хотя и не обязательно,

---

[17] Снук Хюргронье писал, что при покровительстве сейидов даже европейцы могли путешествовать по Аче [142, т. I, 158].

теунгку меунасах был уламой. Как носители шариатских норм, уламы являлись приверженцами хукума — религиозного закона — в противовес адату, которого придерживалась светская знать. В борьбе с последней уламы и стремились опереться на хукум. В обычных условиях адат, поддержанный традициями ачехской деревни, неизменно выходил победителем, но в годы войны, в обстановке подъема народного движения и предательства значительной части светской знати, уламам удалось повести за собой массы под исламским знаменем священной войны, в которой ачехское крестьянство пыталось найти орудие создания справедливого общественного порядка. Естественно, шариат не мог служить таким орудием, и крестьяне быстро в этом убедились. Но так или иначе война с голландскими захватчиками открыла перед ачехскими уламами огромные возможности для упрочения своего влияния на массы и оттеснения светской знати, которой не удалось полностью восстановить свои позиции и после войны, несмотря на всемерную поддержку колонизаторов.

В руках улам находилось образование, носившее в Аче исключительно религиозный характер. В школах, формировавшихся вокруг видных улам, обучались не только будущие кали или дети из богатых и знатных или принадлежащих к духовному сословию семей. В ачехских религиозных школах обучались и дети простолюдинов, особенно из числа деревенской верхушки [142, т. II, 24]. Люди, получившие образование в таких школах, даже не становясь уламами, получали определенные преимущества: их призывали на религиозные празднества, бесплатно угощали, обращались к ним за советами, им было легче найти себе богатых невест и т. п.

В Аче, как и в некоторых других районах архипелага, было принято получать образование не в своей деревне (даже если там существовала прославленная школа), а в другом месте. Обычно жители Великого Аче учились в школах Пиди, а жаждущие знаний с Восточного берега приходили в Великий Аче [142, т. II, 26]. Это способствовало установлению контактов между уламами различных областей султаната. Самые прославленные школы находились в Пиди, где жили и наиболее знаменитые и образованные уламы. Крупнейшим религиозным центром в Пиди была деревня Тиро, откуда вышли многие вожди саманистского движения. В Тиро издавна жили прославленные уламы, там находились могилы почитаемых учителей. Задолго до Ачехской войны этот кампонг занял особое положение в Пиди: он не участвовал в усобицах, здесь никто не смел носить оружия даже в дни войны, религиозный закон (хукум) в Тиро явно превалировал над адатом [142, т. II, 26]. В Великом Аче главные религиозные центры располагались близ столицы и в саги XXVI. По призыву уламы жители деревни сооружали «общежитие» для учеников-муридов или отдавали свои дома для нужд религиозной школы. В дни войны религиозные школы поставляли наиболее ревностных воинов —

«мусульман», как называли себя приверженцы Самана,— и часто служили центрами антиголландского сопротивления.

Многие уламы в Аче были проповедниками тариката (ачехское «элемеё салэ») — мистического пути к спасению посредством познания истины, скрытой от взора неискушенного человека. Для ачехского тариката, как и для тариката ряда других мусульманских стран (например, северокавказского), не были характерны специальные религиозные организации типа дервишских орденов с их молельными домами. Приверженцы тариката группировались здесь вокруг своего наставника, стоявшего во главе школы: такими наставниками были в первую очередь уламы. Распространению тарикатских идей способствовало влияние суфизма. Накануне Ачехской войны в Пиди действовал проповедник тариката по имени Теунгку Теребуский, к которому стекались сотни слушателей. Еретические взгляды проповедника обеспокоили местного раджу, который приказал предать Теунгку Теребуского и его приверженцев смертной казни. Но ученик последнего — Теунгку Гедонгский, или Теунгку ди Тепин Райя, продолжал дело своего учителя, могила которого стала местом паломничества уже в период Ачехской войны [142, т. II, 13—14]. Другим проповедником тариката в XIX в. был Теунгку Пенадоский, также уроженец Пиди. Он проповедовал в Сенагане, на Западном берегу, почему и получил имя Хабиб Сенаганский. Хабиб Сенаганский был последователем Хамзы Фансури и во многом расходился с ортодоксальным исламом [142, т. II, 14]. Проповедниками тариката (но стоявшими на позициях ортодоксального ислама) были лидеры саманистского движения — сам Мохаммад Саман, Теунгку Кутакарангский, Хабиб Самалангский.

Проповедь тариката сыграла значительную роль в идеологическом оформлении Ачехской войны. В определенной степени учителя тариката делали религию более понятной и приемлемой для восприятия сохранившего доисламские верования ачехца. Не случайно и Пиди и Мелабох, т. е. центры сопротивления, были одновременно центрами тарикатских учений. Тарикатские идеи проникали в Ачe извне — в основном, по-видимому, через индонезийскую колонию в Мекке и Джидде. Однако в значительной мере они питались местной почвой — мистическими эсхатологическими представлениями, характерными для индонезийского, в том числе и ачехского, ислама.

Общественный строй Гайо и Аласа

Помимо собственно ачехцев участие в борьбе за независимость приняли два других народа Северной Суматры — гайо и аласы, жившие на территории султаната. Общая их численность едва ли превышала 50 тыс. человек. Они населяли южные, горные районы Аче между областями расселения ачехцев и каро-батаков. Гайо и аласы (особенно последние) по особенностям физического

облика, языку и культуре были близки батакам, в то же время на гайо сильное влияние всегда оказывали ачехцы [188, 527].

Области Гайо и Алас вошли в состав Ачехского султаната в XVII в., но «патриархальные деревенские республики», составлявшие Гайо и Алас, сохраняли полную автономию, и их отношения с центральной властью ограничивались нерегулярной выплатой дани [286, 247].

Главным занятием гайо и аласов было рисосеяние, причем значительное место занимала ладанговая (суходольная) система земледелия. Кроме риса они разводили маис, хлопок, сахарный тростник, табак, корнеплоды и фруктовые деревья. Широкое развитие получили рыболовство во внутренних водоемах и лесные промыслы [144, 56—58].

Деревню (кампонг — у гайо, куто — у аласов) населяли члены экзогамных отцовских родов (блах, или суку,—у гайо, мерго—у аласов). Низшей социальной единицей было подразделение рода, возглавляемое роджо (гайо) и пенгулу (аласы). Члены этого подразделения считали себя кровными братьями. В случае расселения членов рода по другим деревням и выселкам роджо сохранял контроль над членами своего рода. Роджо являлся родовым старейшиной и даже не успел стать деревенским старостой, поскольку деревню обычно населяли члены различных родов, подчинявшиеся своему роджо [144, 79]. Власть роджо основывалась в первую очередь на родовых связях общества. Основным источником доходов роджо служили штрафы за нарушение адатных норм членами его рода [286, 251]. Роджо наравне с рядовыми членами рода (сандоро) участвовали в полевых работах, одевались, как их односельчане, и т. п. В социальном отношении роджо и пенгулу, безусловно, выделялись из общества гайо и аласов, но едва ли приходится говорить о принадлежности их к феодализирующейся общинно-родовой верхушке, как это имело место, например, у их соседей — батаков [185, 161].

На следующей ступени социальной лестницы находились туо — помощник роджо, знаток адата из пожилых людей, и имом — религиозный руководитель, ведавший совершением браков, похоронами, организацией религиозных праздников [144, 81]. В Гайо существовали кеджуруаны — наместники султана Аче, поставленные еще в XVII в. В XIX в. роль кеджуруанов была ничтожной, поскольку им не нашлось места в адате Гайо, а процессы феодализации и превращения родовых вождей в территориальных в Гайо едва намечались. Кеджуруаны выполняли роль арбитров в спорах между роджо или между членами различных родов [144, 95—96]. После голландского завоевания Гайо в начале XX в. кеджуруаны стали при поддержке колонизаторов территориальными владетелями, которым были подчинены роджо.

По сравнению с ачехским обществом социальная структура Гайо, не говоря уже об Аласе, отличалась господством родовых, патриархальных отношений. Сравнивая ачехского кечика и гайо-

ского роджо, К. Снук Хюргронье замечал, что первый был менее самостоятельным, поскольку его власть ограничивалась имамом, в то время как роджо был совершенно независим и ведал всеми делами своего рода — деревни. В то же самое время личная власть роджо значительно уступала личной власти кечика. Последний мог принудить односельчан, даже если те не были с ним согласны, а роджо мог действовать только с согласия членов своего рода, которые свободно избирали и смещали его [144, 80].

Как писал Ф. Энгельс, «самый жалкий полицейский служитель цивилизованного государства имеет больше «авторитета», чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, которое оказывают самому незначительному родовому старейшине. Последний стоит внутри общества, тогда как первые вынуждены пытаться представлять собой нечто вне его и над ним» [7, 171].

Как обычно у народов на этой стадии развития, в жизни гайо и аласов значительную роль играли войны, ведущиеся между деревнями, населенными различными родами. На время военных действий роджо уступал власть назначенному им панглимо, который в свою очередь назначал помощника (пеметера), заменявшего туо. Место имама занимал гуру пранг — человек, опытный в разгадывании знамений, определении счастливых и несчастливых дней и т. п. [286, 255].

По религии гайо и аласы были мусульманами, но анимизм в их жизни занимал гораздо большее место, чем у ачехцев. В Гайо и Аласе было сравнительно мало мечетей, и немногочисленная духовная элита (сантри) играла здесь меньшую роль, чем в Аче [144, 59].

В годы Ачехской войны гайо и аласы, сплоченные родо-племенными связями, оказали голландским захватчикам упорное сопротивление, сражаясь рука об руку со своими ачехскими братьями.

Глава II

Начало Ачехской войны

Голландская колониальная политика во Внешних владениях в 50—60-х годах XIX в. и Аче

Агрессия голландских колонизаторов против Аче, как и другие захватнические действия на архипелаге, была тесно связана со всей колониальной политикой Нидерландов.

Правящие классы отсталой в промышленном отношении Голландии, испытывавшей при этом серьезные финансовые трудности, которые возросли в связи с расходами на подавление народного восстания на Яве в 1825—1830 гг. и борьбой против отделения Бельгии от Нидерландского королевства в 1830 г., ввели в Индонезии в начале 30-х годов XIX в. «систему культур» (в советской литературе она иногда именуется «системой принудительных культур», что более точно выражает ее сущность). «Система культур» обрекала крестьянство Явы и западного побережья Суматры на жесточайшую государственно-крепостническую эксплуатацию. Выращивание экспортных сельскохозяйственных продуктов, их транспортировка и первичная обработка на принадлежавших голландцам предприятиях (заводы по производству сахара-сырца, сушке кофе и чая, варке индиго и т. д.) осуществлялись крестьянами в принудительном порядке. Все производственные продукты сдавались на правительственные склады и реализовались казной. Голландские колонизаторы создали «систему культур», опираясь на местные феодальные и феодально-бюрократические слои и верхушку деревенской общины, которых они сумели заинтересовать денежным вознаграждением и расширением возможностей эксплуатации крестьянства [1].

За годы действия «системы культур» Голландия получила от своих колоний в Индонезии около 900 млн. гульденов чистой прибыли. Примерно треть годового бюджета Нидерландов в 30—70-е годы XIX в. покрывалась за счет поступлений из Индонезии [330, 291—292]. Приток колониальной дани позволил Голландии ликвидировать экономические и финансовые трудности, создать условия для быстрого промышленного развития, железнодорожного строительства, освоения новых сельскохозяйственных площадей. Одновременно возрастала мощь голландской промышленной буржуазии,

[1] Подробнее о «системе культур» см. [176, 44—64].

которая, окрепнув, требовала свободы частного предпринимательства в колонии. В то же время зависимость развития голландской промышленности от прибылей, получаемых в результате действия «системы культур», мешала голландской буржуазии решительно покончить со старой системой эксплуатации Индонезии. «Либерал в Голландии, консерватор в Индии» — это ходячее выражение очень точно характеризовало представителей промышленной буржуазии Нидерландов. Поэтому процесс «приватизации» эксплуатации Индонезии затянулся вплоть до периода перехода к империалистическим формам.

В 1848 г. либеральная партия Нидерландов, выражавшая интересы промышленной буржуазии, используя революционную обстановку в Западной Европе, добилась введения конституции, которая ограничила королевскую власть. Борьба либеральной и консервативных партий[2] стала стержнем политической жизни Голландии вплоть до 1870 г., когда у власти на долгий срок утвердились либералы[3]. Вопросы изменений в системе эксплуатации колоний и их управлении — одна из наиболее острых проблем в борьбе партий — решались медленно.

Конституция 1848 г., значительно расширившая полномочия Генеральных штатов, лишала короля права исключительного контроля над колониальной политикой и предусматривала выработку Генеральными штатами «Положения об управлении Нидерландской Индией», как именовалась Индонезия в колониальный период. «Положение» было утверждено в 1854 г. Оно предоставляло парламенту контроль над деятельностью колониальной администрации, а с 1864 г. Генеральные штаты получили также право утверждать бюджет Нидерландской Индии. Согласно «Положению», несколько ограничивалась сфера действия «системы культур» и применение принудительного труда [266, т. II, 208].

В конце 50-х — начале 60-х годов в Голландии появилась не только умеренно-либеральная, но и демократическая оппозиция, выступившая с требованием отмены позорной «системы культур». При поддержке этой оппозиции, действовавшей как в Нидерландах, так и в Индонезии, началась постепенная ликвидация «системы культур», затянувшаяся в силу вышеуказанных причин на длительный срок. Министр колоний либерал И. Д. Франсен ван де Пютте (1863—1866) выдвинул план отмены ряда принудительных культур и внедрения частного предпринимательства в Индоне-

---

[2] Либеральная партия, возникшая в 1839 г., делилась на «умеренных» и «прогрессистов». Консервативная и историко-христианская партии в 1878 г. образовали антиреволюционную партию; другой клерикальной партией была католическая. В годы Ачехской войны в партии антиреволюционеров существовали две фракции: крайняя кальвинистская во главе с Саворнин-Ломаном и умеренная, во главе которой стоял Кюйпер, выступавший, как и либералы, за расширение избирательного права.

[3] До 1901 г., за исключением 1888—1891 гг., когда у власти находились консерваторы. Часто «умеренные» либералы блокировались с антиреволюционерами: так, во главе кабинета 1883—1888 гг. стоял антиреволюционер Я. Хеемскерк.

зии. При нем было отменено принудительное выращивание перца, индиго, гвоздики, мускатного ореха, чая, корицы, табака, т. е. тех культур, которые к этому времени перестали приносить прибыли. Лишь в 1870 г. был принят закон о постепенной отмене принудительной культуры сахарного тростника (принудительная культура кофе сохранилась до 1917 г.). Одновременно в 1870 г. был принят аграрный закон, открывший доступ частному капиталу в экономику Индонезии. Все эти мероприятия означали переход к новым формам и методам эксплуатации колонии, ограничение власти короля, расширение влияния промышленной буржуазии и частного предпринимательства. Тем не менее элементы государственно-крепостнической эксплуатации продолжали сохраняться и после наступления так называемой либеральной эры.

«Система культур» и последующая ее постепенная ликвидация оказали решающее влияние на политику Голландии во Внешних владениях. Сосредоточив все внимание на внедрении «системы культур» и упрочении своего господства после восстания Дипонегоро на Яве, слабая Голландия не имела сил для широкой экспансии в остальных районах архипелага. Инициатор «системы культур» генерал-губернатор ван ден Босх настаивал на прекращении всякого вмешательства за пределами Явы и Суматры [266, т. II, 272].

В 30-х годах XIX в. голландские колонизаторы смогли лишь покорить западное побережье Суматры, где им пришлось вести упорную борьбу с минангкабауским движением падри, возглавлявшимся борцом за независимость Имамом Бонджолом. Слабость голландской власти на архипелаге использовалась колониальными соперниками Нидерландов, в первую очередь Англией, для расширения торговых и политических связей с государствами и племенными федерациями Внешних владений. «Открытие» Китая и Японии увеличило стратегическую значимость Индонезии, острова которой могли стать удобными опорными базами на пути к странам Дальнего Востока. В 1841 г. английский авантюрист Джеймс Брук стал раджей Саравака — области на Северном Калимантане, которую он захватил у султана Брунея. В 1844 г. капитан Мюррей попытался захватить Кутей на Восточном Калимантане. В 1846 г. Англия при посредничестве Брука получила у Брунея остров Лабуан, где была создана английская угольная станция. Спустя несколько лет, в 1851 г., другой английский авантюрист, Уолтер Гибсон, пытался утвердить английское влияние в восточносуматранском султанате Джамби.

Опасность появления в Индонезии других западных держав заставила правящие круги Голландии пересмотреть свою политику в отношении Внешних владений. Помимо этого к экспансии на архипелаге, особенно начиная с 50-х годов XIX в., Голландию подталкивали промышленная буржуазия и ее либеральная партия, заинтересованные в расширении возможностей эксплуатировать богатства Индонезии.

Уже в 1841 г. генерал-губернатор Бауд, высказываясь в целом за «политику невмешательства», заявил, что изменение обстановки в будущем может потребовать отхода от этой политики [56, 14—15]. Начиная с периода генерал-губернаторства Рохюссена (1845—1851) происходит все более решительный поворот в голландской политике в сторону активного вмешательства и захватов на архипелаге. Голландский колониальный деятель начала XX в. Х. Колейн в своем обзоре политики в отношении Внешних владений писал: «До 1845 года модным выражением было: по возможности без экспансии; позже, начиная с 1851 года: экспансия по возможности без войны» [56, 56]. В 1855 г. в инструкции генерал-губернатору голландское правительство заявляло, что, если правители и вожди Внешних владений не будут следовать советам голландской администрации, необходимо прибегать к «решительным мерам» [266, т. II, 276]. А в 1861 г. Индийский совет высказал мнение, что рано или поздно Нидерланды должны поставить Внешние владения под свой полный контроль и что необходимо принять новую политическую линию в отношении островов архипелага, еще не входящих в Нидерландскую Индию [266, т. II, 277]. Можно проследить несомненную связь между «либерализацией» методов управления и эксплуатации Индонезии и расширением экспансионистской политики во Внешних владениях.

После появления англичан на Северном Калимантане голландцы начали лихорадочно утверждать свое господство на острове. Военные корабли появились в Кутее и заставили султана признать сюзеренитет Нидерландов. Вслед за тем голландская эскадра направилась на Западный Калимантан и заставила тамошних правителей подписать подобные же договоры. В 1847—1848 гг. по распоряжению Рохюссена были отправлены экспедиции в глубь Калимантана. В 1851—1855 гг. голландцы сломили сопротивление китайских поселенцев на Западном Калимантане и подчинили этот район. После этого колонизаторы приступили к покорению южных и восточных районов острова. В 1859—1863 гг. они подавили восстание в султанате Банджармасин и упразднили султанат. В Восточной Индонезии голландские власти предприняли в 1846—1849 гг. три экспедиции на Бали, которые привели к захвату северной части острова, в 1858—1860 гг. вели войну против княжества Бони на Юго-Восточном Сулавеси. Таким образом, голландское владычество в «эру невмешательства» распространилось на прибрежные районы Калимантана и Сулавеси, утвердилось на многих более мелких островах в восточной части архипелага.

Но наибольшую активность голландские колонизаторы проявили на Суматре. Это объяснялось прежде всего близостью Суматры к центру голландской империи в Индонезии. Голландская агрессия на Суматре, не прекращавшаяся даже в те годы, когда колонизаторы не производили захватов в других частях архипелага, не могла не коснуться Аче — самого сильного, несмотря на внутренние усобицы, государства не только на Суматре, но и во всей

Индонезии. В 1830 г. голландский корабль бомбардировал Барус — порт на Западной Суматре, где обосновались ачехцы. В том же году голландцы заключили договор с раджей Трумона — вассального княжества Аче, расположенного на западном побережье, у южных границ султаната. Эти действия, явно нарушающие суверенитет Аче, вызвали ответную реакцию ачехцев, напавших в 1831 г. на Айер Бангис и Наталь [270, 1192].

Прекрасным предлогом для постоянного вмешательства колонизаторов в дела суматранских и малайских государств (в том числе и Аче) в XIX в. служила борьба с пиратством. Пиратство было исконным занятием жителей прибрежных районов малайско-индонезийского мира, как вообще многих морских народов в любой части земного шара. Малайские и индонезийские феодалы, занимаясь торговлей, не брезговали пиратством, и подчас трудно было провести четкую грань между торговцем и пиратом. Европейское вторжение, подорвав местную торговлю, не в малой степени способствовало распространению пиратства, которое иногда являлось формой защиты от пиратства европейских колонизаторов. Голландские и английские колонизаторы считали нападение на местные суда законным средством для поддержания своей торговой монополии, захват же и ограбление европейских кораблей в суматранских и малайских водах вызывали их негодование и угрозы. Согласно обычному праву малайцев и индонезийцев всякое судно, потерпевшее кораблекрушение или ищущее убежища, становилось собственностью владетеля территории, где оказалось судно. Это часто вызывало конфликты между прибрежными княжествами и колонизаторами, которые требовали изменения этого правила и использовали каждый инцидент для нажима на местных владетелей. На протяжении 20—40-х годов XIX в. голландцы, англичане и американцы неоднократно обстреливали ачехское побережье в отместку за нападения ачехцев на европейские и американские суда [325, 186—205].

Голландцы в целях ослабления ачехского влияния на Западной Суматре использовали также борьбу с работорговлей. Ачехцы издавна совершали набеги на о-в Ниас, где захватывали жителей в плен, а также закупали рабов. Голландцы после 1825 г. начали захватывать ачехские суда с рабами, хотя сами покупали рабов-ниасцев и вывозили их в Паданг [265, 159]. Очередное нападение на ачехские суда привело в 1836 г. к захвату ачехцами голландской шхуны, которую султан отказался вернуть, пока голландская администрация не возместит убытки за ограбление ачехских судов. Занятые войной падри, колонизаторы не решились на открытое столкновение с Аче и направили в султанат в 1837 г. миссию для переговоров. Миссия занималась не столько переговорами, сколько шпионажем в портах Западного Аче [266, т. II, 259].

Победа над падри и захват Баруса (1839) и Сингкела (1840) приблизили голландские владения на Западной Суматре к границам Аче. Но враждебные действия против Аче, на которых на-

стаивали некоторые чины голландской колониальной администрации, в частности губернатор Западного берега генерал Михилс [266, т. II, 260; 270, 1196—1197], в тот момент предприняты не были, так как внимание голландцев оказалось отвлеченным на восточное побережье Суматры, где они столкнулись с острой английской конкуренцией.

Англия ревниво следила за соблюдением условий соглашений, касающихся Суматры, особенно северной и восточной ее частей[4]. Английские купцы Пинанга и Сингапура занимали господствующие позиции в торговле Аче и султанатов Восточной Суматры с внешним миром[5]. И если английские колонизаторы спокойно относились к голландским захватам в восточной части архипелага, то действия колониальной администрации Нидерландской Индии на Восточной и Северной Суматре неизменно вызывали настороженность и прямую враждебность торговых палат Сингапура и Пинанга и администрации Стрейтс сетлментс [254, 22].

Англия в начале 40-х годов XIX в. заставила Голландию отказаться от намерения захватить Сиак и вынудила ее снизить пошлины на английские товары на Западной Суматре. Но с начала 50-х годов голландские колонизаторы, укрепив свои позиции в Палембанге, Джамби и архипелаге Риау, вновь развернули наступление на Сиак и другие княжества Восточной Суматры, пограничные с владениями Аче. Действия такого рода вызвали ответную реакцию в Аче, который рассматривал княжества Восточной Суматры как своих вассалов. В 1854 г. большой ачехский флот появился на Восточной Суматре. Раджи Лангката и Дели подтвердили свою вассальную зависимость от Аче, а султан Асахана укрепил свое положение, объявив себя независимым от Сиака, где было сильным голландское влияние [242, 46]. Планируя захват княжеств Восточной Суматры, голландская администрация в тот момент стремилась избежать столкновения с Аче. В 1857 г. в Аче было направлено голландское посольство во главе с губернатором Западного побережья Суматры генералом Я. ван Свитеном [86]. 30 марта 1857 г. был заключен голландско-ачехский договор. Стороны согласились поддерживать дружеские отношения, поощрять торговлю между своими подданными, а также оказывать помощь потерпевшим бедствие кораблям [95, т. I, прил. II, 395—397]. Голландские колонизаторы, идя на заключение равноправного договора, в котором признавался суверенитет и независи-

---

[4] Статья III Лондонского договора 1824 г. гласила: «Высокие договаривающиеся стороны согласились, что ни в один договор, заключенный ими с местными правителями в Восточных морях, не будут внесены статьи, которые тем или иным способом могут препятствовать торговле другой стороны, а если в каком-либо ныне действующем договоре имеются подобные статьи, они должны быть аннулированы после заключения настоящего договора» [198, прил., 190—191].

[5] Если в 1828—1829 гг. стоимость торговли Пинанга с Суматрой составляла 281 024 ф. ст., то в 1862—1863 гг.— 482 629 [198, 112].

мость султаната, стремились успокоить ачехцев, с неудовольствием наблюдавших за голландской экспансией на Восточной Суматре и в близлежащих районах.

В феврале 1858 г. голландские колонизаторы заставили сиакского султана Исмаила и высших сановников султаната подписать договор, согласно первой статье которого «королевство Сиак Сри Индрапура и его вассальные владения становятся частью Нидерландской Индии и признают тем самым сюзеренитет Нидерландов» [95, т. I, прил. III, 399]. Захват Сиака привел к резкому ухудшению голландско-ачехских отношений, поскольку в Сиакский трактат были включены территории (Дели, Серданг, Лангкат, Тамианг), которые Аче считал вассальными. Ачехский султан Алауддин Мансур-шах потребовал переговоров с генерал-губернатором по поводу спорных территорий. В ответ голландцы предложили султану вести переговоры с резидентом Риау, что было прямым оскорблением, поскольку Аче являлся суверенным государством, а не вассальным владением, сношениями с которым ведал резидент. Летом 1862 г. голландские колонизаторы заставили раджей спорных территорий подписать соглашения, по которым те признавали свою вассальную зависимость от Сиака, а следовательно, сюзеренитет Нидерландов. В ответ весной 1863 г. Аче направил свой флот на Восточную Суматру, и многие раджи отказались от кабальных соглашений, навязанных им голландцами [312, т. I, 118—119]. Родственник султана Аче Туанку Хашим был послан в Лангкат, чтобы организовать там сопротивление голландцам. Туанку Хашим обосновался на о-ве Кампей и превратил его в свою укрепленную базу. Лангкат и Тамианг признали султана Аче своим сюзереном.

На Восточную Суматру в августе 1865 г. была отправлена голландская военная экспедиция во главе с резидентом Риау Э. Нетсхером. В течение сентября экспедиция подвергала бомбардировкам деревни Асахана, вынудив султана бежать в глубь страны [306, 212]. В октябре голландцы появились в Серданге и Дели, султаны которых были вынуждены покориться. У о-ва Кампей ачехцы оказали сопротивление захватчикам, однако силы были неравны, и ачехцам пришлось отступить [312, т. I, 138]. 21 октября 1865 г. под нажимом голландцев раджи Лангката и Тамианга признали свои владения частью Сиака [342, т. I, 140]. Через некоторое время колонизаторам покорился и султан Асахана [272, 110—111].

Таким образом, в конце 60-х годов XIX в. голландские колониальные владения на Суматре вплотную подошли к границам Аче на западном и восточном побережье. Установлению полного господства колонизаторов на Суматре мешал независимый султанат, занимавший выгодную стратегическую позицию. К захвату Аче побуждал Голландию и страх перед тем, что другая европейская держава может опередить ее и укрепиться на севере Суматры.

Суматранский договор 1871 г.

В конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. Англия и Голландия пошли на урегулирование своих противоречий в районе Малаккского пролива. К этому времени правящим кругам обеих держав были ясны будущие последствия отмены «системы культур», допуска в Индонезию частного капитала и открытия Суэцкого канала. Как уже указывалось, с каждым годом Голландия все настойчивее стремилась утвердиться в еще не завоеванных районах архипелага, чтобы не допустить их захвата более сильными державами. Англия же предпочитала видеть владельцем «свободных» территорий Индонезии слабую, тесно связанную с ее политикой Голландию, а не другую европейскую державу или США. Английское правительство не вняло настойчивым требованиям торговцев Стрейтс сетлментс активно вмешаться в борьбу за господство над Восточной и Северной Суматрой, с которой Сингапур, Малакка и Пинанг вели обширную торговлю. Уступчивость Англии объяснялась и тем, что Голландия соглашалась не проводить дискриминационных мер в отношении английской торговли в захваченных районах и постепенно снижала дифференцированные пошлины на английские товары, предусмотренные англо-голландским договором 1824 г.

На протяжении 1863—1869 гг. англо-голландские отношения, ставшие напряженными в связи с голландским наступлением в Сиаке и его владениях, постепенно менялись к лучшему. В августе и октябре 1863 г. английский посланник в Нидерландах в резких выражениях протестовал против голландской оккупации Восточного побережья Суматры, как нарушающей Лондонский договор, и характеризовал голландскую политику там как стремление разрушить английскую торговлю в этой части земного шара. Но уже в конце 1863 г., когда голландское правительство заверило Англию, что захваченные территории будут открыты для частного предпринимательства и на Сиак не распространятся дифференцированные пошлины, сингапурская газета писала: «Если голландцы гарантируют свободу торговли, мы позволим им взять всю Суматру» [266, т. II, 330—331]. В 1865 г. голландский парламент принял новый закон о тарифах в Индонезии, по которому сокращались дифференцированные пошлины.

В июле 1869 г. в Гааге начались англо-голландские переговоры относительно урегулирования колониальных противоречий между двумя державами. Англия добивалась полной отмены дифференцированных пошлин на архипелаге и широкого допуска английского капитала в Индонезию, в частности на Суматру. Голландская сторона стремилась получить согласие Англии на захват не только Восточной Суматры, но и Аче, независимость которого гарантировал договор 1824 г. 8 сентября 1870 г. был подписан договор, по которому Англия согласилась признать захват Сиака и его вассальных владений Голландией взамен предоставления

в этом султанате английским торговцам равных прав с голландскими [254, 36—44]. Хотя соглашение формально касалось лишь одного Сиака, в нем содержалась статья, предусматривавшая его распространение на другие княжества Суматры, которые могут перейти под власть Нидерландов. В письменном заявлении посла Англии Э. А. Дж. Харриса при подписании договора указывалось, что эта статья имеет отношение в первую очередь к Аче [254, 62—63].

Англия и Голландия обсуждали и другие колониальные проблемы: о вывозе индийских кули в Нидерландскую Гвиану (Суринам), где после отмены рабства наблюдалась нехватка рабочей силы, об уступке Англии голландских колоний на Золотом Береге. Одновременно голландское правительство проводило через парламент закон об отмене дифференцированных пошлин в Индонезии, чтобы окончательно склонить Англию к уступчивости в суматранском вопросе [28, 24]. Договор от 8 сентября 1870 г. не был утвержден второй палатой Генеральных штатов. Тем не менее заинтересованность обеих сторон в соглашении по колониальным вопросам была столь велика, что уже в августе 1871 г. переговоры возобновились и 2 ноября 1871 г. в Гааге был подписан так называемый Суматранский договор.

Договор 1871 г. открывал для Голландии возможность полного завоевания Суматры. Статья I гласила: «Его британское величество отказывается от всех возражений против распространения нидерландского господства в любой части острова Суматры и соответственно от оговорки, содержащейся в нотах, которыми обменялись нидерландский и английский представители при заключении договора 17 марта 1824 г.» [254, 69]. Если вспомнить, что «оговорка», о которой шла речь в договоре, касалась признания независимости Аче, то планы голландских колонизаторов становились совершенно ясными. Взамен по статье II Нидерланды предоставили английской торговле и английским подданным в Сиаке, а также во всех суматранских владениях, которые в будущем перейдут под контроль Нидерландов (т. е. снова речь шла прежде всего об Аче), те же преимущества и привилегии, которыми пользуются голландская торговля и голландские подданные [254, 69—70].

Договор 1871 г. был выгоден для обеих сторон. Англия расширяла свои колониальные владения в Западной Африке[6] и завоевывала новые экономические позиции в Индонезии. Голландия получала свободу рук на Суматре и укрепляла свои политические позиции на архипелаге. Оценивая договор 1871 г., русский посол в Англии Ф. И. Бруннов писал 27 февраля 1872 г.: «Это соглашение в интересах Нидерландов, для которых всякое расширение

[6] При заключении Суматранского договора было подписано соглашение о вступлении в силу конвенции от 25 февраля 1871 г. о передаче Англии голландских колоний на Золотом Береге [265, прил. VII, 460].

владений на побережье Суматры очень ценно ввиду близости ее с их колонией Явой» [28, 33].

С точки зрения колониальной политики в Индонезии Суматранский трактат 1871 г. стоит в одном ряду с аграрным законом 1870 г., знаменовавшим конец «системы культур», и законом о новых тарифах 1872 г., отменявшим дифференцированные пошлины. Все они открывают новый этап в колониальной истории Индонезии, характеризующийся переходом к новым формам эксплуатации колонии. Голландия широко допустила к эксплуатации Индонезии капитал других западных держав, в первую очередь английский; была ликвидирована «система культур»; активизировалась деятельность частного капитала.

Политическое положение в Аче в начале 70-х годов XIX в.

Султан Аче Алауддин Ибрахим Мансур-шах умер в 1870 г. На этот раз перед лицом надвигавшейся голландской агрессии ачехская знать нашла в себе силы удержаться от междоусобиц. Султаном был избран Туанку Мохаммад, сын соперничавшего с Ибрахим Мансур-шахом Али Искандар-шаха. Новому султану было всего 14 лет, и страной управляла верхушка ачехской знати. За власть в султанате боролись две группировки, объединявшие крупнейших сановников и владетельных феодалов. В первую входили владетели саги XXII во главе с Панглимой Полимом I, значительная часть улубалангов саги XXVI, а также улубаланг Лонгбаты — области, входившей в саги XXV, но считавшейся вакафом султана. Таким образом, эта группировка объединяла главным образом знать горных и отдаленных от побережья районов. В соперничающую партию входили, напротив, феодалы столичной и приморских областей. Возглавляли группировки высшие сановники султаната: первую — везир Хабиб Абдуррахман ал-Захир, вторую — шахбандар Панглима Тибанг Мохаммад.

Хабиб Абдуррахман ал-Захир, или Хабиб, как его называли в Аче, был араб из Хадрамаута. Родился он в 1832 г. В 1834 г. его отец переселился из Хадрамаута на Малабарское побережье Индии. Хабиб учился в Мекке, а затем — в Каликуте. В 1848 г. он совершил путешествие по Индии, Цейлону, Аравии; из Мекки он направился в Стамбул, затем вернулся в Индию и поступил на службу к низаму Хайдарабада. Вскоре он вновь поселился в Каликуте и занялся торговлей. Он много ездил по Индии, посетил Турцию и европейские страны — Италию, Францию, Германию. Незаурядная авантюристическая натура Хабиба постоянно толкала его к странствиям и поискам места, наиболее отвечавшего его честолюбивым устремлениям. В начале 60-х годов он появился в Сингапуре, где поступил на службу к султану Джохора Абу

Бакару. В 1864 г. ветер странствий занес его в Пиди, а затем — в столицу Аче [203, 1011].

Используя свое знание мира и языков, будучи ловким дипломатом, Хабиб вскоре выдвинулся и приобрел большое влияние на султана Ибрахим Мансур-шаха. Популярности Хабиба способствовало то, что он принадлежал к сейидам. Прекрасное знание мусульманского богословия и права, строгое соблюдение религиозных обрядов, великолепные проповеди — все это сделало Хабиба признанным главой улам столицы. Тысячи людей стекались со всех концов Аче, чтобы послушать пламенные проповеди араба, упрекавшего ачехцев в пренебрежении своими религиозными обязанностями, и поцеловать ему руку.

Ачехские уламы поддержали Хабиба, надеясь с его помощью потеснить адатных вождей, в частности в области судопроизводства, которое давало значительные доходы. Их объединению вокруг араба способствовало то обстоятельство, что Хабиб был чужаком и не был связан с соперничающими между собой уламами. Широкие массы населения, испытывавшие гнет улубалангов, поддержали Хабиба, надеясь на справедливый суд и ограничение произвола знати. Хабиб при поддержке улам развернул кампанию за запрещение бараньих и петушиных боев, азартных игр, опиумокурения, за строгое соблюдение религиозных обязанностей, в первую очередь пятикратной молитвы. Под давлением улам султан создал новый суд — бале мехакаман, в котором решались под председательством Хабиба дела, подлежащие религиозному праву [142, т. I, 169]. Хабиб настоял на сооружении новой главной мечети, привлекал население на строительство мостов и дорог в столичной области. Пользуясь своим положением, он стремился прекратить усобицы между улубалангами [142, т. I, 163].

Деятельность Хабиба способствовала определенному укреплению центральной власти султаната и ограничению прав владетельных феодалов. Оказала она влияние и на укрепление авторитета улам, в которых население видело защитников против всевластия улубалангов. Но Хабиб меньше всего собирался использовать свое влияние и популярность для коренных изменений в жизни султаната. В своей деятельности он не пошел дальше формального введения некоторых шариатских норм. Его пыл, направленный против самовластия и безграничной судебной власти улубалангов, быстро угас, когда ему удалось установить союз с владетелями горного Аче и стать везиром при малолетнем султане.

Главой враждебной Хабибу партии был шахбандар Панглима Тибанг, как и Хабиб, пришелец в Аче. Индиец из низшей касты по имени Рамасами, он мальчиком попал в Аче с бродячей труппой вайянга. Один из военачальников султана Ибрахим Мансур-шаха привязался к ребенку, взял к себе и обратил в ислам. Мохаммад Тибанг (так назвали Рамасами) стал панглимой и вскоре выдвинулся при подавлении мятежа одного из улубалан-

гов. После этого он попал ко двору, где обнаружил большую сметку и расторопность в торговых делах. В конце концов, став шахбандаром, он получил контроль над торговлей и финансами султаната [329, 629].

Группировки образовались еще при султане Ибрахим Мансур-шахе, но властный характер последнего несколько сдерживал соперников. При малолетнем Мохаммад-шахе разногласия в среде ачехской знати усилились. Панглима Тибанг стал фаворитом нового султана и, пользуясь частыми отлучками Хабиба, ездившего в вассальные княжества для сбора дани, увеличивал свое влияние. Раскол ачехской знати был особенно пагубным накануне голландской агрессии. Группировка Тибанга была против войны с Голландией — феодалы прибрежных областей понимали, что их владения в первую очередь испытают на себе последствия войны. Кроме того, ведя большую торговлю с англичанами и голландцами, прибрежные феодалы были больше склонны к компромиссу с колонизаторами, чем владетели горных районов. Группировка Хабиба, объединившая в основном горных феодалов, стояла за сопротивление врагу, являясь в тех условиях носителем феодального национализма, укрепленного существованием патриархально-родовых отношений во внутренних районах Аче. За сопротивление стояли и поддерживающие Хабиба уламы, призывавшие народ не покоряться власти «неверных». Однако сам Хабиб не разделял настроений партии, главой которой он являлся. Заинтересованный в сохранении своего положения, не веривший в возможность борьбы с Голландией, он стоял в этом вопросе ближе к Тибангу, чем к своим приверженцам. Когда же столкновение стало неизбежным, Хабиб возложил все надежды на вмешательство других держав, а не на силу сопротивления народа.

Подготовка нападения на Аче и дипломатическая борьба вокруг ачехского вопроса в 1873 г.

Голландские колонизаторы начали подготовку к захвату Аче еще до заключения Суматранского договора. Собственно говоря, уже в середине 60-х годов XIX в., когда Голландия захватывала пограничные с Аче княжества Восточной Суматры, стало ясно, что следующим объектом станет Аче.

В конце декабря 1868 г. голландский министр колоний Э. ван Ваал поставил перед Индийским советом вопрос об Аче как территории, «на которую впоследствии может быть распространено господство Нидерландов» [265, 321]. В ответе Индийского совета от 4 июня 1869 г. указывалось: «В результате стечения обстоятельств и неправильного, по нашему мнению, поведения султана Аче (речь идет об ачехской реакции на захват Голландией Восточной Суматры.— *В. Т.*) сложилась такая обстановка, которая затрудняет выполнение нами обязательств по договору 1824 г.»

[265, 323]. Голландские колониальные власти, ссылаясь на «подозрительность и ожесточение султана», на его бессилие установить спокойствие в стране, высказывали мнение о «неизбежности вмешательства». В голландской прессе в 1869—1870 гг., т. е. еще до подписания Суматранского договора, велась шумная кампания по поводу пиратства в водах Северной Суматры. Голландское правительство умело использовало и призывы газет Стрейтс сетлментс, которые, жалуясь на опасность мореплавания у берегов Суматры, побуждали английские власти к вмешательству [116, 28—29]. Обеспокоенный активностью английской прессы, Э. ван Ваал в сентябре 1870 г. направил генерал-губернатору Нидерландской Индии П. Мейеру новый запрос, в котором писал: «Положение в Аче, создавая угрозу безопасности мореплавания и торговли, не может быть безразличным для генерал-губернатора, тем более что английское правительство занимается этим вопросом» [265, 331—332].

3 августа 1871 г. Индийский совет принял решение направить в Аче миссию во главе с контролером Ниаса Э. Р. Крайенхоффом. Миссия носила явно провокационный характер. Она должна была установить (в который раз!), имеются ли пираты и ведется ли работорговля в ачехских водах. Капитан военного судна «Джамби» должен был найти места, удобные для сооружения маяков, а также обследовать ачехские гавани (без согласия султана Аче).

Во главе миссии был умышленно поставлен чиновник невысокого ранга, являвшийся представителем губернатора Западного побережья Суматры, а не генерал-губернатора [116, 32]. 26 сентября голландская миссия была принята сановниками султана. Хабиб выразил неудовольствие незначительным чином главы миссии и заявил протест по поводу захвата Голландией ачехских вассальных владений на Западном и Восточном побережье. Крайенхофф отказался обсуждать вопросы о границах и требовал аудиенции у султана. Ачехцы пошли на уступки: 29 сентября Крайенхофф был принят во дворце. Он передал султану письмо губернатора Западного берега Суматры, в котором содержалось требование свободы голландской торговли в ачехских портах, для чего губернатор настаивал на появлении голландских должностных лиц в ряде ачехских портов. Хабиб настоял на примирительном ответе, и голландская миссия отбыла восвояси.

Одновременно с «мирным урегулированием» голландские власти предпринимали новые попытки захвата вассальных княжеств Аче. Голландское военное судно «Марникс» крейсировало в водах Восточного побережья и, пока Крайенхофф вел переговоры в Аче, осуществляло блокаду Иди и Симпанг Улима и захватило ачехское судно [265, 350]. Используя борьбу Иди и Симпанг Улима и напряженные отношения Иди с центральной властью, голландцы вынудили раджу княжества обратиться к ним за помощью. Но дела в Иди приняли неожиданный для колонизаторов оборот: население княжества решительно воспротивилось голландским

планам. Ачехский панглима Теуку Пайя, находившийся в Симпанг Улиме, выступил против раджи Иди и, опираясь на поддержку населения, парализовал его действия. Теуку Пайя купил в Стрейтс сетлментс судно «Цыган», переименовал его в «Симпанг Улим», поставил на нем орудия и превратил в военный корабль [308, 5]. Голландцы обвинили Теуку Пайя в пиратстве и захватили «Симпанг Улим», хотя ответственные лица голландской администрации признавали, что эти обвинения безосновательны [265, 352]. Вероломный захват единственного по-современному вооруженного ачехского судна и происки колонизаторов в Иди вызвали всеобщее возмущение в Аче, и в этих условиях Хабибу и партии Тибанга[7] становилось все труднее сдерживать антиголландские настроения. Если раньше Хабибу удалось склонить султана и высшую знать на отправку посольства к генерал-губернатору [203, 1013], то в мае 1872 г., когда Крайенхофф вновь появился в Аче с письмом, адресованным Хабибу, даже противник сопротивления Теуку Маликуладиль отказался принять голландского контролера, ссылаясь на отсутствие Хабиба [311, 364]. Голландская пресса на все лады склоняла неуступчивость ачехцев, якобы не желавших переговоров с представителями генерал-губернатора. Но когда ачехская сторона согласилась принять голландскую миссию во главе с резидентом Риау Схиффом, голландцы под предлогом занятости Схиффа миссию не отправили, а послали надоевшего султану Крайенхоффа, которого в Бандар Аче встретили холодно.

В декабре 1872 г. в столице султаната после получения последнего письма губернатора Западного берега, привезенного Крайенхоффом (в письме повторялись прежние обвинения в пиратстве и небезопасности ачехских вод и вновь поднимался вопрос о создании маяков под голландским контролем на ачехском побережье), было собрано совещание сановников и высшей знати Аче. На совещании было решено послать посольство во главе с Хабибом в Турцию, чтобы просить турецкого султана принять Аче под свое покровительство и выступить посредником в голландско-ачехском конфликте. Одновременно другая миссия, во главе с Тибангом, должна была отбыть на Риау, чтобы вести переговоры с голландскими властями [265, 379]. Если учесть, что Тибанг с осени 1872 г. вел переговоры в Сингапуре с английскими, американскими и итальянскими представителями, то становится ясной позиция основной части ачехской знати, которая рассчитывала получить в борьбе с надвигавшейся голландской агрессией помощь со стороны других западных держав или Турции.

Обратимся вначале к миссии Хабиба Абдуррахман ал-Захира. Хотя основная ее деятельность приходится уже на период войны

---

[7] В 1871 г. голландцы считали, что в Аче существует сильная проголландская партия. В депеше министра колоний Индийскому совету, отправленной в сентябре 1871 г., говорилось: «Кроме враждебных элементов в Аче имеются и другие, которые ищут нашей защиты и хотят стать под наше покровительство» [265, 354].

(март — июль 1873 г.), она имеет непосредственное отношение к попыткам Аче предотвратить столкновение, заручившись поддержкой извне. Султан Ибрахим Мансур-шах пытался получить поддержку Турции еще в середине 50-х годов, когда отправил в Константинополь своего посланца Сиди Мохаммада [343, 419]. В период обострения отношений с Голландией Аче вновь обратился к Турции в конце 1868 г., когда индонезийцы, живущие в Мекке, и паломники из Аче просили пашу Джидды ходатайствовать перед султаном о помощи против голландцев [8].

Миссия во главе с Хабибом выехала в начале января 1873 г. Сначала Хабиб остановился в Мекке. Здесь уже после начала войны он получил письмо султана, облекающее его полномочиями вести переговоры с любым европейским государством о помощи Аче [203, 1015—1016]. Из Мекки посольство отбыло в Париж, а оттуда — в Константинополь. По-видимому, пребывание Хабиба во Франции было кратковременным, так как он очень скоро убедился, что французское правительство не собиралось ввязываться в колониальные конфликты, тем более такие, которые в какой-то мере затрагивали бы Англию или ее союзников.

В Константинополе Хабиб пытался заручиться поддержкой Турции и некоторых европейских держав, причем обращался к сторонам, в тот момент диаметрально противоположным — Англии и России. Довольно полное представление о переговорах Хабиба в Константинополе и позиции держав в отношении голландской агрессии в Аче дают донесения русского посланника в Турции Н. П. Игнатьева (насколько нам известно, эти донесения — единственная публикация дипломатических документов, относящихся к миссии Хабиба). Ачехские представители, ссылаясь на вассальные узы, связывавшие их родину с Османской империей еще с XVI в., просили турецкого покровительства [28, 46—47]. Разумеется, никто в Аче, как и в других мусульманских странах, которые в XIX в. обращались за помощью к Турции, всерьез не собирался превратить страну в часть Османской империи. Ачехская знать, особенно Хабиб и его приверженцы, рассчитывала обращением к Турции интернационализировать голландско-ачехский конфликт.

Миссия Хабиба получила в Турции поддержку со стороны «молодых османов» («младотурок»), увидевших в обращении Аче возможность для Турции выступить в роли защитницы своих единоверцев даже в таком отдаленном районе. «Молодые османы» и Хабиб опубликовали в газетах, выходящих в Османской империи, ряд статей, имевших целью привлечь внимание общественности к ачехским делам. Так, в официозе «Ля Тюрки» в мае 1873 г. появилась статья «Голландия и султан Аче». Автор статьи скептически относится к голландской версии причины войны и считает,

---

[8] Текст обращения см. [265, прил. VIII, 461—462].

что «было бы более справедливым объяснить вооружение Аче ультиматумом голландского колониального режима и зависимым положением торговли на Суматре». Он прямо обвинял голландцев в развязывании войны и писал, что «их колониальный режим... унизителен». «Ля Тюрки» призывала к тому, чтобы «султан выступил непосредственно перед голландским правительством или перед иностранными державами с просьбой присоединиться к нему, чтобы добиться соглашения между правительствами Голландии и Аче».

Под влиянием пропаганды «молодых османов» и нажима властей Мекки, где существовала многочисленная и влиятельная индонезийская колония, турецкое правительство пыталось вмешаться в ачехские дела. Н. П. Игнатьев писал А. М. Горчакову 17 (29) мая 1873 г.: «Давление с их („молодых османов". — *В. Т.*) стороны, равно как и желание угодить шерифу Мекки, чтобы увеличить престиж Порты в Йемене и Неджде, обязывает оттоманское правительство, по выражению Рашид-паши (турецкий министр иностранных дел. — *В. Т.*), „сделать хотя бы вид, что они что-то предпринимают для мусульман Суматры"» [28, 54]. Но дальше разговоров дело с турецким посредничеством не пошло. У Османской империи для этого не было сил: волновались арабские и балканские провинции, надвигалась война с Россией. К тому же европейские державы, даже соперничающие, — Англия и Россия, единодушно поддержали Голландию и выступили против турецкого вмешательства. Так, русский посол Н. П. Игнатьев сообщал правительству, что он открыто поддержал Голландию с целью пресечь стремление Турции выступить в роли «арбитра мусульманского мира» [28, 62]. Никаких результатов не дали и попытки Хабиба обратиться к Англии. Хотя Англия поддерживала «младотурок» в их панисламистских настроениях, поскольку они носили антирусский характер, она, как и Россия, не желала усиления роли Турции в мусульманском мире. Кроме того, Англия являлась партнером Нидерландов по колониальному грабежу в Индонезии, и война с Аче отвечала в конечном счете ее интересам. Поэтому, хотя в Константинополе во время пребывания Хабиба носились слухи, что «британское правительство будет весьма раздосадовано успехами голландцев и с удовольствием поддержит примирительные демарши, которые предпримет Порта», как сообщал Н. П. Игнатьев, английский посол в Турции Т. Эллиот в беседе с турецким министром иностранных дел сказал последнему, «что он не может посоветовать оттоманскому правительству вмешиваться в такое дело, которое вызовет только недовольство Турцией. К тому же интересы Англии скорее требуют подчинения всего острова Суматра голландцам» [28, 54].

В середине июня 1873 г. обнаружился полный крах ачехской миссии. Хабиб оставался в Турции до конца июля, безуспешно добиваясь вмешательства Турции. Единственное, чего он добился при поддержке «младотурок», — это безобидной ноты, врученной

турецким министром иностранных дел голландскому посланнику Хелдевиру.

Вторая ачехская миссия отбыла в декабре 1872 г. на Риау. Глава ее Мохаммад Тибанг в это время находился в Сингапуре, куда он еще в сентябре был отправлен султаном для покупки судна. Тибанг первоначально объехал княжества побережья, чтобы собрать деньги. Встретив по дороге голландского торговца Х. К. ван Аккере, посоветовавшего купить корабль у его шурина на Риау, Тибанг побывал там до прибытия в Сингапур, и с этого времени в Аче стали распространяться слухи о его предательстве [311, 371].

Главной ошибкой Тибанга стали его контакты с минангкабау Мохаммадом Арифином, который оказался голландским шпионом и провокатором. Голландские историки отрицают связь Арифина с официальными властями, представляя дело таким образом, будто бы он действовал чуть ли не на свой страх и риск. Автор самого солидного исследования о периоде, предшествовавшем войне, например, считает Арифина всего лишь ловким интриганом, который злоупотребил доверием голландского консула в Сингапуре У. Х. Рида [265, 386]. Аналогичное мнение высказывал и другой маститый голландский историк [95, т. I, 56—57]. В действительности же Арифин выполнял роль, отведенную ему голландскими колониальными властями, которые искали предлог для начала войны с Аче; факты свидетельствуют, что Тибанг попал в ловушку, тщательно подготовленную голландцами. В сентябре или октябре 1872 г. Тибанг встретил в Сингапуре Арифина, которого знал еще по Аче, где тот жил в течение некоторого времени. Впоследствии Арифин заявлял, что Тибанг обратился к нему с просьбой содействовать посредничеству губернатора Стрейтс сетлментс в голландско-ачехском конфликте и, узнав от Арифина, что англичане не будут вмешиваться в суматранские дела, спросил, сильнее ли США Нидерландов и не может ли Арифин свести его с американским консулом. Видимо, сам Арифин по поручению хозяев натолкнул Тибанга на мысль о вмешательстве США и европейских держав в ачехские дела, ведь в этом случае голландцы получали повод для войны против Аче, обвинив ачехцев в попытке организовать иностранное вмешательство в дела архипелага, особенно Суматры, где «особые права» Нидерландов были признаны договором 1871 г.

В декабре 1872 г. к Тибангу в Сингапур прибыли члены посольства. Показательно, что в состав посольства были включены сторонники Тибанга и представители феодалов столичной области, т. е. те, кто стоял за соглашение с голландцами. Члены посольства привезли Тибангу письмо султана к резиденту Риау, в котором султан просил резидента отсрочить визит в Аче на шесть месяцев до получения ответа от Турции [116, 37]. Посольство Тибанга прибыло на Риау 13 декабря 1872 г. и пробыло там до 25 января 1873 г. Его приняли без подобающих почестей, как

посольство из вассального государства. Резидент Схифф назначил своими представителями контролера Крайенхоффа и переводчика Саид Тахира, которые в сопровождении двух голландских лазутчиков повезли на военном корабле «Марникс» ответ султану. В ответном письме Схифф обошел молчанием просьбу об отсрочке и вновь повторял все прежние обвинения в пиратстве [116, 38—39]. Вместе с голландскими представителями на «Марниксе» возвращалось домой посольство Тибанга.

Когда «Марникс» прибыл в Сингапур, Тибанг возобновил контакты с Арифином. Дальнейшие события, согласно донесению голландского генерального консула Рида, развивались следующим образом. Тибанг написал письма консулам США, Италии и Франции. 26 января в отеле «Европа» он встретился со швейцарцем А. Стадером, американским консулом в Сингапуре. В тот же день Стадер телеграфировал командующему американской эскадрой в Южно-Китайском море адмиралу Дженкинсу, приглашая его посетить Сингапур. 27 января состоялась встреча Тибанга с итальянским консулом, на которой присутствовал дипломатический агент Италии на Востоке капитан Раккиа, недавно вернувшийся из Сиама [116, 78]. Вскоре Рид не только узнал от Арифина о переговорах в отеле «Европа», но и получил в руки проект договора между США и Аче, который якобы предложил Стадер. Судя по тексту, посланному резидентом Риау генерал-губернатору Лаудону 24 февраля 1873 г., договор предусматривал союз между обеими сторонами, свободу американской торговли в Аче, снижение пошлин на американские товары до 5% их стоимости, назначение консула США в Аче [116, 84—85].

14 февраля, уже после отъезда ачехского посольства, Арифин сообщил о переговорах Риду, вручил ему письмо, из которого явствовало, что Арифин назначен консулом Аче в Сингапуре. На следующий день Рид телеграфировал генерал-губернатору Лаудону, что «ачехский посол интригует с американским и итальянским консулами», а 16 февраля, в ответ на требование разъяснений, сообщил: «Ачехская делегация вошла в контакты с консулами США и Италии и передала письмо султана с просьбой о помощи против предполагаемого нападения Голландии» [116, 43]. В тот же день Лаудон направил министру колоний Франсену ван де Пютте телеграмму, в которой данные Рида интерпретировались как абсолютно достоверные и вызывающие тревогу. 18 февраля Франсен ван де Пютте телеграфировал Лаудону, что совет министров и король приняли решение направить военную экспедицию в Аче [116, 44]. Еще через три дня Лаудон рапортовал в Гаагу: «Состоялось заседание Индийского совета под моим председательством. Единогласно решено как можно скорее направить комиссара с четырьмя батальонами в Аче с ультиматумом о признании сюзеренитета... Комиссаром назначен вице-президент» [116, 44].

Таким образом, прошла лишь неделя от телеграммы Рида до

официального решения начать войну с Аче. События развертывались с такой головокружительной быстротой и так четко и продуманно следовали одно за другим, что поневоле приходится усомниться, имели ли они естественный ход. Сомнения возрастают, если пристальнее взглянуть на некоторые детали. Арифин, как окончательно показало его участие в голландской экспедиции в качестве переводчика комиссара, находился на голландской службе и был доверенным лицом Рида. Небезынтересно, что 6 марта, когда вице-президент Индийского совета уже отбыл с ультиматумом в Аче, Рид в письме к Лаудону не настаивал, как прежде, на существовании каких-либо особых компрометирующих документов о переговорах консулов США и Италии с ачехцами и даже склонялся к мысли, что пресловутый проект договора между США и Аче составлен малайцем, явно подразумевая Арифина [116, 89]. Анализ телеграмм Рида, Лаудона и ван де Пютте в период 17—22 февраля показывает, что генерал-губернатор и министр колоний умышленно придали категоричность и окончательность сообщению Рида, не удосужившись проверить его достоверность. Все это позволяет предположить, что имел место продуманный заговор, целью которого было скомпрометировать действия ачехского посольства в глазах общественного мнения Голландии и создать повод для войны с Аче. Подтверждением служит и подготовка голландской экспедиции в Аче до депеш Рида.

Разумеется, Голландия опасалась появления на архипелаге молодых капиталистических держав, и ее агрессия против Аче была ускорена обострением борьбы за раздел мира, которое коснулось и Юго-Восточной Азии. Именно это имел в виду генерал-губернатор Лаудон, когда писал 25 февраля министру колоний: «Нидерландское правительство должно положить конец двусмысленному поведению Аче. Это государство остается нашим слабым местом на Суматре. Пока мы не установим над ним наше господство, оно остается для нас дамокловым мечом» [116, 74]. Однако, как показали события, ни со стороны Италии, ни со стороны США в тот момент не было серьезной угрозы голландским позициям в Индонезии. 17 февраля министр иностранных дел Голландии телеграфировал посланнику в Риме распоряжение «выяснить отношение правительства Италии к действиям консула и Раккиа в Сингапуре» [116, 93]. Министр иностранных дел Италии Висконти Веноста первоначально заверял голландского посланника, что все тревоги его правительства напрасны и проистекают от чрезмерной мнительности. Впоследствии он согласился, что, возможно, со стороны итальянского консула в Сингапуре была допущена некоторая неосторожность [116, 58]. Уже 24 февраля консулу было передано распоряжение воздержаться от вмешательства в ачехские дела [265, 404], а 26 февраля из Гааги генерал-губернатору телеграфировали: «Из Италии сообщили, что консул в Сингапуре воздержится от выполнения обещаний... Не последует

никакого международного вмешательства» [116, 45]. Позиция США оказалась сходной с итальянской. 20 февраля была послана телеграмма голландскому посланнику в Вашингтоне с распоряжением сделать запрос относительно действий Стадера [116, 97, 98]. 6 марта Рид сообщил генерал-губернатору, что Стадер «решительно отрицает наличие договора с Аче» [116, 89]. На следующий день правительство США приняло решение дезавуировать действия своего консула в Сингапуре.

Голландское правительство обратилось также к Франции, Турции, Германии и России с идентичными заявлениями, суть которых сводилась к тому, что голландско-ачехские отношения являются внутренним делом Нидерландов.

Прямыми пособниками Голландии выступили английские колонизаторы. Англия поддержала Голландию в её дипломатических демаршах в европейских столицах, Вашингтоне и Константинополе, и, вне всякого сомнения, в значительной мере английской поддержкой позиции Нидерландов объясняется быстрое отступление правительств Италии и США. Прочно утвердившись на восточной стороне Малаккского пролива, готовясь к захвату всей Малайи, деля с Голландией выгоды от эксплуатации Индонезии, Англия решительно поддержала агрессию против Аче, хотя это и затрагивало интересы некоторых торговцев Стрейтс сетлментс, вывозивших из Аче перец и бетель. Но английские торговцы быстро возместили убытки, организовав продажу оружия и боеприпасов по высоким ценам отрезанным от внешнего мира ачехцам.

Отказ Италии и США от вмешательства в ачехские дела не повлиял на агрессивные замыслы голландских колонизаторов. Франсен ван де Пютте торопил с отправкой экспедиции, в Индонезию срочно перебрасывались подкрепления. 4 марта состоялось заседание Индийского совета, на котором была утверждена инструкция комиссару в Аче Ф. Н. Ниювенхайзену [95, т. I, прил. V, 411—413]. По прибытии в Аче комиссар должен был потребовать от султана разъяснений относительно сингапурских переговоров, причем в ноте султану он должен был указать на особую ответственность администрации Нидерландской Индии за положение на Суматре. В случае отказа султана дать удовлетворительные объяснения комиссар должен был объявить войну Аче от имени генерал-губернатора. Инструкция не содержала требования включения Аче в состав голландских колониальных владений, речь шла только о признании верховенства Голландии. Однако 17 марта, когда Ниювенхайзен уже находился на Пинанге, он получил следующую телеграмму от Лаудона: «Я предоставляю вам полную свободу действий вне зависимости от инструкции под мою ответственность. Если мирное разрешение вопроса невозможно, необходимо действовать решительно и энергично. За последствия отвечаю я... Войска отправятся, как только будут готовы, я надеюсь, не позже 22-го» [95, т. I, 59]. Это был курс не на мирное урегулирование, а на войну. Вопрос состоял уже не в «объяс-

нениях», которые требовались от Аче, а в подчинении султаната.

Аче находился в трудном положении. Надежды на помощь извне рухнули, от Хабиба не было известий, группировка Тибанга выступала против сопротивления агрессии. Оборонительные сооружения на побережье были старыми, у ачехцев не хватало огнестрельного оружия. Но в этот решающий момент народ Аче и бóльшая часть феодальной знати проявили настоящее мужество. Родственник султана Туанку Хашим и Панглима Полим I собрали воинов и начали ремонтировать прибрежные укрепления. Огромную помощь оказал «комитет восьми» во главе с Теуку Пайя, созданный на Пинанге в августе 1872 г. и занимавшийся закупкой оружия и боеприпасов и переправкой их в Аче. До марта 1873 г. «комитету восьми» удалось отправить из Пинанга в Аче около 1400 ящиков с винтовками и 5000 *т* пороха [95, т. I, 58].

Первая голландская экспедиция и ее разгром (март — апрель 1873 г.)

22 марта 1873 г. на рейде Аче, вне досягаемости огня ачехских пушек, стали четыре голландских военных корабля, на одном из которых — «Цитадели Антверпена» — прибыл в непокорный султанат голландский правительственный комиссар вице-президент Индийского совета Ф. Н. Ниювенхайзен. Действия комиссара явились заключительным актом провокации голландских колонизаторов, целью которой было подчинить последнее крупное независимое государство Индонезии.

В тот же день, когда голландские корабли появились у берегов Аче, комиссар направил султану письмо, в котором обвинял ачехские власти в нарушении торговли и мореплавания у берегов Аче, а также «во враждебных в отношении нидерландского правительства действиях, выразившихся в сношениях с агентами других держав в Сингапуре». Письмо заканчивалось требованием предоставить письменное объяснение по существу затронутых в послании вопросов и вступить в переговоры относительно формы тех отношений, которые будут отныне существовать между администрацией Нидерландской Индии и Аче [265, прил. XV, 475]. 23 марта султан в очень миролюбивом ответном письме выразил надежду, что голландские власти не предпримут каких-либо действий до получения известий из Турции, куда направлено ачехское посольство. На следующий день Ниювенхайзен направил второе письмо, в котором выражал неудовлетворенность ответом и требовал прекратить приготовления к обороне на побережье. Угрожая войной, он предлагал до истечения 24-часового срока согласиться на голландские требования [265, прил. XV, 476].

Султан снова и снова писал миролюбивые письма, объясняя скопление вооруженных людей на берегу тревогой населения по поводу появления военных голландских кораблей [265, прил. XV,

477, 479]. 27 марта Ниювенхайзен потребовал уже не просто письменного объяснения, а формального признания голландского сюзеренитета над Аче. Полный достоинства ачехский ответ от 1 апреля вновь подтверждал намерение Аче прийти к мирному соглашению с Голландией, но не ценою потери независимости [265, прил. XV, 479—480]. В тот же день Ниювенхайзен от имени генерал-губернатора Нидерландской Индии объявил Аче войну [95, т. I, прил. VII, 420—421].

Анализируя действия голландского уполномоченного, сопоставляя текст его письма к султану с полученными им в Батавии инструкциями, нельзя не заметить некоторой «робости» действий Ниювенхайзена, особенно в первые дни переговоров. В самом деле, в течение первых пяти дней в своих обращениях к султану он даже не упоминал о признании сюзеренитета Голландии; это требование появилось лишь в письме от 27 марта. В каждом письме султану Ниювенхайзен устанавливал 24-часовой срок для выполнения голландских требований, но отнюдь не торопился с официальным объявлением войны и послал его султану лишь 1 апреля, хотя датировано заявление о начале военных действий было 26 марта. Голландские авторы объясняют такое поведение комиссара стремлением голландской администрации еще раз попытаться уладить ачехский вопрос, не доводя дело до войны [95, т. I, 64]. Однако «нерешительность» Ниювенхайзена объясняется довольно просто, если вспомнить, что в день прибытия комиссара на рейд Аче из гавани Танджунг Приок вышли корабли, на борту которых находились солдаты и офицеры экспедиционного корпуса, направлявшегося в Аче. Таким образом, голландские колонизаторы фактически начали войну в тот день, когда правительственный комиссар приступил к переговорам. И он вел эти переговоры, стремясь усыпить тревогу ачехцев, готовящихся к сопротивлению, вплоть до того дня, когда голландская экспедиция достигла о-ва Пинанг и взяла прямой курс к берегам Аче, т. е. когда скрывать прибытие экспедиции было уже невозможно.

Голландские представители стремились использовать переговоры с султаном и для непосредственной подготовки вторжения. Саид Тахир, посланец Ниювенхайзена к султанскому двору, не терял времени даром, появляясь начиная с 22 марта через день при ачехском дворе. Во-первых, он занимался самой настоящей разведкой, всякий раз меняя место высадки на берег и направляясь к Даламу по различным дорогам. Во-вторых, Саид Тахир вел тайные переговоры с рядом ачехских феодалов, стремясь склонить их на сторону голландцев [114, 15—17]. Однако даже склонные к соглашению с голландцами феодалы из числа сторонников Тибанга не решились в тот момент на предательство, ожидая дальнейшего развертывания событий. Лишь один человек из этой группировки, Теуку Нек, владетельный феодал прибрежной области Мераса, враждовавший с улубалангом VI мукимов — решительным сторонником сопротивления, пошел на сотрудничество

с голландцами. 24 марта он обратился к комиссару с просьбой не причинять ущерба его владениям, обещая со своей стороны помощь голландцам [116, 115]. Несомненно, как это показали дальнейшие события, Теуку Нек ставил своей целью добиться с помощью голландцев главенствующей роли среди феодалов Аче, прежде всего сокрушить своих врагов в VI мукимах.

Экспедиционный корпус, отправленный в Аче, представлял внушительную силу. В его состав входили три голландских батальона, мадурский батальон, полуэскадрон кавалерии, артиллерийские, саперные и медицинские подразделения. Общая численность корпуса, не считая носильщиков, слуг и рабочих, составляла около 3400 солдат и офицеров [129, 37—51], т. е. около девятой части всей голландской колониальной армии в Индонезии, насчитывавшей накануне войны 32 695 человек [123, 58]. Экспедицию поддерживали восемь военных кораблей, имеющих мощную артиллерию, и отряд морской пехоты [309, т. I, 98—102]. Командующим был назначен генерал-майор Й. Х. Р. Кёхлер, до этого командующий войсками Западной Суматры, его заместителем — полковник Э. К. ван Даален.

5 апреля 1873 г. голландская экспедиция прибыла к берегам Аче. Генерал-губернатор Лаудон и его окружение, а также командование армией Нидерландской Индии считали, что ачехская кампания будет закончена в короткий срок. Общее мнение, царившее в колониальных кругах, сводилось к тому, что с падением столицы султаната проблема покорения Аче будет решена, ибо, лишившись столицы, султан непременно (об этом свидетельствовал опыт ряда войн, которые голландцы вели в XIX в. во Внешних владениях) примет все условия победителей. Поэтому основной (и практически единственной) целью экспедиции стал захват Далама.

Высадка голландских войск на побережье Аче началась 6 апреля. В этот день две роты под прикрытием огня с кораблей высадились поблизости от укрепления Кута Пантей Чермин [236, 9]. 7 апреля, после начала высадки основных сил, голландцы захватили это слабое укрепление [298, 16]. Гораздо сложнее оказалось сломить сопротивление защитников соседнего укрепления — Кута Мегат. 8 апреля голландский отряд попал у Кута Мегат под перекрестный огонь пушек на редутах и с большими потерями отступил к лагерю [129, 147—148]. На следующий день голландцы атаковали укрепление более значительными силами при поддержке корабельной и сухопутной артиллерии. И снова, вооруженные допотопными пушками и устаревшими ружьями, ачехцы отбили врага, который в этот день потерял убитыми и ранеными около 70 человек [95, т. I, 101].

Бои под Кута Мегат оказали значительное воздействие на настроения в голландском экспедиционном корпусе. Так, во время второго наступления мадурский батальон, действовавший в авангарде, отказался идти в атаку и просил о смене [311, 406]. Оценивая итоги боев под Кута Мегат, участник первой экспедиции

Э. Б. Килстра писал: «Таким образом, в первый же день мы потерпели поражение, которое очень неблагоприятно повлияло на моральное состояние наших войск» [95, т. I, 103].

10 апреля основные силы голландцев начали наступление из лагеря на берегу на Далам [236, 15]. Голландская армия двигалась на юг через покинутые жителями деревни. Через некоторое время сержант, находившийся в передовом дозоре, заметил в отдалении серые стены, окружавшие высокое здание. Голландский авангард направился к этому зданию, не приняв почти никаких мер предосторожности. Неожиданно безмолвные стены здания Месджид Райя — главной мечети султаната — ожили: ачехцы открыли огонь. Одновременно ачехский отряд, притаившийся в засаде неподалеку от соседнего кампонга, напал на главные силы наступавших голландцев [218, 20—21]. Наступление на Далам было остановлено, и голландцам пришлось заняться мечетью.

Главная мечеть Аче представляла высокое здание, окруженное каменной стеной высотой от 1 до 2,5 *м* и толщиной 65 *см*. На северной и южной сторонах стены находились бастионы, на которых были установлены пушки [218, 7].

После первых неудачных попыток захватить мечеть голландцы изменили тактику. Они стали обстреливать мечеть зажигательными снарядами. Так как почти все строения внутри ограды были деревянными, мечеть быстро загорелась, и защитники были вынуждены ее покинуть. Голландский отряд без сопротивления ворвался в мечеть и приступил к тушению пожара [129, 177]. Но вслед за тем сразу же начались непрерывные атаки ачехцев. Голландцы, утомленные длительным переходом и жарой, понесшие большие потери, окруженные в мечети почти со всех сторон, с трудом сдерживали натиск ачехцев в течение двух с половиной часов. Наконец, после того как Кёхлер получил донесение, что солдаты, находящиеся в мечети, не могут более противостоять ачехцам, он отдал приказ покинуть мечеть и отступить в лагерь, созданный на рисовых полях неподалеку от мечети [218, 44]. Ачехцы немедленно заняли оставленную врагом мечеть и начали ее укреплять.

В последующие дни голландцы безуспешно пытались продвинуться к Даламу. Так, 12 апреля ачехцы заставили повернуть голландский отряд, направлявшийся к Даламу, и совершили из мечети нападение на лагерь врага [218, 45]. Кёхлер решил вновь атаковать мечеть, понимая, что двигаться к Даламу, не захватив этот опорный пункт ачехцев, невозможно. 14 апреля произошел второй штурм. Как и 10 апреля, превосходство в артиллерии решило исход сражения. К 7 часам утра мечеть была захвачена голландцами. Но ачехцы оборонялись на этот раз еще ожесточеннее, чем в день первого штурма. Защитники мечети отбили несколько атак врага. Бой продолжался и в самой мечети, пока все защитники крепости не были перебиты. В захваченной мечети голландцы обнаружили четыре старые пушки и трупы 90 ачехцев [218, 67]. Победа недешево досталась захватчикам: в этот день они потеряли свыше 100 че-

ловек ранеными и убитыми — в два раза больше, чем в день первого штурма [95, т. I, 139].

В 9 часов утра в мечеть прибыл генерал Кёхлер и тут же был убит во время обстрела мечети ачехцами [309, т. I, 220]. Смерть командующего экспедицией значительно ухудшила и без того подорванное за 10 дней боев моральное состояние голландских войск. Уже в день гибели Кёхлера правительственный комиссар Ниювенхайзен в телеграмме генерал-губернатору («Генерал Кёхлер убит. Дела идут неважно. Необходимы подкрепления») выразил сомнение в возможности продолжения экспедиции [308, 80]. Но окончательное поражение экспедиция потерпела 16 апреля. В этот день полковник Э. ван Даален, сменивший Кёхлера, пытался атаковать Далам. В течение первого часа боев на подступах к Даламу голландцы потеряли около четверти штурмовой колонны и отошли к лагерю [129, 212]. В тот же день на военном совете было принято решение возвращаться на побережье. На следующий день деморализованная и потрепанная голландская армия отступила в лагерь на берегу [129, 223].

В Батавии, куда еще не дошло известие о поражении, царило воинственное настроение: был назначен новый командующий — генерал Ферспейк, вместе с которым в Аче должны были отправиться еще два батальона [129, 363]. Однако в тот же день, 17 апреля военный совет ачехской экспедиции высказался за возвращение на Яву. Собравшийся 20 апреля Индийский совет большинством голосов принял решение отозвать экспедицию [308, 81—82]. Еще до получения окончательного ответа из Батавии голландцы начали грузиться на суда, а 29 апреля последний голландский солдат покинул берега Аче [236, 32]. Таким образом, первая голландская экспедиция в Аче закончилась провалом. Это было самое серьезное поражение голландских колонизаторов в Индонезии за последнюю четверть века.

Поражение голландского экспедиционного корпуса в Аче вызвало очень широкий резонанс как в Нидерландах и их колонии, так и в ряде других стран. Легкая увеселительная прогулка, обещанная непосредственными инициаторами Ачехской войны — министром колоний Франсеном ван де Пютте и генерал-губернатором Лаудоном, обернулась разгромом, который, несмотря на все старания, замолчать было невозможно. Русский посланник в Голландии Н. А. Столыпин сообщал в своем донесении от 20 апреля 1873 г.: «Гаага с ужасом узнала о поражении нидерландских войск в Аче, сопровождавшемся тяжелыми потерями и гибелью главнокомандующего генерала Кёхлера» [28, 44]. Правительство, подвергшееся многочисленным нападкам, не обладавшее достаточно прочным большинством в парламенте и надеявшееся удачной войной в Аче упрочить свои позиции, получило в мае 1873 г. вотум недоверия[9].

[9] Правительство де Фриса — Франсена ван де Пютте выполняло свои обязанности до августа 1874 г. в связи с организацией новой экспедиции в Аче.

Неудача экспедиции подорвала политическую карьеру главного виновника войны — Франсена ван де Пютте.

Многочисленные речи в парламенте и статьи в газетах весной — осенью 1873 г. были заполнены взаимными обвинениями представителей различных политических партий. Несмотря на разноречивость суждений и обоюдные нападки, и либералы и консерваторы сходились в одном: войну следует довести до конца. Колониалистский угар охватил голландскую общественность: даже те, кто возражал против Ачехской войны, теперь заявляли о необходимости восстановить престиж Нидерландов. Диссонансом шовинистическим настроениям прозвучал одинокий голос члена парламента клерикала Л. В. К. Кеухениуса, который предложил послать в Аче представительную делегацию, извиниться перед султаном за агрессию и возместить убытки [36, 172—173]. «Наши действия против Аче могут означать начало конца нашего владычества в Индии»,— заявил Кеухениус, находившийся в те годы под несомненным влиянием идей Э. Дауэса Деккера (Мультатули) [35, 16].

Через пятнадцать лет взгляды Кеухениуса на Ачехскую войну кардинально изменились: в качестве министра колоний он принимал активное участие в разработке планов быстрейшего подавления сопротивления того народа, за которым раньше признавал право на независимость.

Для основной же массы политических деятелей Нидерландов 70-х годов идеи Мультатули годились лишь в той их части, которая предусматривала ликвидацию «системы культур». Сохранение господства в Индонезии, расширение колониальных захватов на архипелаге вполне уживались с законодательством 70-х годов. Именно это и продемонстрировало начало Ачехской войны.

Критика в адрес правительства и колониальной администрации раздавалась и в Индонезии, точнее, в среде голландской общественности в колонии. В основном критика носила, как и в метрополии, характер сведения счетов между различными фракциями правящих кругов. Но прозвучал голос и тех, кто воспользовался неудачей экспедиции, чтобы обрушиться на колониальную бюрократию и военщину.

Характерным примером этих настроений служат выступления Х. Б. ван Даалена, редактора газеты «Ява Боде» («Яванский вестник»). В мае—июне 1873 г. газета опубликовала серию статей ван Даалена о причинах поражения голландских войск в Аче. Вскоре статьи ван Даалена были изданы также отдельными брошюрами [61; 62].

В первой из этих статей — под названием «Кто виноват?» — ван Даален критиковал колониальную администрацию и командование колониальной армии за полную неподготовленность к ведению войны в Аче, за недооценку сил противника, за неудачный выбор времени года для операций (через три недели после отправки войск в Аче начался сезон муссонов). Журналист делал вывод, что в поражении виноваты и Кёхлер, и высшие чины армии и фло-

та Нидерландской Индии, и генерал-губернатор [62, 9]. В заключение он обвинил также правительство Нидерландов, которое не уделяет делам в колонии должного внимания [62, 16].

Статьи ван Даалена вызвали яростные нападки со стороны окружения генерал-губернатора. Журналист не сдался, и в июне 1873 г. «Яванский вестник» опубликовал новую серию его статей, в которых критика действий колониальной администрации была еще более резкой. Ван Даален обвинял правительство и генерал-губернатора в сознательном искажении фактов, связанных с началом войны, т. е. в косвенной форме не соглашался с официальной версией относительно причин Ачехской войны. Критикуя главных инициаторов войны — Франсена ван де Пютте и Лаудона, ван Даален писал: «Конечно тем, кто затеял всю эту историю,— Лаудону и Франсену ван де Пютте хотелось бы, чтобы король Аче покорился без сопротивления, чтобы можно было затмить славу Цезаря, сказав: „Не приходил, не видел, но победил!“» [61, 4]. Идеи этих статей явно перекликаются со взглядами Кеухениуса, высказывания которого об Ачехской войне сочувственно цитировал ван Даален. Критикуя колониальную администрацию за плохую организацию экспедиции, ван Даален ставил под сомнение право Нидерландов вообще затевать эту экспедицию: «И все дело в том, что поход против Аче затеяли с большим шумом, малым предвидением и с еще меньшим правом» [61, 16].

Сразу же после выхода в свет второй серии статей ван Даалена газета «Яванский вестник» была предупреждена властями, чтобы она не касалась ачехского вопроса. К ван Даалену обратился сам генерал-губернатор с призывом «во имя отечества не преувеличивать силы врага и не преуменьшать мощь Голландии» [36, 19—20].

В августе 1874 г. Х. Б. ван Даален был привлечен к суду за статью, содержащую нападки на генерала Ферспейка. Л. В. Кеухениус, выступавший на процессе в качестве защитника, разоблачил намерение колониальной администрации расправиться со смелым журналистом. В сентябре 1874 г. батавский суд был вынужден оправдать ван Даалена [36, 186]. С другим журналистом — К. П. Винкелем из «Семарангсе Курант» — расправились более решительно: по распоряжению генерал-губернатора он был выслан из Индонезии за статьи, в которых содержалась критика голландской военщины [36, 17].

Таким образом, Ачехская война вызвала противодействие со стороны некоторых кругов Нидерландов и их колонии, воспользовавшихся поражением экспедиции для критики правительства, колониальной бюрократии и военщины. Но голос представителей этих кругов был слабо слышен в ура-патриотических криках, сопровождавших действия голландских колонизаторов в Аче. Тем не менее замолчать поражение было невозможно, и Индийский совет назначил специальную комиссию для расследования причин провала экспедиции. Комиссия работала до конца ноября 1873 г. и

представила объемистый доклад, составленный на основании опросов лиц, участвовавших в экспедиции.

Характерно, что в докладе, предназначенном для служебного пользования в качестве практического руководства для второй экспедиции, та причина весеннего поражения в Аче, которая постоянно фигурировала в официальных заявлениях и верноподданнической прессе,—наступление дождливого сезона — отмечена как второстепенная [129, 361]. Главная же причина неудачи экспедиции, по мнению комиссии, заключалась в больших потерях убитыми и ранеными, достигших в сухопутных войсках более 400 человек [129, 357], а также в «фактической невозможности имеющимися силами продолжать кампанию, учитывая чрезвычайно яростное сопротивление врага» [129, 358]. Официально же было заявлено, что неудача экспедиции связана с выбором времени года, с отдельными ошибками и просчетами командования экспедиции, в первую очередь генерала Кёхлера, заключавшимися в неумелом использовании артиллерии, плохом знании местности и т. д. Такая трактовка вошла во все без исключения работы военных голландских историков, посвященные первой экспедиции. Э. Килстра, например, едва ли не целиком приписывал неудачу экспедиции Кёхлеру — «солдату старого закала, который не годился для такой войны, как Ачехская» [95, т. I, 135].

Заметим, однако, что эта точка зрения встретила резкую критику со стороны многих военных, служивших в Индонезии. В вышедшей в 1884 г. (т. е. вслед за изданием первого тома книги Килстры) анонимной книге «Генерал Кёхлер» доказывалось, что Кёхлер не совершал тех ошибок, которые приписывали ему Килстра и другие авторы [230, 15—49].

Безусловно, в неудаче колонизаторов в Аче организационные и военно-тактические промахи, весьма скрупулезно пересчитанные в вышеуказанном докладе комиссии и всплывшие в ходе развернувшейся летом 1873 г. полемики между генерал-губернатором и высшим командованием армии Нидерландской Индии, сыграли большую роль. Прав был и Х. Б. ван Даален, когда в качестве одной из причин поражения выдвигал саму организацию голландской армии в Индонезии, неспособность и косность командования и т. п. Однако главной причиной поражения было сопротивление народа, поднявшегося на борьбу за независимость. И хотя война еще не всколыхнула весь Аче и в борьбе с голландским экспедиционным корпусом приняло участие лишь население прибрежных районов Великого Аче, захватчики потерпели поражение в сражениях с плохо вооруженными ачехцами, избравшими к тому же отнюдь не лучшую тактику в борьбе с регулярной европейской армией — защиту укреплений значительными силами и открытые бои.

Голландцы и организационно и психологически оказались не подготовленными к такому сопротивлению, и в этом коренилась основная причина их поражения. Они были настолько уверены в

возможности добиться целей чисто военными средствами, что практически ничего не сделали для того, чтобы найти себе союзников в среде ачехских феодалов. В период первой экспедиции они стремились даже обойтись без помощи Теуку Нека — единственного улубаланга, перешедшего на их сторону [10]. Руководство экспедиции имело крайне слабое представление о группировках в среде феодалов Аче, о действительном положении того или иного улубаланга (например, голландцы до конца экспедиции считали, что Теуку Нек — глава саги XXV мукимов).

Колонизаторы потерпели в Аче не только военное, но и политическое поражение, так как укрепились позиции той феодальной группировки султаната, которая стояла за сопротивление, а использовать склонность к соглашению феодалов прибрежных районов Великого Аче голландцы в тот период не сумели.

Вторая голландская экспедиция (май 1873 — апрель 1874 г.)

Подготовка к новой экспедиции началась в Голландии и на Яве немедленно после возвращения экспедиционного корпуса. Колониальная администрация стремилась восстановить свой престиж, сильно поколебленный в глазах местного населения после поражения в Аче; правящие круги Голландии хотели как можно быстрее восстановить «доброе имя» своей колониальной империи в глазах соперников и союзников. Непосредственные организаторы интервенции в Аче — Франсен ван де Пютте и Лаудон пытались заставить замолчать своих критиков в метрополии и колонии, организовав новую экспедицию и подчинив непокорный султанат. Голландская колониальная администрация и военное командование были вынуждены отложить новую экспедицию до конца года, так как решили тщательно подготовить ее, чтобы не допустить повторения апрельских событий 1873 г. Поэтому первоначальные планы немедленной организации нового вторжения в Аче были отставлены, и с мая 1873 г. началась военная и политическая подготовка второй экспедиции на Суматру. Сразу же по возвращении голландских войск на Яву было создано «бюро подготовки» во главе с генерал-майором Ферспейком, которого прочили на должность командующего новой экспедицией. «Бюро подготовки» занялось сбором сведений об Аче, обработкой данных первой экспедиции и т. п. [298, 29]. В Аче были направлены шпионы, выяснявшие настроения населения, собиравшие сведения о дорогах, возможных местах

[10] Впоследствии политические руководители экспедиции (Ниювенхайзен, Крайенхофф) всячески стремились доказать, что Теуку Нек придерживался выжидательной тактики и не хотел активно помогать голландцам [129, 329]. Автор же книги в защиту Кёхлера опровергает и эту точку зрения, показывая, что руководство экспедиции мало заботилось о действительном сотрудничестве с владетелем Мерасы [230, 8].

высадки, укреплениях и численности ачехских сил. Центром шпионской деятельности голландцев стал Пинанг, откуда голландский консул Лавино направлял лазутчиков в Аче. Так, например, один из таких лазутчиков, сержант Сантри, переодевшись торговцем, посетил ряд княжеств Северного побережья, а затем — столичный район Аче, обследуя подступы к Даламу [158, 2—3].

В течение лета — осени 1873 г. голландское командование в Батавии разрабатывало план будущих операций в Аче [158, 9—13]. На Яву непрерывно прибывали новые подкрепления из Голландии. Всего прибыло более 9 тыс. солдат и офицеров, вооруженных новейшим оружием, в том числе 120-*мм* крупповскими пушками [150, 45; 123, 145].

В июле 1873 г. правительство Нидерландов назначило командующим экспедицией верховного комиссара в Аче. Им стал генерал-лейтенант в отставке Ян ван Свитен. Выбор этого человека был не случайным. Ван Свитен — потомственный военный, прослуживший в Индонезии свыше 30 лет (он вышел в отставку в 1862 г.), поднявшийся от кадета до командующего Ост-Индской армией,— олицетворял тип старого служаки, которому ведомы все повадки «туземцев» и который не повторит поэтому ошибок предшественников. К тому же за ван Свитеном утвердилась репутация специалиста по Аче, так как, будучи в 50-х годах губернатором Западного берега Суматры, он неоднократно имел дело с этим султанатом, а в 1857 г. от имени Нидерландов подписал с Аче договор [307, 15—16].

Политическая подготовка второй экспедиции со стороны голландцев заключалась в выяснении настроений ряда ачехских феодалов и реакции соседних батакских районов на события в Аче. В Батавии ходили упорные слухи, что батаки собираются помочь ачехцам, организовав широкое наступление на голландскую территорию. В Батакланд был отправлен голландский лазутчик яванский феодал Раджа Бурнахуддин, который, появившись среди батаков, распространял слухи о намерении ачехцев в случае победы над голландцами насильственно обратить батаков в ислам [311, 430]. Но наиболее серьезным шагом голландцев в военно-политической подготовке второй экспедиции была организация блокады Аче. Эта мера должна была пресечь поставку оружия и снаряжения в Аче с Пинанга, а также заставить вассальные княжества побережья отказаться от помощи Великому Аче. По мысли организаторов блокады, княжества, экономика которых сильно зависела от внешней торговли, должны были подчиниться голландской власти.

Официально блокада Аче, в которой приняли участие 25 голландских военных кораблей [237, 99], началась в конце июня 1873 г., но уже в мае раджа княжества Иди на Восточном побережье подписал договор с голландцами и поднял в столице княжества голландский флаг [98, 19]. Князь Иди находился в натянутых отношениях с Аче еще до начала войны, и поэтому голланд-

цам сравнительно легко удалось привлечь его на свою сторону. Но, как свидетельствует один из участников морской блокады Аче в 1873 г., «хотя раджа и вожди Иди сохраняли лояльность по отношению к Нидерландам, население было настроено гораздо менее дружественно, и несколько раз приходилось посылать небольшие экспедиции» [98, 34].

В княжествах побережья голландцы прибегли к варварским бомбардировкам беззащитных деревень, убийствам мирных жителей, пиратским действиям по отношению к торговым судам. Все это вызывало ненависть к колонизаторам и поднимало население княжеств на борьбу с ними. Результаты не замедлили сказаться: во время второй экспедиции княжества побережья оказали Великому Аче гораздо более действенную помощь, чем в период первой экспедиции. Необходимо также отметить, что блокада Аче в 1873 г., хотя и затруднила снабжение султаната, тем не менее не привела к результатам, на которые рассчитывали ее организаторы. Княжества побережья, формально признав власть Голландии, продолжали борьбу с ней, активно снабжая Великий Аче снаряжением, оружием и людьми. Формальное признание голландского сюзеренитета открывало перед княжествами возможность продолжать торговлю, посредством которой в Аче поступали деньги и оружие. Голландских же фортов и гарнизонов на побережье нигде, кроме «Большого Иди», в тот момент не существовало, что в значительной мере сводило на нет усилия колонизаторов изолировать Аче от внешнего мира.

Готовились к новым сражениям с захватчиками и ачехцы. Прежде всего, они использовали передышку для создания укреплений на побережье и вблизи него на подступах к Даламу, так как понимали, что и следующий удар голландцы нанесут в этом направлении. Первая линия укреплений была сооружена на берегу, чтобы преградить врагу доступ от лагун к прибрежным деревням. Ачехцы отремонтировали старый португальский форт в Кута Похама, построили бентенги между устьем р. Аче и Кута Мегат, а также в самом устье реки [248, 73—74]. Следующая линия укреплений шла от берега в глубь страны, прикрывая непосредственные подступы к столице султаната. Центром этой оборонительной линии была деревня Пекан Аче, где стояла ачехская батарея [248, 75]. Наконец, дальше располагался основной опорный пункт ачехской обороны — Далам с султанским дворцом (кратоном). Кратон представлял в плане неправильный четырехугольник с длиной стен 600 и 250 *м*, окруженный рвом с земляными насыпями. На северной, наиболее слабой стене кратона был установлен палисад из бамбука. Кратон прикрывался укрепленной главной мечетью и рядом мелких укреплений с юго-западной стороны. На стенах кратона и угловых бастионах располагалась основная артиллерия ачехцев—свыше 50 пушек [39, 7—14]. Пушки ачехцев были, как правило, старые, многие из них сохранились еще с XVI—XVII вв. Это были турецкие, португальские и голланд-

ские допотопные орудия и коронады: из 56 пушек, установленных во дворце, лишь три заряжались с казенной части [39, 14]. Боезапас к пушкам был совершенно недостаточным. В результате ачехская артиллерия не могла оказать серьезного сопротивления новейшим голландским орудиям, и, как свидетельствуют источники, зачастую артиллерийский огонь ачехцев наносил больше урона оборонявшимся, чем наступавшим.

Основную надежду при обороне ачехцы возлагали на свои отряды, вооруженные, как правило, устарелым огнестрельным или лишь холодным оружием. Хотя «комитету восьми» удалось организовать переброску в Аче нескольких партий современных винтовок и боеприпасов, защитники испытывали огромную нехватку в огнестрельном оружии и основная масса воинов была вооружена традиционными клевангами и ренчонгами. Руководителям обороны Далама к декабрю 1873 г. удалось сосредоточить в районе военных действий значительно бóльшие силы, чем во время первой высадки голландцев, когда в боях участвовали фактически лишь жители соседних деревень. По разным сведениям, в момент высадки второй голландской экспедиции упомянутые выше укрепления защищали примерно 6—8 тыс. человек, главным образом жители окрестных кампонгов и горцы из саги XXII [298, 45—46][11]. Кроме того, на помощь подошел отряд из княжества Пиди численностью около тысячи человек во главе с раджей. В ходе боев на помощь защитникам Далама подходили подкрепления из XXII мукимов и прибрежных княжеств. Так, в начале января 1874 г. к защитникам кратона присоединились 500 воинов из XXII мукимов, а в январских боях приняли участие также жители западных княжеств Мелабох, Телок Крут и др. [248, 43].

К началу второй высадки голландцев ачехцы сумели создать также более или менее дееспособное военное руководство во главе с вождями партии сопротивления. Кроме главы саги XXII мукимов Панглимы Полима и организаторов первой обороны Имама Лонгбатского и Теуку Нанта Сетиа на первый план к моменту высадки голландцев в декабре 1873 г. выдвинулся родственник султана Туанку Хашим, ставший центральной фигурой второй ачехской обороны.

Туанку Хашим был старым врагом голландцев. Еще в 60-е годы XIX в. он вел упорную борьбу с ними на Восточном побережье Суматры, препятствуя захвату Голландией вассальных владений Аче. Перед началом войны он перебрался на Пинанг, где вместе с Теуку Пайя руководил деятельностью «комитета восьми». Незадолго до начала второй голландской экспедиции он вновь появился в Аче. Опыт борьбы с голландцами, знакомство с инженерным искусством, огромный личный авторитет Хашима — все это привело к тому, что он фактически стал руководителем ачехской обороны.

---

[11] Ачехский историк Зайнуддин считает, что Далам защищали свыше 11 тыс. ачехцев [343, 420].

Деятельность Хашима в 1873—1874 гг. снискала ему уважение даже его врагов. «Человек, который был руководителем и душой обороны, наш непримиримый враг, не помышлявший о сдаче даже тогда, когда пал кратон и скончался султан, человек, который был назван генералом ван Свитеном „ачехским Тотлебеном", а датчанином Свенсоном, долгое время прожившим в Великом Аче, — „ачехским генералом", — такой человек заслуживает уважения своей энергией, стойкостью, работоспособностью, мужеством и патриотизмом», — писал голландский историк [218, 81].

Ачехские военачальники заранее распределили роли в обороне: Панглима Полим со своими горцами защищал линию укреплений Пекан Аче, Туанку Хашим — подступы к кратону, а Имам Лонгбатский и Теуку Нанта Сетиа — кратон. Таким образом, ачехцы сумели использовать передышку, соорудив укрепления, сосредоточив отряды для защиты Далама, создав более или менее оформленное руководство, в котором абсолютное преобладание получили сторонники решительного сопротивления Голландии.

С начала ноября 1873 г. голландцы установили еще более жесткую блокаду ачехского побережья, чтобы воспрепятствовать переброске подкреплений из княжеств в Великий Аче, а в середине ноября вторая экспедиция двинулась из Батавии к берегам Аче. Она значительно превосходила первую как по численности войск, так и по их технической оснащенности. Всего в составе второй экспедиции было свыше 8 тыс. солдат и офицеров. Голландская армия имела в своем распоряжении свыше 200 орудий и 22 мортиры. По мощности артиллерии вторая экспедиция превосходила первую более чем в три раза. Экспедиции было придано 60 кораблей — военных, транспортных, специальных — и около 200 десантных шлюпок [95, т. I, 191—210]. Эта была самая большая экспедиция за всю историю войн Голландии в Индонезии.

Главной целью второй экспедиции, как и первой, был захват столичного района султаната [237, 105]. Инструкция ван Свитену предусматривала, что, «когда султан Аче покорится, правительственный комиссар и командующий... должен заключить с ним договор, наподобие соглашения с королевством Сиак от 21 февраля 1858 г.». Инструкция давала ван Свитену широкие полномочия, в том числе даже право свергать султана [150, прил. 1, 476].

Высадка голландских войск произошла на рассвете 10 декабря в устье р. Гигиён, значительно восточнее места высадки первой экспедиции [37, № 2]. С этого дня в течение двух с лишним месяцев в столичном районе не прекращались ожесточенные бои, более значительные по масштабам, чем в период первой экспедиции. Почти неделю голландцы при поддержке корабельной артиллерии выбивали плохо вооруженных ачехцев из допотопных, лишенных пушек укреплений на берегу. Только в середине декабря захватчики смогли начать продвижение в глубь страны.

Бои на подступах к Даламу продолжались до конца декабря. Главным объектом здесь стала деревня Пенайонг, расположенная

близ устья р. Аче. Голландцы, захватив ее после тяжелых боев, перевели сюда основной лагерь, разбитый первоначально на побережье [237, 429—430]. Попытки с ходу продвинуться к мечети к успеху не привели, и после серьезных потерь голландцы с 26 декабря были вынуждены приступить к методической осаде [37, №№ 4—12]. Перед главной мечетью были установлены батареи тяжелых пушек и мортир, которые в течение нескольких дней вели огонь по мечети [218, 83].

День 6 января 1874 г. надолго запомнился голландцам как «самый кровавый день Ачехской войны» [218, 85]. Несмотря на многодневный обстрел мечети и мощную артподготовку утром 6 января (по мечети было сделано 800 выстрелов), ачехцы стойко держались, отбивая одну атаку голландской пехоты за другой. В донесении командира голландской штурмовой колонны сообщалось: «Бои вблизи мечети были чрезвычайно ожесточенными, иногда наш огонь наносил меньше урона врагу, чем его залпы по нам» [311, 454]. Только к полудню голландцам удалось сломить сопротивление защитников мечети. Ачехцы отступили в полном порядке и затем предприняли несколько контратак. Потери голландской штурмовой колонны были значительными: рота, действовавшая на правом крыле, потеряла 75% офицерского состава и около 60% унтер-офицеров и рядовых, полубатальон, наступавший на левом фланге,—четверть своего состава, яванские роты—свыше 30% [218, 97, 104, 116].

После захвата мечети голландцы бросили все силы на штурм кратона. Бои вокруг кратона, который обороняли несколько тысяч ачехцев, носили столь же упорный характер, как и сражение у мечети. 11 января ван Свитен сообщил в Батавию, что до сих пор не удалось добиться никакого определенного успеха вблизи кратона [37, № 14]. Ачехцы не оборонялись пассивно, они совершали смелые вылазки, постоянно тревожили врага контратаками. Так, 13 января они совершили дерзкое нападение на центральный лагерь врага в Пенайонге. Бесшумно сняв часовых, вооруженный клевангами отряд ачехцев прорвался в лагерь почти до палатки командующего [48, 31].

Только 24 января после многодневных боев, в которых приняли участие свежие силы, прибывшие из Паданга, голландцам удалось захватить кратон. Ван Свитен, полагая, что война окончена, отправил ликующую телеграмму [37, № 19]. Султан и руководители обороны бежали в Лонгбату. Ван Свитен стал ожидать ачехских парламентеров, которые должны были, как он полагал, принести известия о покорении султана и виднейших феодалов Аче. Но расчеты голландцев не оправдались, а их нападение 29 января 1874 г. на Лонгбату, где скопились отряды султана и воины из прибрежных княжеств Пиди и Телок Крут — общей численностью около 1300 человек [248, 43], было отбито ачехцами.

Еще более ощутимую неудачу захватчики потерпели в феврале под кампонгами Битал и Кетапан Дуа. Ван Свитен направил

12 февраля голландскую колонну в Битал, чтобы помочь своему союзнику Теуку Неку, владетелю Мерасы [12], в борьбе с соперником последнего — Теуку Нанта Сетиа [48, 56]. Хотя после тяжелого боя голландцам удалось захватить кампонг, как только они ушли оттуда, отряды Теуку Нанта Сетиа вытеснили Теуку Нека из Битала. Через два дня, 15 февраля, точно такая же картина повторилась в Кетапан Дуа с той лишь разницей, что голландские потери были бóльшими. Февральскими боями, в которых голландцы потеряли 60 человек [298, 68], закончились активные действия голландской армии в Аче в период второй экспедиции. Наступило затишье, которое ван Свитен хотел использовать для укрепления в султанате голландских позиций, как военных, так и политических.

Вплоть до захвата Далама голландское командование не предпринимало сколько-нибудь активных мер политического характера, считая, что падение столицы султаната явится самым веским аргументом в последующих переговорах с ачехской знатью. До штурма Далама голландцы сделали лишь две попытки подобного рода. В конце декабря 1873 г. во дворец был направлен яванец Мас Сумо Видикджо, который должен был передать письмо ван Свитена султану. После высадки на берег голландский посланец пропал, и о дальнейшей судьбе его никаких сведений не сохранилось. Вполне вероятно, что он был убит ачехцами, со времени первой экспедиции не настроенными вступать в переговоры с захватчиками [13]. После штурма мечети в январе 1874 г. ван Свитен направил письма крупнейшим феодалам саги XXV, уговаривая их подчиниться и сдать Далам (основные силы его защитников составляли отряды из XXV мукимов) без сопротивления, но ответа не получил [95, т. I, 291].

После захвата ачехской столицы, переименованной в Кутараджу, ван Свитен стал склоняться к мысли, что вместо заключения с Аче договора, подобного сиакскому, следует поставить султанат под прямой контроль [95, т. I, 291]. Честолюбивому генералу казалось, что такой шаг достойно увенчает его карьеру в Нидерландской Индии и увековечит имя ван Свитена, покорившего в короткий срок самый воинственный народ архипелага. Тупость служаки, помноженная на старческое упрямство, помогала ван Свитену не заметить очевидного — вовлечения в антиголландскую борьбу значительных масс населения и нежелания подавляющего большинства феодалов Аче идти в тот момент на соглашение с голландцами. Но дело заключалось не только в личных планах и тщеславии генерала. Инициаторы войны в Гааге и Батавии хотели под

---

[12] Это был сын умершего от холеры в январе 1874 г. союзника голландцев, о котором упоминалось в связи с первой экспедицией.

[13] Исчезновение Мас Сумо Видикджо было использовано для обработки общественного мнения в Голландии и за ее пределами. Так, Франсен ван де Пютте в одной из речей в парламенте характеризовал ачехцев как «дикий и грубый народ, убивший посланца командующего с письмом к султану... не заслуживающий уважения и доверия».

гром победных реляций и фанфар заставить всех забыть о поражении первой экспедиции. Им была нужна победа в Аче, и не просто победа, а полное и окончательное сокрушение непокорного государства.

В январе 1874 г. официально заявил о признании голландской власти Теуку Нек, который до этого хотя и поддерживал голландцев, но не связывал себя актом формального признания их власти. 27 января 1874 г. Теуку Нек доставил ван Свитену письмо бывшего главы саги XXV Теуку Лампасейского, в котором тот выражал намерение покориться [150, 297]. Эти обстоятельства значительно укрепили ван Свитена в намерении поставить Аче под прямое голландское управление. Участник второй экспедиции Борель, резко критиковавший ван Свитена, писал, что «генерал рассматривал действия Теуку Нека как свидетельство покорения остальных вождей, в то время как отношение населения Аче к нам было враждебным» [48, 83]. В еще большей степени на ван Свитена повлияло известие о смерти султана от холеры в конце января 1874 г. и появлении пяти претендентов на трон уже не существующего, по мнению генерала, султаната [37, № 20].

31 января 1874 г. ван Свитен опубликовал воззвание к ачехцам, в котором заявлял: «Население Великого Аче после ожесточенного сопротивления вынуждено было покориться нидерландскому оружию; население покорилось, кратон захвачен, султан умер, и все вожди погибли; страна, таким образом, по праву победителя стала собственностью правительства Нидерландской Индии». Далее в воззвании сообщалось о намерении голландских властей прекратить военные действия при условии подчинения глав трех саги и вассальных княжеств побережья. Прибрежным княжествам ван Свитен обещал снятие блокады при условии немедленного признания власти Нидерландов [150, прил. № 480].

2 февраля генерал обратился с новым воззванием — на этот раз к главам саги и улубалангам Великого Аче. В нем он отечески увещевал непокорных подчиниться. В конце воззвания ван Свитен, оставив тон увещевания, прибегал к угрозам: «Мы не желаем вам зла, но деревни, в которых обстреливают наших солдат, будут сожжены. Если вожди и народ не покорятся, то я направлю своих солдат в их цветущие деревни» [95, т. I, прил. XXVIII, 483]. В том же обращении ван Свитен предупреждал улубалангов, что правительство Нидерландов не признает избранного ими султана, так как с 31 января Аче находится под прямым управлением администрации Нидерландской Ост-Индии. В Гааге было созвано заседание Государственного совета, после которого министр колоний в телеграмме от 2 февраля 1874 г. одобрил действия командующего экспедицией.

Издавая свои воззвания, ван Свитен был уверен, что война закончена и «замирение» Аче — лишь вопрос времени. Так, 8 февраля он сообщал генерал-губернатору: «Саги 25 и 26 мукимов готовы покориться, саги 22 мукимов вскоре последует их примеру.

Судя по характеру народа, можно считать, что вскоре все покорятся» [цит. по: 51, 104]. И хотя в другой телеграмме, отправленной в Батавию 13 февраля, он указывал, что ни один крупный вождь не явился к голландцам после воззвания от 31 января, ван Свитен не терял надежды в ближайшее время добиться покорения ачехских феодалов. Ван Свитен, как, впрочем, все без исключения голландские колониальные деятели в Индонезии и Голландии, полагал, что с покорением крупных феодалов население последует их примеру и сопротивление в Аче будет прекращено. Именно поэтому в 1874 г. и в последующие годы колониальная администрация (военная и гражданская) в Аче уделяла этой проблеме такое внимание, долгое время даже не замечая какие-либо силы в Ачехской войне, кроме глав саги и улубалангов.

Ниже мы более подробно остановимся на характере ачехского сопротивления и его особенностях после падения столицы и смерти султана. Здесь же следует лишь указать, что попытки ван Свитена установить контакты с ачехской знатью не дали обнадеживающих результатов.

Правда, некоторые столичные феодалы, потерявшие свои владения в результате оккупации Далама, а также соперничающие улубаланги владений, соседних с оккупированным районом, в этот период вступали в переговоры с голландцами. Так, например, к ван Свитену обращались соперники — претенденты на пост панглимы саги XXVI мукимов — Теуку Чут Ламронгский и Теуку Муда Нья Банта, причем один из них после отказа голландцев дать ему 8 тыс. долл. отказался от дальнейших переговоров, а другой ограничился выяснением положения голландцев в столичном районе [150, 365—368].

В апреле 1874 г. к голландцам за помощью обратился один из претендентов на должность улубаланга III мукимов саги XXVI [150, 299]. Вступил в переговоры с голландцами и феодал столичного района Теуку Кали Маликуладиль, которому ван Свитен в письме от 9 февраля обещал восстановить главную мечеть и отстроить его дом, разрушенный при штурме Далама [95, т. I, прил. XXXI, 482—483]. Тем не менее падение столицы не привело к переходу феодалов Великого Аче на сторону голландских колонизаторов. Не оправдались надежды последних и на разногласия в среде ачехских феодалов после смерти султана. Руководители сопротивления сумели договориться и избрали 6 февраля 1874 г. восьмилетнего Туанку Давота (Дауда) султаном Аче. Опекуном малолетнего султана стал Туанку Хашим. Быстрое избрание султана и отсутствие попыток других претендентов оказать сопротивление свидетельствовали об известной консолидации ачехских феодалов в обстановке войны с захватчиками.

Не удалось голландцам добиться сколько-нибудь заметных успехов и в укреплении своей власти на побережье. Хотя многие вассальные княжества Аче формально признали сюзеренитет Нидерландов, фактически они остались независимыми и продолжали

оказывать поддержку населению Великого Аче. Некоторые владетели использовали сложившуюся обстановку для того, чтобы добиться тех или иных преимуществ и выгод от голландцев. Например, раджа Гигиёна обусловил признание голландского сюзеренитета получением 15 тыс. долл. 16 апреля 1874 г. раджа этого княжества Теуку Бинтара Кеманган Почут Осман и его брат подписали договор с голландцами и получили деньги, но продолжали оказывать значительную помощь силам сопротивления в Великом Аче [95, т. I, 364].

15 апреля 1874 г. ван Свитен передал командование полковнику Пелу, и в тот же день началась эвакуация части голландских войск. У Пела осталось 3150 человек, остальные вернулись на Яву [298, 70]. Голландские колонизаторы понесли тяжелые потери в результате ожесточенного сопротивления, с которым они столкнулись в период второй экспедиции. Погибло свыше тысячи голландских солдат и офицеров, число эвакуированных вследствие ранения или болезни составило свыше 1200 человек [298, 71], т. е. за пять месяцев экспедиционный корпус потерял около 30% личного состава.

Генерал ван Свитен в речи перед офицерами накануне отъезда заявил: «Господа! Я полагаю, что война в Аче закончена» [48, 81]. Генерал сказал неправду: лишь только голландцы погрузились на суда, ачехцы перешли к активным действиям, начав на следующий день после эвакуации голландских войск наступление на оборонительные линии врага.

*

Подведем некоторые итоги первого этапа Ачехской войны, продолжавшегося с марта 1873 по апрель 1874 г. На этом этапе характер, особенности сопротивления, в общем, были сходны с теми, с которыми голландцы сталкивались во время различных экспедиций во Внешних владениях во второй половине XIX в. Руководство войной осуществлялось центральной властью, точнее, владетельными феодалами Великого Аче, получившими перевес в борьбе за влияние на султана (группировка Панглимы Полима). Борьба шла за сохранение независимости султаната, и в этот период на второй план отступили разногласия между феодальными группировками и между центральной властью и большинством вассальных княжеств побережья.

Основной формой организации борющихся ачехцев были ополченческие отряды, ядро которых составляли дружины владетельных феодалов. Показательно, что в обороне Далама основное участие приняли отряды из султанского домена, саги XXV и ополчение Панглимы Полима из саги XXII, тогда как жители саги XXVI приняли значительно меньшее участие в организации сопротивления. Отряды с побережья приходили со своими раджами на обычных условиях выполнения вассальных обязательств и ухо-

дили, как только нависала угроза над их княжествами. Так, наиболее многочисленный отряд пидисцев (1000 человек) в феврале 1874 г., после нападения голландцев на Пиди, немедленно ушел из Великого Аче [248, 43]. После смерти султана покинули театр военных действий и раджи княжеств Западного побережья — Теном а и Пантей Райя [248, 43].

Единой армии с централизованным управлением в Аче не существовало, и на первом этапе войны ее не только не создали, но даже и не пытались создать. Если основной формой военной организации были отряды феодального ополчения, причем султанская дружина, видимо, большого значения не имела, то и тактика ведения войны также мало отличалась от применявшейся в междоусобных войнах XVIII—XIX вв. Ачехцы сосредоточили основные силы на обороне прибрежных укреплений и столицы, пока еще мало прибегая к тактике партизанской войны.

Религиозные лидеры не играли заметной роли на этом этапе войны, и борьба с голландцами не получила еще идеологического обоснования как война с «неверными», «священная война» (пранг сабил), хотя, вероятно, у некоторых руководителей сопротивления уже начала появляться мысль об этом. Так, один из наиболее известных вождей антиголландской борьбы, Имам Лонгбатский, в 1873 г. организовал отряды шахидов (борцов за веру); видимо, в основном эти отряды состояли из учащихся духовных школ [248, 42].

Захват голландской армией Далама и блокада ачехского побережья лишили центральную власть материальной базы. Новый султан стал целиком зависеть от владетельных феодалов, продолжающих сопротивление, тогда как прежняя опора султанской власти — феодалы столичного района, лишившись своих владений, очень скоро стали склоняться к соглашению с колонизаторами. Резкое ослабление султанской власти после захвата Далама и смерти султана привело к тому, что на последующих этапах идея объединения вокруг султана перестала играть сколько-нибудь заметную роль, хотя султан и его двор продолжали существовать на протяжении почти всей войны. Голландские колонизаторы в 1873—1874 гг. не добились тех результатов, на которые рассчитывали. Война не окончилась с падением столицы султаната, захватчики не смогли привлечь на свою сторону ачехских феодалов и допустили политический просчет, полагая, что ликвидация султаната заставит знать Аче подчиниться.

Глава III

Период феодального руководства сопротивлением (1874—1880)

25 апреля 1874 г. генерал ван Свитен и его штаб погрузились на суда, чтобы на следующий день отплыть из Аче. Вечером того же дня новому губернатору и командующему голландскими силами в Аче полковнику Йохану Пелу с аванпостов донесли, что к югу и востоку от кратона наблюдается передвижение многочисленных ачехских отрядов, слышится грохот барабанов и раздаются звуки гамеланов [207, 44].

Утром 26 апреля ачехцы атаковали врага у деревень Суриан, Бланг и Ламджаму, а 27 произвели нападение в районе Пенайонга, т. е. в центре оккупированной голландцами территории. В тот же день улубаланг VI мукимов Теуку Нанта и его зять Теуку Ибрахим Ламнгский при поддержке отрядов из княжеств Северного побережья вторглись в область своего соперника и союзника голландцев Теуку Нека. В Мерасе было сожжено около 250 домов [95, т. II, 10]. С помощью голландцев Теуку Нек и его зять Теуку Нья Мохаммад начали наступление на VI мукимов, и здесь развернулись ожесточенные бои, продолжавшиеся в течение всего мая [322, 75].

Короткая передышка, принятая ван Свитеном за признак прекращения активного сопротивления, кончилась. Наступил следующий этап войны.

Голландская историография, рассматривающая Ачехскую войну под углом зрения действий голландской армии и администрации, не считает этот этап единым и делит его на два: «период выжидания» (1874—1878) и «период наступления» (1878—1880). Такое разделение, исходящее из особенностей военной тактики голландских колонизаторов в Аче в 1874—1880 гг., не отражает всей сущности этапа, ибо совершенно не принимает в расчет противную сторону.

С точки же зрения этой противной стороны, т. е. ачехцев, этап в целом был временем, когда руководство движением принадлежало владетельной знати. Впрочем, голландские «период выжидания» и «период наступления» образуют достаточно ясно прослеживаемые в Великом Аче (на побережье в меньшей степени) этапы военных действий.

От провала плана ван Свитена к неудаче «программы Пела» — «период выдвижения» (1874—1878)

Время с апреля 1874 до середины 1878 г. вошло в голландскую историографию Ачехской войны под названием «периода выжидания». Таким этот период действительно был для голландской армии в Аче. Для ачехцев же данный период был не временем выжидания, а временем активных боевых действий, временем наивысшего подъема движения под руководством знати.

Основы голландской военной тактики и политической линии в Аче были сформулированы ван Свитеном в инструкции своему преемнику Пелу и в письме ван Свитена генерал-губернатору Лаудону от 19 июля 1874 г.

Голландская армия, по мысли ван Свитена, должна была ограничиться обороной Кутараджи и ее окрестностей, т. е. территории Далама, не предпринимать широких наступательных действий, следовать тактике выжидания и обстреливать врага в соседних с Кутараджей деревнях [95, т. II, прил. I—II, 541—542]. Генерал полагал, что Аче завоеван, а для полного покорения понадобится длительное время, так как «в Аче мы столкнулись с народом, который не просто храбр и умеет сражаться, но с народом, который с незапамятных времен владеет военным искусством». Это время лучше переждать и не терять людей в кровопролитных схватках, а ограничиться обороной и сделать ставку на постепенное примирение ачехцев с голландской властью. Примирение генерал надеялся обеспечить путем ряда политических мероприятий, важнейшими из которых, согласно его письму генерал-губернатору от 19 июля 1874 г., были следующие:

«1. Голландская администрация должна управлять страной вместо султана Аче с помощью четырех (местных) советников.

2. Главы трех саги и другие вожди должны быть утверждены в своих правах, как только они признают власть голландской администрации.

3. Голландская администрация должна гарантировать населению полное спокойствие, чтобы оно могло продолжать повседневные занятия.

4. Голландская администрация должна гарантировать населению свободу отправления богослужения.

5. Голландская администрация должна обещать не вводить систему принудительных культур и систему принудительных поставок.

6. Голландская администрация не должна требовать в Аче рабочей силы для строительства дорог, поставок стройматериалов и хеерендинстен» [95, т. II, прил. III, 553].

План ван Свитена, активно поддержанный Лаудоном [149, 4—5], лег в основу голландской политики в Аче на протяжении

нескольких последующих лет. Показательно, что колонизаторы широко рекламировали либеральную политику в Аче: отказ от принудительных культур, ликвидацию хеерендинстен и поставок рабочей силы, т. е. всего того, что сохранялось во Внешних владениях и лишь начало отменяться на Яве. Но в обстановке войны эти широковещательные заявления не имели успеха, так как население не считало себя связанным никакими распоряжениями голландской администрации, сфера влияния которой к тому же распространялась в апреле 1874 г. на 15—20 *кв. км* ачехской территории.

Голландской администрации в Аче вменялось в обязанность убеждать население в том, что голландцы не будут вмешиваться в религиозные дела; в обращениях к населению ван Свитен неоднократно обещал восстановить главную мечеть, сожженную во время штурма. Колониальные политики Голландии после успешной, по их мнению, второй экспедиции полагали, что теперь знать Аче постепенно начнет отходить от движения, стремясь сохранить свои привилегии, а за ней последует и остальное население.

После эвакуации части голландской армии в апреле 1874 г. в Аче осталось около 3500 человек, которые должны были осуществить план ван Свитена — удержать Далам до ожидаемого покорения ачехцев. Основу голландской армии составляли 22 пехотные роты (из них 10 европейских), объединенные в 5 полубатальонов[1]. В Аче остались значительная артиллерия — 42 орудия, включая 200-*мм* тяжелые, а также саперные подразделения. 18 судов должны были обеспечивать поддержку сухопутных сил и осуществлять блокаду ачехского побережья[2].

Основная часть голландских сил находилась в Кутарадже. С востока, юга и запада Кутараджу защищали пехотные подразделения с артиллерией, расквартированные в кампонгах Пекан Аче, Кута Гунунган, Пенайонг и Кампонг Джава. К северу от Кутараджи голландские посты и укрепления шли вдоль р. Аче до морского побережья [248, 124—125].

Следуя плану ван Свитена, голландцы начали создавать укрепленный район с центром в Кутарадже. Одновременно с созданием линии постов, окружавших пункты сосредоточения голландских войск, шла «очистка» местности к северу от Кутараджи.

К маю 1875 г. эти мероприятия были в основном закончены. В Кутарадже и ее окрестностях были созданы мощные укрепления, сооруженные по последнему слову тогдашней инженерной мысли, построено несколько оборонительных линий, состоящих из 88 постов [249, 14], создан порт Олех-лех в устье р. Аче, связавший голландскую армию с Явой и Падангом, откуда приходили под-

---

[1] В Ачехской войне, как и во многих других войнах во Внешних владениях, тактической единицей голландской армии часто служил не батальон, а полубатальон.

[2] Подробный состав голландских сил в апреле 1874 г. см. [95, т. II, 1—2].

крепления и снаряжение и куда голландцы эвакуировали раненых и больных.

Год, прошедший между окончанием второй экспедиции и созданием укрепленного района Кутараджа — Олех-лех, не подтвердил прогнозов ван Свитена. Более того, по мере создания укрепленного района сопротивление не только не ослабевало, но становилось более ожесточенным.

Летом 1874 г. бои не затихали на западной и восточной оборонительных линиях голландцев, а также к северу от Кутараджи. В мае ачехцы напали на захваченный голландцами кампонг Лампасей, и атаки удалось отбить лишь с помощью картечи [95, т. II, 16]. В конце мая последовал ряд ачехских атак на западную оборонительную линию [95, т. II, 17—18], а в начале июня голландцы в течение трех дней с трудом сдерживали натиск ачехцев на бивак в Бланг У [95, т. II, 21—23].

19 июня отряды Теуку Нанты и Пакеха Далама, раджи Пиди, напали на Мерасу и голландский лагерь в Пенайонге. Ачехцы обстреляли западную линию на всем ее протяжении, а затем сосредоточили огонь на голландской батарее. Вслед за этим последовала атака на редут, расположенный на окраине Пенайонга. Голландский патруль, подошедший к месту боя, был встречен таким ураганным огнем, что был вынужден отступить, потеряв командира. Лишь на следующий день после прихода подкреплений из Кутараджи голландцам удалось отбить атаку. Потери голландцев за эти два дня составили 30 человек [95, т. II, 23].

В течение лета 1874 г. не прекращались нападения ачехцев на голландские лодки и барки на р. Аче.

Очень ожесточенными были июльские бои под Сурианом, в которых голландцы потеряли убитыми и ранеными более 70 человек [207, 55]. Захват каждого пункта внутри намеченного планом ван Свитена «операционного базиса» вокруг Кутараджи стоил оккупантам огромных усилий. Героическое сопротивление оказал кампонг Лонгбата — местопребывание султанского двора и Панглимы Полима, ставка Имама Лонгбатского (31 декабря 1874 г.): захватчики потеряли 80 человек убитыми и ранеными. В январе 1875 г. ачехцы неоднократно атаковали Лонгбату, и голландцам удалось удержать ее лишь благодаря артиллерии. После создания укрепленного района ачехцы не прекратили нападать на голландские посты и патрули. Так, в июне — июле 1875 г. не стихали бои на западной и южной линиях голландской обороны, в августе наблюдалось повсеместное нападение на патрули врага, а осенью 1875 г. ачехцы вновь атаковали Лонгбату [248, 158—160].

К весне 1875 г. обнаружился явный провал плана ван Свитена. Формально план этот был выполнен — созданы линии укреплений вокруг Кутараджи, налажено сообщение между Кутараджей и Олех-лех, голландская армия не предпринимала широких наступательных действий. Дело было за малым: ачехцы не желали выполнять ту роль, которая отводилась им по плану, и не обнару-

жили за прошедший год ни малейшей склонности к покорности и признанию власти колонизаторов. Ни население, ни знать Аче не хотели сотрудничать с захватчиками, которых окружала стена явного или скрытого (на оккупированной территории) сопротивления. К середине 1875 г. на сторону голландцев перешли только владетели Мерасы, связи которых с голландским командованием укрепились, и владетель IV мукимов саги XXV Теуку Лампасейский, чья область была захвачена Теуку Нантой и который надеялся, что голландцы восстановят его во владении IV мукимами.

Таким образом, политическая цель плана ван Свитена не была достигнута. Колониальная администрация не могла утверждать в должности ни глав саги, ни улубалангов и имамов, так как ачехская знать с повинной к захватчикам не являлась. Командующий голландской армией и губернатор Аче (с 1875 г. генерал-майор) Пел в письме генерал-губернатору от 30 апреля 1875 г. прямо писал: «Я должен признать, что в области политической наши успехи в собственно Аче все еще незначительны. Ни один из видных вождей не покорился и не выразил намерения сделать это» [95, т. II, прил. IV, 555]. Если вспомнить, что народ Аче голландскими стратегами вообще сбрасывался со счетов и под покорением Аче на этом этапе войны они понимали лишь прекращение сопротивления со стороны знати, то провал плана ван Свитена в области политической становится еще более очевидным.

И с чисто военной точки зрения положение голландских войск в Аче оставляло желать лучшего. В середине 1875 г. голландские войска занимали в Аче территорию площадью 30 *кв. км*, глубина оккупированной области равнялась полуторачасовому пути от морского побережья [108, 12]. В эту область входили султанский домен, Мераса, Лонгбата и бóльшая часть III мукимов саги XXV, т. е. все те районы, обладание которыми считалось ван Свитеном достаточным для «обороны позиций в Кота Радже и ее окрестностях и обеспечения связи с морским побережьем» [95, т. II, прил. IV, 554]. Но создать укрепленный район, который находился бы вне сферы досягаемости ачехцев, голландцам не удалось. Ачехцы непрерывно нападали на Кутараджу и ее окрестности, постоянно нарушали коммуникационные линии между Кутараджей и побережьем. Голландская армия натолкнулась в Аче на такое сопротивление, которого ван Свитен, «специалист по Аче», не предусмотрел. Губернатор Пел в уже упоминавшемся письме генерал-губернатору указывал, что голландская армия смогла укрепить свои позиции «после кровопролитных боев». «Было бы ошибочным отрицать, — писал далее Пел, — что враг сражается с обычным для него упорством, а по тактике и энергии не знает себе равных среди других народов Индийского архипелага» [95, т. II, прил. IV, 555]. Голландцы несли большие потери как в сражениях с ачехцами, так и вследствие болезней. План ван Свитена относительно уменьшения количества войск в Аче оказался нереальным. Имеющимися силами голландцы едва могли

оборонять линии постов и укреплений (на это требовалось около 2750 человек) [249, 14], для проведения даже небольших наступательных операций необходимо было подвозить подкрепления из Паданга и Батавии[3]. Новые контингенты прибывали также, чтобы восполнить огромные потери голландцев при создании линий обороны вокруг Кутараджи. Лишь за время после окончания второй экспедиции до конца 1874 г., т. е. за восемь месяцев, голландцы потеряли свыше 900 человек убитыми и умершими от болезней и эвакуировали из Аче около 2 тыс. раненых и больных [248, 145].

В правящих кругах Нидерландов наблюдалось явное недовольство положением дел в Аче, ибо военные неудачи подрывали международный престиж Голландии и могли неблагоприятно повлиять на «туземцев» архипелага. Наиболее решительно настроенные либералы в правительстве и парламенте требовали от колониальной администрации в Индонезии действенных мер по «умиротворению» Аче, с самостоятельным существованием которого было покончено, по мнению Гааги и Амстердама, еще зимой 1874 г.[4].

Реакцию правящих кругов Нидерландов на обстановку в Аче после окончания второй экспедиции можно проследить по такому источнику, как донесения малозаинтересованных наблюдателей — русских дипломатов. В начале марта 1874 г., после захвата Далама и провозглашения Аче владением Голландии, Н. А. Столыпин сообщал о росте влияния Франсена ван де Пютте и радужных надеждах парламента на скорое окончание войны [28, 75—76]. Но уже 16 июня того же года русский временный поверенный в делах М. Н. Муравьев писал из Гааги: «Правительству пришлось выдержать несколько энергичных выпадов со стороны членов оппозиции во второй палате по поводу ачехской экспедиции. Ораторы консервативной партии упрекали правительство за слабые успехи в Ачехской войне, за огромные суммы, израсходованные на нее страной, и за недостаточную активность генерала ван Свитена, командующего экспедиционным корпусом» [28, 77].

Донесения Н. А. Столыпина, относящиеся к осени 1874 г., свидетельствуют о пессимизме правящих кругов Голландии в отношении ближайших перспектив Ачехской войны[5]. В декабре 1874 г. русский посланник сообщил: «Министр колоний информировал палату, что генерал-губернатор Индии г-н де Лаудон подал в отстав-

---

[3] В мае 1875 г. численность голландских войск в Аче составляла уже 4000 человек против 3500 в мае 1874 г. [249, 14].

[4] См., например, отчет о заседании второй палаты парламента Нидерландов в апреле 1874 г. [117].

[5] 23 сентября (5 октября) 1874 г. Н. А. Столыпин писал В. И. Вестману: «Война с ачехцами вступает в новую фазу. Поредевший вследствие болезней гарнизон будет усилен, но предполагаются только отдельные экспедиции. Намерены терпеливо дожидаться изъявления покорности племен» [28, 78]. В донесении от 18(30) ноября 1874 г. Н. А. Столыпин сообщал А. М. Горчакову: «Министр колоний информировал палату, что положение на Суматре все еще серьезно. Великий Аче не проявляет никакого желания покориться» [28, 80].

ку и будет заменен чиновником, признанные способности которого гарантируют успех в колониях» [28, 81][6].

В августе 1874 г. барон В. ван Голтстейн сменил Франсена ван де Пютте на посту министра колоний, а в марте 1875 г. был назначен новый генерал-губернатор Нидерландской Ост-Индии — известный дипломат Й. В. ван Лансберге[7].

Эти перемены не были случайными. Уходили со сцены инициаторы Ачехской войны, с именами которых связывались неудача 1873 г. и недостаточно активные действия последующего периода. В частности, провал плана ван Свитена, приверженцем которого был Лаудон, безусловно, сыграл решающую роль в преждевременной отставке генерал-губернатора.

Отражением глубокого недовольства в Нидерландах деятельностью ван Свитена, Лаудона и Франсена ван де Пютте было появление в середине — конце 70-х годов XIX в. многочисленных брошюр и памфлетов, авторы которых критиковали инициаторов Ачехской войны [47; 114; 158; 159]. Лейтмотив критики — обманутые надежды на скорое покорение Аче, необходимость держать там значительные силы и нести огромные расходы.

В этой обстановке и появился новый план — «программа Пела». Этот план, изложенный в уже цитировавшемся письме Пела от 30 апреля 1875 г., предусматривал расширение оккупированной территории путем создания линии укреплений, проходящей от залива Крунг Раба на западе до залива Крунг Райя на востоке Великого Аче. Пел рассчитывал, что после сооружения линии: «1) враг будет отрезан от моря, а это уменьшит его политические контакты с внешним миром и прекратит его торговлю; 2) возрастет эффективность блокады Аче и 3) появится возможность расширить укрепленный район» [95, т. II, прил. IV, 565 — 566].

Пел указывал, что проведение наступательных операций заставит ачехских вождей почувствовать силу голландского оружия, поможет консолидации голландских позиций и позволит ввести прямое управление на оккупированной территории [95, т. II, прил. IV, 568]. При этом Пел не считал возможным вести операции за пределами линии Крунг Раба — Крунг Райя и стоял за «тактику выжидания» после расширения плацдарма в Аче.

«Программа Пела» получила одобрение в Батавии и Гааге, и с лета 1875 г. началась подготовка к ее осуществлению.

При анализе этого плана голландских колонизаторов бросается в глаза то обстоятельство, что он, как и предыдущий план, делал основную ставку на чисто военные мероприятия. Правда, если ван Свитен и Лаудон в 1874 г. полагали, что одного присутствия голландской армии в Аче окажется достаточным, чтобы заставить

---

[6] В этом же донесении Н. А. Столыпин писал: «Последние известия с театра военных действий неудовлетворительны. Хотя нидерландский гарнизон и удерживает Кратон, но ряды его сильно сократились вследствие стычек и болезней, и настоятельно требуется подкрепление».

[7] Отставка Лаудона была принята еще в декабре 1874 г.

знать покориться, то Пел и ван Лансберге в 1875 г. поняли, что рассчитывать на добровольное признание голландской власти не приходится и потребуются «дополнительные» усилия, чтобы склонить вождей к повиновению. Средством нажима на ачехскую знать было избрано наступление на севере Великого Аче.

Основной удар наносился по саги XXV — равнинной территории Великого Аче. Согласно инструкции генерал-губернатора от 10 ноября 1875 г., голландские войска вначале должны были «очистить» VI мукимов, затем — IV и IX [95, т. II, прил. VI, 570—571], т. е. в первую очередь наступление развертывалось против самых упорных организаторов сопротивления в тот период — Теуку Нанты, Теуку Ламнгского и Имама Лонгбатского, действовавших в этих районах. Предполагалось, что другие владетели, устрашенные разгромом Теуку Нанты и Имама Лонгбатского, входящих в группировку Панглимы Полима, станут сговорчивее. Создание «линии Пела» должно было обезопасить укрепленный район Кутараджа — Олех-лех (на это делал акцент сам Пел, излагая свою «программу»), который предполагалось окружить двойной, а то и тройной линией постов, и осуществить действенную блокаду побережья Великого Аче, через гавани которого ачехцы в 1874—1875 гг. продолжали получать с Пинанга оружие и боеприпасы.

Весь саги XXV и значительные территории саги XXVI и XXII по «программе Пела» оказывались оккупированными голландской армией. Наступление в Великом Аче должно было сопровождаться экспедициями в княжества Восточного и Северного побережья, чтобы прекратить поступление оружия и денег в Великий Аче.

К концу декабря 1875 г. голландские колонизаторы сосредоточили в Аче значительные силы, подбросив сюда новые подкрепления. Лишь в декабре 1875 г. в Аче прибыло около 2500 человек, и вместе с ранее находившимися частями численность голландских войск составила к концу декабря 1875 г. свыше 7000 человек [108, XVI—XVII]. Подготовка похода велась и путем «морального воздействия» на население: 27 июня 1875 г. губернатор Пел издал циркуляр, согласно которому разрешалось сожжение домов, наложение штрафов и грабежи кампонгов, жители которых принимают участие в борьбе с голландской армией [51, 132]. Этот приказ узаконивал ставшие обычными действия голландской военщины в Аче, санкционировал убийства мирных жителей, грабежи и насилия во время планируемого наступления на непокорные области.

Выполнение «программы Пела» началось 26 декабря 1875 г. В этот день голландцы тремя колоннами двинулись на юг от Кутараджи и вторглись на территорию VI мукимов. К 30 декабря голландские войска после тяжелых боев овладели укрепленными кампонгами Мибо, Ару, Кетапан Дуа, Джемпит, Гичил [123, 294]. 31 декабря пала штаб-квартира Теуку Нанты — деревня Пекан Бадак [123, 294]. После этого старосты кампонгов и старейшины

деревень западной части VI мукимов Лампагера выразили готовность покориться голландцам, чтобы спасти свои деревни от разрушения [243, 34]. Население же большинства деревень VI мукимов вместе с Теуку Нантой и Теуку Ламнгским ушло в горы. В январе 1876 г. колонна подполковника Энгеля преодолела горную цепь, отделяющую VI мукимов от IV мукимов, и захватила побережье вплоть до залива Крунг Раба [51, 131].

В конце января — начале февраля 1876 г. голландцы ударили к юго-востоку от Пекан Бадак и захватили важнейшие кампонги IX мукимов [123, 302—313]. Они также вторглись в северные районы саги XXII, сожгли здесь два кампонга и затем с юга атаковали укрепления в Пагар Айере, тогда как ачехцы готовились отразить атаку с севера [51, 132]. 7 февраля 1876 г. голландские войска закончили планировавшиеся операции на западе — в саги XXV.

С середины февраля Пел, перебросив войска, начал операции в саги XXVI, т. е. приступил к созданию укрепленной линии к востоку от Кутараджи [123, 314; 294, 23—25]. 24 февраля он прибыл в укрепленный лагерь близ деревни Тонгах и вечером того же дня был смертельно ранен во время обстрела лагеря ачехцами. 7 марта 1876 г. «семидесятидневный поход» был закончен: достичь одним ударом Крунг Райя на востоке голландцам не удалось, их линия постов кончалась значительно западнее — у Кота Похама близ устья р. Гигиён [95, т. II, 342].

Окончательное завершение «программы Пела» выпало на долю его преемников—генералов Г. Б. Т. Виххерс ван Керхема (март—ноябрь 1876 г.) и А. Й. Б. Димонта (ноябрь 1876—июнь 1877 г.). Виххерс ван Керхем предпринял в сентябре 1876 г. новое наступление в саги XXVI. После тяжелых боев у Тонгаха и Ламйонга голландцы сумели продвинуться еще дальше к востоку, а в конце января 1877 г. достигли Крунг Райя [249, 18]. Теперь оборонительные позиции голландцев состояли из 47 больших постов [298, 74], окружавших укрепленный район Кутараджа — Олех-лех.

Укрепленный район, где находились ставка губернатора, штаб войск, интендантские и медицинские службы, резервные части, был окружен этими постами, отделявшими Кутараджу от непокоренного Аче. Основных линий постов было три. Одна из них проходила к югу от р. Аче, отделяя оккупированную территорию от враждебного саги XXII [108, 8—17]. Вторая линия постов также проходила через саги XXV, прикрывая непосредственный доступ к Кутарадже: здесь посты были установлены в ряде важнейших пунктов между первой линией и Кутараджей [108, 17—38]. К северу от р. Аче, защищая Кутараджу со стороны саги XXVI, проходила третья линия, законченная лишь в январе 1877 г. [95, т. II, 342].

Пост на «линии Пела» являлся своего рода небольшой крепостью, приспособленной для круговой обороны, и представлял комплекс деревянно-земляных укреплений. Двухметровый пали-

сад, на углах которого располагались круглые бастионы, окружал голландские казармы, жилища офицеров, помещения для женщин и носильщиков, склады и т. п. Размеры сторон самых больших из постов составляли 45—50 *м*. Стройматериалы давали соседние с постом кампонги: казармы и другие внутренние сооружения строились из бамбуковых стволов, взятых в разрушенных домах, а палисад сооружался из стволов кокосовых пальм, вырубленных поблизости от той же разоренной деревни [51, 153]. Гарнизон поста обычно состоял из пехотной роты, которой были приданы 1—2 орудия [108, 23—24]. Посты соединялись с Кутараджей гужевыми дорогами, которые прокладывались одновременно с сооружением постов[8]. По этим дорогам совершалось непрерывное патрулирование.

Численность голландских войск в Аче продолжала возрастать. В конце 1876 г. здесь находилась 61 пехотная рота, т. е. почти в два раза больше, чем после окончания второй экспедиции. Артиллерия же выросла более чем в два раза: 92 ствола вместо 42 [298, 75].

Достигли ли колонизаторы к началу 1877 г., т. е. ко времени завершения «программы Пела», своих целей? Формально — да, так как они создали планируемую линию постов и заняли значительную часть саги XXV, изгнав оттуда своих основных противников, которые боролись с ними с весны 1874 г., — Теуку Нанту, Имама Лонгбатского и Теуку Ламнгского. Фактически же «программа Пела», как и предшествующий ей план ван Свитена, не дала голландцам главного — не привела к прекращению сопротивления в Аче.

Уже во время первых наступательных операций по «программе Пела» обнаружилось, что даже более мощная, чем при ван Свитене, голландская армия не в состоянии добиться решительного перевеса. Если наступление в саги XXV благодаря внезапности нападения и уходу в декабре 1875 г. ачехских отрядов, состоявших из жителей побережья, было более или менее успешным, то последующие действия в саги XXVI встретили организованный отпор подготовившихся ачехцев, и выполнение «программы Пела» затянулось на целый год. «Линия Пела» создавалась голландцами ценой огромных усилий и потерь. Кровопролитные бои у Пекан Бадака, Пагар Айера, Тонгаха, Ламйонга обессилили голландскую армию, не дали ей возможности продолжать активные действия, заставили ее перейти к обороне. Это признавал целый ряд голландских авторов, особенно современников. Так, бывший голландский генеральный консул на Пинанге Й. А. Крюйт писал: «Враг сопротивлялся (речь идет о времени походов Пела. — *В. Т.*) с умением, энергией и искусством, не имеющим прецедентов в истории

---

[8] Железная дорога в тот период соединяла Кутараджу лишь с Олех-лех (с осени 1876 г.).

Индийских войн» [99, 19]. И далее он прямо признавал: «Сопротивление врага стало еще сильнее. Он успешно нападал на наши транспорты, атаковал укрепления, часто с печальным для нас исходом, вплоть до того, что мы оставляли в его руках убитых и даже раненых, а также оружие. Дальнейшие наступательные операции стали невозможны» [99, 20]. Другой современник, де Рошемон, писал в 1876 г.: «Наши войска обессилены. Это начал понимать сменивший Пела подполковник Энгель. Обессилены трудными походами, тяжелыми боями, неописуемыми лишениями. Госпитали были переполнены... В один день с бивака увезли 125 больных, на следующий день — еще 60» [133, 28—29].

Именно начиная с первых месяцев 1876 г. действия ачехцев заставляют целый ряд современников признать народный характер войны. Первоначально такими современниками были критики «программы Пела» вроде апологета Лаудона и ван Свитена — де Рошемона, который, не отказав себе в удовольствии обрушиться на своих политических недругов в связи с действиями в Аче в 1876 г., впервые отнес эти неудачи на счет народного характера сопротивления, не понятого новыми руководителями колониальной политики Голландии [133, 22—24].

Постепенно мысль о народном сопротивлении распространяется в умах людей, далеких от намерения с каких бы то ни было позиций критиковать действия правительства в Аче. Эту мысль мы находим и у начальника штаба голландских войск в Аче полковника Х. Ф. Мейера, который к своим воспоминаниям о 1875—1876 гг. — образцу голландского канцелярского стиля — сделал характерный подзаголовок «Наступательные действия партизан» [108]; и у военного писателя капитана Й. П. Схумакера, специализировавшегося на описаниях подвигов простого голландского солдата и унтера — борцов за цивилизацию, прогресс и короля — в джунглях Аче [138].

С мощным партизанским движением голландцы столкнулись в «замиренных» VI и IV мукимах. Здесь вожди сопротивления, потерпев неудачу в открытом столкновении с голландской армией в декабре 1875 — январе 1876 г., организовали с лета 1876 г. настоящую партизанскую войну против захватчиков. Ее инициатором стал Теуку Ламнгский, который обосновался в IV мукимах и с помощью стекавшихся к нему жителей VI мукимов тревожил голландцев непрерывными нападениями [207, 127].

Базой партизанских отрядов стал горный массив Гунунг Паран. Здесь, в лесах, покрывающих горы, и многочисленных пещерах, обосновались Теуку Ламнгский, его брат Теуку Аджат и панглима Нья Ман, возглавившие антиголландское сопротивление в западной части Великого Аче [322, 100—103]. Другой захваченный голландцами район — IX мукимов саги XXV подвергался непрерывным вторжениям подвижных ачехских отрядов из саги XXII [207, 128]. В этом районе партизанскую борьбу возглавил глава IX мукимов — Теуку Нья Пурба.

Атаки на посты, нападения на голландские патрули и транспорты были главными методами борьбы ачехцев, которые тревожили «линию Пела» как со стороны не захваченных голландцами территорий саги XXII и XXVI, так и изнутри — из саги XXV. В ночь на 24 января 1876 г. произошло нападение на Лембу: ачехцы вырезали наблюдательный пост, обстреляли центральный пост и захватили оружие [108, 105—106]. В феврале был подожжен пост Ламрит [108, 107], а 4 марта ачехцы напали на Ламбару [51, 141]. В мае 1876 г. Теуку Ламнгский совершил сильный налет на Лампагер, перебив значительную часть голландского гарнизона [322, 104]. Нападениям подвергались и посты, расположенные к северу от р. Аче: летом 1876 г. отряды из саги XXVI нападали на посты Ламара и Билул [51, 141].

Еще эффективнее партизаны действовали на коммуникациях внутри «линии Пела», особенно к югу от р. Аче. Уже в начале 1876 г. голландские транспорты на южные посты стали отправляться лишь с сильными конвоями, в патруль назначалось не менее 30 человек [108, 113]. Тем не менее нападения на транспорты и отряды продолжались. Так, 13 февраля ачехцы разгромили транспорт, двигавшийся из Кутараджи в Ату под охраной 60 солдат. Капитан ван Свитен и 45 солдат были убиты, остальным с трудом удалось добраться до поста в Ату [51, 138]. Через три дня ачехцы повторили нападение на дорогу Ату — Билул: транспорту лейтенанта Ферхофстада, который в отличие от ван Свитена сумел прекратить панику в отряде, пришлось бежать в Ату, отказавшись от намерения доставить боеприпасы в Билул. В апреле 1876 г. был атакован транспорт на северной дороге Кута Алам — Олех Каранг, причем ачехцы разгромили голландский конвой [51, 141].

Ачехцы также устраивали засады на дорогах и вблизи кампонгов, где курсировали голландские патрули. Например, 17 февраля 1876 г. был обстрелян патруль на дороге Билул — Букит Дару [108, 110—111], а 4 марта в засаду у деревни Лонгбата попала голландская рота со взводом артиллерии [51, 138]. Свыше 40 человек потеряли голландцы под Ламбару в марте 1876 г., когда они пытались разбить ачехские отряды, беспрерывно нападавшие на патрули и транспорты врага на дороге Кутараджа — Кайю Лех [138, ч. I, 41]. Нападения на вражеские патрули и транспорты не стихали и летом — осенью 1876 г. [51, 142—144].

Колонизаторы не смогли сломить волю ачехского народа к сопротивлению. Об этом свидетельствовал размах партизанской борьбы на оккупированной территории, активизация антиголландского движения в саги XXII, многочисленные факты массового героизма населения, ответившего на голландское наступление и связанные с ним репрессии подъемом освободительной борьбы.

Как уже указывалось, «программа Пела» положила начало широкому применению репрессий против мирного населения — на-

ложению штрафов на кампонги, сожжению деревень и т. д. Только в IX мукимах саги XXV во время «семидесятидневного похода» было сожжено двадцать кампонгов [133, 33]. Жестокости и насилия, чинимые голландской военщиной, приводили к росту сопротивления, будили ненависть к врагу. Женщины, дети и старики покидали деревни и уходили, не желая оставаться на оккупированной врагом территории, в саги XXII и еще дальше — на Восточное побережье; мужчины присоединялись к отрядам Теуку Ламнгского и Теуку Пурбы.

Голландский историк П. Броосхоофт, автор книги о первых годах Ачехской войны, пишет: «Ачехцы боролись с голландцами почти поголовно. Даже „союзники" и „покоренные" предавали при каждом удобном случае» [51, 155]. Х. Ф. Мейер, вспоминая поход в саги XXVI весной 1876 г., замечает, что голландцы не смогли найти ни одного ачехца-проводника [108, 21]. Нападения вооруженных лишь клевангами и ренчонгами ачехцев на голландские колонны и биваки постоянно отмечаются источниками. Часто плохо вооруженные ачехцы защищались до последнего. При штурме ачехского укрепления Ламйонг в сентябре 1876 г. ачехские пушкари были заколоты у своих пушек, предпочтя спасительному бегству возможность еще раз выстрелить по врагу [51, 155]. В борьбе с захватчиками принимали участие и ачехские женщины. Так, женщины Мибо отражали голландскую атаку на этот кампонг в декабре 1875 г. После того как голландцы ворвались в кампонг, многие женщины бросались в горящие дома, чтобы не попасть в руки врага [138, ч. II, 166].

От «программы Пела» к походам ван дер Хейдена — «период наступления» (1878—1880)

14 марта 1877 г. в Кутараджу прибыл генерал-губернатор Й. В. ван Лансберге. Голландский историк Э. Б. Килстра, говоря о причинах этого визита, замечает: «Война с Аче продолжалась уже четыре года. За это время мы сражались с врагом так, как никогда не делали этого за всю историю наших войн в Индии, с врагом, который упорно защищал каждую пядь земли. Несчастья, выпавшие на нашу долю, оказались значительнее, чем мы могли ожидать; наши войска страдали от болезней, население было настроено враждебно, местность была незнакомой и труднодоступной» [95, т. III, 1].

Как уже говорилось, ни план ван Свитена, ни «программа Пела» не принесли успеха колонизаторам. Надежды на то, что удастся покончить с Ачехской войной малыми силами и скромными средствами, не сбылись: около 10 тыс. человек насчитывала голландская армия в Аче весной 1877 г., а ежемесячные расходы на войну в 1876—1877 гг. составляли в среднем полтора миллиона гульденов [95, т. III, 2, 9].

Все это заставило генерал-губернатора в ответ на запрос короля посетить Аче, чтобы ознакомиться с положением дел на месте и решить, что предпринимать дальше для окончания затянувшейся войны. Одобрявший «программу Пела», страстно желавший к тому же снискать славу мудрого политика, в чье правление закончилась Ачехская война, ван Лансберге еще раньше пришел к выводу, что действия в Великом Аче в основном завершены и необходимо сосредоточить основные усилия на вассальных княжествах побережья. В конце 1876 г. ван Лансберге вступил в конфликт с тогдашним губернатором Аче — «маленьким генеральчиком» Виххерс ван Керхемом, который считал нужным продолжать операции в Великом Аче и лишь после их окончания приняться за побережье. Конфликт закончился отставкой губернатора Аче, и при его преемнике — генерале Димонте — голландцы активизировали свои действия в прибрежных княжествах, стремясь лишить ачехцев подкреплений и прекратить поступление оружия и боеприпасов извне [9].

Ван Лансберге остался при своем мнении и после посещения Аче. Он стремился убедить себя и других, в первую очередь оппозицию в парламенте, что дела в Аче идут по заранее намеченному и одобренному им плану, что «программа Пела» принесла положительные плоды, что все княжества побережья скоро покорятся, что война в Аче будет завершена в не столь отдаленном будущем. Профессиональный дипломат решил дать наглядный урок солдафонам, ничего не смыслящим в настоящей политике, и в день отъезда, 25 марта, устроил прием для ачехской знати, который, по его мнению, должен был стать переломной вехой в истории Ачехской войны. Генерал-губернатор вопреки очевидным фактам решил, что создание «линии Пела» и постов в ряде прибрежных княжеств означает полное военное решение ачехской проблемы и что теперь требуются лишь меры политического характера. Первой и главной из таких мер должно было стать активное привлечение ачехской знати к сотрудничеству с колонизаторами. Именно с этой целью был организован пышный прием, на котором 16 ачехских владетелей встретились с самим генерал-губернатором. В своей речи перед ними ван Лансберге не только рисовал картины грядущего благоденствия Аче под властью Нидерландов и обещал уважать обычаи и религию ачехцев (в качестве первого шага он торжественно провозгласил, что главная мечеть Аче в ближайшее время будет восстановлена за счет голландской администрации), но и прельщал знать теми выгодами, которые она получит, заняв места в колониальном аппарате управления и получив возможность беспрепятственной торговли [95, т. III, прил. I, 545].

Кто же были те 16 ачехских феодалов, которые явились 25 марта 1877 г. в Кутараджу? Восемь из них были князьями по-

[9] См. раздел «Сопротивление голландским колонизаторам в княжествах побережья в 1874—1880 гг.».

78—78—78

бережья. Великий Аче представляли семь человек, из них трое — владетели области Мераса, давние друзья голландцев, двое — также сотрудничавшие с колонизаторами уже с 1874 г. члены правящей семьи IV мукимов саги XXV. Были и новые лица, покорившиеся уже после окончания второй экспедиции: глава одной из областей Далама Теуку Кали Маликуладиль, член «комитета восьми» Теуку Ибрахим и глава области Лепонг в юго-западной части Великого Аче Теуку Имам Мохаммад.

Ван Лансберге торжественно утвердил явившихся на прием в их титулах, причем VI мукимов были официально переданы семье владетелей Мерасы, а IV мукима — их прежним владетелям, из которых Теуку Лампасейский был утвержден также раджей Клуанга — княжества на Западном побережье [95, т. III, 8].

Раджи вассальных княжеств, присутствовавшие на приеме, подписали «акт подчинения», по которому признавали сюзеренитет Голландии, и обязались поднять в своих столицах голландский флаг [95, т. III, 8].

Реорганизация управления саги XXV, которое раньше осуществлялось голландской администрацией, и допуск бывшего врага — Теуку Кали Маликуладиля — к управлению его владением должны были продемонстрировать готовность голландских властей оставить за ачехской знатью ее титулы и посты при условии признания ликвидации султаната. Особые надежды голландцы возлагали на покорение Панглимы Полима и Теуку Баита, главы VII мукимов Баит — крупнейших улубалангов Великого Аче [51, 163; 322, 108].

Но и это мероприятие колониальной администрации не дало ощутимых результатов: основная масса знати Великого Аче продолжала сопротивление. В соглашение с голландцами вступила лишь знать столичного района и части саги XXV, т. е. оккупированных областей. Наиболее дальновидным военным деятелям в Аче, которым ван Лансберге преподносил урок в марте 1877 г., было ясно, что без решительных действий военного характера не удастся заставить ачехскую знать покориться. Именно на этой точке зрения стоял полковник ван дер Хейден, сменивший в июле 1877 г. умершего Димонта на посту губернатора Аче.

Ван дер Хейден вошел в голландскую историографию Ачехской войны как человек, которому удалось бы победоносно завершить ее, если бы этому не помешали политиканы в Гааге и Батавии. Легенда о ван дер Хейдене — суровом, но справедливом и заботливом отце-командире, талантливом стратеге и человеке, проникшем в душу «туземца», — вошла во все голландские работы об Ачехской войне. Легенда появилась в 80-е годы XIX в., когда подъем освободительного движения в Аче поставил голландских колонизаторов в крайне затруднительное положение, когда правящие круги Нидерландов, не решаясь и не желая верить, что прогнозы политиков и военных относительно перспектив окончания войны в зависимости от покорения ачехской знати оказались оши-

бочными, стали выдвигать в качестве главной причины неудачи в Аче введение гражданского управления и отход от твердой и беспощадной линии ван дер Хейдена.

Карел ван дер Хейден был, безусловно, более видной фигурой, чем его предшественники на посту губернатора Аче. Он был моложе, меньше связан рутинным мышлением, свойственным престарелым и пожилым генералам голландской колониальной армии (образцовыми представителями таковых были Кёхлер и ван Свитен), не боялся высказывать свое мнение, даже отличное от соображений вышестоящего начальства (этого не умели делать ни Пел, ни Димонт), за ним стоял опыт не просто колониальных экспедиций на различные острова Индонезии, а именно Ачехской войны (ван дер Хейден в должности командира батальона начал воевать в Аче во время второй экспедиции). Он был, несомненно, очень способным с чисто профессиональной точки зрения, выгодно отличаясь этим от подавляющей массы высшего офицерства голландской колониальной армии, которое не могло понять специфики Ачехской войны и рассматривало ее по канонам европейских или, в лучшем случае, мелких «колониальных» войн на архипелаге. Вместе с тем ван дер Хейден (и этим он ничем не выделялся из массы голландского офицерства 70—80-х годов в Аче) не понимал народного характера Ачехской войны, считал, что достаточно разгромить ачехскую знать, вынудить ее к повиновению, как ачехская проблема будет решена. Достичь этой цели он предполагал широким наступлением в Великом Аче, строгой блокадой побережья и карательными экспедициями в непокорные вассальные княжества, режимом террора на оккупированной территории.

Ван дер Хейден был жесток. Это качество отнюдь не выделяло его из массы голландских военных в Индонезии, но действия его в качестве губернатора Аче были продуманно жестокими, жестокость при нем стала едва ли не главным средством воздействия голландской администрации на местное население. Даже благожелательно относящийся к нему современник — П. Броосхоофт отмечает жестокость ван дер Хейдена, который «заставлял ачехцев неуклонно соблюдать все отданные им приказы и распоряжения» и «не брал назад никаких распоряжений, даже если они были неправильными, чтобы поднять голландский престиж» [51, 191]. Ван дер Хейденом открывается галерея наиболее жестоких палачей ачехского народа, превращенных правящими кругами Нидерландов в национальных героев. Деятельность ван дер Хейдена — кульминационный пункт голландской политики в Аче в 70-х годах, программы, предусматривающей решение проблемы главным образом военными средствами. Успехи ван дер Хейдена, как ни парадоксально, предвещали крушение этой программы, ибо следующий этап Ачехской войны обнаружил полную несостоятельность голландской политики в Аче.

После походов ван дер Хейдена Ачехская война не закончилась, наоборот, она поднялась на новую ступень, когда в сопро-

тивление оказались вовлеченными еще более широкие народные массы. Легенда о ван дер Хейдене остается не более чем легендой, действительность же оказывается, как часто бывает, прямо противоречащей легенде.

«Тактика выжидания» сменилась «тактикой наступления» летом 1878 г. До этого времени ван дер Хейден, ставший в начале 1878 г. губернатором (раньше он был временным губернатором) Аче, ограничивался мелкими операциями в приграничной с «линией Пела» зоне и продолжал карательные экспедиции против княжеств побережья [271, т. I, 19], т. е. следовал инструкциям ван Лансберге. Лишь летом 1878 г., когда в результате ачехского наступления на «линию Пела» голландцы стали терпеть поражения, ван дер Хейдену предоставили возможность организовать крупное наступление в Великом Аче.

Во второй половине 1877 г. началось оживление партизанского движения в IV и VI мукимах и усилилось сопротивление в саги XXII. Связано это было с попыткой владетельных феодалов Великого Аче, испытывающих сильный нажим со стороны уламов и верхушки крестьянства, объединить свои силы и создать единое руководство антиголландской войной[10]. Объединившись вокруг возвратившегося в Аче Хабиба Абдуррахман ал-Захира, крупные феодалы Великого Аче провозгласили султана Мохаммад Дауда совершеннолетним и принялись за организацию армии, которая должна была изгнать «Компанию» из Аче. Весной 1878 г. началось наступление объединенных отрядов ачехской знати на «линию Пела». В апреле 1878 г. ачехцы разрушили мосты между Ламнгой и Куала Луё, после чего участились нападения на посты Ламйонг и Ламбару. Вслед за тем ачехские отряды совершили ряд смелых вылазок во вражеский укрепленный район. 23 мая был подожжен оружейный склад в Пендети, 26-го прервано сообщение между Кутараджей и Олех-лех, в ночь на 8 июня отряды Хабиба напали на Пантей Перак [311, 511]. Основной же удар Хабиб, Панглима Полим и Теуку Нанта решили нанести со стороны IX и IV мукимов, где существовало сильное партизанское движение.

Укрепившись в Ламкра и Ламтенгах, Хабиб со своими отрядами, численность которых составила примерно 2000 человек [248, 45], начал наступление на линию голландских постов в саги XXV. Из Лепонга подошел сын Теуку Нанты — Теуку Райют с 1600 воинами, сам Теуку Нанта, захватив кампонг Гуру, наступал на Пекан Бадак. За линией голландских постов действовал Теуку Ламнгский, обосновавшийся близ горного прохода Глитарум. Одновременно Имам Лонгбатский с несколькими сотнями своих приверженцев атаковал врага со стороны Лонгбаты [322, 111]. Теуку Лампасейский бежал под защиту голландцев,

---

[10] Подробно положение в ачехском лагере в этот период будет рассмотрено в разделе «Движущие силы и группировки ачехского сопротивления в 1874—1880 гг.».

так как все население IV мукимов поддержало своих освободителей [95, т. III, 222—223]. Голландцы были вынуждены очистить ряд постов и сосредоточить силы на обороне главного укрепления в IV мукимах — поста Крунг Раба. Разбив несколько голландских отрядов в долинах Берадин и Глитарум [311, 512], Хабиб 21 июня начал осаду Крунг Рабы. В тот же день ачехские отряды прорвались до Пенайонга, расположенного в непосредственной близости от Кутараджи [95, т. III, 229]. Голландцев в Крунг Рабе спасла лишь нерешительность Хабиба, который вместо немедленной атаки на врага, уже потерпевшего ряд поражений, стал посылать парламентеров, предлагая вначале гарнизону выйти в чистое поле и там помериться силами, а затем — покинуть форт и уйти в Кутараджу [138, ч. II, 157]. В переговорах прошло время до 24 июня, когда Хабиб приказал обстрелять форт, а на следующий день к Крунг Рабе подошла колонна майора Коблейна и ачехцы были вынуждены снять осаду [138, ч. II, 159].

Одновременно с посылкой отряда Коблейна для спасения гарнизона Крунг Рабы ван дер Хейден начал тщательно подготовленное наступление на саги XXII, санкцию на которое он получил от генерал-губернатора в телеграмме от 13 июня 1878 г. [51, 168]. На Суматру стали спешно перебрасываться войска. 4 июля прибыл батальон с Явы и полубатальон из Паданга, а через несколько дней — еще два батальона с Явы; в конце июля — начале августа прибыли новые подкрепления из Паданга, а также батарея горной артиллерии и кавалерийский эскадрон [311, 512]. Ван дер Хейден провел реорганизацию голландской армии в Аче, разделив ее на гарнизонные и полевые (мобильные) батальоны [11]. В то время как первые должны были охранять укрепленный район, мобильные батальоны предназначались для ведения операций за пределами «линии Пела». До этой реорганизации для карательных экспедиций в княжестве и действий вне линии выделялись части, несущие службу на постах или в Кутарадже. Деление войск на гарнизонные и полевые увеличило подвижность голландской армии.

23 июля 1878 г. ван дер Хейден начал поход против саги XXII [249, 21]. Лучшие части голландской армии (свыше 2000 человек) двинулись вверх по течению р. Аче, чтобы заставить ачехские отряды из саги XXII броситься на спасение своих кампонгов и ослабить нажим на «линию Пела» в саги XXV. Расчет ван дер Хейдена оправдался. Хабиб и Теуку Нанта прекратили наступление на Крунг Рабу и Кутараджу и поспешили на помощь Панглиме Полиму и Туанку Хашиму, которые защищали саги XXII. Несмотря на успехи в столкновениях с голландцами в долине Глитарум в конце июня, основные силы ачехцев при известии о наступлении врага покинули IX мукимов и IV мукима, и лишь Теуку Ламнг-

[11] В конце июля 1878 г. в Аче находилось 5 гарнизонных (25 рот) и 9 полевых (36 рот) батальонов [298, 77].

ский со своими соратниками продолжал сражаться с голландскими колоннами, сжимавшими кольцо вокруг долин Глитарум и Бередин [322, 112].

Ван дер Хейден наступал по р. Аче четырьмя колоннами: одна из них двигалась по левому берегу, две — по правому, четвертая составляла резерв [249, 21]. Опрокинув передовые заслоны ачехцев, голландские части 25 июля подошли к крупному кампонгу Сенелоп, прикрывавшему доступ к центру саги XXII. После нескольких атак голландцам удалось захватить Сенелоп, а вслед за тем штаб-квартиру Панглимы Полима — деревню Анак Галонг. 28 июля ван дер Хейден подошел к местопребыванию султанского двора и главной базе Хабиба — кампонгу Монтасик. Монтасик пал после ожесточенного сопротивления его защитников. Много раз бросались голландцы на приступ укрепленной мечети, но стойко державшиеся ачехские воины снова и снова отбивали врага. Голландцы подвезли артиллерию, подвергли Монтасик интенсивному обстрелу и, только после того как мечеть и половина кампонга превратились в груду развалин, смогли вынудить ачехцев к отступлению [51, 271].

Хотя ван дер Хейден сумел дойти до Монтасика за короткий срок и захватить значительную часть саги XXII до возвращения сил Хабиба и отрядов Теуку Нанты, выполнить свой план — в один сухой сезон дойти до южных границ Великого Аче — ему не удалось. Ачехцы создали укрепления к югу от Монтасика, в тылу голландцев также было неспокойно: население саги XXII и прилегающих областей саги XXVI продолжало оказывать серьезное сопротивление. Поэтому дальнейшее продвижение голландских войск приостановилось. Вся первая половина августа прошла в изнурительных и кровопролитных стычках в районе Монтасика. Продвижение голландцев на юг задержалось также вследствие рано начавшихся дождей. План ван дер Хейдена оказался под угрозой срыва. Сумей ачехские вожди оправиться от паники, охватившей их во время голландского наступления, и наладить координацию действий (в период генерального наступления ван дер Хейдена почти каждый крупный улубаланг по-прежнему защищал лишь свои владения), сумей Хабиб, руководитель ачехских сил, продолжать борьбу с врагом партизанскими методами, угроза срыва плана ван дер Хейдена смогла бы реализоваться. Но этого не случилось. Напротив, изверившийся в возможностях антиголландской борьбы и в значительной мере против своей воли вовлеченный в эту борьбу, Хабиб бросился навстречу главным голландским силам и 19 августа потерпел сокрушительное поражение под кампонгом Лонги. Собранная им армия перестала существовать, самому Хабибу удалось бежать в сопровождении нескольких человек [311, 513]. После этого он думал только об условиях сдачи голландцам; уже 25 августа он направил первое письмо ван дер Хейдену [51, 175]. Вслед за тем ачехцы потерпели еще одну серьезную неудачу: при попытке пробиться на соедине-

ние с Хабибом был окружен и погиб почти со всем отрядом герой партизанской войны в IV мукимах Теуку Ибрахим Ламнгский [243, 41].

В сентябре Хабиб снова обратился к голландскому командованию, а 13 октября явился в Анак Галонг и передал себя в руки голландцев. Вечером того же дня на сторону врага перешел шурин Хабиба — крупнейший улубаланг саги XXII Теуку Баит [203, 1018]. Ликованию колонизаторов не было предела. План ван дер Хейдена реализовался — наиболее видные вожди сопротивления прекращали борьбу. Ван дер Хейден издал специальный приказ по голландской армии, в котором сообщалось о сдаче «Хабиба Абдуррахмана, возглавлявшего в течение нескольких лет партию войны в Аче, и могущественного вождя VII мукимов — Теуку Муда Байд. Их примеру вскоре последуют и другие влиятельные вожди. Поход, начавшийся в июне с. г. против XXII мукимов, еще не закончен, но результаты уже налицо» — так заканчивался приказ [95, т. III, прил. V, 549]. С небывалой пышностью Хабиба встретили в Кутарадже: с фанфарами, военным оркестром и т. п. Принявший его ван дер Хейден всячески подчеркивал, что считает Хабиба не пленником, а гостем голландской администрации. В ноябре 1878 г. на голландском корабле Хабиб отправился в Аравию, чтобы жить в Мекке в качестве гостя голландского правительства с пенсионом 30 тыс. гульденов в год [203, 1019]. Теуку Баит был отправлен в свои владения, чтобы вынудить население покориться голландской власти [105, 33].

Примеру Хабиба последовали вскоре его старый соперник Панглима Тибанг Мохаммад и еще несколько знатных лиц [329, 432]. Таким образом, капитуляция Хабиба послужила толчком к прекращению сопротивления ряда представителей крупной знати Великого Аче, потерпевших поражение при защите своих владений. Но гораздо серьезнее было то обстоятельство, что из-за ошибок Хабиба и его нежелания продолжать борьбу оказались разгромленными основные воинские силы саги XXII и вожди сопротивления оказались в очень трудном положении накануне нового наступления ван дер Хейдена. Хотя это наступление и было перенесено на весну 1879 г., ачехские руководители не сумели наладить совместную оборону, и каждый отряд действовал фактически самостоятельно. Лишь отряды, большинство в которых составляли жители оккупированных голландцами районов и побережья, во главе с Имамом Лонгбатским, Теуку Пайей, Теуку Муда Райютом (сыном Теуку Нанты), Теунгку Чик ди Тиро, а также воины Панглимы Полима под предводительством сына последнего — Теуку Раджа Куалы сражались, подчиняясь единому командованию Панглимы Полима. Именно эти отряды и оказали наиболее эффективное сопротивление захватчикам сначала в саги XXII, а затем в саги XXVI, в то время как большинство улубалангов и имамов этих саги после безуспешной обороны в одиночку прекращали сопротивление.

23 марта 1879 г. возобновилось голландское наступление в саги XXII. На следующий день голландцы захватили важный пункт Индрапури, который защищали Имам Лонгбатский и Теуку Раджа Куала. Но утвердиться в улубалангстве V мукимов Индрапури захватчики смогли лишь к концу мая, так как оба улубаланга V мукимов (Теуку Бинтанг и Теуку Чут; первый владел кампонгами по левому берегу р. Аче, второй — по правому) оказали серьезное сопротивление. Так, 6 мая целая голландская колонна под командованием подполковника Любека потерпела поражение при попытке захватить кампонг Пантей Каранг [249, 22]. В конце мая ван дер Хейден, перенесший полевой штаб из Анак Галонга в Индрапури, двинулся еще дальше к югу и захватил последние крупные кампонги саги XXII — Джерир (31 мая) и Глиёнг (3 июня) [51, 183]. На этот раз ачехцы не защищали населенные пункты, а нападали на голландские колонны на маршах или обстреливали их из засад. Основные силы Панглима Полим увел в саги XXVI.

В июле 1879 г. ван дер Хейден обрушился на саги XXVI. Шестью колоннами двинулись голландцы на центральные пункты саги. Повторилась предыдущая картина: Панглима Полим, Имам Лонгбатский, Теуку Имам Ламронгский (панглима саги XXVI), не ввязываясь в открытые сражения, отступали, тревожа врага внезапными нападениями [95, т. III, 416—438]. Ачехские вожди перешли в восточную часть саги XXVI, отгороженную горами от оккупированной голландцами области, и здесь, в треугольнике, образованном кампонгами Лампанас — Ламбада — Ламтоба, создали последнюю базу сопротивления в Великом Аче. Но голландское командование в конце июля 1879 г. начало новое наступление; 25 июля на рейде Лампанаса появились суда с войсками [223, 9]. 29 июля кампонг был захвачен и весь муким жестоко оштрафован за содействие вождям сопротивления [223, 20—22]. Вслед за тем голландцы двумя колоннами (с побережья и из Индрапури) вторглись в улубалангство Селимун, куда отступили Панглима Полим и его соратники [223, 50—54]. В сентябре 1879 г., вынудив султанский двор и Панглиму Полима бежать еще дальше, в Пиди, голландцы вывели войска из Селимуна, где натолкнулись на решительное сопротивление населения [51, 190] [12].

5 сентября 1879 г. в приказе по голландской армии ван дер Хейден писал: «После завершения похода против XXVI мукимов, особенно после достижения Селимуна, нам покорится весь Великий Аче. Население возвращается в свои кампонги; ряд видных вождей уже покорились; создавшееся положение внушает надежду, что остальные последуют их примеру. Операции в значительных масштабах больше не нужны, но еще в течение длительного времени понадобятся решительные усилия армии для поддержания должного порядка» [84, прил. I, 120].

[12] В походе на Лампанас и Селимун голландская колонна потеряла (убитыми, ранеными и больными) треть своего состава [223, 77].

Походы ван дер Хейдена в Великом Аче и оккупационный режим, установленный после этих походов, отличали жестокость и беспощадный террор, далеко превзошедшие даже действия голландской армии в предыдущие годы. Если и раньше имели место убийства, грабежи, насилия, сожжение деревень, то все это, хотя и санкционировалось командованием, представляло скорее обычные действия голландской солдатни в «колониальных» войсках. При ван дер Хейдене, «отце-командире и национальном герое», чудовищные насилия в отношении местного населения стали частью продуманной системы, которая должна была обеспечить «мир и процветание» в Аче, системы, которая воцарилась в Аче на последующие тридцать с лишним лет.

Во время военных действий в саги XXII и XXVI сжигались все кампонги, из которых раздавался хотя бы один выстрел по голландцам; происходили массовые казни заложников из числа мирных жителей; в случае убийства или нападения на предателей все население кампонга, где произошло убийство или нападение, платило огромный денежный штраф [84, 68]. Всем ачехцам было запрещено носить оружие (исключение делалось только для покорившихся улубалангов и имамов, которые могли иметь один кинжал как символ их звания), происходили бесконечные обыски домов в поисках несданного огнестрельного и холодного оружия. Виновные в утайке оружия сурово наказывались. Любой ачехец, будь то мужчина, женщина или ребенок, приблизившийся к голландскому форту или наблюдательному посту ближе чем на 10 *м*, подлежал расстрелу на месте — ван дер Хейден хотел обезопасить голландские биваки и посты от внезапных нападений ачехцев. Почти все эти правила остались в силе и после завершения похсдов в саги XXII и XXVI и «умиротворения» Аче. По дорогам Великого Аче постоянно курсировали голландские патрули, арестовывавшие, а то и расстреливавшие на месте всех показавшихся командиру патруля подозрительными и производившие обыски в кампонгах. Командир патруля был высшей властью для округи, где проходил патруль, и мог делать все что ему заблагорассудится. Это был самый настоящий режим разнузданного террора, прикрываемый ссылками на то, что с «туземцами иначе нельзя».

Действия ван дер Хейдена вызвали критику даже в голландском парламенте, где в общем-то привыкли к крутым методам своих «национальных героев» в Индонезии. Консервативная оппозиция, рвавшаяся к власти, стремилась использовать критику ван дер Хейдена для увеличения своего политического капитала и поднимала бесконечные запросы в парламенте относительно методов управления Аче [13]. Несомненно, одной из причин удаления

---

[13] Это не помешало позднее консервативным кабинетам санкционировать такие действия губернаторов Аче, которые по жестокости превосходили даже методы ван дер Хейдена.

ван дер Хейдена из Аче в 1881 г. было стремление показать и ачехцам (которые так и не желали покориться), и «цивилизованному миру», что правительство Нидерландов если не осуждает, то не очень одобряет те «несколько суровые» методы, к которым прибегал генерал[14]. 18 ноября 1881 г., на заседании второй палаты Генеральных штатов, ван дер Хейден был публично обвинен в ненужной жестокости в Аче не кем иным, как министром колоний ван Голтстейном, которого поддержал генеральный прокурор. Генерал не остался в долгу и в книжке, изданной им в следующем, 1882 г., довольно убедительно показал, что он следовал инструкциям из Гааги и Батавии и поэтому обвинения в его адрес со стороны министра колоний выглядят более чем странными[15]. Весьма красноречивым свидетельством лицемерия правящей клики Нидерландов было присвоение ван дер Хейдену в январе 1880 г. высшего воинского звания Голландии — чина генерал-лейтенанта — одновременно со вздохами и ахами в парламенте по поводу некоторой суровости «героя».

Осенью 1879 г. война в Великом Аче — основном очаге сопротивления — считалась большинством голландских политиков завершенной. Из Кутараджи в Батавию, а оттуда в Гаагу приходили победные реляции, голландского обывателя гипнотизировали перечислением ачехских населенных пунктов, захваченных доблестными воинами, публикацией карт с маршрутами походов, преподносимых в качестве доказательства блистательности военной мысли колониальных стратегов. Особенно радужным положение в Аче стало представляться после опубликования доклада командующего армией Нидерландской Индии генерал-лейтенанта Х. Т. Баумейстера, посетившего Аче в сентябре 1879 г. Он писал, оценивая обстановку в Великом Аче: «В целом можно сказать, что положение очень обнадеживающее... в результате операций командующего оно изменилось к лучшему, все говорит за то, что продолжительная война подошла к концу... Не слышно ни одного выстрела, не видно ни одного вооруженного ачехца. Очевидно, ачехский народ понял бесполезность своего длительного сопротивления» [95, т. III, прил. XII, 560]. Баумейстеру вторил генерал-губернатор ван Лансберге, который в письме ван Голтстейну от 3 декабря 1879 г. заверял правительство в окончании Ачехской войны [51, 214].

Мобильные колонны были расформированы, некоторые части в 1879—1880 гг. вернулись на Яву. В мае 1880 г. численность

---

[14] Об этом писал сам ван дер Хейден в своей книге [84, 1].

[15] «Национальный герой» Нидерландов предстает в этой книге ограниченным, обиженным генеральчиком, на протяжении 150 страниц жалующимся на интриганов, которые, используя неблагородные методы, отстранили его от дел. Он приводит длинный перечень своих заслуг перед родиной и королем и вспоминает о своих варварских приказах как о чем-то незначительном, особенно в сравнении с теми успехами, которые были достигнуты голландским оружием под его водительством.

голландской армии в Аче сократилась с 10 500 (1878 г.) до 6500 человек [95, т. III, 469]. Голландцы занимали теперь 39 фортов и наблюдательных постов [248, 283], протянувшихся почти через весь Великий Аче. Многочисленные патрули непрерывно прочесывали дороги между фортами и постами, беспощадно подавляя действительные или предполагаемые вспышки сопротивления. Внимание голландского командования было направлено на недавно завоеванные саги XXII и XXVI; укрепления «линии Пела» теперь рассматривались как второстепенные, поскольку большинство из них находились в пределах «замиренных» саги XXV и Далама.

К весне 1881 г. бóльшая часть высшей знати саги XXII и XXVI прекратила борьбу с захватчиками. Ван дер Хейден перечисляет около 60 владетелей Великого Аче, сложивших оружие между августом 1879 и мартом 1881 г. [84, прил. IIa, 133—137]. Голландские власти приступили к созданию полиции из ачехцев: 44 жителя Мерасы и VI мукимов — владений семьи Нек — составили первую группу ачехцев-полицейских [51, 212]. В октябре 1879 г. ван дер Хейден в присутствии покорившейся знати и населения окрестных деревень заложил первый камень новой главной мечети в Кутарадже. Голландская администрация тем самым выполняла данное ван Лансберге обещание и демонстрировала наступление мира в Аче[16]. С начала 1880 г. началась подготовка к введению в Аче гражданского управления, т. е. к превращению Аче в обычную провинцию голландской колониальной империи в Индонезии.

Упиваясь видимыми успехами в Великом Аче, голландские колонизаторы считали, что в недалеком будущем им удастся подчинить все княжества побережья и принудить к сдаче султанский двор и тех вождей, которые бежали в деревню Кемала во внутренней части Пиди. Поскольку народу, как уже указывалось, в расчетах и планах даже сравнительно дальновидных военных и гражданских администраторов в Аче в 1873—1880 гг. никакого места не отводилось, то и продолжение борьбы в 1880—1881 гг. в горных районах Великого Аче после покорения улубалангов и имамов трех саги воспринималось колонизаторами как действия отдельных и немногочисленных «бандитских шаек», с которыми можно справиться без новых походов. Сам ван дер Хейден, хотя и ратовал за сохранение военного режима в Великом Аче, также считал, что «военные действия в крупных масштабах закончены и мы вступаем в период, когда для сохранения порядка и спокойствия на вновь покоренных территориях достаточно непрекращающегося патрулирования, которое будет продолжаться до окончательного умиротворения местного населения» [151, 215].

---

[16] В речи при закладке мечети ван дер Хейден торжественно провозгласил наступление «периода мира и порядка» в Аче [95, т. III, прил. XIII, 563].

Сопротивление голландским колонизаторам в княжествах побережья в 1874—1880 гг.

Борьба в княжествах побережья на протяжении данного периода характеризовалась рядом отличительных особенностей по сравнению с сопротивлением в Великом Аче. Прежде всего, действия здесь были более разрозненными, каждое княжество еще в большей мере, нежели улубалангства Великого Аче, проводило самостоятельную политику по отношению к захватчикам. Значительно бóльшую роль играли здесь противоречия и междоусобицы, затруднявшие одновременные, согласованные действия. Эти противоречия, как между княжествами, так и внутри княжеств — между представителями правящих семей, активно использовались колонизаторами для укрепления своей власти на побережье. Следует отметить также неодинаковое экономическое положение Великого Аче и побережья. Если Великий Аче обеспечивал себя продовольствием, то многие княжества ввозили рис, в обмен на который они поставляли перец, табак и бетель. Такая зависимость княжеств от внешней торговли позволяла голландцам, флот которых господствовал у берегов Аче, оказывать на княжества побережья экономическое давление, подчас являвшееся более эффективным средством, чем карательные экспедиции. С другой стороны, княжества благодаря своему прибрежному положению могли поддерживать запрещенную голландскими властями торговлю с внешним миром (главным образом с Пинангом и Сингапуром) и получать оружие, боеприпасы и деньги, которых в Великом Аче не хватало [17].

В княжествах побережья в 1874—1880 гг., как и в Великом Аче, руководство сопротивлением принадлежало местной знати, преимущественно представителям правящих семей. Существенным отличием, однако, было более раннее, чем в Великом Аче, появление симптомов следующего этапа борьбы, когда руководство перешло к уламам и выходцам из простонародья. В ряде княжеств (Пиди, Мелабох, Пасанган, Самаланга) уже в рассматриваемый период эти элементы не только принимали активное участие в антиголландской борьбе и руководили отдельными отрядами (это наблюдалось и в Великом Аче), но и брали на себя руководство сопротивлением в целом. Но если в Великом Аче после 1880 г. знать как руководитель борьбы отошла на второй план и постепенно становилась в ряды противников войны за независимость, то в княжествах побережья местная знать еще в течение длительного времени продолжала принимать очень активное участие в движении. Некоторая «смазанность» четко наблюдаемого в Ве-

---

[17] Например, Хабиб перед появлением в Великом Аче сумел собрать в Симпанг Улиме 5 тыс. долл. и 500 ящиков пороха, в Пасангане — тысячу долларов, в Пиди и Гигиёне — 6 тыс. долл. Из княжеств Северного и Восточного берега Аче под его знамена стали тысячи воинов [203, 1017].

ликом Аче перехода от «феодального» периода сопротивления к «народному» объясняется меньшей социальной дифференциацией и более теснымн родовыми связями между знатью, деревенской верхушкой и уламами в княжествах, слабостью государственной власти, которая в некоторых княжествах еще едва противопоставляла себя общинно-родовой организации.

Можно выделить два этапа в борьбе вассальных княжеств Аче на протяжении 1874—1880 гг. Первый этап охватывает время с весны 1874 до конца 1876 г. В это время голландское командование почти целиком сосредоточило внимание на Великом Аче и сравнительно мало интересовалось положением дел в княжествах. Продолжалась прежняя тактика, принятая еще в 1873 г.: заставить правителей княжеств признать голландский сюзеренитет, не держать в княжествах воинские силы, ограничиться борьбой с контрабандным (с точки зрения голландцев) провозом оружия и боеприпасов из княжеств в Великий Аче. Голландское командование, считая необходимым укрепить свою власть именно в Великом Аче, полагало, что вассалы Аче с большим или меньшим равнодушием отнесутся к смене сюзерена [18]. На протяжении 1874—1875 гг. чиновники военной администрации в Аче посещали различные княжества побережья и с помощью угроз и посулов заставляли их правителей подписывать так называемое «заявление князей».

Согласно этому заявлению, подписавший его князь обязывался «признавать власть его величества короля Нидерландов в лице генерал-губернатора Нидерландской Индии и не поднимать в своих владениях никакого иного флага — ни на суше, ни на море, — кроме нидерландского» [95, т. I, прил. XXIX, 480]. Он лишался права вступать в политические сношения с другими державами, обязывался «поддерживать всеми имеющимися в его распоряжении средствами порядок и мир в своих и соседних владениях», бороться с работорговлей, оказывать помощь потерпевшим кораблекрушение и не присваивать их имущества, а также не принимать в свои владения лиц, совершивших преступление в Нидерландской Индии. Как видно из текста заявления, голландская администрация рассматривала княжества как вассалов, т. е. не распространяла на их территорию систему прямого управления, принятую для Великого Аче.

К ноябрю 1876 г. 31 раджа подписали «заявление князей» [319, 209]. Но это отнюдь не означало реального господства колонизаторов на побережье. Раджи подписывали заявление, чтобы их княжества не подвергались блокаде, а снятие блокады давало возможность получать оружие, боеприпасы, деньги, которые посылались, невзирая на строгие запреты голландцев, в Великий Аче или использовались для организации борьбы на побережье. Мно-

[18] Как пишет Э. С. Клерк, «это мнение основывалось на истории покорения Сиака, а также на переоценке подчинения Иди в 1873 г.» [226, т. II, 353].

гие княжества побережья отказывались пойти даже на формальное признание сюзеренитета Нидерландов. Так, на Восточном берегу упорно отказывались поднять голландский флаг такие крупные княжества, как Симпанг Улим, Танджунг Семантох, Лангсар [95, т. I, 114], на Северном — Самаланга, Мереду, Телок Семаве, Глумпанг Дуа [95, т. I, 117], на Западном — Телок Крут, Ригас, Теном [95, т. I, 121]. Правители этих княжеств согласились признать верховенство Голландии только после неоднократных бомбардировок прибрежных территорий их владений на протяжении 1874—1876 гг. [95, т. I, 211—214]. Постепенно голландцы начали усиливать нажим на княжества, понимая, что без создания опорных пунктов на побережье им не удастся прекратить сношения Великого Аче с внешним миром. В мае 1875 г. в Иди появился голландский ассистент-резидент, а в 1876 г. было намечено создать форты в Пиди и Мелабохе [319, 206]. Для закрепления на побережье голландцы искусно использовали старые противоречия между княжествами и борьбу за власть между членами правящих семей. Этот метод особенно широко употреблялся при губернаторе Виххерс ван Керхеме. Так, например, губернатор стремился натравить на настроенных резко антиголландски князей Симпанг Улима и Танджунг Семантоха раджу княжества Кертой (Восточный берег). С этой целью Виххерс ван Керхем передал последнему оружие для нападения на Симпанг Улим, чтобы заставить раджу Симпанг Улима согласиться на передачу прибрежной крепости Бланг Ни голландцам [249, 16]. Точно так же для закрепления на Северном берегу летом 1876 г. голландцы использовали противоречия между двумя федерациями феодалов княжества Пиди [19]. Поскольку собственно Пиди с начала войны заняло решительную антиголландскую позицию, колонизаторы стали ориентироваться на Гигиён. Когда же князь Пиди Теуку Раджа Пакех под угрозой повторной бомбардировки княжества признал в феврале 1876 г. верховенство Голландии и согласился на создание голландского форта в Пиди, голландские власти закрыли побережье Гигиёна [108, 277—278].

С ноября 1876 г. положение в княжествах резко изменилось. Обескураженная неудачами в Великом Аче голландская колониальная администрация начала пересматривать прежнюю политику в отношении побережья. Опыт прошедших лет свидетельствовал, что надежды на равнодушие населения вассальных владений к ачехским делам не оправдываются, что внешняя опасность не разделила, а сплотила Великий Аче и побережье, что княжества являются мощным источником поступления оружия, денег, опиума (выполнявшего роль денег) в Великий Аче, что формальное признание голландского сюзеренитета ни в коей мере не связыва-

[19] В конце XVIII в. в Пиди образовались две федерации улубалангов. Федерация «двенадцати» признавала власть раджей Пиди, во главе федерации «шести», или Гигиёна, стояли феодалы, носившие титул Теуку Бинтара Кеманган.

ет раджей, подавляющее большинство которых настроено в отношении захватчиков враждебно.

Приписываемый ван дер Хейдену лозунг «Без контроля над побережьем войне не будет конца» [99, 35] начал проводиться в жизнь еще при его предшественнике. Отставка Виххерс ван Керхема в ноябре 1876 г. была вызвана его разногласиями с генерал-губернатором, который настаивал на проведении наступательных действий в княжествах, тогда как губернатор Аче считал нужным сосредоточить внимание на Великом Аче, а в княжествах действовать «косвенными» методами (подкуп, использование противоречий и т. п.). С приездом в Аче генерала Димонта голландцы развернули широкое наступление на княжества.

С ноября 1876 г. в основу политических отношений с раджами побережья голландское командование положило новый договор из 18 статей, иначе именуемый «пространным заявлением» [319, прил. IV, 357—359]. Раджи обязывались не только соблюдать условия прежнего «заявления князей», но и признавали право администрации Нидерландской Индии на контроль над доходами княжества и на получение части этих доходов (статьи 5—7). Юрисдикция раджи отныне ограничивалась лишь лицами «туземного происхождения», т. е. ачехцами (ст. 10). Преемник раджи обязательно утверждался генерал-губернатором (ст. 17). Специальная статья (9-я) предусматривала постройку голландских фортов и других военных укреплений на территории княжества, причем землю для этих укреплений раджа обязывался передавать безвозмездно. Жители княжества, виновные в причинении ущерба укреплению, подлежали передаче в руки голландских властей (ст. 11) [20].

Таким образом, голландцы, начав с требований формального признания сюзеренитета, перешли к прямому вмешательству во внутренние дела княжеств, к попыткам оккупации важнейших стратегических пунктов побережья. Все это встречало ожесточенный отпор со стороны населения княжеств; все большее число вассальных владений Аче вовлекалось в непосредственную борьбу с колонизаторами.

В ноябре 1876 г. состоялась первая из намеченных голландским командованием экспедиций — поход против непокорных княжеств Симпанг Улим и Танджунг Семантох. На протяжении предыдущих двух лет голландцы с помощью раджи соседнего княжества Кертой и родственников Теуку Муда Нья Малима (правителя Симпанг Улима) безуспешно пытались подчинить Симпанг Улим и Танджунг Семантох. Подступы к обоим княжествам со стороны моря прикрывала крепость Бланг Ни, которая стала главным объектом голландского наступления. С помощью мощной корабель-

---

[20] Показательно, что в текст этой статьи был внесен пункт о злоумышленниках, разрушающих телеграфные и телефонные линии. Разрушение голландских линий связи стало к этому времени одним из наиболее массовых методов борьбы с захватчиками.

ной артиллерии голландцам в ноябре 1876 г. удалось овладеть крепостью [124, 26—29], после чего Бланг Ни был превращен в голландский форт, а ставленник колонизаторов Теуку Нья Ламкота провозглашен раджей Симпанг Улима [311, 494]. Население княжества не признавало голландскую марионетку, и почти вся территория Симпанг Улима контролировалась раджей Нья Малимом.

22 июня 1877 г. Нья Малим напал на голландский форт в Бланг Ни. В начале июля 1877 г. в Бланг Ни прибыл ван дер Хейден с сильным отрядом, форт был укреплен, на бастионы поставлены орудия крупного калибра, местность перед фортом выжжена и расчищена, чтобы не допустить внезапного нападения ачехцев. Нья Малим с боями отступил к столице княжества Тепин Сирину, а затем еще дальше в глубь страны. Пытавшиеся продвинуться за Тепин Сирин голландские войска подверглись многочисленным атакам на марше, ачехцы непрерывно нападали на бивуаки врага, аванпосты и патрули. В конце концов ван дер Хейден был вынужден вывести свои части из внутренних районов Симпанг Улима и ограничиться оккупацией Бланг Ни.

В бессильной ярости голландцы сожгли Тепин Сирин, разорили окрестные поля, ограбили дом раджи и ушли в Бланг Ни [95, т. III, 67]. Сопротивление Симпанг Улима продолжалось. Хотя в следующем году Нья Малим формально признал голландский сюзеренитет в обмен на признание его раджей Симпанг Улима, это княжество, как и соседний Танджунг Семантох, по-прежнему оставалось непокоренным и принимало активное участие в антиголландской борьбе.

Весной 1877 г. голландцы направили экспедицию в княжество Лангсар. Здесь уже после признания голландской власти раджей и правителями ряда зависимых от него мелких владений продолжал бороться брат раджи, который ушел во внутренние районы княжества [160, 2—3]. Голландские власти придавали серьезное значение вассалам Аче на крайнем востоке, так как эти территории граничили с главным плантационным районом на Восточном побережье Суматры. Именно поэтому они так стремились подчинить Лангсар, а весной 1877 г. ввели войска в область по левому берегу р. Тамианг, которая отделяла Аче от резидентства Восточное побережье Суматры, и включили эту область в состав последнего [95, т. III, 134].

Из других вассальных княжеств Восточного берега в данный период значительное сопротивление захватчикам оказали Иди и Гедонг. Здесь, в районе, который голландцы рассматривали как наиболее спокойный на всем побережье, весной 1878 г. возник мощный очаг сопротивления. Его появление было связано, несомненно, с наступлением в Великом Аче. Во главе движения встал сын деревенского старосты Нья Бахрум. К нему примкнули племянник раджи Иди и ряд мелких владетелей Гедонга. Вторым вождем движения был военачальник Панглимы Полима — Ма

Усин, пришедший в Иди с отрядом воинов из Гайо в апреле 1878 г. [97, 986].

Комендант голландского форта в Иди капитан Баптист в мае 1878 г. сделал попытку разгромить опорную базу восставших в соседнем крохотном княжестве Педава, но потерпел поражение на подступах к ней и был вынужден укрыться в крепости, которую ачехцы немедленно осадили [248, 420]. Восставшие получили широкую поддержку населения Иди, Гедонга и соседних мелких владений, которое оказывало помощь деньгами, оружием, отрядами добровольцев [248, 424]. Обеспокоенные размахом движения в Иди и Гедонге, боясь потерять главную опорную базу побережья, голландцы, несмотря на серьезную обстановку в Великом Аче, немедленно отправили экспедицию майора Перне, а затем сюда прибыл сам ван дер Хейден [97, 1082]. Вначале голландцам удалось захватить опорные пункты ачехцев в Педаве, но затем операции в Гедонге приняли затяжной характер. Попытка разгромить основные силы ачехцев под укреплением Бланг Прна не удалась [97, 1089]. С большими потерями ван дер Хейден овладел Бланг Прна, 50 защитников которого предпочли смерть в бою отступлению перед врагом [97, 1092]. Не в состоянии удержать внутрение районы Иди и Гедонга в обстановке всеобщего сопротивления и не решаясь снять из Великого Аче дополнительные подразделения, ван дер Хейден отступил к побережью и отправил экспедиционные войска в Кутараджу. Бланг Прна и другие кампонги были сожжены, пребывание голландских войск в Гедонге ознаменовалось массовыми убийствами мирного населения [311, 503]. Экспедиция в Иди и Гедонг закончилась поражением голландцев. Они были вынуждены уйти, не подавив движения, и сопротивление в этом районе продолжалось в течение нескольких лет.

С сильным сопротивлением колонизаторы столкнулись и на Северном берегу. Именно здесь антиголландское движение на побережье, руководимое вначале местными раджами, наиболее явственно стало обнаруживать такие новые черты, как вовлечение в борьбу все более широких слоев населения и руководство движением со стороны улам.

Центрами сопротивления на Северном берегу стали Самаланга, Пиди и Пасанган. Наиболее упорной была борьба в княжестве Самаланга, раджа которого Теуку Чик Бугис принял участие в организации сопротивления в Великом Аче. Управлявшая княжеством во время отсутствия Чик Бугиса его сестра Почут Махлигай проявила недюжинные государственные и военные способности, сумев создать укрепления на побережье, набрать войско и наладить сбор средств для организации обороны [138, ч. II, 33—34].

В конце июля 1877 г. огромная (по ачехским масштабам) голландская экспедиция направилась в Самалангу, чтобы принудить княжество к покорности. В состав экспедиции входили девять пехотных рот, отряд морской пехоты, три взвода горной артиллерии, девять крупных судов [73, 127]. Командовал экспедицией ван

дер Хейден, при котором находились английский майор Палмер, знакомивший голландцев со своим индийским опытом, ассистент-резидент Северного берега Энхельброннер и возможный претендент на трон Самаланги — Теуку Нья Хамза.

Уже при высадке на берег голландцы почувствовали силу сопротивления самалангцев, пользовавшихся славой лучших воинов в Аче. Рота, высадившаяся первой, не выдержала атаки ачехцев и в беспорядке отступила к шлюпкам. Лишь при повторной попытке, поддержанной огнем всей корабельной артиллерии, голландская пехота смогла закрепиться на берегу [73, 130]. В ночь с 10 на 11 августа 300 вооруженных клевангами ачехцев неожиданно напали на голландский лагерь 8-го батальона. Голландские аванпосты были сметены, ачехцы сумели пробиться в самый лагерь и вывести из строя свыше 120 солдат и офицеров противника [95, т. III, 88]. Наступление голландцев на ачехское укрепление Пенглит Тунонг (15 августа) было отбито с большими потерями для нападавших [73, 133]. Только получив новые подкрепления из Кутараджи, ван дер Хейден решился вновь перейти в наступление. 26 августа голландцы захватили кампонг Тамбуа — центр ачехских укреплений на побережье и двинулись внутрь страны. Чик Бугис и Почут Махлигай собрали свои силы под укрепленным кампонгом Темулит, к которому и направился ван дер Хейден. Бои под Темулитом продолжались почти до середины сентября и носили чрезвычайно упорный характер. Взятие кампонга обошлось интервентам в 60 человек (в их числе погиб один из наиболее видных голландских офицеров в Аче в тот период—майор ван Домпселер) [21]. После падения Темулита раджа пошел на переговоры с голландцами. Эти переговоры закончились подписанием соглашения, по которому Чик Бугис разрешал голландцам построить на побережье два укрепления, а голландцы обещали не нападать на княжество и не вмешиваться в его внутренние дела [73, 145].

Оккупация побережья Самаланги вызвала новый подъем движения в этом княжестве и соседнем с ним Мереду. Препятствия, чинимые голландцами торговле, систематические нападения на внутреннюю часть княжества, сопровождаемые массовыми экзекуциями — поджогами, грабежами, насилиями и убийствами [311, 499], — все это вызывало протест населения, которое нападало на голландские патрули, одиночных солдат, транспорты, разрушало линии связи и т. п. Новую волну антиколониального движения возглавили местные уламы, тогда как Чик Бугис, хотя и поддерживал тайком повстанцев, не решался выступить открыто, опасаясь за свой трон.

В течение 1880 г. голландцы почти не решались удаляться от побережья. В январе 1880 г. был убит перешедший на сторону врага член правящей семьи Самаланги Сутан Махараджа [311,

---

[21] В бою под Темулитом потерял глаз ван дер Хейден, с того времени получивший среди ачехцев прозвище «одноглазый раджа».

500], а 30 июня того же года вооруженные кинжалами и кольями крестьяне деревни Чот Мерак наголову разгромили отряд лейтенанта Воортмана, явившийся в кампонг для грабежа [51, 203].

После этого в Самаланту была направлена большая карательная экспедиция (свыше 600 человек) под командованием майора Схмилау [22]. В инструкции командующему экспедицией указывалось на необходимость жестоко наказать жителей Самаланги и «разрушить кампонги, население которых принимало участие в нападении 30 июня 1880 г.» [41, 610]. Эта часть инструкции была выполнена с легкостью, так как в кампонгах остались лишь женщины, старики и дети, на которых каратели выместили свою злобу. Взять же крепость Бату Илик, в которой сосредоточили свои силы повстанцы, Схмилау не смог. Защитники крепости во главе с уламами Самаланги отбивали одну атаку за другой. В конце июля 1880 г. под Бату Илик прибыл ван дер Хейден, но и организованный им штурм успехом не увенчался [248, 392]. Впервые за всю историю Ачехской войны голландцы, обладающие артиллерией и саперными отрядами, не смогли захватить ачехское укрепление. Поражение «непобедимого» ван дер Хейдена под Бату Илик после торжественного объявления о прекращении серьезных операций в Аче явно не укладывается в созданную голландскими историками еще в прошлом веке концепцию Ачехской войны, согласно которой ачехцы прекратили сопротивление после блестящих побед ван дер Хейдена в Великом Аче. Поражение в Самаланге или замалчивалось, или ему пытались придать вид вполне почетной победы, основываясь на последующем договоре с раджей Чик Бугисом, которому голландцы, пытаясь «замирить» Самаланту, передали даже небольшое соседнее княжество. Так, Э. С. де Клерк пишет, что, хотя голландские войска потерпели неудачу в трехкратных попытках взять Бату Илик, вожди сопротивления якобы покорились из уважения к «одноглазому радже», т. е. ван дер Хейдену [266, т. II, 356]. Здесь соглашение с Чик Бугисом, потерявшим в значительной мере контроль над событиями, выдается за свидетельство подчинения Самаланги, да еще вследствие благоговейного отношения населения к ван дер Хейдену. Впрочем, находившийся в то время в Кутарадже будущий гражданский губернатор Аче Прюйс ван дер Хувен, опровергая все домыслы о «частичном успехе» в Самаланге, писал: «Какие бы разговоры об этой экспедиции ни велись позднее, все равно никуда не уйти от прямого вопроса: неужели наши враги были побеждены и мы победили?» [127, 29]. После поражения голландцев под Бату Илик влияние улам в Самаланге и соседних княжествах возросло. Сходное положение наблюдалось и в соседнем с Самалангой княжестве Пасанган, где население, возглавляемое уламами, также сумело отбить летом 1878 г. нападение голландцев [51, 206].

---

[22] В качестве «специалиста по туземным делам» с экспедицией прибыл Панглима Тибанг [329, 632].

Еще одним очагом антиголландского сопротивления на Северном берегу стало княжество Пиди, расположенное у границ Великого Аче и наиболее тесно с ним связанное. Весной 1877 г. голландцы создали форт Сигли на границе Пиди и Гигиёна. Этот форт стал их опорным пунктом, обладая которым они контролировали внешнюю торговлю и препятствовали поступлению помощи в Великий Аче, — ведь главным образом через Пиди осуществлялась связь трех саги с внешним миром. Раджа Пиди Теуку Сулейман Пакех все больше склонялся к соглашению с захватчиками. Инициатива в руководстве сопротивлением перешла к Теунгку Чик ди Тиро — главе улам Пиди, общепризнанному духовному авторитету, соратнику Панглимы Полима и Имама Лонгбатского. В октябре 1877 г. он напал на голландский пост в Сигли [95, т. III, 137]. В апреле 1878 г. Теунгку Чик ди Тиро, возглавив население Гигиёна и Пиди, осадил Сигли и два раза штурмовал его укрепления [212, 24]. Форт выручила экспедиция ван дер Хейдена. Голландцы сожгли несколько деревень на побережье и столицу Гигиёна — кампонг Гарот. Раджа Гигиёна Теуку Бинтара Кеманган после потери столицы заключил договор с голландцами, по которому обещал повлиять на Теунгку Чик ди Тиро, чтобы тот прекратил сопротивление. Реальных результатов это не принесло. Бои, тянувшиеся до конца мая 1878 г., сложились неудачно для голландцев, попытки которых проникнуть в глубь княжества окончились крахом [327, 122]. Сопротивление, возглавленное уламами из кампонга Тиро, продолжало шириться, и вполне можно согласиться с голландским консулом на Пинанге, считавшим экспедицию в Пиди и Гигиён неудачной [99, 28].

Если на Северном берегу в ходе голландского наступления 1876—1880 гг. в руководстве сопротивлением на смену владетельной знати стало приходить духовенство, то на Западном берегу, где влияние улам было слабее, чем в остальных областях Аче, руководство борьбой за независимость попадало в руки младших отпрысков правящих семей и деревенской верхушки.

Наибольший размах сопротивление голландским захватчикам на Западном берегу приняло в соседнем с Великим Аче княжестве Лхонг и в одном из крупнейших княжеств — Мелабохе. Кеджуруан (правитель) Лхонга признал власть голландцев и их ставленника Теуку Лампасейского, который «управлял» южной частью саги XXV. Население Лхонга отказалось подчиниться и в начале 1876 г. не допустило ни голландского контролера, ни кеджуруана на территорию княжества [95, т. III, 14]. После захвата голландцами IV мукимов в Лхонге нашли убежище отряды Теуку Нанты, которые совместно с жителями Лхонга постоянно вторгались с территории княжества в IV мукима. Поэтому Лхонг стал одним из первых объектов голландской экспансии в княжествах после ноября 1876 г. В апреле 1877 г. в Лхонг морем была отправлена карательная экспедиция. В течение нескольких дней голландцы из-за огня ачехцев не могли высадиться на берег, но утром 17 ап-

реля после подхода еще трех судов с подкреплениями им удалось закрепиться на побережье [95, т. III, 19]. По совету кеджуруана Лхонга голландцы провели «показательную экзекуцию» — сожгли сначала четыре деревни, а затем и еще две [95, т. III, 22—23]. В конце апреля старосты кампонгов, возглавлявшие сопротивление в Лхонге, выразили готовность признать власть голландцев и кеджуруана. Признание это носило чисто формальный характер, голландцы и их ставленник реальной власти в княжестве не имели, и в 1878 г. пришлось отправлять еще две карательные экспедиции в уже «замиренный» Лхонг [311, 533].

Еще более серьезный характер приняла борьба с захватчиками в Мелабохе. Престарелый раджа Теуку Чик Мелабох подписал «пространное заявление», но его сыновья отказались признать законность этого действия и подняли народ княжества на борьбу. «Народ в целом против нас» — так оценивал положение в Мелабохе в 1877 г. ассистент-резидент Р. Крусен [243, 36]. К сыну раджи Теуку Кеджуруан Муде стекались люди со всего княжества. Встал на его сторону и староста кампонга Дарат по имени Теуку Умар, вскоре возглавивший борьбу против голландцев в прилегающей к кампонгу части княжества [95, т. III, 27].

В начале апреля 1877 г. для утверждения голландского владычества в Мелабохе и создания форта сюда прибыла голландская экспедиция в составе пехотной роты. Раджа явился на борт судна «Дели» и подтвердил свою готовность сотрудничать с голландцами. Рота капитана Сиберга высадилась на берег в устье р. Мербау и начала строительство форта.

5 мая ачехцы атаковали голландский лагерь [311, 535]. Запертый в крепости Сиберг, потеряв около четверти роты, запросил помощи. 8 мая в Мелабох прибыли еще две роты во главе с майором ван Домпселером. Голландцы сожгли несколько близлежащих деревень, но вскоре были вынуждены вновь укрыться в крепости, после того как отряд голландской морской пехоты был разгромлен жителями одного из поджигаемых кампонгов [311, 535].

В июле 1877 г. в Мелабох прибыла еще одна экспедиция, на этот раз в составе трех рот. Весь июль продолжались бои. Ачехцы не принимали открытого сражения, а нападали на патрули, биваки, тревожили голландцев ночными нападениями. До начала 1878 г. ачехцы удерживали побережье, и лишь после новых голландских экспедиций в феврале — марте 1878 г. Теуку Кеджуруан Муда перенес свою штаб-квартиру в глубь страны [23]. Теуку Умар, после того как его кампонг Дарат в феврале 1878 г. был захвачен врагом, продолжал некоторое время сопротивление во внутренней части княжества [51, 198], а в июле 1878 г. ушел в Великий Ачех, чтобы принять там участие в борьбе с голландцами. Сопротивле-

[23] Его штаб-квартирой стал кампонг Пасир Магат. Кеджуруан Муда вел партизанскую войну, уклоняясь от решительного сражения. Голландский чиновник ван Ланген даже сравнивал его с русскими генералами, боровшимися против Наполеона [277, 667].

ние во внутренних районах Мелабоха, а затем вновь на побережье продолжалось; руководил повстанцами Теуку Кеджуруан Муда, а после его смерти его сын Теуку Муса. Впоследствии же борьбу с захватчиками в Мелабохе и других княжествах Западного берега возглавил Теуку Умар.

Таким образом, период 1876—1880 гг. был временем подъема борьбы за независимость в княжествах ачехского побережья. Силы антиголландского сопротивления понесли здесь меньший урон, чем в Великом Аче в результате голландской «тактики наступления», и на побережье фактически не оказалось временного разрыва между вторым и третьим этапами Ачехской войны, как это случилось в Великом Аче.

Не следует, конечно, односторонне оценивать положение в княжествах побережья к началу 80-х годов. Несмотря на чувствительные поражения, понесенные голландскими колонизаторами, они, несомненно, более прочно обосновались на побережье, чем до 1876 г. Большинство княжеств побережья в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. формально признало сюзеренитет Голландии: с 1876 по 1884 г. «пространное заявление» подписали 43 раджи [24]. В ряде княжеств голландцам удалось создать свои опорные пункты (Бланг Ни, Иди, Мелабох, Сигли и др.). Помимо фортов и карательных экспедиций мощным средством давления на княжества была морская блокада.

Именно блокада побережья заставляла раджей, доходы которых из-за прекращения внешней торговли катастрофически сокращались, переходить на сторону врага, соглашаться на сооружение голландских фортов и введение института советников. Боязнь потерять свои доходы бросала знать побережья в ряды противников войны за независимость. Голландцы прекрасно это понимали и усиливали контроль над внешней торговлей ачехского побережья. В конце 1878 г. губернатор Аче закрыл все гавани побережья, кроме Олех-лех и Иди, т. е. тех, в которых находились сильные голландские гарнизоны. Иностранные суда, торгующие с княжествами побережья, должны были отныне направляться только в указанные два порта, в противном случае голландские власти могли поступать с ними, как с контрабандистскими. Портовые правила ван дер Хейдена вызвали огромное недовольство торговцев соседней английской колонии Стрейтс сетлментс, на долю которой приходилась большая часть внешней торговли ачехских княжеств. Пинангские и сингапурские купцы, используя острую нужду ачехцев в оружии и боеприпасах и невозможность для них в условиях блокады свободной торговли своими продуктами — перцем, табаком и бетелем, поставляли (тайком от голландцев) военное снаряжение на побережье, скупая нужные им товары по дешевке. Торговые палаты Пинанга и Сингапура и администра-

[24] Из них двадцать один ранее уже подписал заявление, состоящее из шести статей [319, 209].

ция Стрейтс сетлментс неоднократно обращалась с протестами к своему правительству и колониальным властям Индонезии, требуя отмены портовых правил ван дер Хейдена.

В феврале 1879 г. по приказу генерал-губернатора ван Лансберге порты Аче были открыты для внешней торговли, но уже в июле того же года ван дер Хейден по собственной инициативе вновь закрыл ачехское побережье [319, 211]. Вплоть до введения в Аче гражданского управления побережье оставалось закрытым для внешней торговли и голландский флот осуществлял строжайшую блокаду всех княжеств, как признавших сюзеренитет Нидерландов, так и отказавшихся пойти на соглашение с колонизаторами.

Движущие силы и группировки ачехского сопротивления в 1874—1880 гг.

Анализ внутренней истории ачехского сопротивления до начала 80-х годов XIX в. представляет значительные трудности. Если «внешняя» история борьбы с захватчиками получила отражение (хотя и с точки зрения противоположной стороны) в современных ей голландских документах, прессе, мемуарной или иной литературе, то особенности ачехского сопротивления — его организация, позиция различных группировок в руководстве, социальные силы движения — остались почти неотраженными в голландских источниках. Правда, это обстоятельство само по себе характеризует одну из черт тогдашней голландской политики в Аче, оказавшей значительное влияние на особенности ачехского сопротивления: почти полное игнорирование социальной стороны войны, стремление рассматривать все ее события исключительно с военной точки зрения. Взятию того или иного укрепления, удачному походу в какой-либо кампонг голландские мемуаристы и военные историки уделяли куда больше места, чем анализу политической обстановки, рассмотрению позиций различных групп населения и т. д. Появление единичных работ (вроде брошюры де Рошемона «Какое влияние на войну в Аче оказывают наши партийные разногласия»), в которых внимание читателя обращалось и на внутренние особенности войны, является исключением и еще более подтверждает отмеченную тенденцию. Только в 80-е годы голландцы начали обращать более пристальное внимание на социальную сторону движения, а изучение последней относится уже к началу 90-х годов, когда в Аче появился молодой голландский исламовед Кристиан Снук Хюргронье. Поскольку как авторов 80-х годов, так и Снука Хюргронье интересовали в первую очередь особенности современного им периода Ачехской войны, то внутренняя история сопротивления 70-х годов нашла слабое освещение в их работах.

Еще хуже обстоит дело с ачехскими источниками рассматриваемого периода. Немногие дошедшие до нас ачехские документы

также относятся к периоду после 1880 г., почти единственным исключением является «Повесть о войне с Компанией» Докарима, в которой освещаются некоторые события 70-х годов XIX в.

Таким образом, сведения, относящиеся к социальной истории и идеологии ачехского сопротивления в 70-х годах, крайне скудны, и приходится буквально по крохам собирать данные, благодаря которым можно составить некоторое представление об интересующем нас вопросе.

После захвата столицы голландцами и смерти султана борьба за независимость Аче не прекратилась. Население султаната, поднявшееся на защиту родины, успешно отражавшее натиск прекрасно вооруженного и организованного врага, не считало с падением столицы войну законченной. Разгром первой экспедиции, мужественное сопротивление при защите Далама в конце 1873 — начале 1874 г. — все это, несомненно, способствовало вовлечению народа Аче в антиголландское сопротивление.

Главная особенность рассматриваемого этапа Ачехской войны (1874—1880) состояла в переходе от борьбы за независимость султаната — сложившейся общественно-политической структуры обычного прибрежного индонезийского типа — к движению за создание нового государственного устройства, которое позволило бы успешнее организовать войну с захватчиками и сама структура которого отражала бы социальные сдвиги, происшедшие в ходе Ачехской войны. Другими словами, если на первом этапе войны (1873—1874) отношения и борьба между различными группами ачехского общества практически не играли серьезной роли, то в 1874—1880 гг. происходит постепенная кристаллизация позиций различных слоев по отношению к войне, обостряются противоречия внутри ачехского общества и в общем потоке антиколониального движения становятся все более заметными и антифеодальные устремления ачехского крестьянства, и стремление духовенства оттеснить светскую знать.

Представляется, что период 1874—1880 гг. был своего рода переходом от обычной, часто наблюдаемой — как в Индонезии, так и за ее пределами — борьбы феодальных государств Востока за независимость к значительно более редко возникающему движению, в ходе которого подвергается изменениям и существовавшая ранее социальная или политическая структура.

В руководстве сопротивлением в этот период ведущая роль принадлежала владетельной знати — улубалангам и имамам в Великом Аче, раджам в княжествах побережья. Наследственная знать Аче руководила войной за независимость 7—8 лет, т. е. в течение довольно значительного времени, не говоря уже о том, что некоторые раджи на побережье и многие представители знати Великого Аче принимали активное участие в борьбе и после окончания «феодального» периода сопротивления. Почему же ачехская знать после падения столицы не только не покорилась врагу, но и оказала ему очень упорное сопротивление? Ответ на эти вопросы кроет-

ся как в особенностях ачехского правящего класса, так и в той обстановке, которая сложилась в Аче после второй экспедиции.

Из особенностей правящего класса в Аче для объяснения его позиции в войне едва ли не первостепенное значение имеет существование родовых связей, сохранение пережитков родо-племенных отношений. Владетель в глазах населения часто был представителем родовой или квазиродовой организации. Такое положение приводило к довольно тесным связям между знатью и простонародьем в Аче, особенно в горных районах. Призвав население на защиту родины и султана, ачехская знать просто не могла, даже если бы захотела, сразу отойти от движения, не утратив своего влияния на народ. С влиянием пережитков родовых отношений связаны и такие факторы, существование которых оказало значительное влияние на вовлечение знати в антиголландскую борьбу,— участие родственников в войне, месть за павших родичей и т. п. Едва ли случайно, что с самого начала войны наиболее решительно оказалась настроена знать горных районов саги XXII и XXVI — областей, где родо-племенные пережитки сильно давали себя чувствовать.

Не следует, конечно, представлять дело таким образом, будто знать поднималась на борьбу с захватчиками, побуждаемая к тому лишь существованием патриархальных отношений с крестьянами, влияние над которыми она боялась потерять. Само наличие таких отношений зачастую действовало в обратном направлении: крестьяне шли за своими традиционными вождями, сопротивлявшимися агрессии. Иногда же подчинение таких вождей голландцам приводило к тому, что население подвластных этим вождям территорий прекращало сопротивление и выступало на стороне колонизаторов. Так, например, население Мерасы на протяжении всей Ачехской войны послушно шло за своими владетелями из рода Нек, которые раньше других пошли на службу к голландцам. Показательно в этом отношении также поведение жителей Лампагера — части VI мукимов,— руководство которого прекратило сопротивление после похода Пела в январе 1876 г.

В прибрежных индонезийских обществах, подобных ачехскому, знать не отделялась от простонародья слишком жесткими перегородками. Переход из одного сословия в другое был здесь весьма легким, и ачехская история XVIII—XIX вв. знает немало примеров возвышения удачливых военачальников из крестьян, которые становились родоначальниками владетельных домов. Именно таково было происхождение владетелей IV и VI мукимов из рода Нанта — одних из наиболее упорных врагов колонизаторов. Ачехская владетельная знать была тесно связана с верхушкой деревни, которая, оставаясь в крестьянском состоянии, стремилась возвыситься до положения теуку. Деревенская верхушка подталкивала владетельную знать на защиту родных очагов, играя роль связующего звена между низами и верхами ачехского общества, и такая позиция этой части ачехского общества обеспечивала теуку, боровшимся

с врагом, массовую поддержку населения. Традиционное преклонение деревенской верхушки, доступ которой в ряды теуку был открыт не только теоретически, но и практически, перед владетельной знатью, основанное на обычае, общности ряда интересов, расчете на подобное же положение в том случае, если удастся подняться по социальной лестнице, обеспечивало улубалангам и имамам ведущую роль в войне до тех пор, пока они недвусмысленно не отказывались от участия в антиколониальной борьбе. Владетелям прощались и неоднократные измены, переходы из одного лагеря в другой: для простого ачехца его теуку долгое время не мог быть объектом критики, и понадобился длительный и жестокий опыт войны, чтобы крестьянство убедилось в несостоятельности своих кумиров, а деревенская верхушка получила возможность благодаря этому попытаться заменить теуку.

Серьезную роль в антиголландских настроениях знати играли особенности получения ею своих доходов. Земельная собственность не имела для ачехской знати того значения, как, например, для яванской и балийской, которая извлекала доходы от взимания поземельного налога или отработок крестьян на своих полях. В индонезийских прибрежных государствах основные доходы знати поступали от торговли, а также от выполнения управленческих функций, подношений и прямых вымогательств. Угроза неизбежной потери торговой монополии и столь же очевидной утраты если не всей, то большей части судебно-административных прав настраивала индонезийскую знать прибрежных государств на решительное и длительное сопротивление.

Огромное влияние на позицию знати в 1874—1880 гг. оказала политика голландских колонизаторов, которые, введя прямое управление, тем самым оттолкнули от себя значительную часть ачехской знати. Нельзя также упускать из виду влияние на позицию того или иного знатного клана в антиголландской войне отношений этого клана с другими родами. Так, несомненно, борьба за VI мукимов между кланами Нанта и Нек, начавшаяся еще до голландской агрессии, в значительной мере объясняет позицию Теуку Нанты, который выступал против перешедшего на сторону захватчиков владетеля Мерасы. Наконец, активизация деятельности духовенства — соперника светской знати также заставляла ачехскую знать не отставать от общего патриотического подъема, чтобы не лишиться влияния и доходов.

Хотя мы говорили об ачехской знати в целом как о руководителе войны в период 1874—1880 гг., для понимания особенностей движения не только на данном, но и на последующих этапах нужно иметь в виду, что отношение различных групп знати к войне и участию в ней было неодинаковым.

Первую группу составляла вставшая на сторону колонизаторов знать столичного и примыкающих к нему районов Великого Ачс. Самыми влиятельными в этой группе были владетели Мерасы из рода Нек. Как уже отмечалось выше, владетель Мерасы Теуку Нек

Имам Муда Сетиа первым признал власть голландцев. Теуку Нек боролся за власть над VI мукимами, ранее принадлежавшими его семье, с Теуку Нантой, который являлся решительным сторонником сопротивления. Это обстоятельство, как уже указывалось, несомненно, оказало огромное влияние на позицию Теуку Нека, который надеялся при помощи «Компании» стать полновластным хозяином в столичном районе. Теуку Нек Имам Муда, умерший от холеры в 1874 г., пользовался в Аче репутацией колдуна, неуязвимого ни для какой иной пули, кроме серебряной [142, т. II, 36]. Решающую роль в сохранении его власти над Мерасой, которая подвергалась начиная с 1873 г. непрерывным нападениям соперников из VI мукимов, сыграли, однако, не его магические способности и даже не то, что население Мерасы поддержало своего улубаланга-колдуна, а голландские войска, превратившие к лету 1874 г. Мерасу, наравне с Даламом, в один из своих укрепленных районов. Верными пособниками колонизаторов были и родственники Теуку Нека — опекуны малолетнего Теуку Раджи Итама [105, 137—138]. В 1877 г. голландцы присоединили к их владениям VI мукимов, утраченные семьей Нанта после походов Пела, и тем самым еще сильнее привязали к себе владетелей Мерасы [95, т. III, 8]. Улубаланги Мерасы давали проводников во время действий голландской армии в районе столицы и в саги XXV, снабжали голландцев продовольствием и сгоняли население Мерасы на дорожные работы. Первые полицейские из местного населения также были набраны из числа жителей Мерасы.

В начале 1876 г. на сторону врага перешел еще один видный владетель столичного района — Теуку Кали Маликуладиль [95, т. II, 206], получивший в следующем году в управление область Месджид Райя в Даламе [95, т. III, 8]. В 1875 г. власть голландцев признали соперники семьи Нанта в IV мукимах: Теуку Лампасейский, признанный голландцами временным главой саги XXV, и его родственник Теуку Чут Банта, в чьем владении после походов Пела находились IV мукима [127, 52], а также глава области Лепонг Теуку Имам Мохаммад, ставший опекуном малолетнего улубаланга IX мукимов [127, 53]. Таким образом, первыми на сделку с колонизаторами пошли или феодалы столичного района, лишившиеся владений в результате захвата голландцами Далама, или те владетельные семьи в центральном районе Великого Аче, которые были оттеснены соперниками и теперь с помощью голландцев надеялись вернуть власть и свои доходы.

Эта группа была немногочисленна. Оценивая ее, следует учитывать то немаловажное в ачехских условиях обстоятельство, что в состав группы входили главным образом «улубаланги султана», которых улубаланги трех саги не считали равными себе. Политический маневр, предпринятый генерал-губернатором ван Лансберге с целью повысить авторитет перешедшей на сторону голландцев знати,— распределение между ними должностей и наделение их значительными налоговыми и административными правами

в 1877 г.— оказался безрезультатным. Вплоть до начала 80-х годов эта группа, члены которой в глазах ачехского народа были самыми гнусными изменниками, не оказывала почти никакого влияния на позицию ачехской знати.

На другом полюсе находилась группа теуку Великого Аче — сторонников решительного, бескомпромиссного сопротивления врагу, которым принадлежала решающая роль в руководстве войной на протяжении почти всего рассматриваемого периода. Наиболее видными деятелями этой группы были глава саги XXII Панглима Полим I Чут Банта, его сын Теуку Раджа Куала, улубаланг IV и VI мукимов Теуку Нанта Раджа Сетиа, его сын Теуку Муда Райют и зять Теуку Ибрахим Ламнгский[25], Имам Лонгбатский со своим сыном Теуку Хусином, улубаланг Теуку Пурба Вангса. За ними после падения Далама шли большинство улубалангов и имамов Аче, особенно из саги XXII. Кроме Панглимы Полима значительный вес в этой группе имела знать саги XXV, принявшая на себя главные удары голландской армии в 1874—1877 гг. и лишившаяся своих владений в результате походов Пела. Семьи Нанта и Лонгбата стали организаторами сопротивления в IV и VI мукимах, Теуку Пурба Вангса возглавил партизанскую борьбу в IX мукимах саги XXV.

Эта группа стояла за объединение сил для борьбы с голландцами, ее представители рассматривали войну как общеачехское дело и не ограничивались действиями только в своих владениях. Достаточно вспомнить ту роль, которую играли Теуку Нанта и Имам Лонгбатский при защите чужих им саги XXII и XXVI. Эти вожди пытались уже сразу после падения Далама выработать единый план действий и создать подвижные отряды, которые бы подчинялись центральному руководству Панглимы Полима [311, 473]. Когда в Аче вернулся Хабиб Абдуррахман ал-Захир, они, преодолев неприязнь к нему, поставили свои отряды под начало араба, рассчитывая создать единую армию и руководство. Имам Лонгбатский и Теуку Ибрахим Ламнгский настаивали на объявлении голландцам «священной войны» (пранг сабил), предвосхитив последующий план духовенства. Все это, безусловно, свидетельствует о достаточной степени зрелости политического мышления и патриотизме этих людей; ведь большинство ачехской знати смертельно боялось самого лозунга пранг сабил, который открывал новые возможности для ее соперника — духовенства — и мог быть использован для антифеодальной борьбы.

Теуку Ибрахим Ламнгский, сын одного из улубалангов саги XXVI и зять Теуку Нанты, стал известен еще до Ачехской войны как удачливый военачальник, благодаря которому семья Нанта закрепилась в VI мукимах [322, 38—39]. С именем Ибрахима Ламнгского связано имя его жены, одной из замечательнейших женщин Индонезии — Чут Нья Дин. Она обладала недюжинным умом,

---

[25] Последний был женат с 1858 г. на дочери Теуку Нанты — Чут Нья Дин.

огромным мужеством и волей, была хорошо образованной по ачехским условиям женщиной, принимала деятельное участие как в междоусобной борьбе в султанате в период, предшествовавший Ачехской войне, так и в антиголландском движении. Чут Нья Дин была тесно связана с уламами, и, вероятно, именно она внушила мужу мысль об объявлении священной войны голландцам. Сам Ибрахим Ламнгский, по-видимому, был скорее мечом семьи Ханта, тогда как умами рода были старый Теуку Ханта Сетиа и его дочь. Ибрахима отличала беспримерная смелость, привлекавшая к нему множество удальцов как из VI и IV мукимов, так и из других областей Аче. Будучи одним из первых организаторов партизанской борьбы, он делил со своими воинами все тяготы кочевой жизни в горах и джунглях Аче, был прост и доступен в обращении и держал себя скорее не как владетельный феодал, а как простой панглима — предводитель отряда. И погиб Теуку Ибрахим Ламнгский так же, как и жил. Сказитель Докарим рассказывает, что, когда отряд Ибрахима Ламнгского в горном проходе Глитарум окружили враги, он отверг предложение своего панглимы Нья Мана, который хотел прикрыть вместе с остатками отряда бегство командира. Ибрахим, вооруженный клевангом, бросился в самую гущу битвы, в ярости зарубил нескольких врагов, отомстив за смерть погибшего в начале боя брата, и через несколько минут погиб под ударами голландских штыков. Тела Ибрахима Ламнгского, его брата Теуку Аджата и панглимы Нья Мана везли по горным районам саги XXV и XXII. Докарим говорит, что население кампонгов высыпало на улицы, чтобы проводить в последний путь отважного воина и борца за независимость Аче. Траурные процессии сопровождали останки героев до далекого кампонга Монтасик, где близ мечети были захоронены тела трех воинов [322, 114—115].

Человеком иного склада был другой популярный руководитель войны за независимость того периода — Теуку Хусин Имам Лонгбатский. Он выдвинулся еще в период первой экспедиции и с тех пор вплоть до своей смерти в 1901 г. не складывал оружия. Имам Лонгбатский не уступал Ибрахиму Ламнгскому в мужестве, был примером для других в бою и всю добычу всегда делил между воинами, мало заботясь о себе [142, т. I, 173]. Но в отличие от своего друга Ибрахима Ламнгского Имам Лонгбатский был выдающимся государственным деятелем султаната. Вместе с Панглимой Полимом он осуществлял руководство антиголландской борьбой во время боев в окрестностях Кутараджи в 1874—1875 гг., а во время походов Пела и ван дер Хейдена Имам Лонгбатский вследствие своей ненависти к захватчикам и непримиримости в борьбе с ними приобрел в Аче славу святого человека, хотя в быту был обычным теуку, образ жизни которого не был похож на подвижнический [142, т. I, 174]. Как уже говорилось, он являлся страстным приверженцем единства действий ачехской знати, призывал ее не ограничиваться защитой лишь своих владений. Имам Лонгбатский, его сыновья и родственники, наибольшей известностью из которых

пользовался его зять Теуку Али Пагарайерский [105, 19], продолжали борьбу до самого конца Ачехской войны. И память народа также сохранила имена Имама Лонгбатского и Ибрахима Ламнгского как борцов за свободу родины. Именно они стали главными героями той части эпоса сказителя Докарима «Повесть о войне с Компанией», которая относится к первым годам Ачехской войны [142, т. II, 105].

Главой этой группировки ачехской знати был Панглима Полим Чут Банта — глава саги XXII, самого могущественного саги Великого Аче. Непосредственное участие в войне он принимал в 1873—1874 гг.; в последующие годы он занимался главным образом политическими вопросами, а отрядами семьи Полимов руководил его сын Раджа Куала, после смерти отца в 1883 г. занявший его место в качестве главы саги XXII [105, 105]. Панглима Полим Чут Банта занимал менее решительную позицию, чем его молодые соратники. С одной стороны, на него огромное влияние оказывало большинство знати саги XXII и XXVI, упорно не желавшей объединить свои силы, а с другой стороны, он был тесно связан с султанской партией, которая все больше склонялась к прекращению активного сопротивления. Характерно, что в слухах относительно возможного покорения знати, упорно ходивших в среде голландского офицерства и колониальных администраторов в Аче с конца 1874 г., имя Панглимы Полима почти всегда соединялось с именем крупнейшего улубаланга саги XXII Теуку Муда Баита, постоянно колебавшегося между намерением продолжать сопротивление и желанием прекратить борьбу.

Между полярными партиями ачехской знати располагались две еще более аморфные и неоднородные группы, отношение которых к войне и участию в ней менялось на протяжении исследуемого периода.

Одна из этих групп — султанская партия. Основную ее опору составляли туанку — члены султанской семьи. Ни султан Мохаммад-шах, скончавшийся в 1874 г., ни его преемник — малолетний Мохаммад Дауд — не играли почти никакой роли в событиях 1873—1880 гг. Власть султана с оккупацией Далама голландской армией утратила свою базу, и султан уже не мог практически выступить самостоятельно. Но имя султана продолжало оставаться своего рода знаменем сопротивления. Ачехцы не признавали ликвидации султаната и рассматривали султана как единственного законного правителя Аче.

Султанский двор неоднократно менял свое местопребывание в Великом Аче на протяжении этих лет; его резиденцией были Лонгбата, Монтасик, Индрапури, Селимун. В 1879 г. двор бежал в деревню Кемала, расположенную в княжестве Пиди, и никогда больше не возвращался в Великий Аче. По мере отступления султанского двора в глубь страны реальная значимость его падала, а после перехода в Кемалу его влияние на события в Великом Аче и на Западном берегу стало почти равным нулю.

Многочисленные туанку, окружавшие мальчика-султана, все больше склонялись к компромиссу с колонизаторами. Туанку практически не принимали участия в борьбе с колонизаторами в 1874—1880 гг., потеряв после захвата врагом Далама свои доходы и не стремясь к защите чуждых им владений в трех саги.

Кроме того, если улубаланги и имамы теряли свои доходы при введении голландцами системы прямого управления, то не имевшие, как правило, определенных владений туанку не питали таких непримиримых чувств к захватчикам, как владетельная знать. В этой обстановке для многих членов султанского клана вполне приемлемым представлялось соглашение с врагом на базе создания зависимого от колонизаторов султаната, в котором бы они, как родственники султана, занимали видное место. Показательно, что Туанку Хашим, который играл столь значительную роль в обороне Далама, постепенно все больше и больше отдалялся от руководства движением, сосредоточив все помыслы на том, чтобы закрепить за своим сыном владения вокруг Кемалы [142, т. I, 147]. Другой опекун султана, Туанку Итам, вообще никогда не играл заметной роли в Ачехской войне. Наиболее быструю эволюцию проделала ветвь султанской семьи, обосновавшаяся в Куала Бату (прибрежная часть Пиди) [142, т. I, 142]. Вначале эти туанку принимали участие в борьбе с голландцами, затем пытались сохранить нейтралитет[26] и, наконец, в 80-х годах перешли на сторону врага.

Помимо туанку в султанскую партию входили должностные лица султаната и улубаланги султана, оказавшиеся вместе с двором; примыкали к ней также члены «комитета восьми» на Пинанге. Эти люди, утратившие свое влияние и доходы после падения Далама и фактической ликвидации центрального аппарата, еще в большей степени, чем туанку, были склонны к соглашению с голландцами. На протяжении 1874—1880 гг. эта группа непрерывно размывалась. Перешел на сторону голландцев улубаланг султана Теуку Кали Маликуладиль, занявший место в рядах антинациональной партии ачехской знати. Постепенно свертывал свою деятельность «комитет восьми», часть членов которого также перешла на сторону врага. Лица, занимавшие должности в центральном аппарате довоенного Аче, лишенные теперь возможности активно влиять на ачехские дела и получать доходы через казну, не имеющие своих наследственных владений, также склонялись к прекращению сопротивления, рассчитывая получить пенсии от голландской администрации. Характерный пример — поведение Панглимы Мохаммада Тибанга. Один из крупнейших сановников султана, он катастрофически стал терять влияние после начала войны, противником которой являлся, а после падения Далама утратил всякий контроль даже над султанской партией. На протяжении всего рассматриваемого периода он искал удобной возможности восстановить свои позиции и

[26] Так, один из них, Абдулмаджид, выдал свою дочь замуж за султана, а сына женил на дочери Теуку Нья Мохаммада — опекуна владетеля Мерасы.

вернуть хотя бы часть утраченных доходов. Такая возможность представилась, как он полагал, осенью 1878 г., когда обнаружившаяся готовность большинства владетельной знати Великого Аче пойти на соглашение с колонизаторами еще не превратилась в открытую капитуляцию. Панглима Тибанг, предлагая голландскому командованию свои услуги в качестве эксперта по ачехским делам, рассчитывал на солидное вознаграждение в виде постоянной пенсии, а также поста в Аче, контролируемом голландцами [329, 632].

Если в отношении пенсии он не обманулся в своих ожиданиях, то в администрации Аче места ему не нашлось. Голландцы взяли курс на привлечение владетельной знати, и Панглима Тибанг — чужеземец, находившийся в неприязненных отношениях со многими улубалангами Аче, растерявший свое влияние в годы войны, очень скоро оказался не нужен колониальной администрации.

Окончательный удар по стремлениям султанской партии играть самостоятельную роль на этом этапе Ачехской войны нанес переход ее главы Хабиба на сторону врага.

Хабиб Абдуррахман ал-Захир вернулся в Аче в 1876 г. Как и следовало ожидать, все надежды на вмешательство Турции и западных держав в голландско-ачехский конфликт оказались тщетными, и вместе с Хабибом, прибывшим из своих странствий по Европе в начале 1875 г. на Пинанг, пришли неутешительные вести, разбившие надежды «комитета восьми» и некоторых лиц из окружения султана на помощь извне [203, 1015].

Его поведение после возвращения являлось своего рода барометром, определяющим настроения султанской партии, особенно той ее части, которая состояла из должностных лиц султана.

В 1875 г. Хабиб вел переговоры с голландцами сначала через голландского консула на Пинанге Лавино, а затем при посредстве султана Джохора Абу Бакара, в доме которого араб жил некоторое время [95, т. III, 207]. Предложения Хабиба о сохранении султаната Аче в качестве голландского вассала выражали устремления всей султанской партии, хотя, разумеется, в первую очередь Хабиб заботился о себе, настаивая на признании его регентом при малолетнем султане. Переговоры закончились неудачей, так как голландская сторона не желала отказаться от системы прямого управления. После этого Хабиб развил кипучую деятельность: он рассылал письма в Великий Аче и Пиди, призывал усилить сопротивление, собирал деньги в княжествах побережья и т. п. [203, 1016—1017]. В конце июля 1876 г. он прибыл в Великий Аче и в своей штаб-квартире Монтасик собрал совещание, на котором присутствовали виднейшие руководители сопротивления. Было принято решение объединить все силы под началом Хабиба. Благодаря поддержке группы Панглимы Полима и значительным средствам, привезенным с побережья, Хабибу в короткий срок удалось создать войско численностью в несколько тысяч человек, с которым он начал боевые действия против голландских постов. Появление Хабиба, пользовавшегося репутацией святого человека и опиравше-

гося в прошлом на духовенство, было с восторгом встречено уламами и той частью населения, которое находилось под их влиянием. В июне 1877 г. Хабиб посетил Пиди и обсудил с главой улам этого княжества и Имамом Лонгбатским—сторонниками священной войны — планы совместных действий [311, 510].

Выше рассказывалось о наступлении Хабиба на голландские посты в 1878 г., ответном ударе ван дер Хейдена против саги XXII и поражении Хабиба. Анализируя действия Хабиба в 1876—1878 гг., приходишь к мысли, что им руководило не столько стремление организовать борьбу с врагом, сколько желание показать голландцам, что они ошиблись, не договорившись с самым влиятельным и умным человеком в Аче, каковым считал себя Хабиб. Он бросил против голландцев огромную по ачехским масштабам армию; отказавшись от оправдавшей себя тактики партизанской войны, он сосредоточил все воинские припасы и снаряжение в одном месте — Монтасике. В то же время он не отказался от системы формирования войска за счет отрядов владетелей, не хотел провозглашать священную войну, хотя охотно вел об этом разговоры. Едва ли Хабиб рассчитывал в таких условиях укрепить позиции султанской партии в руководстве Ачехской войной: это было ему не нужно, так как воевать с голландцами всерьез он не хотел. Такой знаток Аче, как Снук Хюргронье, писал о Хабибе: «Обстоятельства сделали его лидером войны против голландцев, но при каждом удобном случае он выказывал стремление к миру» [142, т. I, 163].

Современные индонезийские авторы (Хазил, Мохаммад Саид и др.), приняв версию Докарима, обвиняют Хабиба в подготовке измены чуть ли не с самого начала войны. В частности, они возлагают на него вину за гибель Теуку Ламнгского, о местопребывании отряда которого он якобы известил голландцев. Обвинение это трудно доказуемо. По-видимому, действительное положение вещей было сложнее нехитрого литературного шаблона ачехского сказителя, согласно которому злодей замышлял измену давно и к руководству войной пробрался, чтобы сподручнее было осуществлять свои черные замыслы. К измене Хабиб пришел не вдруг и, уж конечно, не помышлял о ней в начале войны, когда употребил весь свой дипломатический талант, чтобы добиться помощи Аче от Турции. Просто он так и остался авантюристом, с легкостью меняющим хозяина и заботящимся только о своей выгоде. В успех борьбы он не верил; перспектива скитаться по джунглям с султанским двором, который к тому же терял значение политического центра Аче, его не прельщала; за время, проведенное в Аче после своего возвращения, он мог убедиться, что старая государственная система, в которой ему принадлежало не последнее место, рухнула, а в создании новой он принимать участия не хотел.

Хабиб нанес огромный удар по султанской партии, которая от этого удара так и не смогла оправиться и самостоятельной роли долгое время после этого не играла. Но гораздо более серьезный

ущерб нанес Хабиб ачехскому сопротивлению в целом: ведь под Лонги была разгромлена боеспособная армия, что открыло голландцам путь во внутренние области Великого Аче. Капитуляция Хабиба стала (особенно на первых порах) деморализующим фактором для борьбы Аче за независимость, поскольку подтолкнула владетельную знать к соглашению с колонизаторами.

Самой большой группой знати было «болото» — многочисленные теуку трех саги. Крепко державшиеся за свои владения и привилегии, смертельно опасающиеся перемен, подозрительно относящиеся и к султанской власти, и друг к другу, улубаланги и имамы Великого Аче в целом стояли за сохранение султаната и принимали участие в борьбе с голландцами. Они обороняли Далам, боролись с колоннами Пела в XXVI мукимах, многие из них храбро защищали свои владения во время похода ван дер Хейдена. Но до понимания необходимости сплотить все свои силы для борьбы с сильным врагом поднялась лишь незначительная часть ачехской знати. Основной ее массе идея объединения и сплочения осталась чуждой. С подозрительностью следила знать этой группы за отчаянными попытками патриотически настроенных феодалов создать единое руководство и организовать согласованные действия. Каждый из них ревниво следил за тем, как бы его отряды не вышли из-под его непосредственного контроля, и предпочитал действовать лишь в своем владении. Снук Хюргронье писал: «Самое слабое место большинства наследственных вождей заключалось в том, что ни политические, ни религиозные убеждения никогда не побуждали их действовать от имени всего Аче; они оставались равнодушными, пока враг не начинал угрожать их территории. Даже те, кто отзывался на неоднократные призывы о помощи, не были в состоянии собрать своих сторонников» [142, т. I, 174].

Такая позиция ачехской знати ослабляла силы сопротивления. С полной очевидностью ее пагубность выявилась во время походов ван дер Хейдена в саги XXII и XXVI, когда владетельная знать потерпела сокрушительный разгром, пытаясь поодиночке бороться с голландцами. С осени 1879 г. начался массовый переход феодалов Великого Аче на сторону врага — «болото» от пассивной поддержки группы Полима—Имама Лонгбатского повернулось к прекращению сопротивления.

В 1879—1880 гг. на сторону голландцев перешли такие крупные владетели, как Теуку Абас Сетиа Улама—глава саги XXV, Теуку Бинтанг и Теуку Чут — улубаланги Индрапури, Теуку Муда Дауд — улубаланг Селимуна, Теуку Али — имам Хохо в V мукимах саги XXII, Теуку Райют и Теуку Юсуф — владетели III мукимов саги XXVI, Теуку Макам — имам Крунг Райя (саги XXVI) [84, прил. IIа, 133—137]. Немалую роль в изменении позиций наследственной знати сыграли не только военные неудачи, но и обострение социальных противоречий в Аче.

Заканчивая характеристику этой части правящего класса Аче в 1874—1880 гг., остановимся еще на одной особенности ее поведе-

ния. Несмотря на отход от борьбы в 1879—1880 гг., в последующие годы многие представители этой группы неоднократно вновь включались в сопротивление, будучи недовольны ущемлением их прав со стороны колониальных властей или стремясь не утратить своего влияния в обстановке подъема антиколониальной борьбы. Характерным примером может служить поведение могущественного улубаланга VII мукимов саги XXII Теуку Муда Баита. Он сдался одновременно со своим родственником Хабибом осенью 1878 г. В 1879 г. он поднял оружие против голландцев, поддержав мощное партизанское движение в своем владении, был схвачен и сослан на о-ва Банда. Вернувшись в 1884 г. в Ачe, он несколько лет активно сотрудничал с колонизаторами, а в начале 90-х годов снова изменил позицию и участвовал в антиголландской борьбе в VII мукимах. Наконец, в 1896 г., после нового голландского наступления, Теуку Баит сдался и кончил свои дни в Батавии [105, 33—35].

Постоянно колебавшаяся, своекорыстная масса ачехской знати чем дальше, тем больше становилась помехой на пути антиколониального движения. По мере того как становилась очевидной неспособность знати объединить народ на сопротивление врагу, на первый план выдвигались новые силы. Хотя к руководству движением они пришли в начале 80-х годов, признаки этого процесса начали появляться с самого начала войны.

Особенность Ачехской войны состояла в том, что она почти сразу же начала приобретать характер войны народной. Против захватчиков поднялась масса ачехского крестьянства, именно крестьянство стало основной движущей силой борьбы. Наблюдательный де Рошемон, едва ли не первым подметив эту особенность Ачехской войны, писал уже в 1874 г.: «В цивилизованных странах сопротивление ведет армия. Мирные жители не участвуют непосредственно в борьбе. Действует правило: армия потерпела поражение, сопротивление невозможно, покориться необходимо... К Ачину это правило не подходит. В Ачине сопротивляется не армия, а народ» [133, 21—22]. Далее он приходил к выводу, что голландцы в Аче столкнулись с таким же народным сопротивлением, как Наполеон в Испании и России и Максимилиан в Мексике [133, 24]. Через 20 лет после начала войны Снук Хюргронье отметил: «Борьба с самого начала приняла характер народной войны» [142, т. I, 173].

Ачехское крестьянство с его традициями борьбы за независимость, хорошо умеющее владеть оружием, сильное родовой спайкой, поднялось на борьбу с захватчиками. Первая экспедиция была разгромлена именно крестьянами Далама и саги XXII. В дальнейшем продвижение голландцев в глубь Аче встречало отпор буквально в каждой деревне; жители кампонгов или защищали их, или в случае невозможности продолжать сопротивление уходили в горы и леса.

Способность к самопожертвованию, огромное мужество и силу духа, массовый героизм — все эти качества обнаружило ачехское крестьянство уже в первые дни войны. Героическое сопротивление,

которое оказало население Аче во время походов Пела и ван дер Хейдена, во время экспедиций в княжества побережья, были вынуждены признавать даже враги. «Мы, голландцы, неоднократно прибегавшие к помощи нашего естественного союзника — воды — в борьбе с теми, кто покушался на нашу независимость, должны воздать должное ачехцам, которые во время наших походов в XXII и XXVI мукимов неоднократно разрушали дамбы, лишая себя риса, чтобы воспрепятствовать нашим войскам»,— писал П. Броосхоофт [51, 192]. Своим размахом партизанское движение на оккупированных голландцами территориях Аче также обязано в первую очередь участию в нем крестьянства.

Опыт борьбы с врагом показал ачехцам неэффективность старой военной организации — феодальных ополчений — в новых условиях. Улубаланги и имамы обычно, собирая ополчение, не заботились о его снаряжении и питании и вынуждали тем самым свои отряды заниматься грабежами или терпеть лишения [142, т. I, 174]. Если такая организация была оправдана в эпоху междоусобных войн, когда враждующие стороны стремились разорить владения соперников, то в условиях народной антиколониальной войны она быстро обнаружила свою полную несостоятельность. На смену громоздким ополчениям в ходе войны приходили сравнительно небольшие, базировавшиеся в определенной местности подвижные партизанские отряды, содержание которых не было слишком обременительным для населения. Последующий переход инициативы от феодальных ополчений к этим партизанским отрядам не был простым изменением военной организации сопротивления, а свидетельствовал о социальных сдвигах в ходе Ачехской войны.

Основную тяжесть войны несло на себе ачехское крестьянство, которое страдало и от феодальной эксплуатации, отнюдь не уменьшившейся в годы войны. К тому же крестьяне видели, что при неудачах знать первой переходит на сторону врага, стремясь сохранить свои доходы и привилегии. В антиколониальной борьбе начинали сначала глухо, а затем все явственнее звучать ноты антифеодального протеста. Бесчинства и насилия, чинимые туанку и теуку, рождали у поднявшегося на борьбу за независимость крестьянства более решительный отпор, чем прежде. Одной из форм этого отпора было нежелание крестьян служить в феодальных ополчениях и стремление организовать свои отряды, действующие независимо от господ. Во главе таких отрядов часто становились представители деревенской верхушки: кечики (старосты) и военные панглимы — профессиональные воины, которых много было в ачехской деревне. К концу рассматриваемого периода получили известность предводители партизанских отрядов в Великом Аче—Нья Хасан, Панг Саман, Си Брахим и другие нетитулованные лица, о которых писал К. ван дер Хейден [84, прил. VIII, 154]. Их отряды продолжали борьбу в саги XXII и XXVI и после того, как основная масса владетельной знати прекратила сопротивление. В такие отряды

часто шли пострадавшие от феодалов, лишенные земли и средств к существованию крестьяне.

Именно в качестве предводителя такого отряда начал борьбу с захватчиками самый популярный герой Ачехской войны Теуку Умар.

Кризис феодального руководства движением и появление новых тенденций в социальной истории Ачехской войны обнаружились во время так называемых «переговоров в Ламси».

Сведения об этой встрече очень скудны, фактически единственное сколько-нибудь подробное сообщение о ней содержится в книге Исмаила Якуба «Теунгку Чик ди Тиро». Тем не менее, сопоставив данные Якуба с тем, что известно по голландским источникам относительно особенностей движения в конце 70-х годов, можно воссоздать более или менее правдоподобную картину «переговоров в Ламси».

По-видимому, встреча в Ламси состоялась по инициативе предводителей ряда партизанских отрядов, действовавших в саги XXII. Активное участие в организации этой встречи приняли Панглима Полим и кали саги XXII Теунгку Танахабейский Абдулвахаб [253, 39]. Осенью 1879 г. в Ламси (юго-восточная часть саги XXII, еще не оккупированная голландцами) собрался ряд улубалангов и имамов, видных улам и предводителей партизанских отрядов саги XXII. В Ламси прибыли как феодалы, которые продолжали сопротивление, так и те, кто уже признал власть голландских колонизаторов. Во время встречи в Ламси стало очевидным стремление большинства знати прекратить борьбу. Значительная часть улубалангов и имамов заявили, что правы были те, кто предупреждал еще в начале войны, что сопротивляться «Компании» невозможно [253, 41], т. е. присоединились к капитулянтской политике. Голоса Панглимы Полима и его сторонников, высказывавшихся за продолжение борьбы и объединение усилий населения Аче, звучали явным диссонансом. Исмаил Якуб пишет: «Вначале на „переговорах в Ламси" царила хорошая обстановка, но день ото дня она постепенно накалялась» [253, 41]. Знать Великого Аче (не надо забывать, что на встрече присутствовали улубаланги и имамы, наиболее стойко державшиеся все эти годы) не желала продолжать сопротивление в обстановке оккупации их владений и начала партизанского движения, не связанного со знатью.

Когда фактически определился провал «переговоров в Ламси», выступил влиятельный улама Теунгку Танахабейский. Он заявил, что силы сопротивления еще не сломлены, но наблюдается недостаток благочестия и нет должного единства. Как пишет Исмаил Якуб, кали саги XXII закончил свою речь следующими словами: «Прежде чем сражаться с врагом внешним, необходимо побороть врага внутреннего, свои страсти. Имущество народа, отнятое у него вследствие (наших) дурных страстей, нужно полностью вернуть. Не позволим страдать народу, поддержим справедливость, некогда существовавшую, чтобы не занимать справедливости

у других. Посему покайтесь, о теуку, прежде чем призывать народ бороться с Компанией. Если же не вернете то имущество народа, которое вы несправедливо захватили, то народ повернется к вам спиной и все мы будем легко выметены из Аче. Если теуку исполнят эту мою просьбу, я вместе с ними выйду на бой с врагом. Если же этого не случится, то я и мои муриды не примем участия в борьбе. И я говорю тогда, о теуку, вы будете сражаться с врагом в одиночестве» [253, 40].

Выступление Теунгку Танахабейского на «переговорах в Ламси» было, по сути дела, программным заявлением духовенства — того слоя, который стремился сменить светскую знать в качестве руководителя движения. В речи кали саги XXII, одного из крупнейших духовных лиц Великого Аче, отчетливо звучали антифеодальные нотки: он обращается к улубалангам и имамам (теуку) с призывом вернуть «отнятое» ими у народа, т. е. отказаться от ряда поборов с крестьянства. Показательно, что Теунгку Танахабейский обратился с этим призывом, когда неудача встречи в Ламси определилась и знать Великого Аче открыто выступила за прекращение сопротивления. Ясно, что не на теуку были рассчитаны слова оратора. К тому же Теунгку Танахабейский направил послание — пересказ своей речи в Ламси — в леса Великого Аче, где действовали партизанские отряды. Адресатом кали было ачехское крестьянство, и на него были рассчитаны те антифеодальные нотки, которые звучали в выступлении.

Ачехское духовенство, принявшее с самого начала активное участие в войне, до конца 70-х годов держалось на втором плане, поскольку руководство принадлежало светской знати. Когда же обнаружился кризис этого руководства, духовенство решило, что настал удобный момент встать во главе движения, возможности которого, как показывало продолжавшееся сопротивление, были далеко не исчерпаны. Отход основной массы светской знати от борьбы предоставлял духовенству Аче благоприятную возможность встать во главе ачехского крестьянства и взяться за создание теократического государства, в котором улубаланги и имамы займут подчиненное в отношении теунгку место. Это стремление опиралось на возросшую в конце 70-х годов активность ачехского крестьянства, на антифеодальные настроения, усиливавшиеся по мере отказа знати от борьбы. Призывая теуку отказаться от неправедно нажитого богатства, Теунгку Танахабейский как бы отделял себя и своих учеников и последователей (муридов) от светской знати, становясь в глазах крестьянства его защитником. Будучи глубоко религиозным человеком, Теунгку Танахабейский искренне (об этом свидетельствовали его последующая деятельность и участие его семьи в антиголландской войне) стремился к продолжению борьбы с захватчиками и считал поражения 1878—1879 гг. божьей карой за прегрешения погрязших в своекорыстных действиях и насилиях теуку. Взгляды Теунгку Танахабейского, безусловно, отражали антифеодальные настроения ачехско-

го крестьянства, и он шел в этом отношении значительно дальше, чем те уламы, которые в последующие годы стали претворять в жизнь идеи об «очищении народа от греха» и стремиться к завоеванию ведущего положения в ачехском обществе. Не следует забывать, что значительная часть ачехского духовенства — рядовые теунгку стояли очень близко к крестьянству, настроения и чаяния которого им были отнюдь не безразличны.

Так или иначе обращение Теунгку Танахабейского в конце 1879 г. не только явилось показателем кризиса руководства светской знати, но и отразило деятельность тех общественных сил, которые стремились продолжать борьбу с захватчиками. Отныне социальные проблемы движения приобретают гораздо бóльшую значимость, борьба внутри ачехского общества проявляется более открыто, и последующая история Ачехской войны становится не только историей сопротивления колонизаторам, но и историей борьбы за создание нового общественно-политического устройства ачехского общества.

В тяжелой обстановке, усугубленной жесточайшим оккупационным режимом, ачехский народ, преданный знатью, нашел в себе силы для продолжения борьбы. Следующий, третий этап Ачехской войны стал временем ее наивысшего подъема, самой героической страницей истории борьбы ачехского народа за свою независимость.

Глава IV

Подъем сопротивления ачехского народа (1881—1896)

Введение гражданского управления и положение в Аче в начале 80-х годов XIX в.

6 апреля 1881 г. вступили в свои должности первый гражданский губернатор Аче А. Прюйс ван дер Хувен и командующий голландскими войсками в новой провинции Нидерландской Индии полковник И. Ф. Хаус.

Провинция, именуемая «Аче и вассальные владения», делилась на три афделинга. Афделинг Великий Аче (центр—Кутараджа) состоял из пяти ондерафделингов: Месджид Райя, Мераса, Южные районы, XXII мукима и XXVI мукимов (центры ондерафделингов — Кутараджа, Олех-лех, Лхонг, Ламбару, Тунгкуп). Афделинг Северный и Восточный берег Аче (центр — Телок Семаве) включал четыре ондерафделинга — Телок Семаве, Иди, Самаланга и Сигли. Афделинг Западный берег Аче (центр — Мелабох) на ондерафделинги не делился. Во главе каждого афделинга стоял ассистент-резидент, во главе ондерафделинга — контролер. Всего в Аче было три ассистент-резидента и десять контролеров, в том числе шесть в Великом Аче (кроме глав ондерафделингов контролер был назначен в Индрапури), три на Северном и Восточном берегу (ондерафделингом Телок Семаве ведал сам ассистент-резидент) и один на Западном берегу (находился, как и ассистент-резидент, в Мелабохе).

Ниже находилась местная ачехская администрация: во главе дистриктов стояли улубаланги, мукимов—имамы, деревень (кампонгов) — старосты. Улубаланги назначались генерал-губернатором, имамы утверждались в должности губернатором Аче, старосты назначались ассистент-резидентами, теунгку меунасах — контролерами. Была создана полицейская служба в составе 225 ачехцев и минангкабау. Княжество Трумон отошло к провинции Западное побережье Суматры [95, т. III, 531—533].

Структура колониального управления Аче была примерно такой же, что и структура управления в тех районах Внешних владений, которые находились под более или менее постоянным контролем голландской администрации. Колонизаторы оставили без изменений основные социально-политические ячейки ачехского общества — кампонги, мукимы, улубалангства; они сохранили в

руках покорившихся феодалов экономическую, политическую и судебную власть над крестьянством. Вместе с тем введение гражданского управления похоронило надежды на восстановление в той или иной форме султаната Аче, ибо султану в установленной с апреля 1881 г. системе места не нашлось.

Трудно найти в голландской историографии Ачехской войны другой вопрос, о котором бы писали с таким нескрываемым раздражением, как о гражданском управлении. В системе гражданского управления голландские авторы — от ван дер Хейдена и второго гражданского губернатора Лагинг Тобиаса до писавшего уже в 40-х годах нынешнего века ван дер Маатена — видели основную и практически единственную причину неудач в Аче. В близорукости и своекорыстии политиканов Гааги, стремившихся сократить расходы на войну, усматривали причину подъема народной войны в Аче в 80-х годах XIX в. Голландская пресса в метрополии и колонии, историки военной академии в Бреда, виднейший авторитет по ачехской проблеме К. Снук Хюргронье — все сходились на том, что если бы в Аче был сохранен режим военного управления, если бы ван дер Хейден не был удален из Аче, если бы оккупационная армия в своих действиях не была связана вышестоящими гражданскими властями, то Ачехская война не затянулась бы еще на три десятка лет.

Эта легенда—одна из многих легенд об Ачехской войне, бытующих в Голландии и по сей день,— как и другие, возникла из неправомерно выпяченного и рассмотренного вне связи с другими явлениями факта. Легенда эта прекрасно соответствует той истории Ачехской войны, в которой фактически не остается места ни для чего, кроме ее военной стороны, истории, которая считает единственно заслуживающими внимания действия голландских войск и администрации и рассматривает ачехскую сторону как аморфную, неопределенную массу, подстрекаемую заведомыми подонками и авантюристами, другими словами, той истории, для которой не существует объективных закономерностей Ачехской войны и которая упорно не желает замечать роли масс в этой войне.

Какую же роль в действительности сыграло гражданское управление в Аче? И в самом ли деле только с ним были связаны те беды, которые обрушились на колонизаторов с лета 1881 г.?

Вопрос о гражданском управлении в Аче был поднят в голландских колониальных кругах еще осенью 1879 г. Генерал-губернатор ван Лансберге в октябре 1879 г. обратился к правительству с предложением установить в Аче гражданское управление. Это предложение он повторил и в следующем месяце [107, т. I, 17]. Одновременно ван дер Хейден в письмах генерал-губернатору настаивал на сохранении военного режима в Аче [84, прил. I—II]. В декабре 1879 г. в Аче прибыли командующий войсками Нидерландской Индии Баумейстер и член Индийского совета ван дер Киндерен, представившие ван Лансберге доклад о положении в Аче. После этого генерал-губернатор послал ван дер Хейдену письмо, в кото-

ром выражал заботу о состоянии здоровья генерала [84, 10]. Ван дер Хейден не только заверил генерал-губернатора в своем отменном здоровье, но и направил ему 19 апреля 1880 г. официальную «Записку о форме управления в Великом Аче и вассальных владениях». В ней он соглашался с выводами генерал-губернатора, что основное сопротивление в Аче после операций в XXII и XXVI мукимах сломлено. В то же время ван дер Хейден сообщал о продолжении сопротивления видных вождей, включая родственников султана, о нападениях партизанских отрядов в саги XXII и XXVI, о тревожном положении в окрестностях Кутараджи. В заключение он предлагал сохранить в Аче режим военного управления по образцу некоторых районов на Молукках, Борнео и Целебесе [95, т. III, 566—568].

Но уже в феврале 1880 г. в Аче прибыл бывший резидент Палембанга А. Прюйс ван дер Хувен, который должен был стать преемником ван дер Хейдена [127, 16]. 11 сентября 1880 г. Индийский совет на своем чрезвычайном заседании одобрил введение гражданского управления в Аче [84, 20]. Точка зрения ван Лансберге победила. Генерал ван дер Хейден был отозван и заменен гражданским лицом.

Причины, по которым в Аче ввели гражданское управление, были многообразны. Огромную роль сыграло желание правящих кругов Нидерландов сократить расходы на содержание армии. Определенную роль сыграло личное соперничество ван Лансберге и ван дер Хейдена: первый стремился приписать себе заслугу покорения Аче и, уходя с поста генерал-губернатора, хотел подчеркнуть, что Ачехская война закончилась в его, ван Лансберге, правление и что отныне Аче становится обычной провинцией Внешних владений. Немаловажное значение имело намерение либерального кабинета Нидерландов заглушить просачивающиеся в мировую прессу сведения о терроре, проводимом ван дер Хейденом в Аче, о массовых казнях, расстрелах заложников, поджогах деревень и т. п. 29 сентября 1880 г. министр колоний ван Голтстейн патетически восклицал во второй палате Генеральных штатов: «Отныне в Аче население будет иметь дело с полицией, а не с солдатами, с контролерами и советниками, а не с капитанами и лейтенантами» [84, 2]. Ван Голтстейну вторил генеральный прокурор Нидерландов, выразивший на заседании второй палаты парламента 18 ноября 1881 г. надежду, что жестокости, творимые в Аче «нашей Индийской армией, не будут иметь места при гражданском управлении» [155, 72]. Козлом отпущения стал ван дер Хейден, которого обвинили «в излишней суровости» в Аче и заменили гражданским губернатором.

Конечно, главной причиной реорганизации управления Аче были не личные счеты ван Лансберге с ван дер Хейденом, не стремление колонизаторов избавиться от ответственности за преступления военщины в Аче и даже не финансовые соображения. Хотя все эти причины также сыграли свою роль, основное заключалось

в другом. Голландские колонизаторы считали, что сопротивление ачехского населения в основном сломлено. В этом сходились и ван Лансберге, инициатор введения гражданского управления в Аче, и ван дер Хейден, настаивавший на сохранении власти в руках военных. Сторонники и противники новой системы управления одинаково полагали, что с прекращением сопротивления основной массы правящего класса султаната ачехский вопрос разрешен. Напрасно противники передачи власти в руки гражданских лиц впоследствии писали и говорили, что ван дер Хейден якобы понимал неизбежность нового подъема сопротивления в Аче в случае ликвидации военного режима. Ни генерал, ни кто-либо из других голландских колониальных деятелей в Индонезии не считал ачехцев способными на дальнейшее серьезное сопротивление. Конечно, введение гражданского управления облегчило ачехскому сопротивлению задачу консолидации сил и организации борьбы, но несомненно одно: новый подъем освободительного движения был неизбежен при любой системе колониального управления, неизбежен потому, что колонизаторам удалось подавить сопротивление феодалов, но не удалось покончить с борьбой широких народных масс Аче за независимость.

Голландская гражданская администрация стремилась закрепить главное достижение предыдущего периода — подчинение основной массы ачехской знати. Колонизаторы хотели еще прочнее привязать к себе феодалов, включив их в аппарат управления. Улубаланги и имамы сохраняли контроль над крестьянством своих владений при условии признания голландской власти. Они утверждались в должностях голландской колониальной администрацией и получали от нее жалованье [319, 215]. Новый губернатор возлагал большие надежды на помощь знати в деле окончательного «умиротворения» Аче. В качестве примера он противопоставлял неустойчивое положение в саги XXII и XXVI, где свирепствовали голландские войска, спокойствию, царившему в Мерасе и IV мукимах, в которых действовали верные колонизаторам феодалы [127, 36]. Наибольших успехов в этом отношении голландцам удалось добиться в столичном районе, феодалы которого стали активно сотрудничать с колонизаторами. Как и улубаланги Мерасы и IV мукимов, феодалы IX мукимов и особенно области Месджид Райя являлись верными пособниками голландской администрации [127, 53—54]. Именно в этих районах набирались полицейские и проводники для голландской армии.

В целях привлечения феодалов гражданская администрация ограничила деятельность военных. Уже 22 мая 1881 г., спустя полтора месяца после вступления в должность, Прюйс ван дер Хувен запретил патрулирование. Изданный полковником Хаусом приказ гласил, что «обязанностью комендантов постов является лишь поддержание спокойствия в зоне поста и они не должны заниматься арестами мародеров и грабителей (т. е. ачехских партизан. — *В. Т.*), поскольку это относится к компетенции гражданских властей»

[51, 228]. Критикуя систему патрулирования, установленную ван дер Хейденом, Прюйс ван дер Хувен отмечал, что патрули «приносят в кампонги лишь одно смятение и никогда не находят злоумышленников» [127, 38—39]. Он считал патрулирование ненужным и рассчитывал поддерживать «порядок и спокойствие» силами полиции и местных феодалов.

Голландские колонизаторы, полагая, что ачехское крестьянство послушно следует за своими феодалами, шли на различные уступки ачехской знати. Одной из таких уступок и была отмена патрулирования; теперь военные не вмешивались в дела улубалангов и имамов, которые получали широкие права суда и административной власти над подвластным населением. Отмена патрулирования была на руку ачехским патриотам, которые получили некоторую передышку, смогли перегруппировать свои силы, избавившись от постоянного прочесывания дорог и кампонгов голландскими воинскими подразделениями. Но, разумеется, не отмена патрулирования вызвала оживление партизанской борьбы в Аче. Неверным оказался политический расчет колонизаторов на способность ачехской знати удержать массы в повиновении.

Новая голландская администрация стремилась завоевать расположение феодалов и целым рядом других мер. Она поддерживала адат против шариатских норм, прилагала усилия для водворения населения, бежавшего из районов военных действий, на старые места. Запретив патрулирование во владениях улубалангов и имамов Великого Аче, голландские власти посылали отряды на Восточное и Северное побережье, чтобы силой и уговорами вернуть жителей Великого Аче [127, 35]. Губернатор так сформулировал основу программы действий колониальных властей в 1881 г.: «Только организация может принести мир и порядок. Для этого необходимо вернуть законных вождей на свои места, собственность — законным владельцам; обеспечить вождей должными доходами и надлежащими гарантиями; полностью заменить султанские юрисдикцию и власть нидерландскими» [127, 37]. Как видно, центральным пунктом программы было привлечение покорившихся феодалов к активному сотрудничеству с колонизаторами. Впоследствии действия Прюйс ван дер Хувена подверглись жесточайшей критике со всех сторон и его сделали главным и едва ли не единственным виновником тех неудач, которые преследовали колонизаторов со второй половины 1881 г. Главное обвинение, которое бросали ему, заключалось в том, что он помешал военным закончить покорение Аче. Сменивший Прюйс ван дер Хувена П. Ф. Лагинг Тобиас писал, например, что первый гражданский губернатор «унижал и недооценивал военных». Защитник системы военного управления Ферстеге, издавший памфлет, направленный против ван Лансберге и ван Голтстейна, называл Прюйс ван дер Хувена «антимилитаристом», имея в виду его нелады с военными властями в бытность резидентом в Палембанге и Бенкулене. Однако критиковавшие Прюйс ван дер Хувена единодушно «забывали»

связать его действия со всей предшествующей голландской политикой в Аче, с общим направлением ее во Внешних владениях. Добросовестный чиновник, Прюйс ван дер Хувен всего лишь со свойственной ему обстоятельностью довел до конца программу, выдвинутую еще в начале войны: поскольку борьбу в Аче ведут султан и феодалы, за которыми слепо идет крестьянство, то главная задача состоит в том, чтобы вынудить ачехскую знать прекратить сопротивление и заставить ее признать нового господина — колониальную администрацию Нидерландской Индии.

Эта задача считалась окончательно выполненной уже в 1879 г., после походов ван дер Хейдена. Теперь же колониальные политики Нидерландов хотели, дополнив военные мероприятия действиями политического характера, достичь соглашения с ачехской знатью, сокрушенной в конце 70-х годов. Именно это и делал Прюйс ван дер Хувен, и делал небезуспешно, так как во время его губернаторства вполне обнаружился успех колонизаторов в деле установления политического союза с ачехской светской знатью. «Умиротворить» же Аче колонизаторам в тот период не удалось отнюдь не потому, что Прюйс ван дер Хувен ссорился с военными властями [1] и отменил патрулирование, не потому, что военное управление было заменено гражданским, которое «распустило ачехцев», а потому, что в корне ошибочной была вся позиция правящих кругов Голландии в отношении Ачехской войны, потому, что колонизаторы не понимали народного характера войны, потому, что тщетными оказались надежды покорить народ с помощью изменников-феодалов.

Политика же в отношении ачехской знати в 1881 г. дала, как казалось голландцам, вполне ощутимые результаты. В самом деле, ачехские феодалы все дальше и дальше отходили от борьбы: 1881 год закрепил переход на сторону врага основной массы феодалов Великого Аче. Покорился панглима саги XXVI Теуку Чут Ламронгский [51, 233], окончательно перешли на сторону колонизаторов улубаланг V мукимов Индрапури Теуку Имам Бинтанг и улубаланг V мукимов Монтасик Теуку Муда Леман [127, 50], а также улубаланг Селимуна Теуку Муда Дауд [51, 234]. Султанская партия находилась в состоянии разброда и серьезной опасности для колонизаторов не представляла. Когда ван Лансберге в июле 1880 г. предложил поход на Кемалу, где находились султан и его двор, ван дер Хейден в письме генерал-губернатору от 15 августа того же года категорически отрицал необходимость этой операции, указывая, что влияние Кемалы на ачехские дела ничтожно и политические результаты даже успешно завершенной экспедиции будут крайне незначительными [84, 5—6]. В 1881 г. на сторону колонизаторов перешли такие влиятельные в султанской

[1] В 1882 г., по замечанию одной из батавских газет, Прюйс ван дер Хувен и Хаус напоминали «двух кучеров на одних козлах» [51, 245]. В августе Хауса сменил полковник Схефер.

семье лица, как Туанку Пангеран Хусин и Туанку Мохаммад Юсуф; опекун султана Туанку Хашим также обнаруживал желание вступить в переговоры с голландцами [51, 233—234]. Панглима Полим и Имам Лонгбатский находились в Кемале и не принимали непосредственного участия в борьбе. Из старых руководителей антиголландского сопротивления лишь родственники Имама Лонгбатского продолжали партизанскую борьбу в горных районах саги XXII и XXVI [51, 235].

Голландским колонизаторам удалось благодаря поддержке феодалов создать довольно эффективный аппарат управления в столичном районе и прилегающей к нему части Великого Аче. Надежным улубалангам давали оружие, которым они вооружали свои отряды, выполнявшие полицейские функции в Великом Аче (оружие для этих целей получил, например, улубаланг IV мукимов Теуку Чут Банта). 27 декабря 1881 г. Прюйс ван дер Хувен торжественно открыл новую главную мечеть в Кутарадже. В присутствии большого числа ачехских феодалов Теуку Кали Маликуладиль в верноподданнической речи заверил губернатора в искреннем стремлении знати сотрудничать с колонизаторами [127, 67—69].

Однако включение ачехской знати в систему колониальной администрации и переход большей части правящего класса Аче на сторону врага дали результаты, обратные тем, на которые рассчитывали творцы голландского политического курса в Аче. Сотрудничество феодалов с колонизаторами, которые не препятствовали улубалангам и имамам грабить население, попавшее под двойной гнет, вызывало антифеодальные настроения ачехского крестьянства. Это в свою очередь усиливало народную антиколониальную борьбу, способствовало тому размаху, который она приняла в 80-х годах XIX в. Симптомы соединения двух потоков движения наблюдались уже в конце 70-х годов, когда стало обнаруживаться предательство значительной части ачехской знати. В начале 80-х годов антифеодальные настроения проявились еще явственнее.

Ачехский народ не прекратил сопротивление после походов ван дер Хейдена. В 1880 — первой половине 1881 г. рождались новые формы борьбы, складывалось новое руководство, формировалась новая расстановка сил внутри ачехского лагеря. Подъему освободительного движения, начавшемуся во второй половине 1881 г., предшествовала непрекращавшаяся на протяжении предыдущих полутора лет борьба, которая велась уже не под руководством владетельных феодалов и которая заложила фундамент для массового движения 80—90-х годов.

В апреле 1880 г. (заметим, что это был тот год, когда, согласно официальной голландской историографии, в Аче не были слышны выстрелы) ван дер Хейден сообщал генерал-губернатору, что ачехцы совершают нападения в столичном районе, что в саги XXII и XXVI действуют партизанские отряды [95, 567]. Прюйс ван дер Хувен, опровергая мнение, будто накануне введения гражданского управления сопротивление в Аче прекратилось, писал в своих

воспоминаниях, что в 1880 г. в саги XXII и XXVI активно действовали отряды Нья Хасана, Панг Самана, Си Брахима и других партизанских вождей. Он отмечал, что ачехцы не ограничивались нападениями на дорожных рабочих, китайские поселения, базары и т. п., но начали нападать на голландские посты и патрули. Перечисляя различные инциденты в Великом Аче и на побережье, Прюйс ван дер Хувен приходил к выводу, что уже накануне введения гражданского управления в Аче «не было того спокойствия, как после походов ван дер Хейдена в саги XXII» [127, 25].

И призывы к «священной войне» начали появляться еще до введения гражданского управления. 14 марта 1881 г. партизаны Селимуна (саги XXII) обратились с посланием к владетелям Мерасы, обвиняя их в союзе с «неверными» и грозя им «священной войной» [127, 41].

Начало нового подъема борьбы за независимость

Симптомы нового подъема борьбы за независимость начали наблюдаться в Аче еще с весны 1880 г., т. е. через полгода после завершения широко разрекламированных походов ван дер Хейдена. Основными очагами сопротивления стали: в Великом Аче—горные лесистые районы саги XXII и XXVI (горы Селавах, долина р. Аче), на Восточном берегу—Пиди и леса, тянущиеся от Пиди к Тангсе и Гемпангу, на Северном берегу — холмы Самаланги и долина р. Пасанган, на Западном берегу — внутренние районы Мелабоха. Здесь находились базы партизанских отрядов, отсюда ачехцы совершали нападения на голландские посты и патрули, здесь они укрывались, используя труднодоступную местность. Голландские колонизаторы не смогли оккупировать внутренние районы Аче. Патриоты, таким образом, получили возможность собрать свои силы в этих районах.

Как уже указывалось, антифеодальная борьба, развернувшаяся в начале 80-х годов в Великом Аче, способствовала вовлечению в движение все более широких масс. Антифеодальные настроения крестьянства Великого Аче особенно усилились, когда беженцы с побережья начали возвращаться в свои кампонги, где они попадали под власть прежних господ. Среди вернувшихся были бойцы, принимавшие участие в антиколониальной борьбе 70-х годов; это, безусловно, способствовало расширению базы партизанского движения в Великом Аче. Прюйс ван дер Хувен, который никогда не упускал случая побольнее задеть своего предшественника, «героя Ачехской войны», писал: «Опыт генерала показал, что нетрудно в несколько недель пройти весь Аче, выжечь кампонги, разогнать население и т. д. Но пока не устранены причины партизанской войны, она будет постоянно возобновляться, как только будут возвращаться беженцы» [127, 58]. Едва ли случайно, что активизация отрядов Нья Хасана, Панг Самана и Си Брахима была непосредственно связана с возвращением беженцев в кампонги саги XXVI [127, 14].

Подъем борьбы ачехского народа за независимость оказался тесно связанным с усилением антифеодальных настроений. Партизанские отряды начали бороться не только с колонизаторами, но и с ачехскими феодалами-предателями, нападать на их резиденции, мешать сбору налогов. В 1881 г. партизанский вождь Нья Хасан, действовавший в саги XXVI, вступил в борьбу с панглимой саги Теуку Чут Ламронгом; через некоторое время перешедший на сторону врага Теуку Чут Ламронг был убит [127, 48]. Партизаны расправлялись со старостами деревень, назначенными голландцами. Докарим в своей поэме неоднократно упоминает о расправах, которые чинил Теуку Хасан над предателями-старостами [142, т. II, 109].

Подъему народного движения способствовали и действия колониальной администрации. Она не только не препятствовала феодалам увеличивать поборы с крестьянства, но в свою очередь сама вводила новые налоги и повинности. Хотя Прюйс ван дер Хувен критиковал военных за «расстрел и высылку несчастных ачехцев без всякой надобности, поджоги деревень в XXVI мукимах» и патетически восклицал, что «мир и порядок могут быть принесены только... посредством силы — да, но не насилия, и прежде всего — посредством мужества и справедливости» [127, 36—37], на практике и в годы гражданского управления имели место насилия солдатни, убийства мирных жителей, аресты заложников. Однако центр тяжести своей деятельности в отношении ачехского крестьянства колониальная администрация перенесла в сферу хозяйственную; поджоги кампонгов и расстрелы мирного населения уступили место насильственному выдворению жителей в деревни и принудительным работам на постройке дорог и укреплений. По-прежнему штрафовались деревни, по-прежнему голландские войска (теперь при содействии местных феодалов) занимались реквизициями в кампонгах [51, 231].

Колониальная администрация приступила и к прямому сбору налогов с ачехцев. До 1878 г. доходы поступали исключительно от сдачи в откуп монополий на торговлю опиумом и содержание игорных домов китайским «гунсы» (компаниям) или отдельным крупным китайским торговцам. Голландские колонизаторы начали привлекать китайцев в Аче еще в 1874 г. для создания в районе Кутараджа — Олех-лех, из которого бежала значительная часть жителей, слоя населения, занимающегося торговлей, ремеслом, огородничеством и призванного обслуживать голландскую армию и наладить торговлю с еще не покоренной территорией Аче. Губернатор Пел неоднократно заявлял, «что безопасность иммигрантам гарантирована и что он считает очень желательной иммиграцию китайских мелких торговцев и ремесленников» [280, 25]. Китайцы, прибывавшие в Аче из Пинанга, Сингапура и Батавии, селились главным образом в Олех-лех и Кампонг Джаве. В июле 1875 г. в этих пунктах проживало свыше 180 китайских торговцев [280, 28].

В июне 1876 г. губернатор Аче издал декрет о сдаче в откуп монополии на торговлю опиумом. Эта фактически единственная статья в доходной части бюджета колониальной администрации в первый год принесла 60 тыс. гульденов, а доходы от сдачи на откуп содержания игорных домов — еще 102 тыс. [280, 29—30]. В 1877 г. доходы от этих статей составляли уже 358 тыс. гульденов, а в следующем году — 549 тыс. [280, 34] [2].

В 1878 г. голландские колонизаторы, опьяненные успехами походов ван дер Хейдена, решили приступить к обложению местного населения налогами. Был введен «налог на урожай», собиравшийся рисом и перцем, а также установлены экспортные пошлины на перец и кофе в княжествах побережья [280, 34—35]. Хотя введение этих налогов ударило главным образом по крестьянам побережья, где выращивались перец и кофе, пострадало и население Великого Аче, так как «налог на урожай» взимался и в рисоводческих районах, а кроме того, значительная часть населения Великого Аче ушла на побережье и занялась там разведением экспортных культур.

Распространение системы новых налогов на районы, контролируемые колониальной администрацией, вызвало огромное недовольство широких масс ачехского крестьянства.

В числе причин подъема борьбы за независимость в начале 80-х годов следует указать и то, что голландским колонизаторам не удалось покорить побережье и прекратить оттуда приток людей и вооружения в Великий Аче. Под давлением Англии с сентября 1881 г. ачехское побережье было вновь открыто для торговли, а патрульный флот уменьшен до восьми судов [298, 82]. Это немедленно привело к увеличению провоза оружия и боеприпасов из Стрейтс сетлментс, и Прюйс ван дер Хувен в 1886 г. писал: «Умиротворение Великого Аче... без внимания к побережью невозможно. Именно на побережье, откуда поступают деньги и еще организуется сопротивление, откуда приходят бойцы, где на плантациях перца работает значительная часть населения Великого Аче, откуда поступает оружие, лежит центральный пункт решения ачехской проблемы» [127, 57].

Главными фигурами ачехского сопротивления в рассматриваемый период стали партизанские вожди Нья Хасан, Си Брахим, Панг Саман. Именно им принадлежит заслуга продолжения борьбы в самое тяжелое время — после походов ван дер Хейдена, когда владетельные феодалы предали движение; именно их отряды стали костяком новой ачехской армии, возникшей в конце 1881 г. Многие из рано погибших партизанских вождей (Си Брахим был убит в апреле 1881 г., Панг Саман выдан голландцам «дружественными вождями» в августе 1882 г., Нья Хасан погиб в мае 1883 г. при нападении на Олех-лех) не принадлежали к владетельной знати. Из этих трех наиболее известных вожаков лишь Нья

[2] В 1877 г. в Аче из Пинанга и Сингапура прибыло около 4900 китайцев.

Хасан имел право на приставку «теуку» к своему имени (он был младшим сыном главы «комитета восьми» пидиского феодала Теуку Пайя), остальные были, по-видимому, простыми панглимами, происходившими из крестьянской среды. И хотя некоторые партизанские лидеры, действовавшие в этот период, принадлежали и к правящему классу, показательно, что ни один владетельный феодал Великого Аче не принимал в это время активного участия в борьбе. Приход к руководству антиголландской борьбой новых лидеров являлся свидетельством изменений в расстановке сил внутри движения: ачехское крестьянство выдвигало руководителей из своей среды на смену феодалам, отошедшим от движения.

С апреля 1881 г. нападения партизанских отрядов становятся систематическими. Вначале объектами нападений являлись поселения китайских рабочих, дорожные отряды, хозяйственные строения. Летом 1881 г. ачехцы перешли к атакам на голландские посты, нападениям на патрули, транспорты, чиновников колониальной администрации. Так, в ночь на 16 июня Нья Хасан напал на Анак Галонг, где находилось голландское укрепление [127, 44—45]. В начале июля Панг Саман обстрелял пост в Гле Камбинг, а другие ачехские отряды напали на голландский патруль близ Анак Галонг и подожгли пост в Лонг Лемох [51, 236]. В августе партизаны напали на транспорт, направлявшийся из Тунгкупа в Ламйонг и перебили конвой, 25 ноября они атаковали голландский взвод близ Кетапан Дуа, а в конце декабря напали на транспорт близ Кутараджи [51, 236—237; 248, 287—288]. Действия полиции оказались парализованными, голландские же войска не рисковали углубляться в горы и леса Великого Аче, где находились партизанские базы. Численность оккупационной армии в Аче сократилась к середине 1880 г. до 6625 человек [56, 115], а к апрелю 1881 г.— до 6300 человек [248, 283]. Этими силами колонизаторы могли лишь удерживать 39 постов и охранять коммуникации. На активные действия против партизан сил у них явно не хватало.

Партизанское движение, развернувшееся в Великом Аче в 1881 г., отличалось от антиколониальной борьбы предыдущего периода не только теми социальными силами, которые в нем участвовали, но также организацией и тактикой. Ачехцы ни разу не нападали на врага группами, численность которых превышала бы 100 человек, тогда как в прежние годы они часто действовали отрядами в несколько сот и даже тысяч человек. Партизанские отряды 1881 г. не являлись более феодальными ополчениями, а представляли собой сравнительно небольшие группы, базирующиеся в определенном районе. Это способствовало большей мобильности партизан, укреплению дисциплины, позволяло не прибегать к обременительным для крестьян реквизициям. Партизанские отряды группировались вокруг того или иного известного лидера, осуществлявшего контроль с помощью военачальников-панглим. Кроме Нья Хасана, Панг Самана и Си Брахима наиболее видными в этот

период партизанскими вождями были Теуку Хусин из Пагар Айер, погибший в августе 1882 г. близ Тунгкупа, его брат — Теуку Али (зять Имама Лонгбатского), другой Теуку Хусин — младший брат Имама Лонгбатского. Ачехские патриоты использовали тактику рассредоточения, распыления среди населения занятых голландскими войсками кампонгов, внезапных нападений небольшими группами, вооруженными холодным оружием, на одиночных голландских солдат, полицейских, изменников-феодалов. Особенно распространенными стали ночные нападения на базары, хозяйственные объекты, повреждения телеграфных и телефонных линий. «Малая», партизанская война сменила прежние методы борьбы, заимствованные в значительной мере из арсенала междоусобных войн ачехских феодалов. Убедившись в невозможности продолжать открытое сопротивление врагу, который превосходил ачехцев в военно-технической области и в тактическом отношении, партизанские вожди отказались от тактики, господствовавшей на начальных этапах борьбы с захватчиками.

Слабой стороной партизанского движения в Великом Аче была недостаточная координация действий между различными отрядами. Штаб антиколониального движения фактически перестал существовать, так как те прежние лидеры, которые еще продолжали борьбу, находились в далекой Кемале, откуда им трудно было руководить движением; силы последнего оказались раздробленными, и каждый предьодитель партизанского отряда (точнее, группы отрядов) действовал самостоятельно. Не следует также идеализировать самих ачехских партизанских вождей. Это были, за исключением, пожалуй, Теуку Умара, о котором речь пойдет ниже, люди с ограниченным (даже по ачехским условиям) кругозором. Как правило, они были неграмотны, не могли вдохновить массы, повести их на борьбу под знаменем освященных высокой идеей стремлений. Влияние их обычно не выходило за пределы сравнительно небольшого района. Ясной перспективы борьбы у них не было, иного общественного устройства, кроме существовавшего в султанате, они не знали и ачехскому крестьянину предложить не могли. Намерения многих из них не простирались дальше желания выкроить себе муким (улубалангство) или заменить старого владетеля. Все это, конечно, не дает основания считать, вслед за голландской историографией, партизанских лидеров своекорыстными грабителями, стремящимися погреть руки на войне и добиться богатства, славы и титулов. Просто их мировоззрение было обусловлено узким мирком ачехских деревень, и все слабые стороны крестьянского движения, происходившего к тому же в стране, раздробленной на десятки самостоятельных и полусамостоятельных владений, были присущи взглядам и действиям партизанских вождей Аче, продолжавших сопротивление в очень трудные годы войны.

Положение резко изменилось в декабре 1881 г., когда на сцене появилось одно из главных действующих лиц Ачехской войны — 45-летний улама Мохаммад Саман из кампонга Тиро в Пиди.

Приход Мохаммада Самана к руководству борьбой за независимость означал больше, нежели простое объединение сил ачехских патриотов. Наступил период, когда руководство движением перешло к духовенству и деревенской верхушке, когда последние попытались создать новое государство на смену рухнувшему султанату, объединив народные массы под знаменем «священной войны».

Подъем народного движения в Аче начался еще до выступления Самана, и едва ли правы те индонезийские историки (Исмаил Якуб, Мохаммад Саид), которые связывают этот подъем исключительно с деятельностью Самана и улам. Приход улам к руководству движением стал возможен на базе того подъема борьбы за независимость, который начался в Аче за несколько месяцев до появления на сцене Самана. Показательно, что Докарим в своей «Хикаят пранг Компани» очень высоко оценивает деятельность Нья Хасана, главного героя той части его повествования, которая относится к началу 80-х годов, и других партизанских вождей и не рассматривает их деятельность как нечто второстепенное по сравнению с деятельностью Мохаммада Самана, как это делали позже уламы.

Мохаммад Саман и начало «священной войны»

Мохаммад Саман родился, по-видимому, в 1836 г. в деревне Даях Крунг в Пиди. Источники по-разному говорят о его родословной, но сходятся в том, что по материнской линии он относится к прославленной в Аче семье, родоначальником которой был улама, переселившийся с Явы в Пиди, а по отцовской — к семье улам, проживающих в Гароте (Пиди). Его дядя по матери Мохаммад Амин Даях Чут, на дочери которого был женат Мохаммад Саман, носил титул Теунгку Чик ди Тиро (букв. «старший теунгку в Тиро»), т. е. был главой улам кампонга Тиро — общепризнанного духовного центра Аче[3].

Саман получил обычное для ребенка из видной уламской семьи образование. Готовясь к карьере священнослужителя, он изучил арабский язык и грамматику, а также Коран в доме своего отца в Гароте, а затем священные книги на яванском языке, мусульманское право и сочинения мистиков — у дяди, в кампонге Тиро [253, 51]. В течение некоторого времени он странствовал по Северному побережью Аче, а также по Великому Аче, переходя от одного прославленного уламы к другому. Путешествия по Аче, а затем длительное пребывание в Тиро, центре религиозного учения, позволили Саману не только овладеть знаниями, поставившими его в один ряд с самыми учеными уламами Аче, но и познакомиться с жизнью различных слоев ачехского населения — наука, кото-

[3] Он принимал активное участие в антиголландской борьбе, особенно в 1878—1879 гг., во время походов ван дер Хейдена. Голландские авторы 70—80-х годов прошлого века часто путали его с племянником — Мохаммадом Саманом, будущим Теунгку Чик ди Тиро.

рая пригодилась ему едва ли не больше, чем знание Корана и тонкостей фикха. После начала Ачехской войны Мохаммад Саман вместе с другими уламами, находящимися в Тиро, принял участие в организации сопротивления врагу. В частности, в течение нескольких месяцев он воевал под кампонгом Ламкра в Великом Аче, где собрались многие уламы из Пиди [253, 52—53].

После капитуляции Хабиба и начавшегося разброда в руководстве борьбой за независимость Мохаммад Саман вернулся в Тиро, а затем направился в Мекку, пребывание в которой оказало большое влияние на формирование его взглядов и характер последующей деятельности. В Мекке Саман получил возможность познакомиться с событиями в мусульманском мире, читать книги, изданные в Египте, Турции, Ливане, а также газеты на арабском языке [253, 57]. Он установил тесные связи с многочисленной индонезийской колонией в Мекке. Мохаммад Саман не только заводил знакомства с ачехцами, проживающими в Мекке, среди которых были видные уламы Теунгку Чик ди Ламгут и Теунгку Чик ди Рибе, но и общался с индонезийцами с Явы, Сулавеси, Суматры, Калимантана и других островов архипелага, постоянно или временно проживающими в Мекке[4]. Он узнал о борьбе различных народов Индонезии против голландских колонизаторов, познакомился с идеями мусульманского национализма, имевшими хождение в других странах. По-видимому, Мохаммаду Саману стали известны махдистские идеи, а также теория и практика северокавказского тариката. Особенно большое влияние на Самана оказало учение ваххабитов.

Видимо, влиянием ваххабизма объясняется стремление Самана насадить в созданном им впоследствии военно-теократическом государстве «очищенный» ислам, его непримиримость к инакомыслящим, попытки ввести строгое соблюдение шариатских норм и т. п. Повлияла на Самана и идея «священной войны», доведенная ваххабитами до крайней формы. Поскольку ваххабизм в какой-то мере, безусловно, нес в себе черты, свойственные народным движениям, направленным против чрезмерного классового угнетения [167, 109], его социальная сторона оказалась приемлемой для улама Мохаммада Самана, когда он стал бороться за создание в Аче теократического государства, используя антифеодальные настроения крестьянства.

Ваххабизм в свое время оказал несомненное влияние на другое мощное народное движение на Суматре — войну падри, которая происходила в Минангкабау несколькими десятилетиями раньше Ачехской войны. Вполне вероятно, что он нашел какой-то отклик и в Аче — одном из мусульманских центров архипелага. Пребывание Самана и других ачехских улам в Мекке и более детальное ознакомление с ваххабитским учением способствовали еще большему проникновению идей последнего в Аче.

---

[4] В Мекке в 70-х годах XIX в. находилось не менее тысячи индонезийцев.

Так или иначе поездка в Мекку во многом определила мировоззрение Мохаммада Самана. Из этой поездки он вынес не только приверженность к «очищению» ислама, но и, что было важнее всего в ачехских условиях, знакомство с борьбой против колониализма и национального гнета в других мусульманских странах, в первую очередь в арабских.

Мохаммад Саман вернулся в Аче, по всей вероятности, летом или осенью 1881 г. Обстоятельства его появления в Великом Аче в качестве руководителя борьбы с захватчиками, согласно единственному автору, повествующему об этом, следующие [253, 43—48].

Осенью 1881 г. руководители нескольких небольших партизанских отрядов, базой которых являлись горы Гунунг Бирам, собрались на совещание. Партизаны Гунунг Бирам находились в тяжелом положении, так как подвергались постоянным преследованиям голландских патрулей; некоторые подумывали о прекращении борьбы. На совещании решено было отправить посланцев в Пиди за советом к тамошним уламам. Посланцы с большими трудностями добрались до Гарота, а оттуда — до Тиро. В Тиро их встретил Теунгку Чик ди Тиро (Мохаммад Амин Даях Чут). Посланцы изложили ему свою просьбу о помощи, указав, что если сопротивление в Великом Аче будет сломлено, то вскоре та же участь постигнет Пиди и другие княжества побережья. Партизаны просили главу улам Пиди дать им руководителя, который поднял бы дух борцов, ослабленный вследствие измены прежних лидеров. Они говорили, что новый руководитель должен быть честным, храбрым, обладать стойкостью духа, пользоваться доверием народа. В особенности они напирали на последнее качество, ибо народ Великого Аче, по их словам, утратил веру в прежних вождей — улубалангов и имамов, которые поставили своекорыстные интересы выше забот о нуждах народа. На одной из встреч посланцев из Гунунг Бирам с Теунгку Даях Чутом последний представил собравшимся своего племянника Мохаммада Самана, недавно вернувшегося из Мекки. Мохаммад Саман (теперь Теунгку Хаджа Шейх Мохаммад Саман) обратился к партизанам с яркой речью. Он заявил, что готов руководить борьбой в Великом Аче, если все собравшиеся согласны на это и окажут ему поддержку. «Трудности сейчас велики, — говорил он,—но твердая вера и пример пророка помогут нам закалить себя и устоять в тяжелой борьбе. Если дать врагу свободу действий, позволить захватывать одну область Аче за другой, то в скором времени мы обязательно будем разгромлены. Все области Наветренной страны (так в Аче называлась Индонезия. — *В. Т.*) захвачены врагом, осталась только наша земля. Поэтому я с радостью внимаю призыву из Гунунг Бирам».

Партизаны с восторгом выслушали речь Самана и согласились признать его командующим всеми силами Великого Аче. Теунгку Даях Чут закончил совещание призывом прочесть фатиху и возблагодарить аллаха за принятое решение.

Рассказ Исмаила Якуба основан, по-видимому, на различных устных версиях, до сих пор ходящих в Аче[5]. Трудно сказать, насколько он соответствует в деталях действительно имевшим место событиям. Так, например, в рассказе всячески подчеркивается, что партизанское движение в Великом Аче осенью 1881 г. заглохло, что партизаны скрывались в горах и джунглях и не предпринимали активных действий. Это не соответствует действительности, так как уже с лета 1881 г. начался новый подъем освободительной борьбы в Великом Аче, решающую роль в котором сыграли именно действия партизанских отрядов. Трудно установить и обстоятельства обращения партизан из Гунунг Бирам к уламам Тиро, а тем более содержание речи Мохаммада Самана. Но даже если рассказ является сплошным вымыслом (хотя это, видимо, не так), то и тогда он представляет огромную ценность как поздняя версия улам-сказителей о начале «священной войны» в Аче.

В самом деле, эта версия подчеркивает, что единственной надеждой народа Аче оставались уламы, которых народ просил о руководстве. Рассказ очень напоминает распространенные у народов всего мира «варяжские циклы». Он направлен не только против улубалангов, в которых изверился народ, но и против партизанских вождей, которые без руководства улам вели войну не «по-божьи», войну обычную, а не «священную» и которые сами погрязли в мирских заботах, а потому не могли руководить народом. Не случайно в рассказе не говорится о нарастании борьбы летом 1881 г. Уламам приписываются все заслуги в подъеме движения: только после того как Мохаммад Саман прибыл в Гунунг Бирам, сообщает далее Исмаил Якуб, начался новый этап борьбы с колонизаторами.

Как нам представляется, в основе версии лежат какие-то действительно имевшие место факты. Вполне возможно, что отряды, действовавшие в окрестностях Селимуна, обратились за поддержкой к уламам Тиро, а последние воспользовались этим обращением, чтобы стать во главе движения, придав посланию из Гунунг Бирам характер всеачехского призыва. В этой мысли утверждается то обстоятельство, что именно вокруг Селимуна действовали отряды, находящиеся под руководством духовенства. Прюйс ван дер Хувен в своих воспоминаниях пишет, что 14 марта 1881 г., т. е. задолго до появления в Великом Аче уламы из Тиро, партизаны Селимуна направили владетелям Мерасы послание, в котором обвиняли их в отступничестве от ислама, в служении кафирам и грозили «священной войной» [127, 41]. Это сообщение интересно не только как свидетельство в пользу возможности обращения селимунцев к уламам из Тиро, но и как доказательство того, что появление идеи пранг сабил («священной войны») нельзя связывать только с личностями Самана и его дяди. Приход улам к руковод-

---

[5] К сожалению, ни Якуб, ни другие индонезийские авторы, пишущие об Ачехской войне, почти никогда не делают ссылок на источники.

ству движением в конце 1881— начале 1882 г. не был случайностью. Вне зависимости от того, верить или не верить рассказу о призвании Мохаммада Самана в качестве руководителя «священной войны», ачехское духовенство в начале 1882 г. стало общепризнанным руководителем антиколониального движения, причем от появления Мохаммада Самана в Гунунг Бирам до превращения его в подлинного вождя прошли буквально считанные дни. Чем же объясняется столь быстрое выдвижение улам в начале 80-х годов?

Уламы принимали активное участие в войне с самого ее начала, но держались на втором плане, так как борьба шла под руководством традиционных (адатных) вождей. Вместе с тем авторитет духовенства за годы войны вырос необычайно. Это произошло как по причине вызванного войной усиления религиозных настроений в массах, так и вследствие проповедей духовенства, призывавшего народ на борьбу с «неверными», т. е. вследствие совпадения действий народа и духовенства. Уламы деятельно участвовали в боях с захватчиками, приводили своих учеников и последователей: уламы из Тиро, например, играли заметную роль в обороне саги XXVI во время походов ван дер Хейдена. Учащиеся религиозных школ, обычно создаваемых видными уламами, были в первых рядах бойцов. Как пишет Снук Хюргронье, еще во время первых голландских экспедиций «во многих случаях учащиеся этих школ, практически безоружные, шли на голландские штыки» [142, т. I, 166]. И впоследствии в Аче не было недостатка в шахидах (борцах за веру), искавших мученической смерти в бою с врагом. Они иногда образовывали отдельные отряды, которыми руководили уламы, многие из них сражались под знаменами таких вождей, как Имам Лонгбатский, известный своей непримиримостью по отношению к захватчикам [142, т. I, 173].

Авторитет улам возрастал по мере того, как падало влияние их соперников — светских вождей. Стремясь использовать возможности, которые предоставляла война для оттеснения улубалангов, духовенство призывало к пранг сабил. Адатные вожди, понимая, что это приведет к уменьшению их доходов, увеличению влияния духовенства и подчинению шариатским нормам, упорно противились провозглашению «священной войны». Ставка улам на Хабиба оказалась несостоятельной: араб не хотел создавать теократического государства в Аче, он вполне был бы удовлетворен ролью везира при зависимом от «Компании» султане.

Новые возможности для проведения в жизнь своей программы уламы получили вместе с подъемом борьбы в середине 1881 г. Как говорилось, уже на совещании в Ламси уламы выступили с обличением жадности и своекорыстия светской знати. По мере подъема народной борьбы росли и антифеодальные настроения ачехского крестьянства. Эти настроения были использованы уламами, которые, выступив против улубалангов, приобрели еще бóльшие симпатии народных масс. Быстрому выдвижению уламы были обя-

заны также союзу с верхушкой деревни, которая возглавила партизанскую борьбу после походов ван дер Хейдена. Интересы духовенства, стремящегося занять главенствующее положение в общественной структуре Аче, и деревенской верхушки, также соперничающей с феодалами (не следует забывать, что в верхушку ачехской деревни входила и часть младших отпрысков владетельной знати), в начале 80-х годов совпадали. Султан и его окружение не были в состоянии возглавить новый подъем движения; улубаланги, предавшие борьбу и неспособные к совместным действиям, дискредитировали себя в глазах народа; партизанские вожди, действовавшие порознь, связанные с определенными районами, не могли сплотить воедино разрозненные силы. Это смогли сделать уламы, которые выступили за создание нового типа государственного устройства Аче и сумели привлечь народ лозунгом «священной войны», способствовавшим сплочению народных масс в условиях антиголландского сопротивления.

Секрет быстрого успеха улам, молниеносного выдвижения их в качестве руководителей сопротивления заключался в том, что духовенство выступило выразителем стремления народа продолжать борьбу с поработителями, сплотиться для борьбы с врагом, в том, что оно использовало и верно оценило подъем антиколониальной борьбы. Придя к руководству на гребне этого подъема, уламы дали идеологическое знамя движению, что способствовало дальнейшему его развертыванию. Не нужно забывать, конечно, что духовенство принадлежало к эксплуататорскому классу и ставило перед собой своекорыстную задачу создания теократического государства. Это привело к тяжелым последствиям для народных масс и оказало в более позднее время отрицательное влияние на идеологию и расстановку классовых сил в Аче. Но на этом основании было бы несправедливо зачеркивать ту огромную положительную роль, которую играли уламы в организации борьбы с голландскими колонизаторами — в центральной проблеме истории Аче того периода.

События, связанные с начальным периодом деятельности Мохаммада Самана в Великом Аче, согласно Исмаилу Якубу, развивались следующим образом [253, 67—81].

После решения улам Тиро Мохаммад Саман направился в кампонг Гарот, где заложил принадлежавшие ему земельные участки, подав пример своим единомышленникам, а также вел пропаганду пранг сабил, призывая жителей Пиди присоединиться к нему. В Гароте к Саману примкнули известные в Пиди панглимы-военачальники Панг Асик и Панг Итам, а также улама Теунгку Мохаммад Салех из Лампох Райя.

В самом конце 1881 г. Мохаммад Саман во главе группы из 12 человек направился в Гунунг Бирам. По дороге он произносил проповеди во всех крупных мечетях. Прибыв в Гунунг Бирам, Мохаммад Саман собрал партизанские отряды этого района и создал единое командование. Вслед за этим он установил связи

с влиятельнейшими людьми саги XXII — Теунгку Танахабейским и Панглимой Полимом — и заручился их поддержкой, а также встретился с Теунгку Хаджи Чутом — товарищем по боям под Ламкра, который стал одним из богатейших людей в саги XXII.

Из временного лагеря в горах Саман разослал партизан своего отряда во все концы Великого Аче и Пиди для пропаганды «священной войны» и вербовки приверженцев. Посланцы должны были также достать продовольствие и не возвращаться без головы или руки убитого врага. В начале 1882 г. силы Самана возросли до 300 человек, он создал укрепленный лагерь в кампонге Муру (саги XXII), на долгое время ставший центром ачехского сопротивления. Кампонг Муру был удобно расположен: река Крунг Иноног защищала его с севера, холмистая местность обеспечивала возможность эффективной обороны, а находящийся вблизи горный массив Селавах мог служить превосходным убежищем в случае падения Муру. Ачехцы создали в Муру и его окрестностях целую систему укреплений (бентенгов), оборонявших лагерь Самана. Из Муру шли гонцы во все части Великого Аче, на побережье, в Гайо. Со всех сторон стекались к Саману люди, привлеченные вестью о новом подъеме борьбы с ненавистными захватчиками.

С начала 1882 г. ачехцы под руководством Мохаммада Самана и других вождей движения повели систематическое наступление на голландские позиции в Великом Аче. С января по апрель не прекращались повсеместные нападения на голландские патрули, посты, транспорты. Как и в предыдущем году, ачехские партизаны препятствовали проведению дорожных работ, нападали на резиденции феодалов-предателей [248, 290—291; 51, 137].

Губернатор Прюйс ван дер Хувен отмечал, что с начала 1882 г. в Великом Аче обстановка усложнилась в связи с появлением новых партизанских отрядов, нападения которых учащались с каждым днем [127, 71]. Основные силы ачехцев во главе с Мохаммадом Саманом действовали в районе Селимуна — Индрапури, стремясь выбить врага из постов, расположенных в непосредственной близости от штаб-квартиры патриотов — Муру. Вся территория саги XXII и XXVI была охвачена огнем народной войны. Перешедшие на сторону врага улубаланги оказались не в силах справиться с нарастающим движением, а некоторые из них даже начали заигрывать с Саманом, боясь за свою власть и доходы в случае поражения голландцев. Так, в конце января 1882 г. губернатор наложил штраф на улубалангов Индрапури, которые не оказали сопротивления отрядам Самана при нападении последних на голландский пост [248, 291]. 4 апреля 1882 г. улубаланги на конференции в Кутарадже заявили губернатору, что без помощи голландских войск они не в состоянии «поддерживать мир и спокойствие в своих владениях» [57, 23].

Пытаясь приостановить размах движения и помочь феодалам саги XXII и XXVI, голландское командование в середине апреля 1882 г. направило сильную колонну для захвата Муру. Голланд-

ский отряд натолкнулся на ожесточенное сопротивление и был вынужден отступить с большими потерями [57, 23]. В мае провалом окончилась вторая крупная голландская экспедиция. К этому времени отрядам Самана удалось очистить от врага окрестности Муру. Весной 1882 г. голландцы эвакуировали часть постов и вся южная половина саги XXII — от Селимуна до Индрапури — оказалась в руках ачехцев. В результате Саман стал хозяином обширного района, открылся прямой путь в Пиди, откуда приходили деньги и другая помощь, а главное, успехи патриотов всколыхнули Аче и привлекли на сторону Самана сотни приверженцев. Все попытки колонизаторов выбить Самана из горного района на юге Великого Аче оказались тщетными [127, 74].

Мохаммад Саман объявил, что 1300 год хиджры — 1883 год — будет годом изгнания захватчиков со священной земли Аче. В 1882 г. он планировал вытеснить врага из внутренней части Великого Аче, а в 1883 г. — повести наступление со всех сторон на Кутараджу и Олех-лех и сбросить голландцев в море. До середины 1882 г. Саман не предпринимал наступательных действий (кроме района Индрапури — Селимун), ограничиваясь сооружением бентенгов, прикрывающих доступ к его штаб-квартире в Муру. Одновременно он создавал основы новой военной и политической организации на независимой территории Аче.

Государство саманистов

Султанат фактически прекратил свое существование после походов ван дер Хейдена, хотя формально продолжал сохраняться до 1903 г. Малолетний султан Мохаммад Дауд и семья Полимов после разгрома обосновались на территории Пиди, граничащей с саги XXII. Там, в деревне Кемала, обосновался султанский двор, не имеющий власти, на долгие годы отстранившийся от активного участия в борьбе за независимость. Помимо Кемалы — ачехского султаната в миниатюре — и княжеств побережья, которые также сохранили социально-политическую структуру довоенного типа, в Аче появились два новых государственных образования — саманистское государство и объединение Теуку Умара.

Голландские и индонезийские историки уделяли сравнительно мало внимания анализу тех черт саманистского движения, которые свидетельствовали о создании новой общественно-политической структуры. Современники не вполне разобрались в характере преобразований Самана на отвоеванных у голландцев территориях, для них эту сторону деятельности ачехского уламы совершенно затмили его военные успехи. Поскольку саманистское государство в значительной мере сохраняло старые институты ачехской политической структуры и формально никогда не противопоставляло себя султанату, это также способствовало взгляду на саманистов как на непосредственных преемников руководителей предыдущего периода. К этой точке зрения исследователей (особенно позднейших)

приводило и то обстоятельство, что в руководстве сопротивлением с конца 90-х годов XIX в. значительную роль играли султан и ряд владетельных феодалов, т. е. как бы восстанавливалась исчезнувшая в начале 80-х годов активная роль ачехской знати в движении. Не следует забывать также о сознательном стремлении голландских историков умалить роль народных масс в Ачехской войне, представить феодалов в качестве истинных руководителей народа. Все это явилось причиной того, что голландская историография практически обошла молчанием вопрос о существовании на территории Аче в 80—90-х годах XIX в. политического образования, возникшего в результате подъема народного движения.

Государство Самана возникло в начале 80-х годов XIX в. В середине 80-х годов, после того как голландцы перешли к обороне за «линией концентрации», отгородившей север Великого Аче, оно охватывало бóльшую часть Великого Аче — целиком саги XXII, почти всю территорию саги XXVI и пограничные с саги XXII районы саги XXV. Государство Самана распространяло свое влияние и на прибрежные территории, особенно на княжества Северного и Восточного берега, тогда как Западный берег саманисты контролировали весьма слабо. Южная часть Аче—Гайо и Алас признавали как Самана, так и султана. Таким образом, саманисты распространяли свою власть на самые значительные районы Великого Аче. Центром государства саманистов был вначале кампонг Муру, а затем центром стал отвоеванный у врага Анак Галонг (также в саги XXII).

Созданное Саманом государство было военно-теократическим, во главе этого государства стояло духовенство с его религиозным пониманием целей и задач антиголландского движения. Одним из краеугольных камней, на которых покоилась идеология саманистского государства, был лозунг «священной войны» — джихада, или, по-индонезийски, пранг сабил. Идея джихада появилась одновременно с возникновением самого ислама. Мусульманское правоведение признавало законность религиозной войны в трех случаях: когда она ведется против «неверных», которые не повинуются власти мусульман; когда она направлена против уклоняющихся от джизьи (налога с немусульман) или против восставших на имама (даже мусульман); наконец, когда она ведется против «неверных», первыми начавших военные действия [197, 103—107]. Некоторые мусульманские правоведы причисляли джихад к основным обязанностям мусульманина [187, 108]. К. Маркс, характеризуя эту особенность мусульманской религии, писал: «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный — это „харби", враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными» [3, 167]. Воинствующий характер ислама как религии во многом объясняет фанатизм, свойственный движениям под его

флагом. Фанатизм — и это относится не только к исламским движениям — всегда оправдывал любые действия по отношению к инаковерующим, одновременно сплачивая ряды приверженцев. Особое значение это имело в обществах неразвитого типа, к которым относилось и ачехское. Здесь лозунг «священной войны» и фанатичная ненависть к «неверным» служили средством объединения народа, пробуждали в нем сознание национального единства. В Аче по сравнению со многими другими районами Индонезии существовали благоприятные условия для возбуждения религиозного рвения и борьбы под знаменем защиты ислама. Ачехцы издавна считали себя ревнителями ислама на архипелаге, с чувством превосходства смотря на других индонезийцев, к которым ислам пришел позже. Они поддерживали более тесные связи с Меккой, чем другие жители архипелага. Сословие улам пользовалось в Аче огромным влиянием.

Но было бы неправильным объяснять идеологические формы ачехского сопротивления, исходя лишь из характера и истории народа, его приверженности исламу и ненависти к «неверным». Основным толчком к пробуждению национального сознания в его религиозной форме (а иной формы ачехское общество выдвинуть не могло) явилась война с голландцами, «неверными», которые напали на мусульманскую страну, самыми ненавистными из всех известных в Индонезии «неверных» [142, т. I, 168—170].

«Необходимо напомнить,— писал Снук Хюргронье, предостерегая от упрощенного понимания существа религиозной оболочки ачехского сопротивления,— что ненависть к неверным, как и любое другое чувство, не может служить единственной характеристикой народа» [142, т. I, 175]. Основная причина успеха лозунга «священной войны» и выдвижения с начала 80-х годов на первый план улам заключалась, по мнению Снука Хюргронье, в том, что «борьба с самого начала приняла характер национальной войны» [142, т. I, 173]. В этих условиях ачехское духовенство оказалось тем слоем общества, который наиболее чутко реагировал на настроения масс и использовал эти настроения для внедрения своих идей и лозунгов. Измена знати и неспособность партизанских вождей организовать значительное сопротивление врагу способствовали приходу улам к руководству движением.

Как уже отмечалось, призывы к пранг сабил раздавались в Аче с самого начала вторжения колонизаторов. Но только в 80-е годы, когда старые формы устройства и организации общества обнаружили явную несостоятельность в деле борьбы с врагом (а основная часть населения Аче хотела этой борьбы), когда стали обнаруживаться социальные мотивы в партизанском движении ачехского крестьянства, была провозглашена «священная война». «Характерная для всего мусульманского мира фигура Махди обнаружилась и в Аче», — писал голландский губернатор Прюйс ван дер Хувен [127, 70]. Ачехским Махди стал Мохаммад Саман, возглавивший с конца 1881 г. освободительную борьбу ачехского народа.

Мохаммад Саман и его приверженцы стремились придать освободительной борьбе ачехского народа характер религиозной войны, войны за веру против нечестивцев-кафиров. Все проповеди, все призывы Самана проникнуты одной основной идеей: борьба ведется во имя спасения религии, успехи борьбы зависят от веры и искреннего следования по пути, который Аллах указал своему верному слуге — Саману. В одном из воззваний 1885 г., обращаясь к улубалангам, Саман писал: «В случае если ты внемлешь этому нашему увещеванию (призыву подняться на борьбу с голландцами.— *В. Т.*), то можешь надеяться на милость и благосклонность Аллаха, милость для тебя самого и твоих подданных, которые будут тебе следовать, милость в этом и будущем мире. Но если ты не внемлешь этому нашему увещеванию, то навлечешь на себя великий гнев Аллаха в этом мире и страшный гнев всевышнего в мире будущем, ввергнешь себя в вечный огонь ада, а это — мучительная и великая кара...

Не обманывайся силой неверных, сравнивая их владения, и их оружие, и их солдат с нашей силой, нашими владениями, нашим оружием и мусульманами (речь идет о воинах Самана.— *В. Т.*), ибо никто не может превысить могущество и силу Аллаха великого, и ни от кого не зависит прибыль и убыток, кроме как от Аллаха, и никто не даст победу и поражение, помимо Аллаха, господина вселенной. Для нас нет ни пути, ни спокойствия, ни жизни, ни смерти, ни чести, ни унижения, ни победы, ни поражения без воли на это Аллаха» [344, 173].

«И подал Аллах знамение победы — отступление безбожников. Сколько сильных укреплений взяли мусульмане, сколько оружия неверных захватили! Мужество и храбрость мусульман умножают страх, боязнь и скорбь неверных и отступников. И ясные знамения этого в том, что они окружили себя укреплениями и огородились»— так объяснял Саман в другом воззвании (февраль 1885 г.) победы народа [156, 70].

Характерным является письмо Самана ассистент-резиденту Великого Аче ван Лангену, написанное в 1885 г.: «От нас, Теунгку ди Тиро, обращение к ассистент-резиденту, находящемуся в Кутарадже, на земле Аче.

Ранее, когда мы находились в XXII мукимах, в прошлом году, мы с тобой обменялись мнениями о заключении соглашения, и мы тогда недвусмысленно ответили: как только туан бесар (ван Ланген.— *В. Т.*) примет ислам, мы сможем заключить договор. Тогда мы не получили ответа на наше послание.

Действительно, если ты примешь ислам и будешь следовать пророку, это будет наилучшим. Тем самым ты обретешь в этом мире спасение, которого теперь не имеешь... Ведь самое большое зло, которое вас ждет,— мучения в том мире по воле всемогущего. Но если ты примешь ислам, то мы уверены, что по милости Аллаха ваши жизни, ваша кровь, ваше добро и ваша честь будут спасены. Внемли этому увещеванию — и ты обретешь лучшую долю». Далее

Саман рисовал перед ван Лангеном заманчивую картину рая с гуриями, который ожидает его в случае перехода в ислам [344, 18—19] [6].

Для идеологов саманистского государства борьба за независимость была одновременно борьбой за религию, причем религию в их понимании. И Мохаммад Саман для них был в первую очередь вдохновителем «священной войны», восстановителем попранной кафирами религии — синонима независимости. В шаире, написанном Теунгку Хаджи Мохаммадом из Пантей Кулу в начальный период саманистского движения, религия неотделима от родины:

Возможно ли жить нам в мире?
Кафиры страну захватили.
В руки неверных страна перешла,
Вера погибла, как труп, мертва [253, 78].

Обстановка в Аче не могла породить никакой другой идеологии освободительного движения, кроме религиозной. Этому способствовали и внешние факторы — вторжение христиан-колонизаторов и тесная связь Аче с Меккой, откуда, несомненно, проникали идеи махдизма и северокавказского тариката с их антиколониальной направленностью.

Идеология саманизма основывалась не только на ненависти к «неверным», вторгшимся в страну. Ачехское движение к началу 80-х годов обнаружило социальные мотивы, основным из которых было стремление массы крестьянства к справедливому государству с сильной центральной властью, которая обуздает своевольных улубалангов. Саманизм откликнулся на это стремление, обеспечив себе тем самым массовую поддержку.

Вместе с тем по мере развития саманистского государства идеология саманизма все в большей степени обнаруживала отрицательные черты, заложенные в ней с самого начала. Разделяя мир на «мусульман», как называли себя приверженцы Самана, и «неверных», саманизм проводил водораздел не только между борцами за независимость и голландцами вкупе с их прислужниками, но и между саманистами и ачехцами, по тем или иным обстоятельствам не принимающими участия в борьбе. Так, в глазах Самана кафирами были и ачехцы, которые оказались внутри «линии концентрации», т. е. жили на оккупированной территории, и любые насилия и жестокости в отношении населения таких кампонгов оправдывались [143, т. I, 66]. Малейшее отклонение от морально-этических и правовых норм рассматривалось уламами как тягчайшее религиоз-

---

[6] Голландские власти долго не могли прийти в себя от такого неожиданного предложения, и только в августе 1888 г. министр колоний написал генерал-губернатору: «На небывалое требование, чтобы мы приняли мусульманство, надо ответить Теунгку ди Тиро цитатой из 217-го стиха 2-й суры Корана: „Нет принуждения в религии... Кто не верует в идолопоклонство и верует в Аллаха (в данном случае вообще в единого бога.— *В. Т.*), тот ухватится за надежную опору, для которой нет сокрушения"».

ное преступление, которое может иметь следствием неудачи в деле борьбы с «неверными». Саман резко обрушился на деревенские праздники, петушиные бои, поддержание связей между «мусульманами» и ачехцами, живущими внутри «линии концентрации». Он жестоко преследовал уклоняющихся от пятничной молитвы и вообще тех, кто с прохладцей относился к выполнению религиозных обязанностей. Идеология, освящающая установленный Саманом режим с его мелочной регламентацией и повседневным вмешательством в личную жизнь, не позволяющая совершить даже незначительное отклонение от норм, выработанных духовной верхушкой, теряла свою привлекательность в глазах народа по мере того, как рушились надежды на обещанное Саманом скорое изгнание «неверных» и создание справедливого общественного устройства. Нетерпимость к «неверным» оборачивалась преследованием всех инакомыслящих, отталкиванием значительной части населения от дела борьбы за независимость, оправданием узколобого фанатизма.

Опираясь на общенародный подъем, Саман в трудных условиях смог создать довольно эффективную политическую и военную организацию. Не упраздняя прав имамов и улубалангов на их владения, Саман в то же время поставил над феодалами своих сподвижников — улам, представителей высшей религиозной власти в отведенных им районах. Поскольку в обстановке «священной войны» вся жизнь народа должна была в первую очередь подчиняться нуждам борьбы с «неверными», наместники-уламы имели право полностью распоряжаться в своих округах. Ниже улам-наместников (наставников) стояли предводители партизанских отрядов, как правило выходцы из деревенской верхушки или мелкой знати, также контролирующие определенные территории. Уламы-наставники и партизанские предводители подчинялись непосредственно Саману как своему духовному главе и главнокомандующему.

Финансово-экономическую базу государства составляла созданная Саманом общественная («священная») казна. Понимая, что без значительных средств невозможна организация сильной армии, Саман с первых же дней своей деятельности решил упорядочить систему обложения населения и изыскать средства на ведение войны таким образом, чтобы не зависеть от благоволения улубалангов и реквизиций. В саманистском государстве основным источником пополнения «священной казны» стал хак сабил — та доля закята, которая по закону должна была идти на нужды «священной войны», но в довоенное время обычно присваивалась улубалангами [142, т. I, 180]. Формально хак сабил составлял восьмую часть общей суммы закята, но фактические поступления в общественную казну были, видимо, более значительными. Другим источником пополнения «священной казны» был установленный Саманом налог, взимаемый с тех, кто не принимал личного участия в «священной войне». Улама-наставник собирал средства на «священную войну» в своей округе и передавал их в центральную

казну или по разрешению Самана содержал на собранные средства отряды «мусульман» [143, т. I, 65]. За счет закята, сбор которого в саманистском государстве был упорядочен, содержалась и администрация — те самые уламы, которые, согласно обычаю, имели право на часть этого налога. Такая налоговая система наиболее эффективно действовала в Великом Аче, но средства в казну Самана поступали и с побережья (Северного и Восточного), где действовали эмиссары Самана [142, т. I, 180]. «Священная казна» пополнялась также за счет военной добычи и торговли, которую удавалось вести на побережье вопреки распоряжениям голландских властей. В годы подъема государства Самана «священный налог» платили даже жители оккупированных голландцами территорий.

Создание централизованного фонда, которым Саман бесконтрольно распоряжался, давало ему возможности для укрепления своей власти и усиления военно-теократического государства. Упорядочение налоговой системы и организация центральной казны имели помимо их значения для военной организации и увеличения власти улам глубокий социальный смысл. К неудовольствию адатных вождей, из их рук ускользнули значительные источники доходов. Прекратились реквизиции и поборы, производимые партизанскими вожаками, многие из которых стремились выкроить себе владение и превратиться в улубалангов. Своевластие феодалов было ограничено религиозной элитой, выступавшей от имени центральной власти. Несомненно, что все это расширяло социальную базу саманизма, несмотря на ограниченность и половинчатость мероприятий, направленных против адатной знати.

Возникшее в ходе войны государство Самана являлось государством, в котором основной функцией была организация сопротивления захватчикам. Поэтому военная организация саманистов пронизывала всю структуру общества, оказывала на нее решающее влияние. Старые, традиционные черты соединялись здесь с теми, которые появились в ходе самой войны.

Саман отказался от системы феодальных ополчений, обнаруживших свою несостоятельность во время походов ван дер Хейдена. Ведь даже армия Хабиба — самое серьезное воинское формирование, созданное в 70-е годы,— была фактически механическим объединением феодальных ополчений. Последние не устраивали Самана как низкими военными качествами, так и тем, что были связаны с улубалангами, от которых новое руководство не желало зависеть. Армия Самана имела в качестве своих предшественников два типа воинских формирований, появившихся на первых этапах Ачехской войны. Одним из них были отряды шахидов — мучеников за веру, формируемые обычно из учащихся духовных школ, возглавляемых своими духовными наставниками. Эти отряды сыграли значительную роль в обороне Далама, в борьбе с наступлением Пела и в других операциях 1874—1877 гг. Отряды шахидов формировались и в княжествах: например, Мохаммад Саман до своего

паломничества в Мекку сражался под кампонгом Ламкра в таком отряде, пришедшем из Пиди в Великий Аче. Другой формой военной организации, появившейся после захвата Далама, стали партизанские отряды, группировавшиеся вокруг удачливых и популярных вожаков, таких, как Теуку Умар, Нья Хасан, Теуку Ламнгский, Имам Лонгбатский.

Ядро армии Самана, которая насчитывала до 6 тыс. человек [344, 8], составляли шахиды и воины, прошедшие суровую школу в партизанских отрядах. Часть их действовала под непосредственным руководством Самана, его сыновей и ближайших помощников, часть же оставалась под началом своих старых партизанских лидеров, которые, однако, теперь подчинялись верховному руководству Самана. Последний установил в армии довольно строгую дисциплину и прекратил самовольные реквизиции [142, т. I, 180]. Армия существовала за счет центральной казны, ее воины получали оружие, амуницию, продовольствие и жалованье из суммы «священного налога». Тем самым Саман ослабил зависимость партизанских отрядов от определенной местности, получил возможность перебрасывать их из одной области в другую, сосредоточивая в том или ином пункте значительные силы. Регулярная армия базировалась на широком вооруженном резерве, которым было боеспособное мужское население ачехских кампонгов. По мере необходимости регулярная армия пополнялась за счет этого резерва, который также составлял отряды самообороны и поддержания порядка на территории саманистского государства. Пополнение приходило в Великий Аче даже с побережья: так, в августе 1883 г. к Саману присоединились 500, а в июле 1884 г.— 250 человек с Северного берега [248, 47].

Хотя в массе саманистская армия была вооружена традиционным ачехским оружием, по мере развертывания борьбы с захватчиками саманисты получали в руки и современное оружие. Один из ближайших сподвижников Самана, Лемпо Саронг, специально занимался добычей голландского оружия, организовав с этой целью особый отряд, который нападал на голландские патрули и одиночных солдат. За каждую винтовку, принесенную в лагерь, Саман распорядился выплачивать 300 рингитов, а людей, неоднократно доставлявших оружие, производить в панглимы [253, 92]. Немалую помощь Саману оказали дезертиры, которые, как правило, перебегали с оружием и служили инструкторами в ачехской армии. Благодаря дезертирам ачехцы знакомились с голландской тактикой, овладевали оружием [143, т. I, 66]. Дезертиры помогли даже создать артиллерию, которая с успехом действовала в сражении под Кута Похамой в 1889 г. Огнестрельное оружие попадало в государство Самана также из Пинанга и Сингапура через княжества побережья. Однако этот источник снабжения был ненадежен, так как с середины 80-х годов голландские власти установили строгую морскую блокаду. Саманисты создали оружейные мастерские, где ковалось холодное оружие, ремонтировались мушкеты и

винтовки, отливались пушки. Но организовать оружейное производство достаточного масштаба ачехцы не смогли, и недостаток оружия давал себя знать на всем протяжении войны.

Военно-административными центрами саманистского государства были укрепления — кута. Первоначально кута строились как военные укрепления, откуда саманисты совершали нападения на голландские форты. Именно такую роль играли первые кута — Муру, Те и Мерах, построенные для борьбы с голландскими укреплениями в Анак Галонге и Самахани. После отхода голландской армии за «линию концентрации» те же функции продолжали выполнять кута, находившиеся в непосредственной близости к вражеским позициям, тогда как укрепления во внутренних областях стали играть роль тыловых баз и административных центров. В кута находились штабы отрядов, сосредоточивались запасы оружия и снаряжения, сюда свозили военную добычу и средства на ведение «священной войны», собранные в близлежащей округе [143, т. I, 65]. В кута Ламсайюн существовал госпиталь, а в Муру собирали сирот, родители которых погибли в борьбе с голландскими захватчиками [253, 91, 106]. В кута обосновались уламы-наставники, которые периодически объезжали свои округа, выступая с проповедями, собирая деньги и рассматривая жалобы [142, т. I, 177].

Строительство кута наряду с сооружением и ремонтом мечетей стало одной из основных обязанностей населения, не занятого военной службой. Руководил сооружением укреплений Панг Ламрех — один из старейших сподвижников Самана.

При своем возникновении саманистское государство опиралось на широкую социальную базу. Бóльшая часть населения Аче — крестьяне-общинники — поддержала Самана и его государство, которое объединяло народ для борьбы с внешним врагом. Едва ли можно представить саманистское государство, как и другие структуры того же типа (например, имамат Шамиля, государство махдистов в Судане), чем-то чужеродным на теле общества, навязанным ему извне реакционной идеологией. Государство саманистов было органически связано с ачехским обществом, явилось порождением этого общества, свидетельством его жизнеспособности, поскольку была выработана новая политическая структура, отвечающая интересам борьбы народа за независимость. Не проповеди улам создали государство Самана — проповеди упали на подготовленную почву, отвечали настроениям и надеждам ачехского крестьянства в целом.

Однако результатами создания новой структуры воспользовалось меньшинство, занявшее привилегированное положение в государстве Самана,— уламы и деревенская верхушка. Саманистское движение носило сложный характер. В нем прослеживаются два течения: стремление широких масс крестьянства создать «справедливое государство» и желание улам и шедшей в союзе с ними деревенской верхушки оттеснить адатную знать и создать

теократическое государство. По мере развития саманистского государства проявлялась и третья социальная тенденция — противоречия между массой крестьянства и правящей верхушкой, пошедшей на сближение с адатной знатью, противоречия, обусловленные крушением надежд крестьянства на освобождение от феодального гнета. Было бы упрощением представлять дело таким образом, будто уламы лишь использовали антиколониальные и антифеодальные настроения крестьянства, чтобы оттеснить от власти своих традиционных соперников — адатных вождей и создать теократическое государство, в котором крестьянство по-прежнему подвергалось бы жестокой эксплуатации. Тесно связанные с крестьянством, уламы сами в значительной мере разделяли его социальные чаяния, и, безусловно, им были свойственны патриотические мотивы поведения.

Когда же саманистское государство было создано, обнаружилось, что уламы и деревенская верхушка удовлетворены существующим положением и не хотят углубления социальной стороны движения. Оттеснив адатную знать, они проявили в дальнейшем стремление пойти на союз с ней, сохранить ее привилегии, значительную часть доходов и власти. Ачехские условия и традиции толкали деревенскую верхушку и тесно с ней связанную невладетельную мелкую знать к превращению при удобных обстоятельствах во владетельных феодалов. Выдвижение этой группы в саманистском государстве на роль военных руководителей предоставляло ей удобные возможности для реализации своих стремлений. Процесс перерождения коснулся и части улам (особенно младшего поколения), сфера интересов которых лежала не столько в идеологической, сколько в военной и административной областях.

По мере развертывания народной борьбы против колонизаторов укреплялась власть Мохаммада Самана. В 1881 г. он был обычным военным панглимой (панглима пранг), т. е. начинал свою деятельность как предводитель партизанских отрядов наравне с Теуку Умаром, Нья Хасаном и другими вождями этого типа. В начальный период своей деятельности в Великом Аче саманисты всячески подчеркивали, что они являются верными слугами султана. Показательно, что Саман по пути из Тиро в Великий Аче встретился с родственником султана Туанку Махмудом, который снабдил его рекомендательным письмом к Панглиме Полиму, а последний, будучи близок к султану, обещал свое содействие уламе [253, 68, 73]. «Священная война», развернувшаяся в Аче в начале 80-х годов, сделала Самана руководителем движения почти во всем Великом Аче и хозяином огромной территории. Во всех этих событиях султан и его двор не принимали никакого участия, рассматривая сложившуюся обстановку главным образом с точки зрения возможности прийти к наиболее выгодному для себя соглашению с голландцами. Видимо, в 1882 г. Саман добился султанской грамоты, по которой получал право верховенства во всем, что касается религиозных дел в Аче [142, т. I, 179]. Не грамота была

источником власти Самана, она лишь подтверждала то положение, которого добился улама из Тиро. Вместе с тем грамота оказала службу Саману и его окружению в качестве законного основания для ограничения светской власти на подвластной им территории и создания своего государства. Поскольку в Аче шла «священная война», под рубрику религиозных дел попадало не только все относящееся к чисто военной сфере, но и отправление правосудия, администрация, финансы и т. д. Мохаммад Саман стал главнокомандующим (панглима пранг бесар) и главой религии, а в качестве такового — и олицетворением высшей административной и судебной власти на контролируемой территории Аче. В 1887 г., после смерти дяди, он получил титул Теунгку Чик ди Тиро, т. е. стал главой улам Тиро — высшим духовным авторитетом всего Аче.

С середины 80-х годов Саман стремился окончательно порвать со всем, что в какой-то мере напоминало о его формальном положении наместника султана по религиозным делам в Великом Аче, и созданное им государство получает теоретическое обоснование как государство военно-теократическое. В одном из своих памфлетов о «священной войне», относящемся, видимо, к этому времени, Саман писал, что ачехский султан по традиции ничего не делает без согласия Теуку Кали Маликуладиля, Теуку Нека, Панглимы Месджид Райя и Имама Лонгбатского, которые в свою очередь зависят от панглим трех саги. Но последние не обладают властью помимо воли кавомов (традиционное обозначение ачехского народа), а сам народ может действовать только в согласии с определением улам, черпающих знание от Аллаха и его пророка [142, т. I, 179—180].

Высказывание Самана представляет программное заявление. Хотя воля кавомов, т. е. народа Аче, ставится выше власти султана, не следует преувеличивать демократизм этого положения. Выразителем интересов народа является духовное сословие, и не просто выразителем, а наставником и руководителем, ибо только оно обладает знанием божьих законов. Как мы видим, подобная трактовка идеи народовластия, хотя и содержит в себе определенную антифеодальную направленность, приводит в конечном счете к уничтожению самой этой идеи, поскольку единственной властью в стране объявляет власть улам. Конечно, заявление, что народ, борющийся с «неверными», является высшей властью в государстве, нельзя рассматривать вне связи с антифеодальными настроениями ачехского крестьянства, особенно заметными в конце 70-х—начале 80-х годов. Но в интерпретации Самана единственными представителями народа Аче являлись уламы, власть и авторитет которых в государстве должны быть непререкаемыми.

В сентябре 1885 г. Мохаммад Саман, обращаясь к населению Аче, писал: «Кому принадлежит теперь эта страна? Единому! Могущественному! Хвала Аллаху единому!» [344, 16]. Здесь вообще нет ни слова о власти народа, Аче объявляется страной Аллаха, и из этого логически вытекает, что власть в государстве должна

принадлежать тем, кто может понять волю и законы Аллаха, т. е. уламам.

Саман не посягал на власть султана в первую очередь по той причине, что посягать было не на что: никакой реальной властью ачехский султан после захвата его столицы голландцами не располагал. Поэтому саманистам существование султана не угрожало. Более того, когда Мохаммад Дауд (точнее, его двор в Кемале) выпустил в августе 1884 г. воззвание, в котором заявлял, что он является единственным законным государем на всей территории Аче, Саман в ответном обращении к народу разъяснил, что в стране нет никого, кто бы сейчас захотел стать государем, а есть лишь военачальники, которые хотят изгнать врага. В пятничных службах и обращениях к воинам он постоянно говорил, что борется не за власть над Аче, а за изгнание врага, ибо именно к этому его побуждают религия и внутреннее убеждение. Но в будущем Аче, освобожденном от власти «неверных», на свободной земле он хочет выполнять все требования шариата, заявлял Саман [253, 102], совершенно недвусмысленно выдвигая идею теократического устройства Аче.

Мохаммад Саман еще при жизни назначил своего старшего сына Мат Амина главнокомандующим, а на смертном одре передал ему и религиозную власть [142, т. I, 185]. Подобные действия были явно направлены к закреплению господства семейства Теунгку ди Тиро в новом государстве и, по мысли Самана, должны были укрепить новую политическую систему.

Мохаммад Саман, выходец из привилегированного слоя ачехских богословов, не был крестьянским вождем, хотя в своей деятельности опирался на чувства и стремления крестьянских масс. Добившись руководящего положения в государстве, Саман и его окружение сменили тактику в отношении улубалангов. Те владетели, которые приняли руководство улам и включились в «священную войну», сохранили свои владения и возможность эксплуатировать крестьянство. Большинство улубалангов Великого Аче пошло на признание власти Самана, и первоначальное недоверие уступило место сотрудничеству. «Власть действовала через улубалангов»,—пишет индонезийский историк [153, 91]. Панглимы и уламы лишь контролировали улубалангов, не позволяя последним вопиющие бесчинства и ограничивая их власть. Сам Саман, совершая поездки по деревням, демонстративно направлялся сначала в дом имама или улубаланга и только затем выходил к народу [253, 80].

Постепенно в саманистском государстве часть адатной знати проникла в руководство, и в последний период существования этого государства клан Полимов, например, имел в нем значительное влияние. Укрепляя свои позиции, растерянные в первое время после образования государства Самана, адатная знать объединялась вокруг султана, который тем самым получал возможность играть какую-то политическую роль. И хотя до разгрома саманистского государства султан так и не смог занять сколько-нибудь заметно-

го места в движении, консолидация вокруг него адатной знати Аче (а не только султанской партии, как в предшествующий период), боровшейся с уламами за власть, позволила султанскому двору в Кемале сыграть более значительную роль в будущем. В период же существования саманистского государства ачехские феодалы, вынужденные примкнуть к Саману, чтобы не лишиться жизни и имущества, в основу своей политической линии положили стремление к достижению мира с голландцами. Улубаланги и султанский двор рассчитывали, что потерпевшие поражение голландцы окажутся сговорчивее и пойдут на восстановление султаната, в котором будет восстановлен прежний порядок, т. е. господство светской знати. Адатные вожди стремились использовать успехи, достигнутые народом, в узкоклассовых целях, соглашаясь в обмен на восстановление своего положения признать господство колонизаторов.

Голландские власти также склонялись к соглашению с адатной знатью и султаном, чтобы приостановить размах народного сопротивления. На широкое хождение таких планов указывает письмо проживавшего в Мекке Хабиба, который в октябре 1884 г. обратился к голландскому правительству со своим проектом. Хабиб писал: «Для урегулирования ачехской проблемы я хочу предложить следующее:

1. Я глубоко признателен нидерландскому правительству за его заботу обо мне и в ответ предлагаю ему искреннее и дружеское сотрудничество. Если правительство когда-либо обратит свой благосклонный взор на поиски мусульманина, который будет отличаться своими личными качествами и знанием ачехских дел, то он, получив титул раджи или другой благородный титул, повергнет весь Аче к ногам нидерландско-индийского правительства.

2. Этого человека должно отличать искреннее отношение к правительству, он должен блюсти его интересы, разделять его взгляды, при всех обстоятельствах соблюдать ему верность.

3. Когда правительство убедится в верности этого человека, оно должно уведомить всех вождей и глав Аче, что они во внутренних вопросах должны следовать распоряжениям этого регента, назначенного правительством.

4. Регент будет действовать в согласии с видными вождями, уламами и другими знатными людьми.

5. Полномочия регента должны быть тщательно определены соответствующими правилами.

6. Должность регента должна считаться высокой честью. В его ведении должны находиться религия, ремесла, сельское хозяйство и другие дела» [344,14—15].

Хабиб, до которого, несомненно, доходили слухи о намерении голландцев начать переговоры с султаном и стремлении ачехской знати использовать выгодные обстоятельства, пытался предложить свои услуги, намекая в письме, что использует свой духовный авторитет для приведения улам к покорности. Но авантюрист, став-

ший изменником, не пользовался никаким влиянием в Аче, и голландское правительство не рискнуло его использовать.

Гораздо бóльшие надежды возлагало оно на адатных вождей, позиции которых в саманистском государстве во второй половине 80-х годов укрепились, и на султанский двор. В августе 1884 г., после того как султан Мохаммад Дауд заявил, что он является единственным законным государем в Аче, начались переговоры Кемалы с голландцами. Посредниками стали феодалы центральной области Великого Аче, подчинившиеся колонизаторам. Вплоть до начала 1889 г. они совершали постоянные поездки в Кемалу, привозили султану и его окружению деньги и подарки, получая взамен грамоты-саракаты, утверждающие их во владениях. В Кемалу ездили и улубаланги, чьи владения находились на территории государства Самана. На Самана оказывался постоянный нажим с целью заставить его пойти на переговоры с врагом. Султан посылал своих людей, чтобы убедить Самана, которого он называл своим везиром, вступить в переговоры с голландским губернатором [253, 127]. Саман наотрез отказался от переговоров, не желая предавать дело освободительной борьбы и прекрасно понимая, что мир с врагом усилит позиции адатной знати и султанской клики. Вместе с тем он не препятствовал поездкам феодалов в Кемалу и даже пропускал через свою территорию вождей-изменников [142, т. I, 182]. Несомненно, это свидетельствует о том, что Саману приходилось считаться с настроениями адатной знати и он не хотел с ней порывать, боясь углубить антифеодальные тенденции движения, главную социальную цель которого он видел в упрочении господства улам.

Еще бóльшую внутреннюю опасность для саманистского государства представляло перерождение его верхушки во владетельных феодалов. Панглимы и уламы-наместники, особенно в отдаленных от центра государства районах, превращались в людей, заботящихся не столько об интересах «священной войны», сколько о материальном благополучии и укреплении личной власти. Они восстанавливали против себя население, облагая его тяжелыми поборами, чиня всевозможные бесчинства и насилия [142, т. I, 188]. Панглимы и уламы-наместники часто неохотно передавали собранные ими средства в центральную казну, стремясь полновластно распоряжаться «священным налогом» в своей округе. При жизни Самана, сильного, волевого человека, аскета в личной жизни, не склонного потакать слабостям своих ближних, центробежные тенденции в государстве проявлялись сравнительно слабо. Этому способствовали также военные успехи, которые сопутствовали саманистам до 1890 г. После смерти Самана центробежные тенденции резко усилились.

Перерождение коснулось в первую очередь семьи самого основателя государства. Еще при жизни Самана его старший сын Мат (Мохаммад) Амин вел жизнь не уламы, а улубаланга. Будучи в последние годы жизни отца главнокомандующим, Мат Амин гра-

бил население кампонгов, собирал деньги в свою пользу, отнял жену у одного из своих соратников. Саман даже был вынужден на некоторое время отдалить от себя сына. После смерти Самана, последовавшей в январе 1891 г.[7], Мат Амин стал Теунгку Чик ди Тиро, хотя ни благочестием, ни глубоким знанием богословия не отличался. Снук Хюргронье писал: «Даже ачехцы считают Мат Амина гордым, высокомерным и упрямым человеком, и, когда он после смерти отца дал волю своим дурным страстям, многие приверженцы его отца отошли от него» [142, т. I, 185]. Второй сын Самана, Теунгку Беб, или Теунгку Букитский, после смерти отца начал борьбу с семьей Нанта за VI мукимов, стремясь обосноваться здесь в качестве улубаланга.

В государстве Самана по мере затягивания войны все острее чувствовалось недовольство широких масс населения засильем улам. Религиозная ограниченность Самана, жестокость в отношении «покорившихся кафирам», огромные налоги на содержание армии и улам, принудительные работы по сооружению кута и мечетей, насильственное введение чуждых основной массе населения шариатских норм, которым не слишком строго следовала верхушка, — все это возбуждало ропот и возмущение народа. Пока отрицательные стороны деятельности улам уравновешивались надеждами на скорую победу над врагом, оппозиционные настроения не выливались в открытую критику и отход от Самана. Когда же вместо окончания войны в 1300 г. хиджры, обещанного Саманом, ачехское крестьянство, несшее на своих плечах всю тяжесть освободительной борьбы, увидело, что в «справедливом государстве» сохраняются власть и привилегии улубалангов и, более того, окружение Самана само превращается в новую знать, недовольство действиями Самана и его преемников привело к серьезному ослаблению саманистского государства. Недовольство нашло свое отражение, например, в поэме сказителя Докарима, который в конце 80-х — начале 90-х годов едко критиковал улам за трусость, своекорыстие и аморальное поведение [143, т. I, 112—113]. Определенным отражением этого недовольства явились разногласия в среде самих улам — сподвижников Мохаммада Самана. Конечно, разногласия в значительной мере объяснялись борьбой за власть в государстве, но и на их характере, вероятно, сказалось существование оппозиционных настроений в среде ачехского крестьянства. Остановимся поэтому подробнее на взглядах улам — соперников Теунгку ди Тиро.

Одним из наиболее видных улам, принимавших участие в Ачехской войне, был Хабиб Самалангский. Он был сейидом родом из Самаланги и прибыл в Великий Аче в 80-х годах, чтобы принять участие в джихаде. При жизни Самана он был уламой-наместником саги XXVI, а после прихода к власти Мат Амина претендовал на

[7] Он умер в возрасте 55 лет. Видимо, его отравили голландские шпионы, хотя ходили слухи о причастности к отравлению Мат Амина.

место Самана в качестве духовного руководителя «мусульман» [142, т. I, 182—183]. Хабиб Самалангский не отличался большой ученостью и в этом отношении не мог соперничать с Теунгку ди Тиро. Поскольку от сейида в Аче не требовалось обязательно быть уламой, чтобы претендовать на особое положение в духовном сословии, энергичный и честолюбивый Хабиб Самалангский быстро выдвинулся в число руководителей саманистов. Популярности сейида из Самаланги способствовала его приверженность к учению суматранских мистиков. В народе он почитался как аскет и святой человек, ибо часто уединялся от мира в пещере близ истоков р. Крунг Дарой.

Основное расхождение между Хабибом Самалангским и Мохаммадом Саманом заключалось в отношении к ачехцам, которые жили внутри «линии концентрации» или ездили туда торговать. Саман рассматривал оккупированную голландцами территорию как дар ул-харб, т. е. «страну врага», а живущих на ней или поддерживающих с ней связи ачехцев — как людей «немногим лучше неверных». В противоположность этой точке зрения Хабиб Самалангский считал, что хотя подчинение и связь с врагом — грех, но грех небольшой, во всяком случае не такой, который ставит нарушителя вне закона, и полагал, что вполне достаточным наказанием является покаяние грешника и отправление его на несколько дней в пещеру для обдумывания своего проступка [142, т. I, 182]. За внешне богословским спором таились вполне реальные противоречия. Позиция Самана затрагивала в первую очередь интересы крестьян пограничных с «линией концентрации» селений, которые имели родственников на голландской территории или ходили туда торговать. В условиях блокады, нарушившей торговые связи, это часто был единственный путь получения таких жизненно необходимых вещей, как, например, соль. Позиция Самана оправдывала грабежи и убийства, чинимые его панглимами в отношении этих людей, а также разорение ачехских кампонгов при набегах на «линию концентрации». Хабиб Самалангский выступал как защитник прежде всего крестьянского населения этих кампонгов, ибо, как известно, с 1884 г. Саман не чинил препятствий свободному передвижению феодалов из-за «линии концентрации» в Кемалу и обратно.

Еще резче критиковал действия Самана другой его оппонент — Теунгку Кутакарангский. Шейх Абас, прозванный Теунгку Кутакарангским, был яркой и своеобразной личностью и принадлежал к числу наиболее образованных людей в Аче. Он обладал огромными познаниями в области мусульманской доктрины, но не чуждался и знакомства с европейскими науками. Как и многие другие ачехские уламы, Теунгку Кутакарангский разделял взгляды суматранских мистиков XVII в. и пропагандировал знания, имевшие мало общего с мусульманским богословием. Так, он перевел и распространил еще до войны арабский трактат «Тадж ул-мульк», посвященный оккультным наукам, но содержащий вместе с тем по

лезные сведения об определении времени и о медицине [142, т. I, 182]. Теунгку Кутакарангскому была свойственна парадоксальность суждений и любовь к оспариванию установившихся мнений. Эти свойства ума и характера часто приводили Теунгку Кутакарангского к расхождению с сильными мира сего, а искренний патриотизм и сострадание к простому народу привлекали к нему симпатии широких слоев населения, взгляды которых отражались в сочинениях и высказываниях Теунгку Кутакарангского. Еще до войны он вступил в резкий конфликт с султанским двором и был вынужден покинуть столицу Аче, где находился в течение некоторого времени в качестве судьи. Нам неизвестны причины, по которым Теунгку Кутакарангский удалился в изгнание. Можно лишь догадываться, что «его странные решения по некоторым судебным делам» не устраивали светское и духовное окружение султана, и в первую очередь всесильного тогда Хабиба Абдуррахман ал-Захира.

Когда началась «священная война», Теунгку Кутакарангский стал одним из ее вдохновителей, заняв пост советника Мохаммада Самана и уламы-наместника IX мукимов. Критиковать «власть предержащих» он не перестал и в эти годы. Понимая, как необходимо единство в борьбе, Теунгку Кутакарангский публично выказывал глубокое уважение и даже преклонение перед Саманом, однако в кругу друзей критиковал его поведение и осуждал многие его решения. Дело заключалось, видимо, не только и не столько в любви к противоречиям, как считал Снук Хюргронье [142, т. I, 183]. Высказывания Теунгку Кутакарангского отражали недовольство народа политикой Самана и порядками в государстве. Взгляды Теунгку Кутакарангского нашли наиболее полное выражение в его сочинении «Тадкират ар-ракидин» («Увещевание бездействующим»), представлявшем серию религиозно-политических памфлетов, составленных в различное время (до и после смерти Самана) в 80—90-х годах XIX в.[8]. «Увещевание бездействующим» было написано на простом языке, доступном пониманию даже незнакомого с премудростями мусульманского богословия ачехца.

Недостатка в парадоксальных и расходящихся с традиционными суждениях не было и в этом сочинении Теунгку Кутакарангского. Например, Теунгку ди Тиро учил, что запрещение шариатом носить золотые украшения и шелковые одежды относится к борцам за веру даже в большей степени, чем к улубалангам, ибо нарушение шариатских установлений может привести «мусульман» к неудачам в джихаде. Теунгку Кутакарангский, напротив, полагал, что данное правило не относится к воинам Аллаха и даже настаивал на ношении шелка и золота, с тем чтобы голландцы, обнаружив трупы «мусульман», пугались богатства и мощи ачехцев. Подобный же характер носило его внимание к малопочитае-

[8] Содержание «Увещевания» излагается по: [142, т. I, 183—184, 186—187, т. II, 118—119; 143, 98—103].

мому Теунгку Лампенейюнскому («перечному святому»), чья могила находилась в IX мукимах. Теунгку Кутакарангский пропагандировал этого святого, которому народная молва приписывала внедрение в Аче культуры перца, поселился около его могилы и объявил себя его слугой.

Однако не эти и подобные им высказывания составляли основное содержание сочинения. Главной задачей Теунгку Кутакарангский считал объединение всех сил для борьбы с голландцами — «выродками и подонками, чьей целью является разрушение стран, находящихся под их властью, бесчеловечно бесчинствующими в Аче». Говоря об объединении патриотических сил Аче, он почти не упоминал о султане. Лишь в одном месте своего сочинения Теунгку Кутакарангский коснулся имени султана: использовав традиционный образ брака султана со своей страной, он заявил, что невесте не нужен жених, который не шевелит и пальцем для того, чтобы спасти ее от иноземца. Обрушивался он и на улубалангов, которые поступают своевольно и не советуются с уламами. Он обвинял их в том, что они заботятся только о своих личных интересах, ссорятся из-за «блошиных вопросов» и не замечают слона, который угрожает раздавить их. Резкой критике подвергал он и уламское руководство движением, считая его ответственным за недостатки организации и падение энтузиазма в народе. «Некоторые из них,— восклицал Теунгку Кутакарангский,— сидят на своих молитвенных ковриках или проводят время в аскетических упражнениях, вместо того чтобы заниматься делом! Другие занимаются восстановлением мечетей вдали от мест, где идет война, и устраивают кандури (праздники, сопровождавшиеся обычно проповедями.— *В. Т.*), тратя деньги, предназначенные для войны, на неподобающие цели».

В «Увещевании бездействующим» заметна тревога за настроения в деревне, причем основные упреки Теунгку Кутакарангского направлены в адрес деревенской верхушки, которую он обвинял в том, «что для многих заразительным примером является бездействие улубалангов; и они уклоняются от своих обязанностей по джихаду на том основании, что священная война — обязанность не отдельных лиц, а всей мусульманской общины в целом». Автор «Увещевания» обвинял деревенских старост и панглим-военачальников в том, что они не передают денежных взносов на «священную войну» и позволяют «неверным», заинтересованным в спокойствии вокруг их линии укреплений, подкупить себя.

Теунгку Кутакарангский предлагал сплотить силы народа, не надеяться на своекорыстных улубалангов, осуществить реорганизацию финансов и управления. Он предлагал упорядочить сбор «священного налога», учредить казначейство вблизи театра военных действий, чтобы иметь необходимые средства под рукой. Считая второстепенным и ненужным в военных условиях строительство мечетей, он считал более целесообразным затратить идущие на это средства для сооружения укреплений и создания флота, чтобы

бороться с врагом и на море. Уламы, по его мнению, должны приблизиться к народу и с этой целью вести пятничную службу не на арабском языке, непонятном большинству населения, а на родном ачехском.

Теунгку Кутакарангский подверг резкой критике действия Самана в отношении населения, живущего на оккупированной территории. Он не считал торговлю с этой территорией пособничеством «неверным». «Связи с людьми, живущими внутри „линии“,—писал он,—источник дохода для многих. Более того, это дает возможность возбуждать недовольство среди ачехцев и других мусульман внутри „линии“; можно, прикрываясь мирными целями, наносить удары по врагу, а затем безопасно возвращаться». Энергичный улама не только советовал, но и действовал. По его инициативе ачехцы, проникавшие за «линию концентрации», осуществляли диверсии на железной дороге. Докарим рассказывает, что ачехцы закладывали под рельсы ручные гранаты, а затем обстреливали остановившийся или сошедший с рельсов поезд. Обычно диверсии проводились по пятницам, ибо уламы считали ущерб, причиненный врагу в этот день, особенно угодным Аллаху. Теунгку Кутакарангский осуждал также излишнюю, по его мнению, суровость Самана по отношению к соратникам по «священной войне». Ссылаясь на традицию и исторические примеры, Теунгку Кутакарангский учил, что многие отступления от шариата можно простить за участие в таком святом деле, каким является борьба с ненавистным врагом.

Саманистское государство просуществовало примерно 15 лет. Его падение было облегчено целым рядом внутренних противоречий. Так, узкие рамки военно-теократического государства не давали возможности полному раскрытию творческих сил народа, поднявшегося на борьбу. Духовенство и деревенская верхушка старались не допустить перерастания борьбы в антифеодальное движение. Уравнительные идеи крестьянства, его надежды на «справедливое государство» были использованы лишь в той мере, в которой они способствовали упрочению военно-теократического режима. Общенациональный подъем был использован духовенством и деревенской верхушкой для ограничения и оттеснения адатной знати прежде всего в своих целях. В конечном счете саманистское толкование оборачивалось равенством людей перед богом, надеждами на вознаграждение в загробном мире. Естественно, что ачехское крестьянство начало разочаровываться в устройстве, которое не принесло ему социального освобождения, а наложило дополнительные (и очень тяжелые) тяготы и запреты.

Однако было бы неверным на этом основании отрицать ту огромную роль, которую сыграло саманистское государство в консолидации сил народа, пробуждении национального самосознания (пусть в религиозной форме), в организации отпора врагу. Особенно ярко это проявилось в период ачехского наступления 1882—1883 гг.

Ачехское наступление 1882—1883 гг. и его результаты

Создав свое государство и укрепившись в южной части Великого Аче, саманисты развернули с лета 1882 г. широкое наступление на голландские позиции. Имам Ламарский, Панг Налан, Лемпо Саронг и другие сподвижники Самана сражались в саги XXII, стремясь выбить голландцев из последнего крупного укрепления на юге саги — Анак Галонга. Старые партизанские вожди — Нья Хасан и Нья Бинтан, действовавшие в саги XXVI, объединили с саманистами свои силы, а с запада, со стороны IV и VI мукимов, на врага наступал Теуку Умар, сумевший поднять на борьбу с врагом население этих, казалось, давно уже «замиренных» районов.

Ачехцы фактически перерезали линии коммуникаций, ведущие к отдаленным постам [127, 73]; они не только нападали на голландские укрепления в покоренных еще при ван Свитене и Пеле районах, но совершали смелые диверсии даже в Кутарадже и Олех-лех. Так, в ночь с 18 на 19 мая 1882 г. отряд ачехцев напал на голландскую стражу на базаре в Кутарадже. В ночь на 25 мая дерзкое нападение повторилось, а 11 июня ачехцы совершили подобную же диверсию в Олех-лех [57, 24].

Все попытки колонизаторов остановить ачехское наступление путем организации походов из Кутараджи в наиболее «беспокойные» районы успеха не принесли. В августе 1882 г. ачехцы разгромили близ Тунгкупа отряд капитана Беде, который, потеряв около 30 человек, был вынужден отступить. Оценивая результаты этого поражения, голландский автор-современник писал: «Отныне речь шла уже не о „грабителях“ и „мародерах“, как они именуются в донесении губернатора, а о борьбе с организованными вражескими отрядами» [51, 240]. Осенью 1882 г. провалом кончились еще несколько голландских походов против отрядов, действующих в саги XXVI [57, 27].

К концу 1882 г. ачехцы под руководством Самана и других вождей антиколониального движения сумели взять инициативу в свои руки. Был создан укрепленный район, ставший базой сопротивления. Территории, покоренные при ван дер Хейдене, опять охватила партизанская борьба.

Новое, еще более мощное наступление на голландские линии укреплений началось 28 декабря 1882 г. В этот день Теуку Умар вторгся в прикрывавшие Кутараджу с юга и юго-запада IV и VI мукимов. Одновременно Нья Хасан напал на голландские укрепления, оборонявшие Кутараджу со стороны саги XXVI. Ачехцы стремились выполнить программу Самана — изгнать врага из Кутараджи и Олех-лех в 1300 г. хиджры.

Ожесточенные бои на подступах к центру голландской системы обороны не затихали в течение нескольких месяцев. В апреле

1883 г. под натиском ачехцев враг оставил важное укрепление — Крунг Рабу [107, т. I, 19]. 3 мая 1883 г. Нья Хасан с небольшим отрядом прошел через Мерасу и напал на Олех-лех. Нападение вызвало панику среди голландцев в Кутарадже и Олех-лех, многие бросались к кораблям, стали срочно перевозить туда свои семьи; Прюйс ван дер Хувен пишет, что он был вынужден несколько дней пробыть в Олех-лех, чтобы успокоить европейское население [127, 75]. Благодаря подоспевшим из Кутараджи подкреплениям голландцам удалось отбить атаку. Тяжело раненный Нья Хасан, по свидетельству Докарима, умер на руках выносивших его с поля боя ачехских воинов [142, т. II, 110].

Гибель Нья Хасана не заставила ачехцев отказаться от намерения захватить центр голландской обороны. В том же мае 1883 г. отряды Теуку Умара вновь атаковали вражеские укрепления в VI мукимах. Лишь ценой огромного напряжения сил голландцам удалось остановить наступление Теуку Умара на Олех-лех. Не прекращались ожесточенные бои и в саги XXII. Здесь они развернулись главным образом вокруг кампонга Анак Галонг, где находился крупнейший в саги XXII голландский форт [248, 315—325].

Голландские колонизаторы оказались в затруднительном положении. К началу 1884 г. они потеряли контроль почти над всеми оккупированными в результате походов ван дер Хейдена районами. Сопротивление населения Аче стало еще более ожесточенным, против врага поднялось все население Великого Аче и вассальных княжеств. Прюйс ван дер Хувен, оценивая обстановку в Аче к концу 1883 г. как неблагоприятную, писал: «...повсюду взрывались мосты, дороги стали небезопасны, на побережье обнаружилось брожение» [127, 75]. Многие подчинившиеся в 1879—1880 гг. феодалы в обстановке подъема народной войны и создания на освобожденной от врага территории нового государства отходили от колонизаторов и оказывали прямую или скрытую помощь Мохаммаду Саману. Разлетелись в прах надежды нидерландских политиков сократить расходы на Ачехскую войну и уменьшить численность голландских войск на Суматре.

Ачехская война поглощала лучшие кадры голландской колониальной армии, которая несла большие потери как в ходе боевых действий, так и вследствие болезней и климатических условий. По сведениям осведомленного голландского публициста, в Аче ежегодно с 1879 по 1882 г. отправлялось около 6 тыс. солдат и офицеров голландской колониальной армии, т. е. экспедиционный корпус ежегодно обновлялся на 50—90% [157, 128], в зависимости от численности войск, находившихся в тот или иной год в Аче. Особенно большие потери голландская армия несла от болезней, возникающих вследствие непривычного климата Аче и антисанитарных условий, в которых жила основная масса солдат, особенно «туземных». По данным «Колониальных отчетов» за соответствующие годы, число больных составляло с 1876 по 1885 г. ежегодно примерно 4 тыс. человек [110, 34].

Тревожным симптомом, говорящим о неблагополучном положении в колониальной армии, явилось начавшееся дезертирство. Первый солдат, перебежавший к ачехцам, по имени Кохен, дезертировал в 1882 г.[9]. В последующие годы число перебежчиков возросло. Только в январе 1883 г., во время нападения Мохаммада Самана на голландские форты в саги XXII, к нему перебежали шесть голландских солдат [248, 291]. Многие солдаты-дезертиры храбро сражались на стороне ачехцев и в немалой степени содействовали организации армии Мохаммада Самана. Прюйс ван дер Хувен видел причину дезертирства в ненациональном составе колониальной армии, так как завербованным в эту армию немцам, французам, бельгийцам, люксембуржцам и славянам были чужды интересы и честь Нидерландов [127, 76]. Современник описываемых событий П. Броосхоофт жестоко высмеял губернатора и прямо заявил, что рост дезертирства был связан с подъемом народной партизанской борьбы [51, 244].

Более серьезную тревогу, чем потери колониальной армии, в Гааге и Батавии вызывали те расходы, которых требовала продолжающаяся в течение десяти лет война. Хотя практически Ачехская война велась за счет эксплуатации индонезийского народа (в первую очередь населения Явы), правящие круги Нидерландов рассматривали деньги, затраченные в Аче, как «непроизводительные расходы голландского народа». Промышленный бум, транспортное строительство, сама эпоха грюндерства, наступившая в Голландии с 70-х годов XIX в.,— все это заставляло нидерландскую буржуазию остро реагировать на «непроизводительные» расходы, связанные с ведением войны в Аче. Обещания же либеральных кабинетов уменьшить эти расходы оставались всего лишь обещаниями. «Наступательное» пятилетие (1876—1880) обошлось в 146 млн. гульденов, «оборонительное» — почти в столько же (137 млн.) [56, 127]. Если в 1876—1877 гг. ежегодные расходы на Ачехскую войну составляли 18 млн. гульденов [56, 119], то в 1883 г. (год наступления ачехцев) они составили 37 млн. гульденов [248, 326]. Результатом был огромный дефицит бюджета Нидерландской Индии — 86 млн. гульденов за 1875—1883 гг. [56, 119].

Вместе с тем в Гааге упорно не желали понять, что причины новых неудач в Аче объясняются не случайным совпадением обстоятельств, не ошибками того или иного администратора и не злонамеренной деятельностью нескольких авантюристов и злодеев. Вожди либералов, боясь оппозиции внутри страны и международного общественного мнения, уверяли всех (в том числе и самих себя), что стоит заменить того или иного чиновника или военного, как дела в Аче сразу же пойдут на лад и сопротивление исчезнет как дурной сон. Трудно найти в истории Нидерландов параллель той беспомощности, растерянности, нежеланию взглянуть фактам

[9] Впоследствии он был взят голландцами в плен и в декабре 1884 г. казнен в Кутарадже.

в лицо, которые характеризовали деятельность голландских правящих кругов в отношении Ачехской войны в 1883—1884 гг. Никто из голландских министров или генерал-губернаторов не рассматривал Ачехскую войну в тот период как войну народную, и официозная голландская пресса продолжала метать громы и молнии в адрес «злодеев и разбойников», препятствующих окончательному «умиротворению». Слишком боязно было расставаться с иллюзиями, сложившимися в конце 70-х годов, иллюзиями, которыми гипнотизировали общественное мнение дома и за рубежом.

Подъем народной борьбы застал правительство Нидерландов и колониальную администрацию врасплох. Поскольку скрывать тяжелое положение в Аче становилось невозможным, пришлось искать козла отпущения. Им стал Прюйс ван дер Хувен, который, желая угодить покровительствовавшему ему генерал-губернатору Ф. Якобу, явно перехватил через край, посылая успокоительные депеши даже в те дни, когда ачехцы прорывались на окраины Кутараджи и Олех-лех. Губернатор Аче, будучи образцовым колониальным бюрократом, следовал инструкциям даже тогда, когда обнаруживалась их полная непригодность, и вся действительность не значила для него ровным счетом ничего, если события развивались не так, как было предусмотрено вышестоящим начальством. При назначении на должность губернатора его заверили, что Аче покорен и подготовлен к гражданскому управлению, и он последовательно отметал все, что противоречило этому тезису. Донесения, которые он слал в Батавию, всегда соответствовали тому, что думало о положении дел в Аче его начальство. Незадолго до своей отставки в марте 1883 г., когда пламенем народной войны был охвачен весь Аче и отряды Мохаммада Самана, Теуку Умара и Нья Хасана атаковали голландские посты по всей территории Великого Аче, Прюйс ван дер Хувен сообщал в Батавию, что положение дел улучшается [266, т. II, 357]. Сдавая дела своему преемнику — П. Ф. Лагинг Тобиасу, Прюйс ван дер Хувен в прощальной речи заявил: «Посредством умелых действий заложены основы господства Нидерландов на Северной Суматре. Вожди и народ во всей султанской области (т. е. в Великом Аче.— *В. Т.*), а также на побережье признают власть Нидерландов. Влияние партии Кемалы сломлено, хотя кое-где еще и наблюдаются отдельные враждебные действия. В целом положение, несомненно, хорошее» [51, 247].

Речь Прюйс ван дер Хувена удивительно напоминала слова, произнесенные девять лет назад генералом ван Свитеном, который, покидая Аче, тоже уверял, что он свою задачу выполнил и война фактически закончена.

Хотя покровитель Прюйс ван дер Хувена генерал-губернатор Ф. Якоб пожертвовал своим протеже, это не спасло его от нападок и в апреле 1884 г. он был вынужден уйти в отставку, не пробыв на своем посту положенного срока. Отставка Якоба была формально связана со скандальной историей о продлении концес-

сии Биллитонской оловянной компании[10], однако было ясно, что назначение нового генерал-губернатора, О. ван Рееса, объяснялось не только этим. Неудовлетворительное финансовое положение колонии, неумение справиться с ачехской проблемой — таковы были основные претензии разочарованного общественного мнения метрополии к колониальной администрации Индонезии. Нападкам оппозиции и прессы в еще большей степени подвергался кабинет министров во главе с лидером правого крыла либералов К. Т. Линден ван Санденбюрхом, в особенности министры колоний. В мае 1882 г. русский посланник Н. А. Столыпин сообщал из Гааги: «Правительство переживает кризис... Возможно, что министр колоний барон де Голтстейн вынужден будет отказаться от своего поста. Причина этому — война в Аче. Она поглощает все доходы министерства колоний и стоила уже 200 млн. флоринов, хотя далеко еще не закончена...» [28, 84].

Дело не ограничилось отставкой ван Голтстейна. За два года (начало 1882 — февраль 1884 г.) на посту министра колоний Нидерландов сменилось шесть человек: ван Голтстейн, де Браув, ван Эрп Таалман Кип, ван Блумен Ваандерс, Вейцель и Спренгер ван Эйк. Недовольство парламента положением дел в Индонезии привело в конечном счете к падению кабинета Линден ван Санденбюрха и замене его в марте 1883 г. либерально-консервативным кабинетом Я. Хеемскерка[11]. Ачехская война и вызванный ею огромный дефицит колониального бюджета Нидерландов непосредственно повлияли на политическую обстановку в Голландии, способствовав консолидации консервативной оппозиции и разброду в рядах правящей либеральной партии.

Голландское правительство и колониальная администрация Индонезии лихорадочно изыскивали меры, которые помогли бы захватчикам удержаться в Аче. В августе 1883 г. в Кутарадже побывал генерал-губернатор Якоб, в марте 1884 г. генерал-губернатор ван Реес, не заезжая в Батавию, по пути из Голландии в Индонезию посетил Аче. Было ясно, что без подкреплений удержать свои позиции голландцы не смогут. Вместе с Лагинг Тобиасом в Кутараджу прибыл пехотный батальон [298, 83], но этого было явно недостаточно. Едва ознакомившись с обстановкой, губернатор потребовал новых подкреплений [266, т. II, 357].

---

[10] Эта компания, тесно связанная с королевской семьей и правым крылом либеральной партии, получила концессию сроком на 40 лет в 1852 г. В 1881 г. правление компании, ссылаясь на закон 1873 г., разрешавший предоставление концессий на 75 лет, обратилось с просьбой продлить срок до 1927 г. Генерал-губернатор Якоб в декабре 1882 г. согласился продлить концессию. Это решение, поддержанное министром колоний, вызвало недовольство прогрессистов — левого крыла либеральной партии. Специально назначенная парламентская комиссия признала действия генерал-губернатора незаконными, и 20 января 1884 г. Якоб подал в отставку.

[11] О перипетиях борьбы парламента и кабинета Линдена ван Сандербюрха см. [28, 137].

Растерянность, неуверенность, неспособность справиться с ачехским наступлением отличали действия колониальных властей в критический для них период 1883—1884 гг. Характерен в этом отношении был визит Якоба в Аче. Ничто на этот раз не напоминало памятную поездку уверенного в себе громовержца ван Лансберге. Разногласия в среде гражданской администрации и военного командования, отсутствие сколько-нибудь серьезных мыслей по поводу положения в Аче — вот что обнаружил генерал-губернатор, который, кстати, и сам ничего своим подчиненным предложить не смог [280, 45].

В результате провала прежней военно-политической линии голландских колонизаторов возник план пойти на крупные уступки местной феодальной знати, лишь бы сломить силы антиколониального движения. Застрельщиком этой политики стал новый губернатор Лагинг Тобиас, который был противником системы гражданского управления и подверг резкой критике эту систему и деятельность своего предшественника в рецензии [104] на книгу Прюйс ван дер Хувена «Мой опыт в Аче». Столкнувшись с крайне тяжелым военным положением в Аче [12], понимая, что в ближайшее время трудно рассчитывать на увеличение численности экспедиционного корпуса, Лагинг Тобиас предложил правительству стать на путь более активного сотрудничества с местной знатью, пообещав ей даже восстановить султанат.

«Партия Кемалы», т. е. султанская партия, по старой привычке продолжала рассматриваться голландскими колониальными политиками как основа сопротивления. Лагинг Тобиас, находясь всецело во власти этих взглядов, полагал, что, как только двор в Кемале покорится, Ачехская война будет окончена, так как феодальные владетели, пошедшие за Мохаммадом Саманом, прекратят сопротивление. Обнадеживающие вести доходили из Кемалы. Туанку Хашим еще в начале 80-х годов предлагал голландцам свои услуги, если опекаемый им Мохаммад Дауд будет признан султаном Аче, находящимся в вассальной зависимости от Нидерландов [266, т. II, 358]. Султанская партия и ряд феодалов Великого Аче, примкнувших к ней в начале 80-х годов, обеспокоенные размахом народной войны, ростом влияния улам, созданием государства Самана, обнаруживали явную склонность к соглашению с колонизаторами. Именно этим и хотел воспользоваться Лагинг Тобиас.

Переговоры с Туанку Хашимом, которого губернатор принимал за вождя сопротивления, развивались успешно [249, 29], и Лагинг Тобиас заручился поддержкой Гааги в отношении своего плана восстановления султаната. Однако в феврале 1884 г. новый министр колоний Спренгер ван Эйк, решив опять сделать упор на чисто военные (на этот раз оборонительные) действия, отказался

[12] Он писал: «Сразу же по прибытии в Аче я понял, что наши позиции здесь почти безнадежны».

от планов губернатора Аче. Лагинг Тобиас немедленно подал в отставку, но она не была принята.

16—17 июля 1884 г. состоялись два закрытых заседания Генеральных штатов, на которых обсуждалось положение в Аче. По предложению правительства была принята «политика концентрации», означавшая фактически отказ от всех захватов вне старого укрепленного района вокруг Кутараджи. Переход к «политике концентрации» означал признание краха так называемого покорения Аче в результате походов ван дер Хейдена и констатацию того, что инициатива находится в руках ачехцев. 19 августа 1884 г. «политика концентрации» была официально введена. Лагинг Тобиас, недовольный переходом к обороне и непринятием его плана, вновь подал в отставку, которая на этот раз была принята (сентябрь 1884 г.), и заменен полковником Деммени, сосредоточившим с конца 1884 г. в своих руках должности гражданского и военного губернатора Аче [319, 216]. Голландцы вернулись к системе военного управления.

Создание «линии концентрации» и наступательные действия ачехцев в Великом Аче в 1884—1893 гг.

С лета 1884 г. под нажимом ачехцев голландские захватчики были вынуждены перейти к обороне, прекратить наступательные действия и отказаться от оккупации почти всей территории Великого Аче. Фактически переход к обороне совершился раньше, еще в 1882 г.; летом же 1884 г., объявив о «политике концентрации», колонизаторы признали поражение во внутренних районах Великого Аче и решили спасти ядро своих позиций — Кутараджу и ее окрестности. «Политика концентрации» предусматривала прекращение всяких активных боевых действий, вывод гарнизонов из удаленных от побережья и устья р. Аче пунктов и создание сплошной линии укреплений, отрезающих небольшой район вокруг Кутараджи и Олех-лех от остальной территории Аче. Фактически это было возвращением к «линии Пела» с той разницей, что новый укрепленный район был меньше по размерам, т. е. голландцы потеряли даже часть территории, которой они овладели еще к 1876 г., а укрепления должны были быть более мощными, с тем чтобы преградить ачехцам всякий доступ внутрь «линии концентрации».

«Линия концентрации» состояла из 18 фортов и наблюдательных постов, окружавших район Кутараджа — Олех-лех. Укрепления делились на четыре группы в зависимости от численности гарнизона. Шесть фортов первой группы имели гарнизоны численностью 150 человек каждый, четыре форта второй группы — по 75 человек, пять постов третьей группы — по 50 человек. На каждом посту находились два 120- или 80-миллиметровых орудия и одна мортира. К четвертой группе относились три наблюдательных по-

ста, которые не имели отдельных гарнизонов, а находились в ведении командира ближайшего форта. Кроме того, две роты находились в Олех-лех, резервная рота — в Ламбару и 12 рот — в Кутараджа [78, 17—19]. Центром укрепленного района оставалась Кутараджа с прикрывавшими ее постами.

Форт на «линии концентрации» представлял четырехугольное укрепление с двумя бастионами на противоположных сторонах, обнесенное палисадом и колючей проволокой. Форты располагались на расстоянии 1—1,5 *км* один от другого в пределах 3—8 *км* от Кутараджи. Все населенные пункты внутри «линии концентрации» связывались хорошими грунтовыми дорогами, а 18 июля 1886 г. состоялось открытие железной дороги, соединившей форты от Ламджаму (на западе) до Ламйонга (на востоке). Три радиальные ветки (Кутараджа — Олех-лех, Кутараджа — Кетапан Дуа, Кутараджа — Ламбару) связывали центр укрепленного района с линией фортов и морским побережьем [78, 87]. Кроме того, все форты и наблюдательные посты были связаны телефоном. В целях предохранения от внезапных нападений вокруг фортов в радиусе 1 *км* вырубалась и выжигалась вся растительность [51, 268].

Сооружение «линии концентрации» началось в конце августа 1884 г. В ноябре того же года была закончена восточная ее часть, в феврале 1885 г. — южная [78, 23]. Полностью «линия концентрации» вступила в строй 11 мая 1885 г., а 15 мая губернатор Деммени опубликовал приказ. Отныне расстрелу на месте подлежали все, кто хранил без разрешения холодное или огнестрельное оружие. Расстрел полагался и за появление на территории укрепленного района без пропуска. Статья шестая нового приказа гласила: «Ачехцы, застигнутые вне своих кампонгов (внутри линии. — *В. Т.*) между 8 вечера и 4 утра, рассматриваются как враги и бандиты и подлежат расстрелу на месте». Специальная статья грозила расстрелом на месте за разрушение мостов, дорог, телеграфных или телефонных линий. Наконец, приказ возрождал принятую при ван дер Хейдене практику коллективного наказания жителей кампонгов. Распоряжение губернатора относилось ко всем ачехцам, без различия пола и возраста [52, 86—88]. Все «неблагонадежные» ачехцы были выселены из соседних с фортами кампонгов. Пройти на территорию, ограниченную «линией концентрации», можно было лишь через специальные пропускные пункты. В случае объявления тревоги передвижение населения на оккупированной территории и допуск внутрь «линии концентрации» немедленно прекращались [51, 268].

Ачехское наступление активно развивалось и в период создания «линии концентрации». Отряды Мохаммада Самана и Теуку Умара наносили серьезные удары по врагу. Саги XXII был почти полностью очищен еще до перехода голландцев к обороне на «линии концентрации». С выводом гарнизонов из отдаленных населенных пунктов саги стал полностью контролироваться Мохаммадом Саманом. Последний с лета 1884 г. перенес центр боевых действий

в саги XXVI, тогда как Теуку Умар действовал на западе Великого Аче — в саги XXV, главным образом в VI и IV мукимах.

Во время отвода голландских войск за «линию концентрации» ачехские патриоты совершили ряд нападений на эвакуируемые подразделения врага. Так, летом 1884 г. Мохаммад Саман атаковал голландский отряд между фортами Ламбару и Чот Гу и совершил серию нападений на голландские укрепления в саги XXVI [253, 101]. В январе 1885 г. голландцы понесли значительные потери при эвакуации поста в Индрапури [78, 25]. Не прекращались в течение всего времени создания «линии концентрации» диверсии в укрепленном районе: ачехцы разрушали строющуюся железную дорогу, закладывали гранаты на дорогах. Потери голландцев за 1885 г. составили около 1700 человек убитыми, умершими от болезней и ранеными [248, 334].

Переход врага к обороне укрепленного района заставил ачехцев изменить тактику. План Мохаммада Самана — изгнать «кафиров» в 1883 г. — не был выполнен, хотя их и удалось оттеснить на север Великого Аче и прижать к морю. В течение некоторого времени после сооружения новой укрепленной линии Саман еще пытался осуществить свой первоначальный план — выбить врага из Кутараджи. С этой целью в течение почти всего 1885 г. он атаковал находившийся в восьми километрах от Кутараджи голландский форт в Ламбару и соседние с ним укрепления, прикрывавшие подступы к Кутарадже. Однако выбить врага из укреплений не удалось, так как голландцы к тому времени закончили «линию концентрации» и обеспечили своевременную переброску подкреплений к угрожаемым участкам обороны по построенным ими дорогам, а кроме того, понимая значение Ламбару как ключевой позиции своей обороны, сосредоточили там дополнительные подразделения сверх обычного гарнизона. Форт, получивший у ачехцев название «Нечестивый Ламбару», остался в руках голландцев. Одновременно с атаками в районе Ламбару ачехцы нападали и на другие форты.

После того как стало ясно, что ачехцы, которые не имели артиллерии и испытывали острую нужду в обычных ружьях, не смогут взломать голландскую оборону вокруг Кутараджи, Мохаммад Саман и Теуку Умар решили сосредоточить основное внимание на княжествах побережья [51, 270]. С декабря 1885 г. атаки крупными силами на голландские форты были прекращены, и вплоть до апреля 1887 г. ачехцы не предпринимали в Великом Аче широких наступательных операций.

Голландский укрепленный район был плотно блокирован. Каждый форт на «линии концентрации» был окружен (с внешней стороны) ачехскими бентенгами, выстроенными по распоряжению Самана. Последний запретил населению, живущему в его государстве, всякую торговлю с районами, находящимися за «линией», чтобы не снабжать врага рисом. Мелкие отряды, просачивающиеся на вражескую территорию, и ачехцы, проживающие внутри

«линии концентрации», постоянно тревожили голландцев внезапными нападениями, главным образом ночными, на патрули, караулы, отдельных солдат. Постоянно происходили взрывы на железной дороге, нарушалась телефонная связь между постами.

С весны 1887 г. Мохаммад Саман и Теуку Умар, укрепив свое влияние в княжествах побережья [13], активизировали действия в Великом Аче. В апреле большой ачехский отряд (около 400 человек) прорвался через «линию концентрации» и до сентября действовал в окрестностях Кутараджи [248, 336]. Осенью 1887 г. Мохаммад Саман атаковал голландские позиции в устьях рек Аче и Гигиён. В январе — феврале 1888 г. Саман возобновил наступательные операции в районе Ламбару [253, 121—122]. Наступление было сорвано, так как в этот момент начались переговоры колонизаторов с султанской партией [248, 338] и Мохаммад Саман был вынужден отвести свои отряды от «линии концентрации», опасаясь враждебных действий со стороны улубалангов саги XXII и Пиди, которые стояли на стороне султана. Лишь после того как патриотическим силам Аче удалось предотвратить намечавшееся в 1888 г. соглашение между султанским двором (и поддерживающими его улубалангами) и голландцами, Саман и Умар смогли вновь развернуть наступательные операции на «линии концентрации».

В июле 1889 г. колонизаторы потерпели крупную неудачу под Кота Похамой. Еще в апреле Мохаммад Саман во главе своих отрядов, вооруженных на этот раз не только винтовками, но даже пушками, захваченными у врага, начал наступление на крайний восточный форт на «линии концентрации» — Кота Похаму. Ачехцы выстроили бентенги вокруг Кота Похамы и начали планомерное вытеснение врага из внешних укреплений форта. Положение голландцев в Кота Похаме стало критическим, защитники форта с трудом отбивали усиливавшийся с каждым днем натиск ачехцев 26 июля Саман захватил последние блокгаузы форта и окончательно загнал вражеский гарнизон в крепость. Вечером того же дня к Кота Похаме подошли голландские подкрепления — колонна майора ван де Санде и военное судно, бросившее якорь в Куала Гигиён. Под выстроенным ачехцами бентенгом произошло сражение между ачехцами и колонной ван де Санде, спешившей на выручку осажденному форту. Полной неожиданностью для голландцев был меткий артиллерийский огонь, который вели ачехцы. По сообщению батавской газеты «Стаатс курант» от 4—5 августа 1889 г., были убиты капитан генштаба ван Гезау, лейтенанты Феерман и Хагеман и 18 солдат [253, 130]. Общие потери колонны ван де Санде превысили 100 человек [248, 341—342].

Поражение захватчиков у Кота Похамы получило международный резонанс. Мировая пресса, особенно английская, оживленно комментировала это событие, выражая сомнение в том, что Гол-

[13] О действиях в княжествах побережья см. следующий раздел настоящей главы.

ландия сможет в ближайшем будущем добиться покорения Аче. Посланник России в Нидерландах П. А. Капнист сообщал 14 августа 1889 г., что поражение под Кота Похамой свидетельствует о том, что, хотя «Ачин признан провинциею нидерландских колоний, на деле же, по крайней мере до сего времени, нидерландская правительственная власть совершенно бессильна в этой части острова» [28, 90—91].

И снова, как и в 1887 г., наметившееся сближение султанской партии с голландскими колонизаторами помешало Саману закрепить успех. Хотя ожесточенные бои на «линии концентрации» не затихали вплоть до 1893 г., ачехцы не смогли повторить свой успех под Кота Похамой. Этому мешала не столько крепость голландской обороны, сколько усилившиеся разногласия в ачехском лагере, ослабление позиций Мохаммада Самана на побережье и в немалой степени усталость ачехского крестьянства, несшего на своих плечах основную тяжесть продолжающейся уже 20 лет войны.

По-прежнему ачехцы совершали смелые диверсии внутри «линии концентрации»: взрывали железнодорожные пути, нарушали связь между постами и Кутараджей, нападали на голландские посты и одиночных солдат; по-прежнему голландская армия в Аче несла большие потери в сражениях с ачехцами. Однако нажим патриотических сил на «линию концентрации» значительно ослаб по сравнению с 80-ми годами.

В январе 1891 г. умер Мохаммад Саман. После этого разногласия между его сыновьями, ставшими во главе государства, основанного их отцом, и другими руководителями движения, включая Теуку Умара, возросли до такой степени, что в 1891—1893 гг. ачехские лидеры были заняты не столько войной с голландскими колонизаторами, сколько борьбой за власть в государстве Самана.

К осени 1893 г. явственно обнаружился отход от движения и стремление к соглашению с колонизаторами значительной части владетельной знати, примкнувшей к Саману. К тому же сыновья Самана, явно не обладая политической прозорливостью и другими талантами отца, сумели рассориться со многими соратниками Самана и, что печальнее всего, с Теуку Умаром. В VI мукимах разгорелась настоящая война между Теуку Умаром, считавшим эту область своим уделом, и Теунгку Бебом — сыном Мохаммада Самана [243, 90].

Тем не менее даже в такой благоприятной для них обстановке голландцы не решались предпринять наступательные операции. Попытка осенью 1893 г., т. е. в разгар борьбы между Теуку Умаром и сыновьями Самана, захватить у последних бентенг Келут кончилась для захватчиков плачевно: панглима Теунгку Лех отбил две атаки голландцев с большими потерями для последних [249, 36]. Однако 30 сентября 1893 г. случилось едва ли не самое драматичное событие Ачехской войны — прославленный Теуку Умар, крупнейший после смерти Самана вождь партии сопротивления, перешел на сторону врага.

Обстановка в Великом Аче резко изменилась. Инициатива перешла к колонизаторам, которые, используя Теуку Умара и других улубалангов, развернули наступление против государства Самана. И хотя прошло несколько лет, прежде чем государство Самана перестало существовать, оно из стороны нападающей превратилось в сторону обороняющуюся.

Антиколониальное движение в княжествах побережья в 1881—1893 гг.

Как уже говорилось в предыдущей главе, борьба на ачехском побережье не затихла даже в то время, когда резко ослаб ее накал в Великом Аче после походов ван дер Хейдена и измены знати. Оживление и последовавший за ним резкий подъем антиколониального движения в Великом Аче немедленно вызвали соответствующий резонанс в княжествах побережья. На протяжении всего третьего этапа Ачехской войны не прекращались антиголландские выступления в княжествах, через которые патриоты Великого Аче по-прежнему получали оружие и деньги. Более того, значение побережья на рассматриваемом в настоящей главе этапе заметно возросло. Это было связано как с общим подъемом движения, так и с более пристальным, чем прежде, вниманием голландских колонизаторов к событиям на побережье.

На расстановку сил и взаимоотношения различных групп на побережье в эти годы решающее влияние оказало создание государства саманистов в Великом Аче. Поскольку на Восточном и Северном берегу еще в предшествующий период духовенство принимало участие в руководстве антиколониальной борьбой, а на Западном берегу руководство стало переходить в руки младших отпрысков владетельных семей и деревенской верхушки (эти группы часто совпадали), то саманисты получили благоприятные возможности для укрепления своего влияния на побережье. Напомним, что в Пиди, одном из крупнейших княжеств Северного берега, находился кампонг Тиро, откуда происходил Мохаммад Саман, ставший к тому же после смерти дяди в 1887 г. Теунгку Чик ди Тиро, т. е. главой улам этой деревни. Именно на Восточном и Северном берегу в наибольшей степени сказалось влияние группы Самана, тогда как Западный берег, ставший одним из наиболее крупных центров антиколониальной борьбы в Аче, находился в сфере влияния Теуку Умара, который, хотя и действовал совместно с саманистами, фактически создал самостоятельное объединение в западной части Аче.

Сложной была позиция князей побережья. За немногими исключениями, в начале этого периода они лишь формально признавали власть колонизаторов; большинство раджей продолжало помогать повстанцам, борющимся в Великом Аче и на побережье. Правда, в отличие от 70-х годов раджи, как правило, сами не

вступали в открытую борьбу с захватчиками, предпочитая держаться в тени. Постепенно позиция раджей менялась. Голландские власти получали возможность более успешно, чем раньше, натравливать раджей друг на друга, заставляя их истощать силы в междоусобицах. Но не только политикой колонизаторов, использовавших для давления на князей побережья морскую блокаду, штрафы, подкупы, усобицы и т. п., и междоусобицами объясняется отход раджей от прямой борьбы с захватчиками. Подъем антиколониальной борьбы в 80—90-х годах, сопровождавшийся ростом антифеодальных настроений и усилением влияния улам и деревенской верхушки, напугал знать побережья и заставил ее пойти на сближение с колонизаторами, хотя этот процесс шел здесь гораздо медленнее, чем в Великом Аче. Отход раджей от народного движения сказался не столько в прямой поддержке ими голландских колонизаторов (такие случаи были сравнительно редки), сколько в оказании помощи султанской партии в Кемале. Предоставляя деньги и оружие Кемале, раджи побережья тем самым уменьшали на «законном» основании помощь саманистам. Как и улубаланги Великого Аче, вынужденные признать государство саманистов, вассальные князья обращали свои взоры к Кемале, стремясь найти в султане противовес саманистам. Помощь раджей сыграла большую роль в возрождении султанской партии в 90-х годах. Со своей стороны эта партия принимала активное участие в междоусобицах в Пиди и Гигиёне, внося еще бóльшую неразбериху в запутанные отношения между княжествами.

Большое влияние на обстановку в княжествах побережья оказывала политика колонизаторов. Определяющим для нее в течение данного периода являлось все большее внимание к побережью, что объяснялось рядом причин. Во-первых, в голландских колониальных кругах чем дальше, тем яснее понимали, что между Великим Аче и побережьем существуют прочные связи и что надежды на незаинтересованность вассальных владений положением дел в Аче совершенно неоправданны. Во-вторых, активизируя свою деятельность на побережье, голландцы стремились привлечь раджей, недовольных действиями саманистов и Теуку Умара, а также удержать и расширить свои опорные пункты в княжествах, опираясь на поддержку или нейтралитет раджей. В-третьих, осуществлять активную политику в княжествах побережья заставляли голландских колонизаторов внешние причины, и прежде всего недовольство Англии нарушением традиционных торговых связей Пинанга и Сингапура с ачехским побережьем.

Перейдем теперь к рассмотрению основных событий на побережье в эти годы. С введением гражданского управления в Телок Семаве и Мелабохе появились голландские ассистент-резиденты. Флот у берегов Аче сократился до четырех единиц [248, 396]. Ассистент-резиденты опирались на гарнизоны, находящиеся в центрах афделингов, а также в некоторых стратегически важных пунктах побережья (Бланг Ни, Сигли). Блокада княжеств была

отменена, так как война в Аче считалась колонизаторами законченной.

Ачехские патриоты использовали прекращение блокады и наладили снабжение Великого Аче оружием, боеприпасами и деньгами [99, 35]. Но подъем освободительного движения повлиял не только на увеличение с конца 1881 г. помощи, поступавшей из княжеств в Великий Аче. Само побережье стало ареной активных действий патриотов.

Особенно широкий размах приобрело движение на Северном берегу. Уже в мае 1881 г. соединенные отряды Нья Хасана и Теунгку Чик ди Тиро Даях Чута напали на голландскую крепость в Самаланге [99, 35]. Во внутренних районах княжества Пасанган улама Теунгку Авехгехахский собрал своих приверженцев и объявил о походе на Телок Семаве [127, 78]. По-видимому, Теунгку Авехгехахский был связан с Мохаммадом Саманом, на что указывают совпадение во времени его действий с началом наступления Самана в Великом Аче и название его приверженцев («оранг муслимин»).

Создание государства саманистов привело к еще большему размаху антиголландской борьбы на побережье. Агенты Самана (на Восточном и Северном берегу) собирали деньги и опиум и организовывали отряды «мусульман», которые или направлялись в Великий Аче, или сражались на побережье. Незначительные полицейские силы (у ассистент-резидента Северного берега было лишь 17 полицейских) не могли обеспечить колонизаторам даже подобия эффективного контроля над княжествами; гарнизоны опорных пунктов на побережье были способны удерживать форты, но не осуществлять экспедиции во внутренние области княжеств. Стремясь приостановить развертывание антиколониальной борьбы на побережье, голландская администрация пыталась вначале использовать для этой цели раджей, сохранивших верность захватчикам. Так, голландцам удалось организовать коалицию мелких владетелей залива Пасей во главе с князем Телок Семаве для отпора Теунгку Авехгехахскому [127, 80]. Немало усилий приложил губернатор Прюйс ван дер Хувен для провоцирования конфликтов между Пиди и Гигиёном, чтобы удержать эти княжества от антиголландских выступлений [127, 89—91]. Несмотря на то что голландцам удалось использовать противоречия между раджами (как старые, так и вновь создаваемые), остановить размах освободительной борьбы на побережье они не смогли. Ведущее положение в руководстве сопротивлением переходило от раджей к уламам и деревенской верхушке, и поэтому усилия колонизаторов, которые никак не могли отрешиться от прежних оценок расстановки сил в Аче, значительным успехом не увенчались.

Поскольку ставка на раджей оказалась безрезультатной, голландцы прибегли к уже испытанной мере. В мае 1881 г. ассистент-резидент Северного и Восточного берега Схерер выступил с предложением закрыть побережье Аче, оставив для торговли лишь не-

сколько гаваней, находящихся под строгим контролем голландской администрации [134]. Через год, в мае 1882 г., Схерер получил возможность провести в жизнь свой замысел на Северном берегу, а в августе того же года «правила Схерера» были распространены на афделинг Северный и Восточный берег Аче [99, 35]. Все побережье от Олех-лех до мыса Диамант было закрыто для торговли, за исключением портов Олех-лех, Сигли, Самаланга и Телок Семаве, а военно-морской флот увеличивался на две единицы.

С июля 1883 г. под действие «правил Схерера» подпало все ачехское побережье. В своем окончательном варианте правила предусматривали торговлю (под строгим контролем) лишь в гаванях Олех-лех, Самаланга, Телок Семаве, Иди, Мелабох и Тапа Туан; вся внешняя торговля вне этих пунктов, даже на территории княжеств, признавших власть Нидерландов и не обнаруживающих враждебности, рассматривалась как контрабандная; в том случае, если жители или раджи княжеств оказывались замешанными в действиях, наносящих ущерб колонизаторам, всякая торговля этих княжеств через указанные выше порты прекращалась [249, 28]. «Правила Схерера» с теми или иными изменениями, касавшимися главным образом количества «открытых» портов, служили основой голландской политики на ачехском побережье и в последующие годы. Постепенно увеличивалось число судов, принимавших участие в блокаде (в 1886 г. их было уже 15) [319, 221]. Портовые правила вводились и отменялись на различных участках ачехского побережья в зависимости от усиления или ослабления антиголландского движения и нажима Англии, настаивавшей на свободной торговле Стрейтс сетлментс с Аче. Распространение «правил Схерера» повлияло главным образом на позицию раджей, тогда как остановить народное движение без непосредственных военных действий на побережье колонизаторы оказались не в состоянии. Но даже и на раджей «правила Схерера» оказали воздействие не столько сами по себе, сколько в сочетании со страхом князей перед развертывающимся народным движением. В начале 80-х годов XIX в. большинство раджей предпочитали занимать, как указывалось выше, по меньшей мере уклончивую позицию в отношении своего формального сюзерена — голландской колониальной администрации [49, 9—10].

Командир корвета «Витязь», будущий адмирал С. О. Макаров, побывавший в 1884 г. в Аче, сообщал: «Как известно, остров Суматра далеко еще не умиротворен и владения голландцев по преимуществу ограничиваются некоторыми прибрежными пунктами. Местные владетельные султаны не соглашаются подчиниться голландскому правительству, которое, однако, не ведет против них наступательной войны, а действует выжидательно. Некоторые части берегов блокируются для недопущения подвоза оружия, тем не менее контрабандою такового привозится значительное количество» [28, 90].

Ярким свидетельством ослабления голландских позиций на побережье в начале 80-х годов явилось так называемое дело «Низеро». Пароход «Низеро» водоизмещением 1818 *т*, принадлежащий английскому торговому дому «Тернбул и сын» в Витби, вышел 5 июля 1883 г. из Ливерпуля. Посетив Джорджтаун (Пинанг), Сингапур, Батавию, Семаранг, Рангун и Чирибон, пароход из Сурабаи направился в Марсель. По дороге капитан Вудхаус решил зайти в Олех-лех, чтобы пополнить запасы угля. 8 ноября 1883 г. «Низеро» в шторм потерпел крушение у Западного побережья Суматры близ кампонга Пангах (княжество Теном). Экипаж судна сумел благополучно выбраться на берег и добраться до деревни, староста которой Джапати оказал потерпевшим крушение необходимую помощь [50, 18]. Через неделю моряков отправили в резиденцию раджи Тенома в глубь страны. Раджа Теуку Имам Муда хотел выяснить, не являлся ли пароход голландским, а члены его экипажа — голландцами. Когда раджа обнаружил, что «Низеро» был английским пароходом, он тем не менее отказался отпустить моряков, потребовав выкуп в 100 тыс. малайских долл.; через несколько дней сумма выкупа была поднята до 300 тыс. долл. [50, 48—52]. Вскоре выяснилось, что дело отнюдь не в корыстолюбии раджи. Теуку Имам Муда написал письмо английским властям Стрейтс сетлментс, в котором заявлял, что не потребует выкупа, если Англия будет содействовать прекращению блокады ачехского побережья [50, 53]. Таким образом, действия раджи Тенома не были актом заурядного пиратства, каковых история Аче насчитывает немало, а представляли попытку вызвать осложнения между Англией и Голландией. Именно так и оценивал эти события русский дипломат в Голландии В. Е. Львов, который писал 19 июня 1884 г.: «Раджа задумал спровоцировать английское вмешательство, отказав нидерландскому правительству в освобождении пленных и надеясь получить таким образом значительный выкуп и свободу для портов, которые закрыты с тех пор, как эта страна была объявлена мятежной» [28, 86].

Пленники не подвергались никаким притеснениям, свободно получали с голландских и английских судов, привозивших посланцев для переговоров с раджей Тенома, газеты, письма и продовольствие, как об этом свидетельствует третий механик «Низеро» У. Брэдли в своих воспоминаниях.

В январе 1884 г. голландские власти, пытаясь спасти престиж Нидерландов и не допустить английского вмешательства, снарядили экспедицию в Теном. 5 января голландская экспедиция прибыла на рейд Тенома и после предъявления ультиматума об освобождении моряков бомбардировала 7 января столицу княжества [38, 102]. На следующий день голландцы высадились на берег и двинулись в глубь княжества, но, не обнаружив пленников, были вынуждены 13 января вернуться к кораблям, в бессильной ярости разрушив несколько деревень. У. Брэдли, побывавший на месте высадки голландской экспедиции, писал: «Весь Теном (столица

княжества.— *В. Т.*) разрушен... Осталось лишь несколько хижин. Не видно ни некогда оживленного базара, ни лавочек, ни рисовых полей...» [50, 138].

Голландские колониальные власти и правительство Нидерландов оказались в затруднительном положении. После того как они на весь мир растрезвонили о «замирении» Аче и о покорении раджей побережья, один из признающих сюзеренитет Нидерландов князей (раджа Тенома подписал заявление из 18 статей еще в 1877 г.) отказывался даже вести переговоры со своим сюзереном, не говоря уже о том, чтобы внять требованиям и просьбам (подкрепленным военной силой) голландской администрации относительно освобождения английских моряков.

Расчеты ачехцев на англо-голландские трения частично оправдались. В английских колониальных кругах, особенно в Стрейтс сетлментс, все громче и громче слышались голоса в пользу вмешательства в войну с целью добиться прекращения блокады Северной Суматры, наносившей ущерб английской торговле. Наиболее рьяные сторонники экспансии Англии в Юго-Восточной Азии призывали даже к пересмотру Суматранского трактата 1871 г., который предоставил Голландии свободу рук в Аче.

Потерпев неудачу в попытках организовать коалицию соседних княжеств против Тенома и понимая, что новая карательная экспедиция окажется не успешнее январской, голландские колонизаторы, боясь вооруженного вмешательства Англии в ачехские дела, согласились на английское посредничество. Крупный чиновник Стрейтс сетлментс У. Максуэл, который с зимы 1884 г. поддерживал контакты с раджей Тенома и его окружением, был уполномочен голландскими властями вести переговоры с Теуку Имам Мудой [106, 51]. В сентябре 1884 г. было достигнуто соглашение, по которому 17 оставшихся в живых моряков «Низеро» (пять человек умерли от различных тропических болезней) и остатки парохода передавались английским властям, взамен чего Нидерланды уплачивали радже Тенома 100 тыс. долл. и торжественно обязывались не нападать на княжество [319, 152].

Колониальные круги, недовольные «нерешительным курсом» в Аче, восприняли «дело „Низеро“» как чувствительный удар по национальному достоинству и чести своей страны. «Национальный позор» — такую оценку получило «дело „Низеро“» у значительной части голландских публицистов и шовинистической прессы.

Антиколониальное движение на побережье продолжало развиваться, и этому не могли помешать ни «правила Схерера», ни карательные экспедиции, участившиеся со второй половины 80-х годов. Как уже говорилось, особенно стал заметен подъем борьбы после объединения патриотических сил в Аче под руководством Мохаммада Самана и Теуку Умара, т. е. с конца 1881 — начала 1882 г.

На Северном берегу ответом на «правила Схерера» стали ожесточенные бои в Самаланге, развернувшиеся с осени 1882 г. Отря-

ды «мусульман» из Пасангана, Самаланги, Мереду и других княжеств осадили голландский форт в Самаланге. Ачехцы создали укрепления в двухстах метрах от стен форта и подвергали последний непрерывным атакам. Голландский гарнизон даже с помощью артиллерии подошедших на помощь военных судов с трудом отбивал атаки. В декабре 1882 г. в Самаланге появился отряд морской пехоты, которому удалось отбросить ачехцев от форта и сжечь два укрепленных кампонга. Но как только морские пехотинцы удалились, повстанцы вернули позиции и форт снова подвергся осаде. Одновременно с этим «мусульмане» окружили бентенгами голландский пост в Пасангане [248, 397].

С середины 80-х годов осложнилось положение захватчиков в Сигли — форте на границе соперничающих княжеств Пиди и Гигиён. В июне 1885 г. голландский форт был обстрелян жителями Пиди. Весной 1886 г. побережье Пиди было подвергнуто бомбардировке, но и это не приостановило развертывания антиколониальной борьбы. Повстанцы обосновались в расположенных близ побережья кампонгах Пекан Сот и Пекан Бару и создали здесь укрепленный лагерь. Хотя во главе «мусульман» стояли представители знати Пиди (Теуку Пантей Раджа, Шех Дола), значительную роль в движении играли агенты Самана — Бинтара Палех и Теуку Полим из Энджунга [248, 401]. «Мусульмане» разбили пытавшегося помешать их действиям Теуку Пакеха Далама, раджу Пиди, и заняли несколько прибрежных кампонгов. Голландцы несли значительные потери: только в декабре 1886 — январе 1887 г. гарнизон Сигли обновился на 60% [248, 402].

Одновременно с развертыванием деятельности саманистов на Северном берегу росли их противоречия с местными раджами. Именно здесь, в том районе побережья, где саманисты располагали прочными позициями, раджи приняли наиболее активное участие в борьбе с ними. Этим объясняется и союз, который установился между колонизаторами и некоторыми раджами Северного берега. В июне 1883 г. раджа Самаланги разбил отряд «мусульман» и оттеснил их на территорию Мереду [248, 397], значительно улучшив тем самым положение голландцев на Северном берегу. Как уже говорилось, раджа Пиди также боролся с последователями Самана на территории своего княжества. Князь Гигиёна сохранял благожелательный по отношению к колонизаторам нейтралитет, а в марте 1893 г. прибыл в Кутараджу и подписал заявление из 18 статей, признав власть Голландии [248, 403]. Все эти факты свидетельствовали о значительном расслоении в ачехском лагере на Северном берегу — экономически наиболее развитом и близком к государству саманистов районе побережья.

На Восточном берегу основными центрами антиколониальной борьбы в рассматриваемый период стали Иди и Лангкат. До середины 80-х годов инициатива действий на Восточном берегу принадлежала местным князьям и знати, но с 1885—1886 гг. положение изменилось. В соответствии с общим планом Самана и Умара

активизировать действия на побережье в княжества Восточного берега направились агенты из Великого Аче и Самаланги. Этим людям (Хабиб Ибрахим, Хаджа бин Аббас, Нья Макам) в короткий срок удалось разжечь мощное пламя антиколониальной борьбы в Иди и Лангкате. Разумеется, секрет их успеха заключался не в том, что они якобы собрали вокруг себя бандитов и подонков, прельстив их возможностью грабежа, как писали в то время голландские авторы, а в том, что их агитация упала на подготовленную почву. Борьба на Восточном берегу не прекращалась с начала войны, не замирала она и в начале 80-х годов, причем по мере ее продолжения все более заметным становилось участие в ней широких слоев населения.

В Иди с новой силой антиголландское движение развернулось после прибытия сюда отрядов «мусульман» из Самаланги под предводительством Хабиба Ибрахима. Появление «мусульман» встревожило голландские власти Восточного берега, и вскоре в устье р. Иди появился блокгауз колонизаторов, преградивший доступ к морю из речной долины. Уже в следующем, 1887 г. блокгауз подвергся нападениям отрядов Хабиба Ибрахима [126, 394]. К 1889 г. весь Иди охватило восстание против ненавистных захватчиков. Во главе движения стоял улама Хаджа бин Аббас. В апреле 1889 г. Хаджа бин Аббас напал на голландский пост и вынудил врага прекратить патрулирование на побережье Иди [96, 523]. Обстановка в Иди приняла угрожающий для колонизаторов характер. Губернатор ван Тейн, сторонник решительных действий в княжествах, направил в Иди в мае 1889 г. экспедицию численностью более 300 человек.

С весны 1890 г. в Иди вновь развернулись ожесточенные бои. Саманисты не только контролировали внутренние районы, но и вновь укрепились в непосредственной близости от голландского форта. 15 мая голландцы потерпели поражение под ачехским бентенгом Букит Айр Мата, а через два дня улама Теунгку Юсуф, отразив второе нападение врага, сам атаковал голландский лагерь на берегу [248, 436].

После того как колонизаторы потерпели в Иди еще несколько неудач, на Восточный берег прибыл сам ван Тейн во главе экспедиции, численность которой составляла 1500 человек[14]. Захватчики, вооруженные тяжелыми орудиями, повели наступление на ачехские укрепления. Несмотря на численное и техническое превосходство, голландцы с трудом выбивали ачехцев из бентенгов на берегу [248, 437]. Когда же голландские колонны двинулись в глубь Иди, то, несмотря на помощь ряда местных князей, им долго не удавалось добиться решительного перевеса над саманистами. Походы в Багох и Олех Гаджах (лето — осень 1890 г.) стоили колонизаторам значительных жертв. Лишь в ноябре 1890 г., после

[14] Начальником штаба экспедиции был капитан ван Хэютс — будущий «покоритель» Аче.

смерти Теунгку Юсуфа, голландцы смогли оттеснить патриотов во внутренние районы побережья и ликвидировать угрозу своим позициям в Иди.

Другим центром антиколониального движения на Восточном берегу стали его южные районы, граничащие с резидентством Восточное побережье Суматры. Здесь в 1885 г. появился посланец Самана панглима Нья Макам. Прибытие Нья Макама на Восточный берег находилось в прямой связи с общим планом саманистов в середине 80-х годов — развернуть наступление на побережье, чтобы вынудить врага увести оттуда гарнизоны и прекратить блокаду. Нья Макам сумел за короткое время организовать патриотов на борьбу с врагом и вскоре осадил голландскую крепость в Серувей, а после того как вражеские подкрепления из Медана заставили его снять осаду, обосновался в княжестве Лангкат на берегу р. Тамианг [312, т. II, 137].

Подъем освободительного движения в непосредственной близости от одного из главных районов плантационного хозяйства в Индонезии встревожил голландских колонизаторов, тем более что перепуганные английские плантаторы Суматры через прессу Сингапура и Пинанга требовали вмешательства своего правительства для защиты их прибылей. Из Батавии в Лангкат была отправлена специальная экспедиция, которая вместе с султаном Лангката в апреле 1886 г. оттеснила ачехцев от границ резидентства Восточное побережье Суматры.

В июле 1892 г. Нья Макам вновь появился на Восточном берегу. Вместе с ним из Великого Аче пришли 125 вооруженных огнестрельным оружием саманистов [371, 559]. В январе 1893 г. Нья Макам захватил район Серувей на левом берегу р. Тамианг и превратил его в свою базу. Попытки голландцев в январе 1893 г. выбить Нья Макама из бассейна Тамианга оказались безуспешными. Несмотря на то что панглима был отрезан от своих основных сил, он удерживал позиции до конца марта 1893 г. После того как Нья Макам оставил свою базу, его отряды продолжали сопротивление в бассейне Тамианга. Нья Мохаммад, оставшийся главой саманистов Лангката (Нья Макам в апреле 1893 г. отбыл в Великий Аче), активно действовал в Маджапахите, Танджунг Семантохе и Упахе [312, т. II, 165, 170]. Действия саманистов в Лангкате оказали непосредственное влияние на активизацию партизанского движения в Гайо, развернувшегося в конце 90-х годов под руководством Теунгку Тапы.

Объединение Теуку Умара и события 1893—1896 гг. в Великом Аче

Одновременно с государством Самана в западной части Аче возникло еще одно государственное образование — объединение, созданное партизанским вождем Теуку Умаром.

Национальный герой индонезийского народа, имя которого в Республике Индонезии стоит в одном ряду с именами Сурапати, Имама Бонджола и Дипонегоро, Теуку Умар занимает особое место среди вождей ачехского народа. Народная память сохранила прежде всего имя Теуку Умара, хотя он был главным руководителем борьбы с голландскими колонизаторами лишь в течение сравнительно небольшого отрезка времени после 1896 г. Народ выделил Умара как *своего* вождя в противовес сановникам султана, владетельным улубалангам и призывавшим к «священной войне» уламам. Именно в этом заключается секрет того, что Теуку Умар в памяти народа затмил и Мохаммада Самана, и представителей семьи Полимов, и Туанку Хашима, не говоря уже о более мелких фигурах. Популярности Теуку Умара способствовала и голландская историография. Стремясь изобразить его авантюристом, бесчестным человеком, предателем по натуре, голландские публицисты и историки в немалой степени пробудили интерес к Умару не только ачехцев, но и представителей других народов Индонезии, заинтересовавшихся в эпоху национального пробуждения человеком, который вызвал такую злобу и ненависть колонизаторов. Сложный и сотканный из противоречий незаурядный характер Умара, его трагическая судьба сами по себе возбуждали огромный интерес к этому человеку.

Теуку Умар родился в начале 50-х годов XIX в. в княжестве Мелабох, расположенном на Западном берегу Аче. Происхождение его не вполне ясно. Согласно Докариму, Теуку Умар являлся сыном минангкабау Датук Сонгсонг Булука и дочери раджи Мелабоха [311, 553]. Более распространенная версия голландских источников (первая исходит от окружения Умара) связывает Теуку Умара с родом минангкабау Датук Махудум Сати, от которого происходила семья Нанта — улубалангов VI мукимов. Ван Ланген (а вслед за ним и остальные голландские и современные индонезийские авторы) считал, что отцом Умара был Махмуд — брат Теуку Нанты, одного из главных руководителей сопротивления в 70-х годах, а матерью — уроженка Мелабоха [105, 134]. Трудно сказать, насколько обе версии соответствуют действительности и насколько их появление продиктовано стремлением Умара подыскать себе подходящую генеалогию, которая подтвердила бы его права на ведущее положение в западной части Аче. Во всяком случае, начало войны застало его простым старостой в кампонге Дарат, расположенном на берегу р. Мербау в Мелабохе. К середине 70-х годов он вместе с сыновьями раджи Теуку Кеджуруан Мудой и Теуку Раджа Итамом возглавил сопротивление в Мелабохе. После захвата голландцами Дарата в феврале 1878 г. Теуку Умар некоторое время действовал во внутренних районах Мелабоха, в июле того же года он появился в Великом Аче, в деревне Монтасик, где находились многие руководители антиголландского сопротивления. Здесь вскоре после гибели Ибрахима Ламнгского Теуку Умар женился на его вдове Чут Нья Дин (согласно ван

Лангену, Умар был ее двоюродным братом). Умар был намного моложе своей новой жены, и обе стороны пошли на этот брак по политическим соображениям. Семья Нанта, лишившись Ибрахима Ламнгского и потеряв свой удел — IV и VI мукимов, нуждалась в человеке, который бы сумел возглавить приверженцев рода и отвоевать улубалангство у голландцев и их союзников — владетелей Мерасы. Теуку Умар, не принадлежавший к родовитой знати Аче, обязанный семье Нанта своим возвышением, храбрый воин, за которым охотно шли его соратники, был, по мнению Теуку Нанты, именно таким человеком. Умар же, вступая в брак с представительницей семьи Нанта, рассчитывал, видимо, укрепить свое положение в саги XXV (он был уже женат на Чут Махлигай — дочери панглимы саги) и принять активное участие в борьбе с захватчиками в Великом Аче.

Расчеты обеих сторон в определенной степени оправдались. Теуку Умар, возглавив партизанское движение в саги XXV, стал одним из наиболее выдающихся партизанских вождей Аче. Еще до начала широкого подъема народной борьбы он сумел организовать мощное партизанское движение в VI мукимах [322, 140—141]. В период спада антиколониальной борьбы Теуку Умар, смело продолжавший сопротивляться захватчикам, приобрел огромную популярность в народе, видевшем в нем своего героя.

Базой Умара стал Западный берег, где партизанская борьба не затихала даже в наиболее трудное для ачехцев время. Центром сопротивления здесь было княжество Мелабох — родина Умара. Вернувшись в 1881 г. в Мелабох, Теуку Умар возглавил партизанскую борьбу в княжестве. Под его руководством ачехцы вновь перешли к активным действиям: нападали на голландские посты, поджигали вражеские укрепления, убивали сотрудничавших с колонизаторами представителей знати [127, 84; 248, 463]. Вслед за тем Умар организовал партизанское движение в находящемся у границ саги XXV Лхонге.

Когда началась «священная война», отряды Умара стали одной из ее главных ударных сил. В 1882—1883 гг. Теуку Умар, опираясь на Лхонг и Мелабох, развернул наступление в IV и VI мукимах, угрожая Кутарадже с запада. Он не только освободил IV мукима, но и очистил от захватчиков значительную часть VI мукимов (за исключением той части, которая была отрезана «линией концентрации»). Кампонг Ламписанг в VI мукимах стал местопребыванием нового улубаланга Теуку Райюта, сына Теуку Нанты [322, 141]. Фактическим улубалангом был, однако, не «дурачок», как прозвали в народе Теуку Райюта, а его сестра, жена Умара — Чут Нья Дин. Мелабох оставался одной из основных баз Умара, куда он отводил свои отряды на отдых и откуда получал подкрепления и снаряжение.

Постепенно Умар стал хозяином положения в большинстве княжеств Западного берега. Колонизаторы, сил которых хватило лишь на оккупацию столицы Мелабоха, слабо контролировали побе-

режье. Поэтому в борьбе с Теуку Умаром они стремились использовать раджей Западного берега, которые боялись Умара, проводившего политику объединения Западного Аче под своей властью. Врагами Теуку Умара стали феодалы Мелабоха, активно помогавшие захватчикам, а также раджа Тенома. Переход части феодалов Западного берега к сотрудничеству с колонизаторами был ускорен успехами Теуку Умара по созданию независимого от султана Мохаммада Дауда и почти независимого от саманистов государственного образования в Западном Аче. Боясь за свои привилегии и доходы, не желая признавать власть ненавистного выскочки, ачехские раджи согласились пойти на союз с захватчиками (а ведь раджа Тенома в 1883—1884 гг. был их злейшим врагом). Такая позиция феодалов Мелабоха и Тенома позволила голландским колонизаторам, не снаряжая экспедиций, удерживать форт в Мелабохе и осуществлять блокаду побережья. Поскольку Теуку Умар в первой половине 80-х годов сосредоточил основное внимание на борьбе с врагом в саги XXV, антиколониальная борьба на Западном берегу несколько ослабла.

Теуку Умар лучше других ачехских вождей понимал значение побережья в войне. По его совету Саман во второй половине 80-х годов изменил план борьбы, отказался от наступления на Кутараджу и активизировал действия на побережье. В соответствии с этим планом Теуку Умар в 1886 г. вновь появился на Западном берегу. Возвращение Умара вызвало новый подъем антиколониального движения. Голландское командование было вынуждено срочно укреплять гарнизон в Мелабохе, неоднократно закрывать побережье и отправлять туда карательные экспедиции. Тем не менее с 1886 по 1889 г. ачехские отряды непрерывно атаковали голландские укрепления в Мелабохе [311, 546].

Очень остро стояла для Теуку Умара проблема снабжения своих воинов оружием и боеприпасами. Ни султан, ни Саман практической помощи ему в этом отношении не оказывали, не делились они с ним и деньгами, полученными от раджей побережья. Теуку Умар был вынужден сам изыскивать средства на закупку вооружения, а в обстановке враждебности со стороны ряда влиятельных князей это было трудной задачей: многие раджи Западного берега предпочитали посылать деньги и оружие султану и даже Саману, но не передавать «священный налог» Умару.

14 июня 1886 г. Теуку Умар захватил на побережье княжества Ригас судно «Хок Кантон», принадлежавшее китайским торговцам Пинанга. Капитан датчанин Хансен, старший помощник и первый механик были убиты в стычке на палубе корабля, а жена Хансена, второй механик англичанин Джон Фэй и шесть матросов (китайцы и малайцы) — захвачены в плен. Теуку Умар захватил 2 орудия, 6 снайдеровских винтовок, 5 револьверов и 5 тыс. малайских долл. [311, 538].

Как и «дело „Низеро“», захват «Хок Кантон» получил широкий отклик в мировой прессе. Снова английские газеты писали о не-

способности Голландии обеспечить безопасность мореплавания в ачехских водах и требовали от своего правительства принятия соответствующих мер. Торговая палата Пинанга приняла резолюцию, в которой постановила просить администрацию Стрейтс сетлментс принять меры к освобождению английских подданных и ходатайствовать перед правительством, чтобы оно потребовало от голландских властей соответствующих гарантий на будущее [311, 542—543]. Шум о пиратстве в ачехских водах, поднятый английской прессой, не стихал до осени 1886 г.

Но нападение на «Хок Кантон» не было одним из тех актов пиратства, которыми так изобиловала история прибрежных княжеств Суматры. Теуку Умар, нападая на английское судно, не столько рассчитывал, как раджа Тенома три года назад, на возникновение англо-голландских трений, сколько на укрепление своего престижа на Западном побережье и демонстрацию мощи ачехского сопротивления в глазах мировой общественности. 19—20 июня на побережье Ригаса высадилась голландская экспедиция во главе с будущим губернатором Аче подполковником ван Тейном. Голландцы натолкнулись на сильное сопротивление и не смогли проникнуть в глубь княжества. От бомбардировки ван Тейн отказался, так как Теуку Умар пригрозил убить заложников. 26 июня ван Тейн бесславно вернулся, захватив в плен нескольких женщин и раджу Ригаса [142, т. II, 113]. Докарим рассказывает, что губернатор Деммени прибегнул к посредничеству родственника Умара — Панглимы Месджид Райя, который смог добиться лишь того, что Теуку Умар снизил цену выкупа с 50 тыс. до 40 тыс. долл.

Вмешательство влиятельного ачехского феодала Теуку Баита позволило колонизаторам ограничить расходы по выкупу пленников 25 тыс. долл. [142, т. II, 113]. 6 сентября 1886 г., после того как Умар получил требуемую сумму в звонкой монете, он освободил пленников. Полученные деньги Теуку Умар щедро разделил между своими воинами, а часть из них отправил в подарок султану и Саману.

Авторитет и влияние Теуку Умара, как он и предполагал, после захвата «Хок Кантон» значительно возросли. Мохаммад Саман специально встретился с ним, чтобы обсудить положение в Аче, а султан Дауд прислал ему грамоту о присвоении ему титула амир ул-бахр («господин моря») [142, т. I, 149]. Это был титул, который давал его носителю в малайско-индонезийских государствах права шахбандара, т. е. сановника, ведающего торговлей с иностранцами и собирающего пошлины.

После перехода голландцев к обороне, когда повстанческие вожди получили возможность распространить власть почти на всю территорию Великого Аче и княжеств, Теуку Умар стал хозяином Западного берега и саги XXV в Великом Аче. В отличие от Мохаммада Самана Теуку Умар на подвластной ему территории довольно решительно ограничил власть адатных вождей [142, т. I,

152], и, видимо, в этом заключалась одна из причин его популярности. Однако VI мукимов, находившиеся в руках семьи Нанта, составляли фактически обособленную область, в которой влияние Умара было не очень значительным. Чут Нья Дин, властная, самолюбивая женщина, единолично распоряжалась в VI мукимах, и, по сути дела, это улубалангство превратилось в самостоятельную область Великого Аче. Жена Умара была очень религиозна, и уламы оказывали на нее сильное влияние [322, 146]. Хотя Чут Нья Дин не была склонна делиться с саманистами доходами со своего улубалангства и не платила «священный налог» в центральную казну, тем не менее ее область все же находилась в сфере влияния «мусульман», тогда как Теуку Умар действовал самостоятельно. Отношения между Умаром и женой становились все прохладнее не столько из-за разницы в возрасте, сколько из-за различия политических целей семьи Нанта и Теуку Умара. Нанта, вернув власть над VI мукимами, не были склонны поддерживать далеко идущие планы Умара относительно объединения Аче в единое целое. Это содействовало союзу семьи Нанта с уламской партией, хотя между ними существовали и серьезные противоречия из-за того, что VI мукимов уклонялись от уплаты «священного налога».

Умару не удалось сломить власть адатных вождей и в других районах Западного берега. Хотя большинство раджей Западного берега и улубалангов саги XXV признали власть Умара, целый ряд влиятельных феодалов, врагов Голландии (например, раджа Тенома), отказывались подчиниться «выскочке». Выдвижение Теуку Умара пугало адатных вождей, потому что нарушалась сложившаяся система связей, существовавших в среде ачехской наследственной знати, а улубаланги и раджи не были склонны делиться своими доходами и властью с чужаком. Предпринятые Умаром после 1886 г. действия, направленные на захват перечных плантаций Западного берега, вызвали массовое сопротивление раджей, которое стало особенно действенным после установления голландцами строгой блокады Западного берега [243, 85]. Прибрежные владетели добились от Кемалы разъяснения, что титул Умара, полученный им в 1886 г., не дает власти на суше, а лишь право на сбор торговых пошлин на море [142, т. I, 149].

Это ограничение власти Умара было особенно важно в период, когда торговля Западного берега переживала застой вследствие голландской блокады и Умар стремился возместить падение поступлений от пошлин на вывоз перца наложением руки на другие доходы раджей и улубалангов — судебные сборы, подношения на празднествах, земельный налог и т. п. Разъяснение не обладающего реальной властью султана в иных условиях не оказало бы, видимо, воздействия на ход событий. Но в конце 80-х годов, когда раджи побережья при поддержке голландских колонизаторов стали активнее противодействовать Умару, султанское разъяснение послужило добавочным (и в условиях Аче весомым) средством ограничения власти Умара.

И все же, несмотря на сопротивление прибрежных раджей и семьи Нанта, Теуку Умару удалось объединить значительную часть Западного Аче и твердой рукой удерживать здесь власть. Снук Хюргронье в начале 90-х годов называл его «повелителем Западного берега», а после смерти Умара писал: «Когда он занял первенствующее место на Западном берегу и в одном саги Великого Аче, он стал опаснейшим врагом голландцев» [142, т. I, XII].

Объединение, созданное Умаром, в отличие от государства саманистов в большей степени держалось на личности его создателя. Если Саману удалось провести в жизнь некоторые меры централизаторского характера и создать единую казну, армию, судебную систему, то Западный Аче представлял механическое соединение ряда владений, не связанных ни наличием единой военной организации, ни единством финансовым. Не существовало в умаровском объединении и такого важнейшего в условиях Аче связующего начала, как мощная организация улам. Все это придавало объединению Умара меньшую внутреннюю прочность и ослабляло позицию самого Умара в борьбе за руководство в движении. Если в государстве саманистов в качестве антитезы предшествующему развитию рождалась теократия, то положение в Западном Аче скорее напоминало возвращение ко времени XVII в., когда сильные султаны типа Искандара Муды ломали власть знати и государственно-централизаторская тенденция развития брала верх.

Обе общественно-политические структуры, созданные в Аче в годы войны, возникли на базе мощного народного движения, имевшего антиколониальную направленность. Вместе с тем ачехское крестьянство боролось и против адатных вождей, в массе своей к тому же предавших движение. Идеалом ачехского крестьянина было государство во главе со справедливым и сильным правителем, который сумеет обуздать местных владетелей. Именно эти настроения явились идеологической базой объединения Умара и саманистского государства, хотя и в разной их форме: в одном случае упор был сделан на личность правителя, в другом случае решающую роль сыграла идея справедливого шариатского государства, в котором возрождались идеалы раннего ислама. Общественно-политическое объединение, созданное Теуку Умаром в Западном Аче, оказалось еще недолговечнее, чем государство саманистов. Этому способствовал целый ряд объективных и субъективных факторов. Кроме могущественного внешнего фактора — непрерывного нажима голландских колонизаторов, гораздо острее ощущавшегося в эти годы на побережье, чем во внутренних районах страны,— объединение Умара подтачивалось внутренними противоречиями. Собственно говоря, основное из них заключалось в том, что это образование так и не стало государством. Умар распространил власть на в значительной мере механическое соединение улубалангств и княжеств. Он не сумел до конца осуществить свои планы создания единого государства в Западном Аче. Теуку Умар, видимо, мог бы сделать это, встав на путь решительного и после-

довательного сокрушения адатных вождей, опираясь на крестьянскую массу. Но ни сам Умар, ни его окружение — выходцы из деревенской верхушки, тысячами нитей связанной с адатными вождями,— не пошли по этому пути. Не сокрушив владетельной знати, невозможно было в условиях войны создать централизованное государство. Саману удалось это сделать в значительной мере благодаря массовой поддержке, оказанной ему со стороны многочисленного и влиятельного слоя — духовенства. Умар же, не желая опираться на улам, не решаясь до конца использовать возможности крестьянства, оказался не в состоянии добиться действенного объединения Западного Аче.

Противоречия между адатными вождями и крестьянством, между прибрежной знатью и Умаром, между Умаром и семьей Нанта, между объединением Умара и государством саманистов, недовольство крестьянства Умаром, выразившееся в уходах крестьян из отрядов Умара,— все это ослабляло антиколониальное политическое объединение в Западном Аче. Объединение Умара так и не стало централизованным государством. Просуществовав 8—9 лет, оно исчезло, как только его создатель изменил свою позицию. Объединение Умара было гораздо более традиционным для Аче, чем государство саманистов: история страны знала немало случаев, когда удачливый улубаланг или панглима объединял под своей властью несколько княжеств. «Государство» Умара обладало многими чертами именно такого объединения, хотя было прочнее, поскольку опиралось на подъем антиколониальной борьбы.

Характер умаровского политического объединения ярко отразился в его военной организации. Теуку Умар не создал армии, подобной «мусульманам» Мохаммада Самана. Основу его военной силы составляла дружина, состоявшая из лично преданных Умару воинов-профессионалов, готовых всюду следовать за своим предводителем. Ополчение Умар собирал лишь время от времени, а со второй половины 80-х годов практически перестал прибегать к помощи крестьянских отрядов, создаваемых в деревнях. Воины Умара обладали высокими боевыми качествами и выгодно отличались в этом отношении от султанских и саманистских отрядов. С другой стороны, отряды Умара были слабее связаны с народом, основное ядро их составляли мелабохцы — чужаки в Великом Аче. Такое войско необходимо было содержать, платить ему жалованье и поддерживать в состоянии постоянной занятости, ибо воины Умара не могли разойтись по домам и заняться ведением хозяйства, как это делали ополченцы Самана. Снук Хюргронье, характеризуя эту особенность армии Умара, писал: «Бездействие для них (речь идет о вождях сопротивления типа Умара.— *В. Т.*) равносильно падению. Только постоянная деятельность позволяет им удерживать свое влияние и привлекать раканов» [142, т. I, 152]. Когда Умар в конце 80-х годов сократил масштабы военных действий, многие воины стали уходить от него и присоединяться к «мусульманам», чтобы принять участие в борьбе с врагом.

Уже указывалось, что «государство» Умара в большей степени, чем другие объединения в Аче, держалось на личности своего создателя. Поэтому качества, характер и действия личности — факторы субъективные — сказывались здесь в гораздо большей степени. Друзья и враги Умара отмечали в нем различные стороны характера. Первые преклонялись перед его справедливостью, щедростью, храбростью, самоотверженностью, удачливостью, ловкостью. Соратникам Умара импонировали мужество и тактичность их вождя, его незаурядный ум и честность по отношению к сподвижникам. Враги, напротив, рисовали его портрет лишь черной краской. Они говорили, что Умар в детстве бродяжничал, оставив родителей, и путался с заведомыми подонками и бандитами, в компании с которыми грабил и жег кампонги Западного берега. Они отмечали ту легкость, с которой Умар менял свои позиции ради достижения личных целей, неверность слову, коварство, необузданность страстей и даже приверженность к опиуму. Для большинства голландцев Теуку Умар был типичным авантюристом, которому Ачехская война предоставила удобные возможности для выдвижения и который поэтому и принял в ней столь активное участие. Но даже враги не могли не заметить тех качеств Умара, о которых говорили его друзья. Так, Снук Хюргронье, отрицательно относившийся к Умару даже в те годы, когда тот находился на голландской службе, писал: «Умар из Мелабоха был типичным ачехцем — коварным, склонным к азартным играм и опиекурению, но отличался от большинства вождей энергией и огромным тактом в отношении с людьми» [142, т. I, XII]. Правда, и люди, доброжелательно настроенные к Умару, не могли отрицать того, что их герою свойственны многие черты характера, отмеченные врагами. Все это рисует довольно сложный психологический портрет ачехского героя, и было бы нелепым — в угоду какой-либо из ставших сегодня традиционными точек зрения: колониалистской и националистической — обойти противоречивость характера, сильные и слабые стороны Умара, тем более что они помогают мотивировать его действия, непосредственно сказавшиеся на событиях в Аче.

Теуку Умар острее других вождей Ачехской войны чувствовал необходимость выйти за традиционные рамки организации, как политической, так и военной, но не сумел этого сделать. В отличие от наследственной аристократии и улам он не держался за традиции (или за то, что выдавалось за них), но противопоставить «священной войне» или движению за сохранение султаната что-либо позитивное не смог. Предпринятая им попытка объединения Западного Аче оказалась неудачной, и вряд ли является случайностью то, что объединение Умара погибло ранее других государственных образований, появившихся в ходе войны. Деревенская верхушка, лучшим представителем которой был, безусловно, Теуку Умар, хотя и выдвинулась (вместе с духовной элитой) на передний план в годы подъема войны, не смогла создать своего общественного устройства в Аче, хотя предприняла неоднократные по-

пытки в этом направлении. Основная ее масса, тысячью нитей связанная как с крупной знатью, так и с крестьянством, что было одновременно и источником ее силы, и причиной ее слабости, не поднялась выше идеи о восстановлении султаната или поддержки теократического государства. И то и другое было неприемлемо для Теуку Умара. Это расхождение и было, как представляется, основной причиной трагедии Умара — человека, поднявшегося над массой своего слоя и не сумевшего повести его за собой. Сподвижники Умара с подозрительностью следили за интересом Умара к голландской военной тактике и организации, за стремлением Умара стать независимым правителем. К этому прибавлялась прямая агитация враждебных улубалангов и улам, обвинявших «мелабохского выскочку» в недостатке благочестия, в отходе от традиций, в заигрывании с «кафирами». В результате Умар терял популярность в среде косной, традиционной ачехской деревенской верхушки, которая была его основной опорой, и был вынужден искать других средств для осуществления своих планов. В этом, по нашему мнению, и заключается причина драмы Умара, трагичность которой была усугублена отмеченными выше особенностями его характера.

В 1893 г. Теуку Умар перешел на сторону врага и принял участие в борьбе с саманистами. И при жизни Умара, и после его смерти не прекращались споры о том, какими причинами было это вызвано и что повлияло на решение Умара в 1896 г. снова поднять оружие против колонизаторов?

Господствующая точка зрения по этому вопросу сводится к тому, что Теуку Умар перешел на сторону колонизаторов с тем, чтобы обмануть их. Эта точка зрения разделяется как голландскими (К. Снук Хюргронье, К. ван дер Маатен), так и индонезийскими (Мохаммад Саид, Хазил) авторами, с тем отличием, что первые делают упор на личных интересах Умара, а вторые — на организации им сопротивления врагу.

Видимо, действительность была сложнее и противоречивее, чем это представлялось как недругам Умара, находившимся под впечатлением удара, нанесенного ачехским полководцем колонизаторам в марте 1896 г., так и его защитникам, стоящим на националистической позиции.

Измена Умара (а его переход на сторону врага, даже если оставить в стороне личные мотивы, по объективным последствиям был именно изменой) была подготовлена всеми предшествующими событиями, особенно 1890—1893 гг., и было бы неверным обвинять в этом одного лишь Умара. Выше уже говорилось о тех противоречиях, которые развивались в объединении Умара, о том разрыве, который стал обнаруживаться между вождем и поддерживающим его слоем к концу 80-х годов XIX в. Именно это и послужило объективной основой последующих событий.

В 1890 г., когда усилилась голландская блокада Западного берега и Теуку Умар стал испытывать серьезные затруднения, он на-

чал зондировать почву в Кутарадже относительно условий, на которых можно заключить мир. Едва ли в тот момент это было бóльшим, нежели простой уловкой Умара, имевшей целью ослабить нажим голландцев на Западный берег. После того как губернатор ван Тейн предложил Умару уплатить 100 тыс. малайских долл. улубалангам, у которых были отобраны перечные плантации, и вернуть 25 тыс. малайских долл., полученных в качестве выкупа за «Хок Кантон», Теуку Умар прекратил переговоры с голландцами [243, 87—88; 322, 149].

В начале 1891 г. умерли крупнейшие руководители ачехского сопротивления — Мохаммад Саман и Панглима Полим II. Это вызвало борьбу за руководство движением и ослабило силы патриотов. В мае 1891 г. губернатором Аче стал генерал-майор Дейкерхофф, гораздо большее внимание, чем его предшественник, уделявший идее «воевать с ачехцами руками ачехцев».

В 1891 г. отряды «мусульман» начали проникать на территорию VI мукимов, во владения семьи Нанта. Мат Амин, в отличие от своего отца вставший на путь сколачивания фамильного владения в Великом Аче, решил подчинить своему влиянию и VI мукимов. Его младший брат, Теунгку Беб, вторгся в улубалангство Чут Нья Дин, которая обратилась за помощью к мужу. Теуку Умар прибыл в Ламписанг и организовал отпор «мусульманам». Он вооружил молодежь VI мукимов и двинулся на Букит Себун, где укрепился Теунгку Беб. Сражение кончилось победой Теуку Умара, и «мусульмане» отступили в кампонг Ламхасан. Чтобы окончательно разгромить «мусульман», Умар обратился к голландскому губернатору, который приказал артиллерии в Ламренге и Ламбару обстрелять позиции «мусульман» [322, 158—159]. Саманисты были выбиты не только из VI мукимов, но потеряли также и IX мукимов. Обозленный неудачами, Мат Амин предпринял нападение на муким Ламкра, входивший во владения Теуку Баита, но и здесь потерпел поражение. Результатом этих событий было сближение Теуку Умара с такими дружественно настроенными к голландцам улубалангами, как Теуку Нья Мохаммад (из IX мукимов) и Теуку Баит (улубаланг VII мукимов Баит). Крупная знать Аче, как уже пошедшая на союз с колонизаторами, так и продолжавшая сопротивление (семья Нанта), подтолкнула Теуку Умара к борьбе с саманистами. Отсюда недалеко было и до сотрудничества с голландцами, наиболее яростным противником которых было государство Самана.

К августу 1893 г. Теуку Умар, который уже вел в это время переговоры с губернатором Аче Дейкерхоффом, очистил ту часть саги XXV, которая входила в государство Самана, от отрядов Мат Амина и Теунгку Беба. Когда 30 сентября Умар и его панглимы перешли на сторону врага, голландцы получили контроль над этим саги. Теуку Умар получил от голландцев титулы Теуку Джохан Пахлаван и Панглима Бесар Пранг, власть над VI и IV мукимами, верховенство в саги XXV и право создать «легион Умара», состоя-

щий из 250 воинов и вооруженный голландским оружием [100, т. I, 2]. С помощью этих сил, по первоначальному замыслу Дейкерхоффа и самого Умара, Теуку Джохан Пахлаван должен был поддерживать свою власть в саги XXV и отражать атаки сыновей Самана. Однако вскоре Теуку Умар принял участие и в борьбе, которая велась в других областях Великого Аче. Ярый приверженец идеи «воевать против ачехцев руками ачехцев», Дейкерхофф, ведя переговоры с Теуку Умаром, вооружил ачехские ополчения трех верных колонизаторам улубалангов. Владетель Мерасы, панглима саги XXVI и улубаланг XIII мукимов Тунгкуп, поддержанные голландскими вспомогательными подразделениями и отрядами жандармерии, начали боевые операции в XXVI мукимах [249, 37]. Успехами улубаланги похвастаться не могли, так как натолкнулись в сентябре на ожесточенное сопротивление отрядов Мат Амина [248, 352].

21 октября 1893 г. руководство военными действиями в саги XXVI и XXII было поручено Теуку Умару, хотя три улубаланга выражали открытое недовольство этим назначением [100, т. I, 2]. Колонна, в состав которой вошли мелабохцы Умара, отряды Панглимы Месджид Райя, улубаланга IX мукимов Теуку Чут Мохаммада и улубаланга Тунгкупа, в конце октября захватила основные укрепления в саги XXVI и в ноябре развернула операции в саги XXII — сердце государства Самана [248, 352]. Осенью 1893 г. Теуку Умар захватил столицу государства Самана — Анак Галонг, а в феврале 1894 г. — другой его важный центр — Монтасик [100, т. I, 2]. Основные силы сопротивления были оттеснены на южные и восточные границы саги XXVI и XXII; территория государства Самана значительно сократилась.

Захваченные Теуку Умаром районы оккупировали голландские войска и жандармерия. Здесь немедленно сооружались укрепления, организовывалось непрерывное патрулирование, вводился режим военного управления. К 1895 г. в этих районах была создана сеть фортов, где располагались голландские гарнизоны, как во времена ван дер Хейдена, и блокгаузов, охранявшихся «легионом Умара» или силами верных голландцам местных феодалов. Всего было создано 10 новых фортов и 24 блокгауза [100, т. I, 3—5]. В этих условиях форты на «линии концентрации» стали рассматриваться как в значительной мере утратившие свою ценность, и назначенная в апреле 1894 г. специальная комиссия рекомендовала обратить главное внимание не столько на усиление старых укреплений, сколько на создание новой, так называемой внешней линии «на границе с мятежными районами» [100, т. I, 7]. Эти «мятежные районы» в Великом Аче продолжали существовать, и действия ачехских партизан (на оккупированной территории) и отрядов регулярной армии саманистов в 1895—1896 гг. заставляли колонизаторов убеждаться в этом.

Хотя площадь оккупированных голландцами районов Великого Аче выросла почти вдвое по сравнению с «периодом концентра-

ции», государство Самана продолжало активно сопротивляться захватчикам. На оккупированной территории между «линией концентрации» и «внешней линией» сохранялись партизанские районы. К тому же районы, контролируемые «легионом Умара», не подчинялись полностью колонизаторам, так как Теуку Умар проводил здесь довольно самостоятельную политику, а после августа 1895 г. вообще перестал участвовать в активных боевых действиях.

После того как Теуку Умар прекратил борьбу с саманистами, положение голландцев на «внешней линии» резко ухудшилось. Снова начались стычки вблизи «линии концентрации», а в январе 1896 г. ачехцы даже напали на кампонг Беравей, находящийся на окраине Кутараджи [107, т. I, 102]. Продолжались ожесточенные бои в саги XXII. В течение всего февраля 1896 г. они не затихали у Сенелопа, где голландцам так и не удалось сломить ачехскую оборону [311, 580].

7 марта 1896 г. голландские колонизаторы потерпели серьезную неудачу близ Анак Галонга. В этот день из форта Анак Галонг в направлении мукима Ламкра — центра ачехского сопротивления в саги XXII — вышел отряд под командованием коменданта Анак Галонга капитана Блокланда. Узнав от лазутчиков о маршруте голландской колонны, ачехцы под командованием Мат Амина, Хабиба Лхонгского и Панглимы Хасана перекрыли дорогу через рисовое поле и неожиданно напали на голландцев [43, 28]. Поскольку пробиться обратно в Анак Галонг не было возможности, Блокланд отвел свой потрепанный отряд к блокгаузу Бак Черлах и там укрепился. Ачехцы блокировали голландское укрепление и непрерывно его атаковали. От полного разгрома отряд Блокланда спасло лишь появление подкреплений, посланных командующим «внешней линии», который услышал выстрелы, доносившиеся со стороны Анак Галонга. Хотя голландские подразделения, посланные на выручку осажденного отряда, пробиться к нему не смогли, они отвлекли ачехцев, что позволило Блокланду вывести остатки своей колонны [311, 581].

Поражение под Анак Галонгом — самая заметная неудача голландцев в Аче после Кота Похамы — вызвала смятение в лагере захватчиков. Дейкерхофф сменил комендантов фортов в Анак Галонге, Сенелопе, Чот Ранге и Тунгкупе и решил двинуть против Ламкра «легион Умара», не надеясь на голландские части.

Победа под Анак Галонгом в марте 1896 г. способствовала оживлению действий саманистов как на границах «внешней линии», так и внутри ее. Очевидец событий К. ван дер Маатен пишет, что после этого «наши посты, транспорты и внешняя линия ежедневно подвергались нападениям» [107, т. I, 102].

Таким образом, положение в Великом Аче в марте 1896 г., когда начался следующий этап Ачехской войны, характеризовалось определенным равновесием борющихся сил. Если в 1893—1894 гг. голландским колонизаторам с помощью Теуку Умара удалось нанести ряд серьезных ударов по государству Самана, то с осени

1895 г. последнее сумело организовать оборону и даже в свою очередь нанести чувствительные удары по врагу. Тем не менее события 1891—1894 гг. ослабили ачехское сопротивление, способствовали расколу среди саманистов, усилили их противоречия с султанской партией и, что сыграло главную роль в последующие годы, заметно подорвали престиж улам среди крестьянства Великого Аче. Действие всех этих факторов особенно заметно сказалось весной 1896 г., когда голландские колонизаторы развернули генеральное наступление в Великом Аче.

В голландской и индонезийской историографии «периоду Умара», как именуется этап Ачехской войны с 1893 по 1896 г., когда захватчики в первый и последний раз за всю войну пытались «воевать с ачехцами руками ачехцев», уделялось и уделяется большое внимание. Одним из самых спорных вопросов, относящихся к этому периоду, являются причины, по которым Умар перешел на сторону врага, и результаты этого перехода. В историографии Ачехской войны бытуют самые различные точки зрения — от объяснения измены низменными, своекорыстными мотивами до приписывания Умару с самого начала сознательного решения обмануть врага. Представляется, что более важны не мотивы, а последствия трагического решения Теуку Умара.

Теуку Умар никогда не переставал быть врагом колонизаторов, и наиболее дальновидные из них—Снук Хюргронье и ван Хэютс—это чувствовали даже в дни медового месяца Умара и Дейкерхоффа. Правы были те, кто считал, что Умар не примирится с господством захватчиков и употребит все силы для организации борьбы с ними. Призыв Чут Нья Дин и других улубалангов XXV мукимов был для Умара скорее дополнительной, нежели основной, причиной для того, чтобы вступить в борьбу с саманистами, которых он после смерти Самана не считал способными на решительные действия. Возможно, он руководствовался самыми лучшими намерениями, стремясь добиться с помощью голландцев перевеса над всеми соперниками по руководству войной за независимость, а затем во главе освободительных сил выступить против врага. Однако даже при условии, что к этому не были бы привлечены соображения более эгоистического и мелкого характера, решение Умара оказалось трагической ошибкой как для самого полководца, не сумевшего предугадать конечных последствий своего решения, так и для дела, которому он себя отдал. Вступив в борьбу с саманистами, Теуку Умар облегчил положение колонизаторов в трудное для них время и не смог компенсировать ущерб, нанесенный им движению, даже своей героической борьбой после марта 1896 г. Хотя многие голландские авторы справедливо утверждают, что Умар не столько помогал голландской администрации, сколько создавал базу для последующей борьбы с колонизаторами [15], не-

[15] К. Снук Хюргронье писал: «Он с самого начала оказывал решительную поддержку военной партии и номинальную—голландцам, которые практически от него ничего не получали» [142, т. I, XIII].

возможно отрицать, что «легион Умара» сыграл серьезную роль в ослаблении позиций саманистов в Великом Аче в 1893—1896 гг. Борьба между саманистами и Умаром, действовавшим в союзе с предателями из числа высшей знати, в значительной мере подготовила то поражение, которое понесло ачехское сопротивление в 1896—1898 гг. в Великом Аче. Умару не удалось объединить вокруг себя силы ачехского сопротивления, напротив, его действия, в конечную цель которых были посвящены лишь немногие, абсолютно преданные своему вождю панглимы, отталкивали от него население, видевшее в Умаре пособника врага. Все глубже становилась пропасть между Умаром и духовенством, внушавшим народу, что воины Теуку Джохан Пахлавана такие же «кафиры», как и сами «неверные» [100, т. I, 2]. И хотя в конце концов Теуку Умар выполнил свое первоначальное намерение — обратил снаряженный голландцами легион против них самих, от этого его переход на сторону врага не перестал быть трагической ошибкой. Окончательно выяснилось это, когда началось голландское наступление, а силы сопротивления оказались разрозненными и разобщенными, в чем немалую роль сыграли действия Теуку Умара в 1893—1896 гг.

Память народа сохранила образ Умара-воина, Умара-рыцаря, Умара — непримиримого борца, отдавшего свою жизнь в борьбе за свободу родины. И это справедливо, ибо не невольным заблуждением Умара, не его слабостью как политика определяется место этого человека в истории Ачехской войны. Не за личной выгодой гнался Теуку Умар, поднятый голландскими колонизаторами до положения первого из ачехских вельмож, и ничего общего не было между ним и теми представителями ачехской знати, которые шли к колонизаторам в услужение, стремясь сохранить свои доходы и положение. Умар не предавал, а трагически заблуждался. Когда же он понял свою ошибку и осознал, что в глазах народа он является изменником, Теуку Умар, не колеблясь, поднял оружие против ненавистного врага.

Глава V

Переломный этап Ачехской войны (1896—1898)

Голландская колониальная политика в 80—90-х годах XIX в. и Ачехская война

70—90-е годы XIX в. были переломными в истории Индонезии. Государственно-крепостническая эксплуатация в этот период быстро сменялась монополистической. Своеобразие экономического развития Индонезии заключалось в том, что в отличие от ряда других колоний она фактически не подверглась методам эксплуатации, характерным для эпохи промышленного капитала. Голландский промышленный капитал открыл себе доступ в колонию в тот момент, когда сам он уже превращался в капитал монополистический.

В. И. Ленин указывал, что прежде колонии «втягивались в обмен *товаров,* но еще не в капиталистическое *производство.* Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз *капитала.* Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии» [12, 35]. Этот процесс совершался в конце XIX в. и в Индонезии. «Когда Голландия, — пишет А. А. Губер, — широко открыла колонии для частной инициативы, в короткий срок контроль над важнейшими плантациями, предприятиями по обработке сельскохозяйственной продукции и добыче полезных ископаемых был захвачен крупным монополистическим капиталом» [175, 11—12]. Уже в 80-х годах XIX в. в различных областях экономики Индонезии, особенно в производстве сахара на Яве, стали возникать монополистические объединения. К этому же времени относится начало захвата банками контроля над плантациями и промышленными предприятиями Индонезии. Особенностью экономического развития Индонезии в этот период явился приток капитала других иностранных держав, в первую очередь Англии, поскольку слабая Голландия, стремясь сохранить свое политическое господство над архипелагом, была вынуждена отказаться от монопольной эксплуатации Индонезии и перейти к политике «открытых дверей» [1].

По мере изменения методов эксплуатации колоний и проникновения иностранного капитала на архипелаг менялась политика Гол-

[1] См. об этом подробнее [176, 114—124, 160—166; 165, 6—16].

ландии в отношении Внешних владений. Симптомом такого изменения явилась сама Ачехская война. Она началась в пресловутую «эру невмешательства» Голландии в дела Внешних владений. Поскольку после урегулирования по Лондонскому договору 1824 г. противоречий с основным конкурентом, Англией, Нидерланды не опасались конкуренции другой капиталистической державы в Индонезии, голландские колониальные политики и не стремились немедленно распространить власть Голландии на весь архипелаг. Приближение империалистической стадии внесло изменения в эту политику, и Ачехская война стала самым ярким доказательством таких изменений. Несмотря на официальную доктрину «невмешательства», колониальная администрация Индонезии не только начала войну с Аче, но и включила султанат в состав Нидерландской Индии. В то же время война в Аче, как ни парадоксально это на первый взгляд, даже способствовала распространению взглядов сторонников «невмешательства», т. е. противников включения островов архипелага в систему Нидерландской Индии. Причиной тому были расходы на затянувшуюся Ачехскую войну, а также то, что добрая половина колониальной армии была постоянно занята в Аче, куда непрерывно нужно было посылать подкрепления.

Колониальные власти по-прежнему вынуждены были держать значительные силы на Яве — цитадели своего владычества в Индонезии. Положение на острове внушало тревогу колонизаторам. Летом 1888 г. в Бантаме (Западная Ява) вспыхнуло восстание. Около 1890 г. в резидентстве Рембанг (Центральная Ява) начал проповедовать свое учение Самин, последователи которого стали оказывать вначале пассивное, а затем и активное сопротивление колониальным властям [165, 29]. Эти обстоятельства способствовали распространению в правящих кругах Нидерландов в 70—80-х годах точки зрения о нежелательности дальнейших захватов на архипелаге.

Ярым защитником «политики невмешательства» был Отто ван Реес, вице-президент Индийского совета, затем министр колоний и, наконец, в 1884—1888 гг. генерал-губернатор Индонезии. В 1878 г., выступая в парламенте, он высказал мнение, что не следует брать на себя больше, чем это по силам, и что экспансия вне Явы и Суматры приносит больше хлопот и убытков, чем прибылей [231, 384—385].

Связывая политику во Внешних владениях с ходом Ачехской войны, директор департамента гражданской службы Босхер писал в 1876 г. о падении авторитета голландской власти на Молукках, относя это на счет «несчастной войны в Аче, которая нанесла сильный удар по вере в непобедимость нашей армии и по нашему престижу на всем архипелаге» [231, 384]. Индийский совет принял по докладу Босхера постановление, в котором говорилось, что финансовые возможности не позволяют предпринять решительные меры на Молукках, так как Ява требует огромных затрат, не гово-

ря уже о том, что война в Аче съедает все ресурсы Нидерландской Индии [266, т. II, 387].

Однако даже в пресловутую «эру невмешательства» голландские колонизаторы, не говоря уже об Ачехской войне, осуществляли захваты на архипелаге и вмешивались в дела независимых и полунезависимых индонезийских владений. Так, на Суматре голландцы в 1878 г. предприняли экспедицию во внутренние батакские районы, которая положила начало захвату областей Тоба, Селиндунг и Тарунтунг; в 80-х годах была начата аннексия южных батакских районов. И хотя окончательное присоединение Батакланда к голландской колониальной империи произошло лишь в начале XX в., тем не менее широкая экспансия в батакские районы началась именно в «эру невмешательства». Расширились после 1879 г. территории, находящиеся под управлением голландских властей, в южной части резидентства Западное побережье Суматры [266, т. II, 376].

Особенную активность колонизаторы на Суматре помимо Аче проявляли на Восточном побережье, которое превратилось в один из основных районов плантационного хозяйства. В 1873 г. на табачных плантациях, полученных в концессию от султана Дели, был собран первый урожай, реализация которого принесла голландским предпринимателям 2,5 млн. гульденов; через десять лет, в 1884 г., доходы возросли до 27,5 млн. [312, т. II, 20], а в 1894 г. — до 35 млн. гульденов [312, т. II, 181]. Вслед за «Дели маатсхапей», которая достигла особенных успехов под руководством будущего министра колоний и сторонника экспансионистской политики Й. Т. Кремера, в 70-—80-х годах XIX в. на Восточном побережье появились другие голландские и английские табачные компании [312, т. II, 23—30, 186—202].

Развитие европейского плантационного хозяйства и рост европейского и китайского населения на Восточном побережье Суматры привели к усилению вмешательства голландских колониальных властей в этом районе. Этот район был отделен от Риау и стал отдельным резидентством. В июне 1884 г. самый значительный владетель побережья — султан Сиака подписал соглашение, по которому отказывался от своих суверенных прав, взамен чего колониальные власти гарантировали ему поступление твердого ежегодного дохода [312, т. II, 55—56]. Голландцы укрепили свою власть также в других владениях Восточного побережья и в 1887 г. провели реорганизацию управления, окончательно поставив этот важный район под свой контроль [312, т. II, 109—110]. Таким образом, именно в «эру невмешательства» Восточное побережье Суматры (включая внутренние области резидентства) прочно вошло в состав голландской колониальной империи в Индонезии.

Проводили колонизаторы захватническую политику, хотя и не столь активную, как на Суматре, и в других районах архипелага. На Калимантане они постоянно устраивали экспедиции во

внутренние районы острова, где скрывались боровшиеся с захватчиками феодалы и родо-племенные вожди Банджармасина и Синтанга, захваченных голландцами еще в 50—60-х годах XIX в. Постоянно вмешивались колониальные власти в дела формально считавшихся даже не вассалами, а союзниками княжеств Южного Сулавеси [266, т. II, 379—380]. Усиливался в 70—80-е годы контроль над мелкими княжествами и племенными федерациями Молуккских и Малых Зондских островов. Так, в 1879 г. голландский чиновник был назначен для управления Восточным Флоресом, Алором и Солором, в 1887—1890 гг. колониальные власти начали золоторазведку на Центральном Флоресе [266, т. II, 382—384].

По мере обострения противоречий между капиталистическими державами и борьбы за окончательный раздел мира Голландия все активнее стремилась установить политическое господство над всем архипелагом. Даже ван Реес в 1878 г. высказывался за признание «необходимости вмешиваться в дела независимых государств архипелага» [266, т. II, 388]. Сторонником захвата всего архипелага был генерал-губернатор ван Лансберге (1875—1881). Он считал, что вмешательство необходимо, чтобы не допустить утверждения в Индонезии молодых капиталистических держав — Германии и Италии, которые начали проявлять заинтересованность в приобретении колоний [231, 385]. Голландские колониальные власти при ван Лансберге активно вмешивались в дела полузависимых владений на Молукках и в других районах Индонезии. В 1885 г. Голландия приветствовала разграничение англо-германских владений на восточной половине Ириана (Новой Гвинеи), опасаясь вторжения со стороны Океании, где в это время Германия проявляла большую активность.

Немалую тревогу вызывало в колониальных кругах Нидерландов и утверждение старой соперницы — Англии — на Северном Калимантане, поблизости от еще «не освоенных» самой Голландией районов архипелага. В конце 1881 г. в голландском парламенте делались запросы относительно создания «Бритиш Норт Борнео К°», которая устанавливала власть Англии в Сабахе [28, 131]. Ни Голландия, считавшая, что захват Англией Северного Калимантана противоречит условиям Лондонского договора 1824 г. о разделе сфер влияния в Юго-Восточной Азии, ни Испания, претендовавшая на Сабах, не смогли помешать более сильным английским колонизаторам захватить весь Северный Калимантан.

Если в экономической эксплуатации Индонезии Голландия по мере обострения межимпериалистических противоречий и приближения борьбы за передел колониального мира оказывалась вынужденной переходить к политике «открытых дверей» и все шире допускать на архипелаг капитал других держав, в первую очередь английский, то тем более ревниво держались голландские колонизаторы за монополию своего политического господства в Индонезии, которая предоставляла им и экономические выгоды в виде налоговых поступлений, откупов, хеерендинстен и т. п. Борьба за

окончательный раздел мира для слабой в военном отношении Голландии свелась к окончательному захвату Индонезии; голландский монополистический капитал, не помышляя о приобретении колоний в других районах земного шара, все силы сосредоточил на удержании своего господства над уже завоеванными районами архипелага и на расширении колоний в Индонезии. «Эра невмешательства» заканчивалась, и на смену ей приходил период широкой голландской экспансии во Внешних владениях.

В 90-х годах XIX в. у руля колониальной политики Нидерландов встают сторонники «решительных мероприятий» на архипелаге: министром колоний в 1897 г. становится Й. Т. Кремер, а генерал-губернатором Нидерландской Индии в 1893—1899 гг. является ван дер Вейк. Последний в 1894 г. предпринял акцию, которая означала курс на полное подчинение Внешних владений власти Нидерландов. Воспользовавшись восстанием сасакского населения о-ва Ломбок против своих угнетателей — балийских феодалов, голландские колонизаторы отправили экспедиционный корпус для захвата острова. В августе 1894 г. интервенты потерпели серьезное поражение: обе голландские колонны, двигавшиеся в глубь острова, были разгромлены балийцами и сасаками. Ван дер Вейк бросил на Ломбок все наличные силы колониальной армии, и к декабрю 1894 г. командующий Феттер подавил сопротивление. Ломбок, а также часть соседнего Бали были поставлены под прямой контроль голландской администрации[2].

Переход к откровенно экспансионистской политике во Внешних владениях, знаменовавший вступление голландского капитализма в империалистическую стадию развития, не мог не коснуться самой больной проблемы голландской колониальной политики того времени — Ачехской войны. Без победы в Аче Голландия не могла считать свое господство в Индонезии обеспеченным; Ачехская война продолжала поглощать основные людские резервы колониальной армии, не говоря уже об огромных расходах на ее ведение; сопротивление ачехского народа подрывало престиж голландской власти в других районах архипелага; наконец, продолжение войны на севере Суматры предоставляло колониальным соперникам Нидерландов постоянную удобную возможность для вмешательства на архипелаге. Кроме того, представлялось совершенно очевидным, что серьезной экспансии в других районах архипелага должно предшествовать более или менее удовлетворительное, с точки зрения колонизаторов, разрешение ачехской проблемы.

Все эти обстоятельства определили особый интерес правительственных кругов и голландской общественности к ачехскому вопросу в конце 80-х — первой половине 90-х годов XIX в. Интерес этот обострился и в связи с политической борьбой в метрополии: в 1888—1891 гг. впервые со времени начала Ачехской

---

[2] О восстании на Ломбоке и захвате острова см. [28, 92—117].

войны у власти стояла консервативно-клерикальная коалиция, которая раньше не упускала возможности задеть своих политических соперников — либералов, обвиняя их в неспособности разрешить ачехскую проблему. Придя к власти, антиреволюционеры и католики сами стали объектом нападок либеральной оппозиции в связи с Ачехской войной.

Хотя на протяжении всей войны в колониальных кругах Голландии не было недостатка в рецептах по ее лучшему ведению и способам скорейшего окончания, все же конец 80-х — первая половина 90-х годов XIX в. поставили своеобразный рекорд в этом отношении. Неудачи 80-х годов, последовавшие после «блистательных походов» ван дер Хейдена, неожиданный для большинства наблюдателей подъем народного сопротивления, выдвижение новой политической силы — саманистов — все это неизбежно заставляло пересматривать старые концепции, искать новые пути и методы разрешения самой острой проблемы колониальной политики Нидерландов того времени.

В среде политиков либеральной и клерикальных партий, деятелей колониальной администрации и военных, выступавших с различного рода рецептами излечения «ачехской болезни», прослеживаются два направления. Одно из них рассматривало ачехский вопрос главным образом с точки зрения военных проблем. Это было, так сказать, традиционное направление — именно с этой точки зрения по преимуществу рассматривалась Ачехская война голландскими политиками, военными и администраторами начиная с 1873 г. Характерными образчиками такой точки зрения являются брошюры крупного колониального чиновника С. Недербюрха и отставного полковника В. А. Коблейна. Оба автора недовольны способами ведения войны, оба считают ее ударом по престижу Нидерландов и их армии. «Уже 20 лет воюют Нидерланды в Аче, и все еще не предвидится конца этой злосчастной войны. Наше положение не улучшается, а в последнее время оно становится еще хуже», — писал Коблейн [55, 3]. Ему вторил Недербюрх: «Ачехская война ложится черным пятном на армию — главный оплот нашего господства в Индии, опустошает казну, наносит ущерб нашему престижу в Европе и Индии, создает разлад между сынами отечества, короче говоря, приносит целое море горя и стыда родине и колонии» [110, 3]. Недербюрх предлагал отказаться от дорогостоящих наступательных операций и линии укреплений в Великом Аче, а вместо этого построить форт, неприступный для ачехцев, на побережье, который смогут оборонять 400—500 человек. Благодаря этому форту голландцы смогут господствовать на побережье, предоставив внутренний Аче своей судьбе [110, 42—43].

Если Недербюрх являлся сторонником отходившей в прошлое «политики невмешательства» и, рассматривая ачехскую проблему с военной точки зрения, склонялся к методу ее разрешения, характерному для предыдущей истории голландского утверждения на

архипелаге, то Коблейн выражал взгляды экспансионистов, ратовавших за распространение власти Нидерландов на внутренние районы островов архипелага. Коблейн был сторонником решительного наступления в Великом Аче — центре сопротивления, — сосредоточения значительных сил, с тем чтобы в короткий срок эффективно оккупировать внутренние области Аче [55, 15—24].

По мере возрастания трудностей и неудач в Ачехской войне среди голландских политиков и военных росло убеждение, что к этой войне нужно подходить с какими-то другими мерками по сравнению с прошлыми войнами на архипелаге, что нужно искать другие способы разрешения ачехского вопроса, нежели те, которые предлагались вот уже 15—20 лет сторонниками «военного» подхода. Так появилась программа Схерера. В своей брошюре «Как надо умиротворять Аче?» резидент Северного и Восточного берега Аче Г. А. Схерер в качестве основы разрешения ачехской проблемы выдвигал установление господства над побережьем. Он предлагал, сохраняя «линию концентрации» в Великом Аче, сосредоточить внимание на ачехском побережье, создать там укрепленные пункты, осуществлять строгую блокаду с моря, с тем чтобы лишить ачехцев связи с внешним миром. Идеи Схерера, которые легли в основу «портовых правил» голландской колониальной администрации в Аче в 80—90-х годах, были подхвачены и развиты участником Ачехской войны майором ван Хэютсом в книге «Покорение Аче» [83].

Йоханнес Бенедиктус ван Хэютс (1851—1914), который, как и ван дер Хейден, стал кумиром колониальных Нидерландов, человек, снискавший славу победителя в Ачехской войне, вообще быстро схватывал и развивал полюбившиеся ему идеи. Этот человек не обладал самостоятельным, оригинальным мышлением, но, будучи чрезвычайно волевой, жестокой и целеустремленной личностью, настойчиво проводил в жизнь планы и программы, выдвинутые другими. Поступив на военную службу в 1870 г., второй лейтенант ван Хэютс в 1874 г. оказался в Аче, где дослужился до первого лейтенанта и должности адъютанта губернатора. Закончив высшую военную школу в Голландии, он вернулся на Суматру и в 1887 г. (к этому времени он стал капитаном) был назначен начальником штаба голландских войск в Аче [102, 26].

Когда после смерти губернатора ван Тейна в 1891 г. голландские власти взяли курс на следование «политике концентрации» в сочетании с «политикой использования ачехцев против ачехцев», майор ван Хэютс опубликовал в «Индийском военном журнале» за 1892 — первую половину 1893 г. серию статей под общим названием «Покорение Аче». Надо отдать должное ван Хэютсу — он был нелицеприятным человеком и никогда не стеснялся откровенно высказывать свое мнение не только подчиненным, но и начальству. В своих статьях, позднее изданных отдельной брошюрой, он подверг резкой критике губернаторов Помпе де Меердефорта и Дейкерхоффа, которые отказались от активных действий вне «ли-

ний концентрации». Ван Хэютс считал, что ключ решения ачехской проблемы лежит в княжествах, являющихся источниками снабжения Великого Аче. Он предлагал, вслед за Схерером, установить строжайшую блокаду побережья, распространить на все княжества «портовые правила» и беспощадно штрафовать князей и население за нарушение этих правил, добиваясь «опустошения ачехского золотого мешка». Эти меры должны были дополняться непрерывными карательными экспедициями [83, 74—81].

Полемический задор, смелость автора в критике своих непосредственных начальников, опыт ван Хэютса в Ачехской войне—все это привлекло внимание общественности Нидерландов к безвестному до той поры майору колониальной армии.

Наконец, к описываемому времени относится возникновение «политического» течения в среде колониальных экспертов по ачехскому вопросу. В предшествующие годы «политический» подход прослеживался лишь в работах де Рошемона. Теперь таких статей, памфлетов, книг появляется все больше. Одним из самых ярких примеров служит появление в 1886 г. в семарангской газете «Де Локомотиф» серии статей В. Ниювенхайзена, впоследствии объединенных автором, выступавшим под псевдонимом Брут, в книгу «Ачехские очерки» [52]. Ниювенхайзен идет в критике ведения войны гораздо дальше, чем сторонники «военного» подхода. Если для последних она — позор, поскольку в ней не может победить колониальная армия Нидерландов, то для Ниювенхайзена Ачехская война — несправедливая война: «Каждая война имеет свои отличительные особенности. Что же касается Ачехской войны, то можно смело сказать: ее отличительная особенность — полное отсутствие всяких воодушевляющих мотивов. Каждое явление, которое имеет явно выраженный агрессивный характер (достаточно вспомнить английские экспедиции в Трансвааль и Судан, войну Франции с Китаем и другие подобные войны), не может способствовать росту энтузиазма в армии, а армия отражает настроение нации» [52, 1—2]. Он считает сопротивление в Аче народной войной, которая по широте охвата населения и глубине более значительна, чем мятеж, восстание или просто партизанское движение: «В народной войне могут присутствовать элементы восстания и мятежа, но она не сводится к ним. Что же касается отличия от партизанской войны, то вот пример: Нья Хасан ведет именно такую войну, но Теунгку ди Тиро — уже народную» [52, 4]. В Аче идет народная война, в которой ачехцы действуют партизанскими методами, а потому к Ачехской войне нельзя подходить не только с мерками последних европейских войн, но трудно даже использовать опыт «обычных индийских войн» — эта мысль пронизывает статьи Ниювенхайзена. Он предлагает не возлагать особых надежд на покорение султана, снова и снова проводя параллели между Ачехской войной и известными народными войнами против захватчиков: «Ачехцы сопротиляются даже без единого центра и султана под руководством Панглимы

Полима и цвета педирской аристократии — Теуку Нья Хасана и Теунгку ди Тиро, точно так же как испанцы сопротивлялись Наполеону I, а мексиканцы — Наполеону III» [52, 8].

Хотя Ниювенхайзен и считает Ачехскую войну несправедливой, он полагает, что ее нужно довести до победного конца во имя престижа родины и голландской власти на архипелаге. Для достижения победы он считает абсолютно необходимым провести реорганизацию армии (создать мобильные подразделения, дать бóльшую самостоятельность командирам отдельных отрядов, обновить офицерский корпус), улучшить управление колонией, обратить особое внимание на Великий Аче [52, 33—74].

Хотя внутренние особенности ачехского сопротивления не были в достаточной мере поняты Ниювенхайзеном (достаточно сказать, что он не разобрался в роли улам и считал Мохаммада Самана однотипной с Панглимой Полимом фигурой), он понял в отличие от большинства голландских политиков того времени народный характер Ачехской войны. В соответствии с этим Ниювенхайзен считал, что на первый план в действиях Голландии должны выдвигаться меры политические. Поэтому он впоследствии приветствовал политику Дейкерхоффа «завоевать Аче руками ачехцев», считая, что переход Теуку Умара в голландский лагерь предоставляет наилучшие возможности для разрешения проблемы покорения Аче. В анонимном памфлете [115] он всячески защищал эту политику и доказывал, что голландская администрация своими грубыми действиями и чрезмерной подозрительностью оттолкнула Теуку Умара. Ниювенхайзен выражал точку зрения тех колониальных деятелей, которые уже не только уверились в недостаточности военных способов разрешения ачехского вопроса, но и отводили главенствующее место политическим методам. Позиции сторонников этой точки зрения получили особенно широкое распространение в 1893—1895 гг., в период губернаторства Дейкерхоффа и союза с Теуку Умаром. Когда же последний весной 1896 г. оказался в рядах ачехского сопротивления, в голландских колониальных кругах вновь взяли верх сторонники «военного» решения проблемы, однако ненадолго, ибо опыт предшествующих лет и самого 1896 года свидетельствовал, что таким путем можно добиться лишь частичного успеха, но не подавить народное движение.

Предвестником поворота в голландской политике в Аче явился доклад, появившийся в 1892 г. Доклад написан не военным и не деятелем колониальной администрации, а ученым, отправленным в Аче со специальным заданием правительства. Одни знают его как крупнейшего исламоведа и арабиста, другие — как специалиста по религиозным и юридическим проблемам колониальной Индонезии, и лишь меньшинство — как теоретика и практика голландской колониальной политики в Аче. Этим человеком был Кристиан Снук Хюргронье.

Снук Хюргронье — сложная и противоречивая фигура. Один из отцов современного исламоведения и крупный практик-администт-

ратор, ученый с мировым именем и колонизатор, предложивший брать заложниками жен и детей партизанских вождей, член многих академий (в том числе и Академии наук СССР) и паломник Абд ал-Гафар, совершивший хадж в Мекку, кабинетный ученый и блестящий публицист — все эти характеристики относятся к одному человеку.

Кристиан Снук Хюргронье родился в 1857 г. в Остерхауте. В Лейденском университете, который он окончил в 1880 г., Снук Хюргронье специализировался по семитским языкам. С 1881 по 1887 г. он преподавал в учебном заведении по подготовке колониальных чиновников в Лейдене, а с 1887 по 1889 г. — в Лейденском университете. В течение года (август 1884 — август 1885 г.) Снук Хюргронье находился в Джидде и Мекке. Под именем Абд ал-Гафара он совершил паломничество в священный город мусульман — предприятие, которое до сих пор удается немногим европейцам. Результатом путешествия было появление фундаментальной работы «Мекка», принесшей славу ее автору. Во время пребывания в Аравии Снук Хюргронье познакомился с положением в индонезийской колонии, находившейся в Мекке и Джидде, встречался с Хабибом и видными ачехскими уламами. Это в значительной мере определило выбор правительства Голландии, которое в 1889 г. направило Снука Хюргронье в двухгодичную командировку в Индонезию в качестве советника по восточным языкам и туземному праву при генерал-губернаторе. Ученый с 1889 по 1891 г. изучал ислам на Западной и Центральной Яве, а в 1891 г. ему предложили совершить поездку в Аче и написать доклад о положении в этой стране. Снук Хюргронье принял предложение, и в июле 1891 г. в Кутараджу прибыл араб Абд ал-Гафар, который оставался в Аче до февраля 1892 г. и с которым ачехцы, естественно, беседовали откровеннее, чем с представителями голландской колониальной администрации. В мае 1892 г. появился «Доклад о политико-религиозной обстановке в Аче», первые две части которого вошли в книгу «Ачехцы»[3].

«Ачехцы» Снука Хюргронье по сей день остаются лучшим из всего, что написано по истории, общественному строю и культуре ачехского народа. Научное значение работы трудно переоценить. Но вместе с тем трудно переоценить и ту услугу, которую оказал советник Снук Хюргронье голландскому колониализму. Дело было не только в том, что колонизаторы получили в свое распоряжение превосходные данные, касающиеся страны, которую они завоевывали. Если бы деятельность Снука Хюргронье этим ограничилась, мир получил бы просто еще один великолепный труд этнографо-исторического характера. Доклад же в своем первоначальном виде был в первую очередь руководством к действию. Никто не оказал

---

[3] C. Snouck Hurgronje, De Atjehers, t. I—II, s-Gravenhage, 1893—1894; английский перевод с предисловием и добавлением автора [142]. Последние части доклада Снука Хюргронье напечатаны в [143, 51—97].

голландскому колониализму в конце XIX — начале XX в. такой услуги, как ученый Снук Хюргронье. Один из его соратников писал: «Без Снука Хюргронье не было бы ван Хэютса, не было бы великолепной плеяды — Кристоффел, Колейн, ван Даален, ван Лунен, ван дер Маатен, Сварт, ван дер Ведден» [227, 1936 г., 457]. Расшифруем: речь идет о палачах индонезийских народов, прежде всего ачехского, о военных и администраторах, кровью и железом устанавливавших власть Голландии на архипелаге.

Снук Хюргронье был человеком своего времени и своей среды. Он искренне считал, что колониализм является благом для «отсталых, погрязших в невежестве и усобицах» народов Индонезии. И с этой точки зрения он не грешил против своей совести, когда вырабатывал план удушения сопротивления ачехского народа — план более действенный (и, по его мнению, более человечный), чем все то, что предлагалось его предшественниками и современниками.

План был научным: анализ реальной обстановки не приносился в жертву стремлению угодить сильным мира сего, и автор мало заботился о том, соответствуют ли его выводы взглядам политиков в Нидерландах и бюрократической и военной верхушки в колонии. Снук Хюргронье предлагал взглянуть фактам в лицо и признать Ачехскую войну не сопротивлением знати, а народной войной, в которой против захватчиков выступает подавляющее большинство населения. Он указывал, что руководящую роль в организации сопротивления играют уламы и деревенская верхушка, султан же и его окружение практически участия в борьбе не принимают. Снук Хюргронье предлагал не обращать внимания на бессильную султанскую партию, а сосредоточить внимание на борьбе с уламами и вожаками партизанских отрядов типа Теуку Умара и действовать беспощадно и решительно, стремясь к их физическому уничтожению, не вступать с ними в переговоры и ни на минуту не прекращать военных действий. Адатных вождей — улубалангов и имамов — он рекомендовал всячески привлекать на голландскую сторону посредством различных уступок. Снук Хюргронье считал, что колонизаторы могут с успехом использовать в своих целях оттесненных на второй план и лишенных значительной части доходов адатных вождей, которые сохранили тем не менее определенное влияние на население.

Учитывал он также недовольство крестьянства введением обременительных шариатских норм в государстве Самана и засильем улам и партизанских вождей, многие из которых превращались в типичных улубалангов. Согласно плану Снука Хюргронье, голландская администрация должна была изменить политику в отношении массы населения. Необходимо поощрять возвращение жителей к повседневным занятиям, не ожесточать жителей кампонгов насилиями и реквизициями, не налагать огульных штрафов и не проводить повальных экзекуций. В целях лучшего ознакомления с положением дел и увеличения голландского влияния Снук

Хюргронье считал необходимым создать информационное бюро при губернаторе Аче из людей, знакомых с языком, нравами и обычаями ачехцев, учредить службу местных советников, ввести инструкции для действующих в Аче чиновников и офицеров, создавать школы для детей местной знати.

Военная часть плана Снука Хюргронье в отличие от всех прошлых голландских программ «умиротворения» Аче была подчинена политическим целям, являвшимся основой плана. Исходя из анализа руководящих сил сопротивления, советник предлагал вначале покончить с антиголландским движением в Великом Аче. Для этого он считал необходимым отказаться от «политики концентрации», занять важнейшие пункты долины р. Аче и поставить в них гарнизоны. Даже в чисто военных вопросах ученый оказался на голову выше профессионалов: именно Снуку Хюргронье принадлежит идея создания мобильных колонн, сыгравших решающую роль в покорении Великого Аче. Вслед за покорением Великого Аче должна была наступить очередь княжеств побережья. Снук Хюргронье соглашался с введением «портовых правил», но считал эту меру недостаточной. Он настаивал на дополнении их наступательными действиями.

Доклад Снука Хюргронье на первых порах не был оценен вершителями колониальной политики Нидерландов. Выводы, перечеркивающие целесообразность долголетней политики, проводимой в Аче, перенос центра тяжести на политические мероприятия — все это вызывало протест в среде колониальной администрации, привыкшей действовать по старинке и к тому же задетой тем, что неспециалист берет на себя смелость давать такие далеко идущие рекомендации. К этому следует добавить традиционную для голландского чиновничества и военных косность мышления и приверженность к следованию проторенным путем и методом. В результате один из крупных колониальных чиновников, К. Б. Недербюрх, когда вышла вторая часть «Ачехцев» (1894), написал, что «индийское правительство не несет ответственности за спорные мысли автора» [227, 1936 г., 475]. Неодобрительно относились к идеям Снука Хюргронье министр колоний Кремер, генерал-губернатор Пейнакер Хордейк, главный инженер Нидерландской Индии Эйзерман, командующий армией Феттер и др. С введением «плана Дейкерхоффа», на который колонизаторы возлагали столько надежд, о докладе Снука Хюргронье в официальных кругах как бы забыли.

С 1893 г. Снук Хюргронье постоянно подвергал критике идею Дейкерхоффа «покорить Аче руками ачехцов». В письмах генерал-губернатору он советовал отказаться от «политики концентрации» и не доверять Теуку Умару, перешедшему на сторону голландцев [107, т. II, прил. LIX, 97]. Одновременно Снук Хюргронье, широко пропагандировавший свои взгляды в печати, получал поддержку в среде тех деятелей, которые начали понимать необходимость перемен как в ачехской, так и во всей колониальной политике.

Одним из сторонников Снука Хюргронье стал вице-президент Индийского совета, а затем генерал-губернатор ван дер Вейк. Горячим сторонником советника выказал себя находившийся тогда в Голландии ван Хэютс. Самолюбивый майор нашел в себе силы стерпеть обиду того разноса, которому Снук Хюргронье подверг его брошюру [143, т. I, 116—124], и смиренно пошел на выучку. Он дополнил новое издание брошюры идеей о создании мобильных колонн, вступил в переписку со Снуком Хюргронье, всячески подчеркивая свою приверженность планам последнего. В свою очередь Снук Хюргронье, нуждаясь в поддержке среди офицерства, начал выдвигать ван Хэютса на пост губернатора Аче.

С середины 90-х годов отношение к Ачехской войне начали высказывать и голландские социал-демократы — новая общественно-политическая сила в Нидерландах. Организовавшаяся в 1894 г. и проведшая на выборах 1897 г. своих лидеров — П. Трульстру и Г. Г. ван Коля — в парламент социал-демократическая рабочая партия (СДАП) устами этих лидеров сформулировала позицию в колониальном вопросе, частью которого была Ачехская война. Окончательно позиция оппортунистических вождей СДАП в колониальном вопросе сложилась в начале XX в. и состояла в оправдании политики колониальных захватов на архипелаге в сочетании с критикой «крайностей» колониальной политики. Однако уже в изданной в 1896 г. брошюре, принадлежащей, видимо, перу ван Коля [90] и написанной по поводу «измены Умара», содержатся в зародыше те взгляды, которые были развиты в оппортунистической программе 1901 г. Автор-социалист, скрывающийся под псевдонимом Кассандра, резко критиковал усилившуюся после «измены Умара» жестокость голландцев в Аче, следующим образом характеризуя политику военных: «Теперь — никакого доверия, никакой мягкости, никакого дружеского отношения к предательскому народу, как будто бы все шаги по умиротворению Аче носили ранее дружественный характер... Отныне — справедливое возмездие, абсолютная покорность, убийства и разрушения без пощады; мы *господа,* и *они* должны это понять: они должны дрожать и трепетать перед нами!» [90, 4]. Кассандра указывает далее: «Но эта политика кончилась крушением. Завоевание? Бесконечный декорум, дорогостоящее возведение всевозможных стен, производство в чины, славословия в газетах, овации и чествования в Индии и Нидерландах... Даже в дни „прославленного" ван дер Хейдена мы владели (в Аче.—*В. Т.*) небольшим клочком земли, поддерживая нашу власть ужасным террором... в то время как в соседних областях народ успешно сопротивлялся» [90, 7].

По мере чтения брошюры выясняется, что автор далек от намерения критиковать колониальные захваты на архипелаге, он протестует лишь против методов, которые применяются при этих захватах. Главный враг прогресса в колониальном вопросе и защитник прежних методов — голландская военщина, на которую Кассандра и обрушивает весь свой сарказм и гнев. Указывая на

рост милитаризма в Европе и колониях после 1870 г., он пишет: «Там, где поднимается милитаризм, проявляется склонность к милитаристским акциям, к милитаристской гегемонии, жажде завоеваний и войнам... Это и есть болезнь, которой страдают голландцы и голландское управление в Индии, что доказывается завоеванием Аче» [90, 6]. Колониальные захваты объясняются, таким образом, честолюбивыми замыслами голландских милитаристов и отрываются от политики правящих классов Нидерландов. Судьбы самого Аче Кассандру мало интересуют, да он и не скрывает этого: «Кончится ли эта печальная ачехская история? Вероятно, да, но не об этом сейчас идет речь» [90, 15]. Главное — пресечь попытки военных решать проблемы колониальной политики, изменить методы колониального управления. По сути дела, такая точка зрения мало отличается от взглядов «этиков», в первую очередь Снука Хюргронье, также призывавшего к изменению методов ведения войны и колониального управления. Вместе с тем следует отметить безусловно прогрессивный в условиях разгула шовинизма в Нидерландах характер брошюры Кассандры, в которой содержится осуждение милитаризма, жестокостей голландской военщины в Аче, уважение к решимости ачехского народа продолжать сопротивление. Сходную позицию занимали социал-демократические депутаты и в парламенте Нидерландов во время дебатов по ачехскому вопросу в 1897 г. [347, 227].

Борьба мнений по ачехской проблеме отражала тот огромный интерес к ней, который существовал в Нидерландах и в Индонезии. Вместе с тем эта борьба знаменовала переход к новым формам колониальной политики. В известной мере в ней нашли отражение идеи, завоевавшие признание позже, в годы действия «этического курса»[4]. Ачехская война, являясь едва ли не самой острой проблемой колониальной политики Нидерландов того периода, неминуемо сказывалась на общем направлении и характере этой политики. Изменения в ачехской политике не только отражали перемены в общем характере политики колониальной, но и ускоряли и подталкивали эти перемены. Переход колонизаторов в Аче к новой политике был ускорен событиями весны 1896 г., получившими название «измены Умара».

Как отмечалось в предыдущей главе, саманисты, сумев к 1895 г. несколько урегулировать свои разногласия, сплотились вокруг Мат Амина и его братьев и усилили натиск на голландские посты в саги XXII и XXVI. Форты захватчиков подвергались непрерывным атакам, и голландцы вновь стали испытывать затруднения при подвозе подкреплений и снаряжения в отдаленные укрепления. «Мусульмане» активизировались и в саги XXV, где, казалось, после действий «легиона Умара» их сопротивление было сломлено. В ночь с 16 на 17 января 1896 г. саманистские панглимы Теуку Бин и Теуку Сабел напали на голландский отряд в

[4] Об «этическом курсе» и «этиках» см. следующую главу.

кампонге Беравей; в феврале произошел целый ряд нападений на голландские посты и отряды вблизи «линии концентрации» [100, т. I, 11]. Разгром голландского отряда под Анак Галонгом в марте 1896 г. привел к усилению влияния саманистов в Великом Аче и позволил им несколько восстановить утраченные в этом районе в предыдущие годы позиции.

Теуку Умар, державший оборону «внешней линии», после августа 1895 г. фактически прекратил борьбу с саманистами. Видимо, с этого времени он склоняется к мысли вернуться в ряды сопротивления. Умар вооружил свой легион, установил контакты с антиголландски настроенными улубалангами и (через Чут Нья Дин) с некоторыми уламами. Его горячо поддерживал в этом намерении духовный глава саманистов — Теунгку Кутакарангский, который считал необходимым объединить все патриотические силы на борьбу с общим врагом. Несомненно, подъем сопротивления в конце 1895 — начале 1896 г. прямо связан с позицией Теуку Умара, который уклонялся от участия в действиях против своих соотечественников. Положение Теуку Умара осложнялось тем, что он оказался меж двух огней. С одной стороны, ему не доверяли голландские власти, которые своей подозрительностью, прямой слежкой и различными провокациями ставили Теуку Умара в нелегкое положение[5]. С другой стороны, наиболее фанатичные руководители сопротивления считали Теуку Умара «кафиром» — отступником, с которым вообще нельзя иметь никакого дела. Именно на такой точке зрения стоял сменивший умершего Теунгку Кутакарангского улама Теунгку Танахабейский, который в феврале 1896 г. опубликовал фетву, ставившую Теуку Умара вне закона [100, т. I, 2]. Все это заставляло Умара торопиться и ускорить осуществление своего плана, хотя достичь договоренности с вождями сопротивления об условиях соединения сил он еще не успел.

Возвращение Умара в ряды сопротивления означало вместе с тем крах политики Дейкерхоффа и ставило голландских колонизаторов перед необходимостью перейти к иной политике в Аче. Весной 1896 г. в Аче явственно ощущалась предгрозовая атмосфера, которую не замечали лишь губернатор и лица, его поддерживающие. В начале апреля в гавани Батавии — Танджунг Приок — встретились Снук Хюргронье и главный инженер Нидерландской Индии, один из самых активных приверженцев «плана Дейкерхоффа» — Эйзерман. Только что вернувшийся из Аче Эйзерман сказал собеседнику: «Все идет в Аче как нельзя лучше».— «Да,— последовал ответ,— Умар получил оружие, снаряжение, деньги и бежал».— «Это невозможно».— «Возможно. Об этом телеграфировал сам Дейкерхофф»,— холодно возразил Снук Хюргронье [227, 1936 г., 184].

---

[5] В. Ниювенхайзен даже обвинял власти Кутараджи и Олех-лех в том, что они оттолкнули Умара и вынудили его перейти на сторону повстанцев [115].

Теуку Умар и положение в Великом Аче весной 1896 г.

15 марта 1896 г. губернатор Дейкерхофф собрал в Кутарадже чрезвычайное совещание, на котором обсуждалось положение в Аче в связи с успехами саманистов. Кроме помощника губернатора по гражданским делам ван Лангена и ассистент-резидента Великого Аче Крусена на совещании присутствовал и Теуку Умар. Голландцы потребовали, чтобы «легион Умара» немедленно выступил в поход на муким Ламкра (в саги XXII), где находился один из центров ачехского сопротивления и откуда приходили отряды «мусульман», атакующие Анак Галонг и Билул [100, т. I, 20].

Наступил момент, когда необходимо было сделать выбор. Ачехские патриоты не удовлетворялись пассивной тактикой «легиона Умара» при операциях в саги XXII и требовали от него более решительных шагов. Как уже говорилось, 15 февраля, т. е. за месяц до совещания в Кутарадже, духовный глава саги XXII обнародовал фетву, в которой заявлял о необходимости убить «кафира» и отступника Теуку Умара. Чут Нья Дин, Нья Макам, Имам Лонгбатский торопили Умара, уговаривая его обратить оружие против голландцев. С другой стороны, Умару становилось все труднее уклоняться от участия в боевых действиях против ачехских патриотов, ссылаясь на обиду из-за отсутствия у него голландского военного ордена или подобного рода обстоятельства, так как губернатор, на которого оказывали постоянный нажим сторонники Снука Хюргронье и ван Хэютса, требовал от Теуку Джохан Пахлавана выполнения взятых им обязательств. Решение о походе в Ламкра и должно было, по мысли Дейкерхоффа, заставить Теуку Умара действовать более решительно, а также заткнуть рот недоброжелателям, не разделявшим позицию генерала относительно «умиротворения» Аче руками ачехцев.

Перед Теуку Умаром встала дилемма: или выступить в поход на Ламкра и тем самым окончательно связать свою судьбу с колонизаторами, или обратить оружие против них, объединив силы патриотов. Медлить было нельзя. «Легион Умара» занимал ключевые позиции вне «линии концентрации», на посту губернатора находился пока еще Дейкерхофф, веривший если не в Умара, то в свой план «умиротворения» Аче, в обстановке подъема движения существовала возможность сплочения патриотических сил под руководством наиболее опытного вождя, каковым был, безусловно, Умар. И Теуку Умар сделал выбор: в решающий момент он пошел вместе со своим народом и остался верен ему до конца.

Свой выбор Теуку Умар сделал, очевидно, еще до совещания в Кутарадже, потому что на совещании он попросил отсрочить поход в Ламкра до 28 марта, ссылаясь на период поста и необходимость тщательной подготовки похода [100, т. I, 21]. Эту отсрочку он использовал для переговоров с улубалангами и улама-

ми, которые происходили в доме Чут Нья Дин при посредничестве Нья Макама [243, 112]. Переговоры не остались незамеченными. 27 марта старый голландский лазутчик Кечик Умар донес смертельному врагу Теуку Умара контролеру Гизолфу о встречах Умара с Чут Нья Дин. Через день о предполагаемой измене Умара донес губернатору улубаланг Теуку Чут Ламтенгах [322, 184]. Но эти сообщения пришли слишком поздно. 25 марта «легион Умара» оставил посты на «линии Умара», где он нес гарнизонную службу, а 26 марта Умар получил для похода на Ламкра от голландского командования 880 винтовок, 25 тыс. патронов, порох, пистоны, свинец и на 18 тыс. малайских долл. золота и опиума [204, 22].

28 марта «легион Умара» выступил в поход, а к полудню следующего дня Кутараджа была охвачена паникой. В 10 часов утра 29 марта комендант Лампенерута сообщил, что вынужден оставить блокгауз, подвергшийся нападению Умара. Телефонная связь с Чот Гу была прервана. Добравшийся до Кутараджи полицейский сообщил, что весь район между Ламкунчитом и Чот Гу захвачен Умаром и гарнизон Ламкунчита отрезан. Через полчаса пришло сообщение, что улубаланг IX мукимов Теуку Нья Мохаммад осадил все голландские укрепления в Лхонге. В полдень сообщили об обстреле Билула, а днем очередной транспорт уже не смог пройти к этому форту, осажденному ачехцами. Вечером были обстреляны голландские укрепления в Сенелопе, Анак Галонге и Чот Гу, а также патрули, действовавшие в этом районе [100, т. I, 29—30].

Масштабы постигшего колонизаторов урона окончательно определились утром 30 марта, когда Дейкерхоффу сообщили, что удержать посты и блокгаузы за «линией концентрации» невозможно. В тот же день Дейкерхофф отправил телеграмму генерал-губернатору с просьбой о подкреплении. Умар со своим легионом, насчитывавшим к тому времени не менее тысячи человек, неплохо вооруженных и снабженных боеприпасами, знакомых с тактикой и расположением голландских войск, представлял смертельную угрозу для колонизаторов. Вместе с Умаром оружие против голландцев подняли несколько ранее покорившихся вождей. Присоединился к ним и улубаланг IX мукимов Нья Мохаммад, у которого Умар похитил жену и детей, чтобы вынудить Нья Мохаммада оставить голландцев. 31 марта на сторону Умара перешел муким Ламтенгах (в VII мукимах Баит) во главе с имамом Теуку Чут Мохаммадом, а 1 апреля — улубаланг Теуку Чут Тунгкуп [100, т. I, 28].

С 30 марта развернулось повсеместное наступление ачехцев на «линию Умара». Голландские посты были осаждены саманистами, отрядами Панглимы Полима и воинами принявших сторону Умара вождей. Сам Теуку Умар, как сообщают голландские источники, пока «воздерживался от непосредственного участия в боевых действиях, снабжая врага боеприпасами и информацией», и

сооружал укрепления в IV и VI мукимах [100, т. I, 39]. Такая позиция Умара объясняется, видимо, двумя обстоятельствами. Во-первых, он хотел, прежде чем бросить свой легион против голландцев, наладить координацию действий с главными руководителями сопротивления из саманистской и султанской партий, а также консолидировать под своим началом силы пошедших за ним улубалангов и имамов. С этой целью в начале апреля 1896 г. Теуку Умар собрал в Ламписанге в доме Чут Нья Дин своих приверженцев и пригласил на это совещание Панглиму Полима и видных улам [100, т. I, 39].

Второй причиной, по которой Теуку Умар не принял участия в наступлении на голландские позиции в начале апреля 1896 г., были его надежды ввести в заблуждение голландскую администрацию и предотвратить переброску значительных подкреплений в Аче, придав событиям характер не очень значительного эпизода, объясняемого легко устранимыми личными обидами самого Умара. С этой целью он направил 30 марта письмо генералу Дейкерхоффу с жалобой на контролера Олех-лех Б. Гизолфа и главу местной полиции Мохаммада Арифа, которые своей подозрительностью и недостойными поступками в отношении близких к Умару людей заставили его отпасть от голландцев. В конце письма Умар заверял губернатора в своей преданности и готовности после устранения обид выступить в поход на Ламкра [100, т. I, прил. II, 315—316]. Вероятно, Умар рассчитывал выиграть время в переговорах с голландцами, чтобы соединить патриотические силы под своим руководством и организовать решительное наступление на «линию концентрации».

Однако расчеты Умара не оправдались. Ему не удалось добиться сплочения всех антиголландских сил Великого Аче. На встречу в Ламписанге явились лишь приверженцы Умара. Саманисты, находящиеся под влиянием фанатичного Теунгку Танахабейского, отвергли в тот момент всякие контакты с «неверным» Умаром [243, 117]. Панглима Полим выжидал, надеясь, что Умар, оказавшись в изоляции, пойдет на союз с султанской партией, но не в качестве решающей силы в этом союзе. Султанская партия рассчитывала на это, понимая, что неприязнь между Умаром и саманистами слишком сильна, чтобы одна из сторон согласилась немедленно признать главенство другой. Кроме того, среди союзников Умара было много улубалангов и имамов, тяготевших к союзу не с уламами, а с султанской партией. В результате силы сопротивления в Аче в этот решающий момент продолжали оставаться разрозненными, и отчаянные попытки Умара наладить сотрудничество успехов пока не дали: отряды патриотов продолжали сражаться отдельно даже в дни штурма «линии Умара».

Не оправдались надежды Умара и на выигрыш времени в переговорах с голландцами. «Измена Умара» — под таким названием вошли события весны 1896 г. в голландскую публицистику и историографию Ачехской войны — немедленно усилила позиции

Снука Хюргронье в колониальных кругах. Доклад Снука Хюргронье из сомнительного документа начал постепенно превращаться в своего рода руководство к действию. Сам Снук Хюргронье развил кипучую деятельность, стремясь через генерал-губернатора ван дер Вейка провести в жизнь свои идеи относительно Аче. Он побуждал нерешительного ван дер Вейка принять его программу и убедить в этом голландский парламент[6]. Он боролся с недоброжелательно настроенным командующим колониальной армией в Индонезии генералом Феттером, который считал, что главное в Аче, как и в других районах архипелага (генерал любил ссылаться на свой ломбокский опыт),— железная рука и количество посланных войск, что страну можно покорить и не читая «ученых докладов». Наконец, он всячески выдвигал подполковника ван Хэютса, который объявил себя сторонником Снука Хюргронье, готовым полностью следовать его программе. Ван Хэютс вступил в оживленную переписку со Снуком Хюргронье и советовался с ним по самым различным вопросам, связанным с военными и политическими акциями в Аче[7].

Хотя Снуку Хюргронье не удалось добиться назначения ван Хэюста на пост губернатора Аче (Феттер поочередно выдвигал своих любимцев де Маулина, Стемфоорта и ван Флита), он уже в 1896 г. сумел убедить генерал-губернатора в необходимости изменения тактики, в частности в постепенном отказе от «линии концентрации»: в июне 1896 г. на совещании у генерал-губернатора перед отправкой в Аче де Маулина последнему вменялось в обязанность обращать особое внимание на преследование вождей сопротивления, а не на сооружение оборонительных линий [107, т. II, прил. LXIX, 148].

Изменения в настроении колониальных кругов Индонезии нашли довольно яркое отражение в донесении русского консула в Батавии М. М. Бакунина, который, как показывают и написанные им позднее воспоминания о пребывании в Индонезии [24], находился под влиянием генерал-губернатора ван дер Вейка, склонявшегося к точке зрения Снука Хюргронье. Бакунин подчеркивал: «Общественное мнение весьма встревожено новейшими событиями в Ачине и предвидит уже не простую экспедицию, а целую кампанию, весьма тяжелую, кровопролитную, продолжительную и притом очень дорогую» [28, 119]. «Общественное мнение», о котором идет речь в донесении,— это голландские колониальные круги в Индонезии, которые все больше убеждались в необходимости изменения военно-политической линии в Аче. Сочувственно относясь к этому «общественному мнению», Бакунин

---

[6] К. ван дер Маатен приводит значительное количество писем из переписки ван дер Вейка и Снука Хюргронье, которые показывают, что влияние последнего на генерал-губернатора после восстания Теуку Умара значительно возросло [107, т. II, 1—17, 22—34].

[7] См. переписку 1896—1897 гг. ван Хэютса со Снуком Хюргронье [107, т. II, прил. XXVII—XL, 39—77].

указывал «на решимость колониального управления изменить прежнюю непроизводительную тактику полумер и задабривания отдельных туземных шефов и предпринять против Ачина, этой язвы, постоянно открытой и разъедающей колониальные силы и ресурсы, ряд энергичных и решительных действий» [24, 119].

Таким образом, «измена Умара» дала значительный перевес сторонникам «решительных мер» в голландских правящих кругах. Постепенное возобладание точки зрения Снука Хюргронье, разумеется, объясняется не самим фактом перехода Теуку Умара в патриотический лагерь: оно было подготовлено всем ходом Ачехской войны и неудачами голландской колониальной политики как в Аче, так и в других районах архипелага в конце XIX в. Очевидно также, что «измена Умара», вызвавшая такое негодование шовинистически настроенной прессы и общественности Нидерландов, судившей об ачехских делах по материалам этой прессы и официальным заявлениям политических деятелей страны, дала возможность критикам прежней политической и военной линии обрушиться с новыми нападками на нее и в обстановке растерянности, царившей в Гааге после получения сообщений о событиях в Аче, добиваться скорейшего изменения этой линии.

Правда, в первые дни после получения неожиданных известий из Аче колонизаторы были озабочены не столько выработкой нового политического курса, сколько удержанием своих позиций. Прекрасно осведомленный Бакунин доносил 2 апреля 1896 г.: «Вследствие телеграммы из Oleh-Leh, в которой генерал Дейкергоф, донося о случившемся, просил немедленной присылки подкреплений и энергичных действий, крейсирующие в ачинских водах суда эскадры высадили десант в 250—300 чел. Ввиду, однако, недостаточности оного и серьезного положения разбросанных и отрезанных друг от друга голландских гарнизонов, немедленная и притом значительная военная помощь признана была неотлагательно необходимою» [28, 119].

7 апреля в Кутараджу прибыл главнокомандующий Феттер с батальоном и двумя батареями, а на следующий день транспорты доставили в Аче еще один батальон и батарею [204, 24]. Тем не менее, даже располагая значительными силами (после прибытия подкреплений численность голландской армии в Аче составляла около 9500 человек), голландское командование не смогло перехватить инициативу. Еще в первую неделю апреля голландцы под натиском ачехцев были вынуждены очистить блокгаузы на «линии Умара», сосредоточив усилия на обороне фортов. Вывод гарнизонов из блокгаузов потребовал посылки специальной колонны из Кутараджи, так как малочисленные гарнизоны не смогли бы пробиться на соединение с главными силами [320, 32]. Феттер попытался приостановить ачехское наступление на «линию Умара» и с этой целью 8 и 10 апреля направил колонны для освобождения Билула и Ламкунчита от осады. Хотя голландцы прорвались в эти форты и доставили подкрепления их гарнизонам, осада снята не

была. Колонна, двинутая 8 апреля на Билул, смогла выполнить только вторую часть приказа Феттера — сжечь для устрашения несколько кампонгов,— но «нанести сокрушительный удар по врагу» [100, т. I, 43], как приказывал генерал, ни эта колонна, ни вторая, посланная в Ламкунчит, так и не смогли.

В середине апреля Феттер отдал приказ эвакуировать все посты вне «линии концентрации» [100, т. I, 55]. Отряды Умара, насчитывающие 2 тыс. человек, вступили с 8 апреля в борьбу, и эвакуация постов, закончившаяся 21 апреля, дорого обошлась захватчикам: они потеряли с 8 по 20 апреля 215 человек [249, 40]. Голландцы оказались отброшенными за «линию концентрации», т. е. оккупированная ими территория вернулась к размерам 1884—1885 гг.

Однако положение, создавшееся весной 1896 г., лишь внешне напоминало ту обстановку, которая имела место в годы наибольших успехов ачехских патриотов. Если в 1884—1885 гг. уход голландцев за «линию концентрации» означал для них отказ от активных действий и переход к пассивной обороне в Великом Аче, то нынешнее отступление объяснялось главным образом необходимостью перегруппировки и реорганизации сил. Голландское командование решило не оборонять далекие, изолированные посты на «линии Умара», а организовать генеральное наступление на «мятежные» районы. Несмотря на отдельные победы, ачехцы не смогли полностью перехватить военную инициативу, добившись в апреле 1896 г. лишь временного и непродолжительного успеха. Голландское наступление в мае 1896 г. положило конец равновесию сил.

Политическая обстановка в 1896 г. также решительно отличалась от обстановки середины 80-х годов. Тогда в Великом Аче существовало государство Самана, который сумел сплотить население трех саги и наладить единство действий с Теуку Умаром, а также с рядом князей побережья. Народ был воодушевлен идеей «священной войны», верил в скорое изгнание колонизаторов, охотно шел на жертвы и терпел самовластие улам и саманистских панглим во имя достижения победы. Улубаланги и имамы играли в целом второстепенную роль в движении, и их власть была в значительной мере подорвана. Совершенно иная картина наблюдалась весной 1896 г. Саманистское государство уменьшилось в размерах и фактически распалось на несколько частей, в каждой из которых властвовали сыновья или сподвижники Мохаммада Самана. Саги XXV, XXII и некоторые районы Западного берега находились под контролем Умара, опиравшегося на свой легион и отряды примкнувших к нему улубалангов. Султанская партия, выйдя из летаргического состояния прошлых лет, под руководством энергичного, молодого Панглимы Полима III укрепилась во внутренних районах Пиди, а также в ряде улубалангств саги XXII и XXVI. Если в середине 80-х годов три основные силы антиколониального движения действовали под общим руковод-

ством саманистов, то теперь каждая из них самостоятельно сражалась с врагом и не спешила на помощь друг другу даже в критических обстоятельствах.

Население устало от войны. Недовольство ачехского крестьянина усугублялось отсутствием согласованности действий между теми, на кого он смотрел как на своих вождей и богом дарованных повелителей и наставников, грабежами и насилием, которые чинили не только колонизаторы (к этому крестьяне привыкли за годы войны), но и отряды султана, саманистов и Умара, когда они действовали на территории соперничающей группировки.

Самый дальновидный, умный и широко мыслящий ачехец — Теуку Умар, пожертвовавший своим положением, богатством и безопасностью во имя борьбы за независимость, тщетно пытался наладить единство действий. В отличие от фанатиков-саманистов, решивших, что вернулись времена их незабвенного Теунгку Чик ди Тиро, Умар понимал, что очень скоро последует голландское наступление, отразить которое можно будет только объединенными силами. Не разделял он и надежды султана и его окружения на то, что напуганные подъемом движения колонизаторы пойдут на переговоры с Кемалой и восстановят султанат.

Понимая, что вскоре предстоит тяжелая и упорная борьба, Теуку Умар в течение всего апреля пытался наладить контакты с саманистами и султанской партией. Но добиться этого он так и не сумел. Правда, ему удалось укрепить свой союз с теми улубалангами Великого Аче, которые примкнули к нему еще в марте, а также привлечь к сотрудничеству улубалангов Монтасика. Стремясь отсрочить голландское наступление, Теуку Умар продолжал переговоры с колонизаторами. 12 апреля он направил второе письмо в Кутараджу. В нем помимо перечисления претензий к голландской администрации, изложенных в первом письме, Теуку Умар предлагал: «Если правительство хочет мира и спокойствия в Аче, оно должно платить ежемесячно 150 тыс. гульденов, снабжать продовольствием и оружием моих воинов... Я в свою очередь гарантирую мир и спокойствие в Аче от Трумона до Уджонг Перлака. Я буду сражаться с врагами Компании в любой части Аче, но улубаланги не должны вмешиваться в военные дела, чтобы не возрастали лишние обвинения и не распространялись ложные слухи» [100, т. I, прил. IV, 320]. 25 апреля Теуку Умар направил третье письмо в Кутараджу, которое повторяло второе [100, т. I, прил. V, 322—323].

Голландские и некоторые индонезийские (Хазил) авторы рассматривают эти письма как проявление колебаний Теуку Умара и даже его готовности пойти снова на сотрудничество с колонизаторами. Однако если принять эту точку зрения, то по меньшей мере странно, как Теуку Умар, прекрасно понимавший, что противники Дейкерхоффа, пришедшие к руководству в Кутарадже, едва ли простят ему «измену», мог добиваться «прощения» и возвращения на службу к колонизаторам. Столь же плохо согласуются с этой

версией участие «легиона Умара» в апрельских боях и настойчивые попытки Теуку Умара наладить сотрудничество с вождями сопротивления. Показательно, что во втором и третьем письмах Теуку Умар выдвигал такие условия своего возвращения (вознаграждение легиону и отстранение улубалангов от участия в военных делах), которые могли бы заставить голландскую администрацию поверить в желание Умара добиться бóльших привилегий в качестве союзника и тем самым побудить их вступить в переговоры. Именно переговоров добивался Теуку Умар, рассчитывая за это время сплотить силы антиголландского сопротивления.

Взаимоотношения руководителей сопротивления мало изменились к лучшему за этот месяц. Лишь буквально накануне голландского наступления Панглима Полим послал в помощь Умару 400 своих воинов. Объединить же силы сопротивления так и не удалось, и голландские колонизаторы получили возможность бороться отдельно с отрядами Умара, султана и «мусульман».

Апрельские письма Умара в Кутараджу имели столь же слабый эффект, как и мартовское послание. Феттер и его помощник полковник Стемфоорт не приостановили подготовку к наступлению и отказались вступить в переговоры с Умаром, превосходно понимая, что нужно действовать, пока силы ачехцев разрозненны. В ответ на третье письмо Теуку Умара Феттер потребовал, чтобы Умар в течение 24 часов возвратил переданное ему оружие. Когда же Умар попросил три дня на размышление, Феттер собрал 26 апреля совещание чинов голландской администрации в Кутарадже, которое официально сместило Теуку Умара с поста главнокомандующего ачехскими союзными войсками, теперь фактически не существовавшими, и с других должностей [100, т. I, прил. VI, 325]. 27 апреля 1896 г. было выпущено воззвание голландского командования к населению Аче, объявлявшее Умара изменником и ставившее его вне закона [100, т. I, прил. VII, 325].

Таким образом, голландские колонизаторы не только не дали Теуку Умару обмануть себя, но и довольно ловко использовали отсутствие единства в рядах сопротивления. В течение месяца они не заявляли официально в Аче, что Умар стал врагом голландцев, и тем самым сеяли подозрения и сомнения в отношении его среди населения. Накануне же наступления они объявили, что их главным врагом является Теуку Умар, против которого и будут вестись наступательные операции. Этим заявлением они в значительной мере усыпили бдительность саманистов и ряда улубалангов из числа сподвижников Панглимы Полима, которые в первый период голландского наступления занимали выжидательную позицию.

Еще до начала широкого наступления голландское командование осуществило ряд мероприятий, направленных на ослабление позиций Теуку Умара в XXV мукимах. 27 апреля 84 голландских орудия открыли огонь по укреплениям, сооруженным Теуку Умаром в IV и VI мукимах, и продолжали непрерывно обстреливать их до конца мая. 1—4 мая голландские военные суда

обстреляли деревни на побережье Лепонга и IV мукимов [100, т. I, 125—126, 136]. Чтобы отвлечь силы союзников Умара, колонизаторы в начале мая совершили поход против Тунгкупа и Монтасика [107, т. I, 112]. Улубаланги этих областей немедленно бросились вместе со своими воинами защищать родные кампонги[8], хотя походы голландцев были не более чем простыми демонстрациями, поскольку основное внимание они сосредоточили на XXV мукимах и Южных владениях, где укрепился сам Теуку Умар. В мае Умара покинула часть отрядов из Пиди, взволнованная слухами о голландской экспедиции в это княжество, оставшиеся же во главе с Теунгку ди Панте Глима держались обособленно в мукиме Дару [107, т. I, 112]. Улубаланг IX мукимов Теуку Нья Мохаммад, против воли вовлеченный Умаром в борьбу с голландцами, также действовал обособленно, сосредоточив силы на обороне своей области. Даже некоторые панглимы Умара, и в их числе один из лучших, Кечик Бинтанг, накануне голландского наступления отправились на Западный берег, чтобы защищать его от врага. Поступление подкреплений из Мелабоха не могло восполнить того урона, который был нанесен обороне XXV мукимов уходом закаленных в боях воинов.

Голландское наступление и борьба в Великом Аче (май 1896 — апрель 1898 г.)

В конце мая 1896 г., получив новые подкрепления в составе двух пехотных батальонов, эскадрона кавалерии, двух батарей и двух взводов саперов [249, 41], колонизаторы начали тщательно подготовленное наступление в Великом Аче. 23 мая две мощные голландские колонны обрушились на позиции Теуку Умара в IV и VI мукимах. Под натиском врага, превосходившего ачехцев численностью, не говоря уже о вооружении, лишившись в решающий момент даже поддержки своих союзников из саги XXVI и XXII, Теуку Умар отошел к Ламписангу. На следующий день, 24 мая, голландские колонны атаковали Ламписанг и захватили его. Женщины и дети были заблаговременно выведены Чут Нья Дин в горы на южной границе VI мукимов, а оттуда — в Лепонг. Поэтому захватчики не смогли, как обычно, «отметить» свою победу насилиями и издевательствами над мирным населением. Разнузданная солдатня смогла лишь разграбить дом Теуку Умара. Захваченная в доме корреспонденция Теуку Умара попала в руки голландского командования, личные же вещи Теуку Умара и Чут Нья Дин, а также домашняя утварь были раскрадены либо уничтожены голландскими солдатами. Затем под дом был заложен заряд динамита и жилище Теуку Умара было сровнено с землей [43, 39—40].

[8] Ушли улубаланги Теуку Чут Тунгкуп, Теуку Муда Райют, Теуку Чик Гампонг, Теуку Брахим Монтасик.

Генерал Феттер победоносно рапортовал генерал-губернатору о полном разгроме Теуку Умара. Но победная реляция оказалась преждевременной. Не успели голландские войска вернуться в Ламписанг после кровопролитных боев в горах Нглалау Берадин (VI мукимов), где они потеряли свыше 200 человек [249, 41], как Теуку Умар вновь появился в VI мукимах и развернул здесь партизанскую борьбу. Основной базой Теуку Умара стал расположенный к югу Лепонг. Летом 1896 г. IV и VI мукимов оказались охваченными партизанской войной. Ни сожжение деревень, ни многочисленные карательные экспедиции в эти области не могли остановить патриотов. Панглимы Умара совершали смелые рейды в VI мукимах, а Чут Нья Дин и брат Умара, Теуку Муса, действовали в IV мукимах [100, т. II, 49].

Первый этап голландского наступления в Великом Аче закончился в конце июня. Колонизаторам удалось, используя численное преимущество и артиллерию, нанести ряд поражений ачехцам и вытеснить основные силы Теуку Умара и его сторонников из саги XXV — главного объекта голландского наступления на этом этапе. Успеху захватчиков, безусловно, способствовала разрозненность в рядах сопротивления, особенно то обстоятельство, что Теуку Умару в решающий момент не удалось объединить даже силы своих союзников: улубаланги Тунгкупа и Монтасика ушли из саги XXV еще до начала голландского наступления, а вожди IX мукимов и Дару, равно как находящиеся в Дару пидисцы, предпочли действовать самостоятельно.

Сыграли свою роль и слухи, распространяемые через разветвленную разведывательную службу, относительно того, что наступление вызвано якобы лишь желанием покорить Теуку Умара. Пропаганда подкреплялась и конкретными действиями: до конца июня голландцы не вели серьезных операций против саманистов, а также против отрядов Панглимы Полима и султана. Это было одной из причин, по которым во время майских и июньских боев в саги XXV улубаланги из числа сторонников Полима и некоторые видные уламы-саманисты сохраняли нейтралитет и не вмешивались в военные действия [100, т. I, 121]. Лишь когда голландцы начали вторгаться в саги XXII, сторонники Полима и саманисты забеспокоились и Хабиб Самалангский вместе с другими уламами принял участие в отражении походов врага на Монтасик и Сенелоп [100, т. I, 268]. Открыто или втайне радующимся разгрому Умара уламам и улубалангам, которые не могли забыть унижений и тревог, доставленных им сомнительного происхождения мелабохцем, уже в конце июня пришлось горько пожалеть о своем упрямстве и легкомыслии: начался второй этап голландского наступления, объектом которого стали не только Теуку Умар, но и его недоброжелатели, упорно отказывающиеся объединить свои силы для борьбы с общим врагом.

29 июня три голландские колонны под командованием Стемфоорта двинулись на один из центров саманистов, кампонг Анак Га-

лонг, и соседние кампонги — Рахат и Сибрех. Официально эта экспедиция носила характер карательного похода за нападение на отряд Блокланда в марте 1896 г. и последующее вытеснение голландских гарнизонов из этого района. В приказе по войскам, участвовавшим в походе, указывалось, что деревни Рахат и Сибрех должны быть сожжены. Особым пунктом приказа третьей колонне, выполнявшей роль резерва, строжайше запрещались грабежи и поджоги деревень [100, т. II, 3]. Первым двум колоннам, судя по всему, такие действия не возбранялись, ибо в противном случае не было бы необходимости специально оговаривать их запрещение в отношении резервной колонны. Яркий образец дифференцированного отношения, предложенного Снуком Хюргронье: подразумевалось, что население после действий первых двух колонн будет приведено к покорности, а потому дальнейшее запугивание становится не только ненужным, но и вредным.

Совершенно очевидно, что планы голландского командования были значительно шире, чем организация обычного карательного похода. Оно рассчитывало нанести удар по саманистам, будучи прекрасно осведомлено, что в Анак Галонге находятся виднейшие саманистские руководители — Мат Амин и его брат Теунгку ди Букит. Для штурма бентенга в Анак Галонге, число защитников которого, по донесениям лазутчиков, не превышало 50 человек, колонизаторы бросили около 2 тыс. пехоты и весь жандармский корпус, в котором было свыше 200 человек [320, 35]. В то время как вторая колонна перерезала сообщение Анак Галонга с соседними деревнями и занялась экзекуциями в Рахате и Сибрехе, первая колонна во главе с ван Хэютсом штурмовала укрепления саманистов. «Ачехцы сражались, как львы,— пишет голландский автор,— многие предпочитали погибнуть в горящих хижинах, чем попасть в наши руки. Шла отчаянная рукопашная схватка; пощады не просили и не давали» [344, 20]. Единственными пленными в этом сражении оказались, как писал в письме своей невесте участвовавший в штурме капитан ван Даален (будущий губернатор Аче и один из самых жестоких карателей), «два легко раненных ребенка в возрасте 5 и 6 лет» [344, 25]. После штурма на улицах Анак Галонга лежало более ста трупов ачехцев [249, 42]. Если вспомнить, что весь отряд саманистов насчитывал около 50 человек, станет очевидно, что многие мирные жители были расстреляны озверевшими голландскими солдатами. Тяжелым ударом для саманистов явилась гибель их лидера Мат Амина, тело которого удалось вынести с поля боя и похоронить рядом с могилой отца в кампонге Муру, близ Индрапури. В числе погибших в Анак Галонге было 20 «мусульман» и воины из Пиди во главе с улубалангом Чут Ару [100, т. II, 14].

Главным врагом колонизаторов и на втором этапе наступления 1896 г. оставался Теуку Умар. Голландцы прекрасно понимали, что, пока будет продолжаться сопротивление в саги XXV, нечего и думать о покорении глубинных районов Великого Аче. Все секрет-

ные инструкции и материалы совещаний голландской администрации в Индонезии в 1896 г. пронизывает основная идея: главным врагом является Теуку Умар, и основные усилия должны быть сосредоточены на борьбе с ним [100, т. II, прил. I, III, 162, 169].

В течение лета 1896 г. голландцы устраивали бесконечные походы в саги XXV и прилегающие к нему районы Западного берега, стремясь окончательно разгромить Теуку Умара. Новый губернатор Аче генерал де Маулин, прибывший в Кутараджу в начале июля, немедленно приступил к формированию мобильной колонны «для патрулирования в IV мукимах, которая должна была выбить вражеские банды, охранять мосты через Крунг Рабу и разрушить ачехские укрепления» [100, т. II, 16]. Наступление на Крунг Рабу закончилось смертью де Маулина, последовавшей 9 июля, и возвращением голландцев в Кутараджу. Но уже 11 июля сменивший де Маулина полковник Стемфоорт возобновил поход на Крунг Рабу. После упорного сопротивления сподвижники Теуку Умара были вынуждены оставить Крунг Рабу и уйти в Лепонг. Во второй половине июля Теуку Умар, теснимый голландскими колоннами с суши и подвергаемый непрерывному обстрелу с военных кораблей, оставил Лепонг и ушел дальше на юг, в Лхонг. Хотя умаровцы продолжали вести партизанскую борьбу в IV и VI мукимах, отступление основных сил в Лхонг и перенос туда главной базы существенно затруднили их действия, так как Лхонг находился на более значительном расстоянии от VI и IV мукимов, чем соседний с ними Лепонг.

В ночь с 21 на 22 июля погиб один из вождей партизанского движения в VI мукимах — сподвижник Умара Нья Макам. Узнав от шпионов о том, что Нья Макам серьезно болен и находится в Ламнге, колонизаторы снарядили мощную экспедицию в эту деревню. Ворвавшись в кампонг, жандармы окружили дом Нья Макама, выволокли больного, не имевшего сил сопротивляться Нья Макама и зарезали его на веранде. Голову партизанского вождя воткнули на длинный бамбуковый шест и повезли в Кутараджу. Когда ее провозили через ачехские деревни, собирали население и объявляли, что «так будет со всяким, кто осмеливается сопротивляться Компании» [76, 22—23]. Подполковник Сутерс, командовавший этой позорной экспедицией, доставил голову Нья Макама в Кутараджу и с торжеством рапортовал: «Ближайший сподвижник Теуку Умара мертв». Надругательства над мертвым врагом на этом не кончились: голландские солдаты играли головой Нья Макама в кегли [311, 599].

Этот эпизод получил широкую огласку и стал предметом специального запроса социалистов в парламенте Нидерландов. Отвечая на запрос, министр колоний Кюйпер ханжески заявил: «Даже доктор с мягким сердцем причиняет боль», а премьер-министр Саворнин Ломан выразился более цинично и откровенно: «Туземцы не знают другого убеждения, кроме убеждения силой. Тот, кто противостоит нашей власти, должен понести наказание» Разумеется,

ни этот, ни подобные ему запросы не могли остановить преступления голландской военщины в Аче, а большинство фактов подобного рода вообще остались неизвестными или не были замечены общественностью.

Гибель Нья Макама серьезно ослабила позиции сторонников Теуку Умара в VI мукимах. В июле голландцы непрерывно прочесывали саги XXV, особенно VI и IX мукимов, и создали в Крунг Рабе постоянный укрепленный лагерь, который стал опорным центром их операций в западной части Великого Аче.

Следующим по важности районом боевых действий летом — осенью 1896 г. стали саги XXII и XXVI, где с голландцами сражались улубаланги — союзники Теуку Умара, а также отряды Полима III и саманистов. Начавшееся в июле наступление голландских войск на Монтасик было успешно отбито ачехцами [100, т. II, 44]. К этому времени Полим III, а также некоторые руководители саманистов начали понимать, что колонизаторы не ограничатся наступлением против Умара и его союзников и что следующим объектом их действий станут другие группировки ачехского сопротивления. Поэтому в отражении голландского наступления на Монтасик приняли участие не только союзники Умара — Теуку Брахим Монтасикский и Имам Лонгбатский,— но также пидиские отряды султана, воины Полима III и «мусульмане» Хабиба Самалангского и Теунгку Супи. Показательно, что Полим III и саманисты объединили свои силы не с Теуку Умаром, а лишь с его союзниками — улубалангами, которые к тому времени сражались фактически уже самостоятельно, так как координация их действий с Умаром была нарушена. Даже в критический момент голландского наступления султанское окружение и уламы не хотели идти на союз со своим недругом. Но и этот половинчатый шаг принес свои плоды: голландское наступление было отбито и не повторилась трагедия Анак Галонга, когда гибли «мусульмане», не получившие помощи от других сил сопротивления.

Однако в последних числах июля голландцы нанесли удар по султанским отрядам [249, 43]. Султан бежал в Пиди, а колонизаторы смогли закрепиться в V мукимах Монтасик. 9 августа голландское командование направило Паглиме Полиму и улубалангам саги XXII письма, в которых им предлагалось в течение 14 дней прекратить спротивление и сдаться вместе с зависимыми от них имамами, угрожая в противном случае разорением их владений. Голландские письма были зачитаны в мечетях и единодушно отвергнуты [100, т. II, 80]. После этого последовало наступление колонизаторов на Индрапури, Глиёнг и Самахани. Эти кампонги к концу августа оказались захваченными голландцами, которые создали на оккупированных территориях мобильные колонны и не уводили их теперь в Кутараджу после окончания той или иной операции. Мобильные колонны были созданы не только в саги XXV для борьбы с Теуку Умаром, но также в саги XXVI и XXII [107, т. I, 117].

Установив на оккупированной территории режим жестокого террора и полицейской слежки, колонизаторы направили мобильные колонны против саги XXVI и XXII. В сентябре удару подверглись самые южные кампонги в долине р. Аче, а в октябре — ноябре голландцы выбили Полима III и сражавшихся вместе с ним улубалангов и улам из некоторых горных районов саги XXII [298, 105]. Одновременно голландские войска были брошены в горные районы саги XXVI и вынудили многих вождей сопротивления покинуть Великий Аче и уйти в Пиди. В ноябре, с наступлением дождливого сезона, голландцы свернули операции в Великом Аче и сосредоточили основное внимание на закреплении своих позиций.

Голландское наступление летом — осенью 1896 г. привело к оккупации большей части Великого Аче. Колонизаторы захватили ту же территорию, что и в 1879 г., во время походов ван дер Хейдена. Однако теперь они не увели свои войска в Кутараджу даже после того, как многие улубаланги саги XXII и XXVI выразили покорность. Созданные по инициативе Снука Хюргронье мобильные колонны были расквартированы на зиму в важнейших пунктах трех саги. 14 сентября 1896 г. генерал-губернатор в инструкции губернатору Аче указывал, что опора на «линию концентрации» должна сочетаться с активным использованием мобильных колонн [226, 457]. На оккупированной территории вводилось непрерывное патрулирование, ачехцам запрещалось ношение всякого оружия, вводилась система постоянных проверок населения.

Голландцам удалось нанести ряд серьезных ударов по саманистам и Теуку Умару, а также по отрядам Панглимы Полима и султана. В политическом отношении колонизаторы также сумели добиться заметных успехов. Саманисты потеряли основную территорию своего государства и оказались вынужденными к концу 1896 г. уступить руководство антиголландским сопротивлением в саги XXII и XXVI Полиму и другим улубалангам. Таким образом, они утратили свое ведущее положение в той коалиции улам, деревенской верхушки и титулованной знати, которая сложилась в последние годы существования саманистского государства.

Даже наиболее узколобые военные и чиновники в Аче и Батавии начали понимать, что Снук Хюргронье был прав, когда указывал, что самый страшный враг для голландцев не султан и улубаланги, а уламы, если за ними следует народ. Падение влияния последних в руководстве сопротивлением было на руку колонизаторам, которые надеялись договориться с улубалангами, как это уже было однажды при ван дер Хейдене. Симптомы изменения позиции ачехской знати были налицо. Не говоря уже об улубалангах саги XXV, многие из которых подчинились еще весной — летом 1896 г., даже в саги XXII, знать которой всегда занимала наиболее непримиримую позицию в отношении захватчиков, осенью 1896 г. наблюдался переход улубалангов на сторону врага.

Удалось колонизаторам ослабить и позиции своего главного врага—Теуку Умара. Голландцы вытеснили его из саги XXV и

в определенной степени прервали его связи с Великим Аче. Теуку Умар не смог претворить в жизнь план соединения сил ачехских патриотов под своим руководством, и в этом заключалась одна из основных причин голландских успехов в 1896 г. Это причинило ачехскому сопротивлению и огромный политический ущерб, ибо в решающий момент силы, наиболее тесно связанные с народом и наименее склонные к компромиссам, были вынуждены или уступить главенство знати (саманисты), или сражаться изолированно (Теуку Умар). Конечно, борьба в Великом Аче не закончилась. Несмотря на чувствительные поражения, ачехский народ нашел в себе силы для продолжения сопротивления. На оккупированной территории не стихала партизанская борьба; главным противником голландцев оставался Теуку Умар, который, несмотря на постоянные атаки врага и потерю связи со своими союзниками в саги XXII и XXVI, успешно сопротивлялся на Западном побережье Аче в течение всего 1896 г.

С февраля 1897 г. начался третий этап генерального наступления голландских колонизаторов в Великом Аче. По первоначальному плану они рассчитывали разгромить основные силы сопротивления к концу 1896 г., а в дальнейшем проводить лишь «умиротворительные операции» и организовывать систему колониального управления на оккупированной территории. Но поскольку в 1896 г. не удалось подавить сопротивление Теуку Умара в Западном Аче и объединенных сил Панглимы Полима III и улам в южной части саги XXII, план пришлось пересмотреть и заняться в первую очередь не полицейскими мероприятиями, а операциями против «регулярных» ачехских сил.

Прекрасно понимая, что без разгрома наиболее хорошо вооруженных, дисциплинированных и знакомых с голландской тактикой отрядов Теуку Умара нечего и думать об «умиротворении» Великого Аче, особенно западной его части, голландское командование сосредоточило основное внимание на борьбе с Умаром, который использовал передышку в конце 1896 — начале 1897 г. для набора новых воинов и активизации действий находившихся под его контролем партизанских отрядов в Западном Аче.

С середины 1897 по конец февраля 1898 г. голландцы посылали против Теуку Умара одну экспедицию за другой. Теуку Умар наголову разгромил голландскую экспедицию, посланную против него в феврале 1897 г., и развернул активную партизанскую борьбу в Лхонге и Лепонге. Через своих лазутчиков он заранее узнавал о приближении голландских войск и успевал уйти в горные районы, не принимая генерального сражения. Уклоняясь от боев с вооруженными артиллерией крупными голландскими силами, Умар нападал на пехотные патрули, бригады жандармерии, колонны на марше [298, 113]. Только после создания постоянного лагеря в Лепонге голландцам удалось вытеснить Теуку Умара из этой области (июнь 1897 г.). Он перешел в Лхонг и прибег к той же тактике, что и при обороне Лепонга. Голландские экспедиции в

Лхонг, продолжавшиеся непрерывно до октября 1897 г., долго не приносили успеха захватчикам [226, 358]. Лишь после мощной экспедиции в октябре 1897 г., действовавшей с суши и моря, Теуку Умар покинул Лхонг и ушел еще южнее — в Дайю. Здесь он успешно отражал голландские атаки до января 1898 г., а затем с основными силами перешел в Пиди. Лишь после этого, в феврале 1898 г., колонизаторы смогли захватить Дайю, которую защищали слабые отряды панглим Теуку Умара. Голландское командование решило разместить в Лепонге, Лхонге и Дайе постоянные сильные гарнизоны, чтобы лишить своего самого опасного врага опорных баз и контролировать внутренние районы Западного Аче, главным образом IV и VI мукимов, где были начаты «умиротворительные акции».

Вторым фронтом в Великом Аче в 1897—1898 гг. были горные районы саги XXII и XXVI. Здесь боролись группировки сопротивления, возглавляемые саманистами и владетельными улубалангами во главе с Панглимой Полимом III, группировки, руководители которых даже в этот тяжелый для ачехцев момент упорно отказывались действовать совместно с Теуку Умаром. С февраля 1897 г. ван Хэютс, принявший командование мобильной колонной в саги XXII, возобновил наступление против Полима III. Весной — осенью 1897 г. мобильные колонны голландцев вели непрерывные действия в горных районах саги XXII и XXVI, особенно в Глиёнге, Монтасике, Ламтебе, Индрапури. В октябре 1897 г. пал один из опорных пунктов ачехцев в саги XXII — Селимун, а весной 1898 г. враг захватил крайнюю южную точку Ачехской долины — кампонг Руёнг-Руёнг [226, 357]. В мае 1898 г. голландцы захватили оплот сопротивления в саги XXVI — Тунгкуп [249, 49].

Таким образом, к лету 1898 г. силы антиголландского сопротивления в Великом Аче оказались сильно ослабленными. Вся территория трех саги была оккупирована голландскими войсками, беспощадно боровшимися с партизанским движением, еще сохранившимся в горных районах.

Успехи колонизаторов в 1896—1898 гг. в Великом Аче объяснялись целым рядом причин. Как уже указывалось, им удалось создать в этот период абсолютное численное превосходство над ачехскими силами, не говоря уже о превосходстве в вооружении. Значительную роль сыграло отсутствие согласованности в ачехском лагере. И наконец, успеху голландской армии способствовали изменения в политической линии и военной тактике, начавшиеся именно в этот период. Изменения в области политической выразились прежде всего в более дифференцированном подходе голландской военной и гражданской администрации к различным слоям и категориям ачехского населения. Следуя советам Снука Хюргронье, колонизаторы более активно, чем прежде, стремились наладить хорошие отношения со светской адатной знатью, привлечь ее на свою сторону. Особое внимание уделялось использованию противоречий улубалангов (и имамов) с уламами и партизанскими лиде-

рами незнатного происхождения. Умело используя вполне обоснованный страх наследственной знати перед уламами и стремящимися выкроить себе владения руководителями партизанских отрядов — выходцами из деревенской верхушки, голландские власти постепенно добивались если не прямой поддержки, то хотя бы нейтралитета адатных вождей. В случае перехода вчера еще сражавшегося с голландцами вождя на сторону колонизаторов последние немедленно признавали его наследственные права на управление владением и включали его в систему колониальной администрации. Даже с вождям, которые по нескольку раз переходили из одного лагеря в другой, обходились весьма милостиво, и случаи вроде высылки Теуку Муда Баита из Аче были сравнительно редки[9].

Напротив, саманистов и партизанских лидеров, не говоря уже о сторонниках Теуку Умара, жестоко преследовали и стремились уничтожить физически. В борьбе с уламами голландцы использовали недовольство не только адатных вождей, но и широких слоев населения насильственным введением шариатских норм, запрещением торговли, тяжелыми поборами на «священную войну». Объявляя себя приверженцами адата, поощряя возвращение к повседневным занятиям и развитие торговли, не устанавливая на первых порах тяжелых налогов, голландские колонизаторы стремились оторвать ачехское крестьянство от религиозных и партизанских лидеров, упрочить авторитет и влияние светской знати.

В начале 1898 г. во всех саги Великого Аче было введено гражданское управление [298, 119]. Этот шаг голландской администрации не означал, как в 1881 г., что отныне главенствующее место заняли гражданские чиновники. Решающую роль по-прежнему играли военные (во главе гражданской администрации в саги XXVI, например, стоял капитан жандармерии), но произошло известное упорядочение местной ачехской администрации, были более четко определены права глав дистриктов (улубалангств) и глав низших административных звеньев. Большое значение голландцы придавали введению в дистриктах судов под председательством улубалангов [280, 66], которые судили по адату, а не по шариату. Поощрялась обработка земли, особенно рисоводство; в 1898 г. голландские власти способствовали организации деревенских базаров в Великом Аче. Показательно, что уже в 1898 г. ввоз риса, муки и другого продовольствия в Олех-лех уменьшился, а таких товаров, как текстиль и керосин,— увеличился [280, 67].

Основой отношения голландских колонизаторов к массе ачехского населения оставались, как и в прежние годы, террор и запугивание. Впрочем, и здесь под влиянием Снука Хюргронье произошли перемены. Нет, Снук Хюргронье никогда не советовал прекратить репрессии и политику террора. Он лишь предлагал, как мы помним, проводить их не огульно, а дифференцированно. Дру-

[9] В начале XX в. Теуку Муда Баит вернулся из ссылки.

гими словами, он предлагал прекратить грабежи, поджоги, убийства и насилия в покорившихся деревнях и районах, но не стесняться там, где продолжается сопротивление. Надо сказать, что эта часть советов Снука Хюргронье наиболее плохо усваивалась голландской военщиной в Аче, не привыкшей делать особых различий между «туземцами». «Хороший ачехец — это мертвый ачехец» — таково было убеждение основной массы не отличавшегося склонностью к интеллектуальным упражнениям голландского офицерства, не говоря уже о солдатах, в Аче.

Тем не менее именно в 1896—1898 гг., хотя и очень медленно, начала меняться и методика террора на оккупированной территории Великого Аче. В соответствии с прежней практикой голландцы проводили массовые экзекуции, сжигали кампонги во время наступления и карательных экспедиций, голландские солдаты и офицеры убивали, грабили, насиловали. По-прежнему колонизаторы использовали такое средство, как наложение коллективных штрафов на деревни, мукимы и целые улубалангства. Так, после боев в Лхонге население этой области было оштрафовано на 30 тыс. малайских долл. за поддержку, которую оно оказывало Теуку Умару [243, 130]. Конечно, репрессии и экзекуции приняли теперь несколько более организованный характер. Колонизаторы даже обуздывали действия солдат на «умиротворенных» территориях. Приказ голландского командования перед штурмом Анак Галонга, запрещавший резервной колонне грабежи и насилия, является характерным образчиком изменений в методах в 1896—1898 гг. Инструкция генерала Феттера от 28 июня 1896 г. провозглашала, что одна из целей «активных действий вне линии концентрации должна состоять в ...поддержке населения, признавшего свои заблуждения, и обеспечении его мирной жизни» [100, т. II, прил. I, 161—162].

Но поскольку основная масса населения вне «линии концентрации» боролась в эти годы против захватчиков, возможности для репрессий и установления режима террора у военщины были поистине безграничны. В уже упоминавшейся инструкции Феттера давалось такое определение: «Дружественным население за линией концентрации считается в том случае, если в этой области не имеют место враждебные действия и в кампонгах царит спокойствие» [10]. А так как любое проявление антиголландских настроений считалось достаточным для объявления деревни или области «враждебной», это открывало широчайшие возможности для бесчинства голландской солдатни.

Колонизаторы взяли курс на беспощадное уничтожение всех, кто оказывал им сопротивление. «Ачехцы должны почувствовать на себе нашу железную руку» — такова была официальная установка. Инструкция Феттера делала основной упор на «распространение

[10] Этот пункт инструкции подвергся критике со стороны Снука Хюргронье и ван Хэютса, считавших, что он дает возможность проводить огульные репрессии, против которых они выступали [227, 1937 г., 142].

влияния нашей администрации на все еще враждебное население путем запретительных мер и штрафов», а также на «преследование и по возможности уничтожение вражеских вождей и их банд» [100, т. II, прил. I, 161]. Именно в этот период стали широко практиковаться расстрелы заложников, аресты и убийства родственников (включая детей) партизанских вождей, ставшие одним из излюбленных средств колонизаторов. Особое внимание уделялось уничтожению активных деятелей сопротивления. В инструкции генерал-губернатора ван дер Вейка губернатору Аче ван Флиту (осень 1896 г.) говорилось: «Ачехцы, схваченные с оружием в руках, а также предводители банд и их приверженцы не должны освобождаться ни при каких обстоятельствах» [100, т. II, прил. III, 169]. Это означало, как правило, расстрел на месте значительной части пленных. Не удивительно, что цифры ачехских потерь в этот период, приводимые в голландских отчетах, велики по сравнению с прошлыми годами. Дело было не только в масштабах операций: в значительной мере это объяснялось расстрелами пленных и казнями заложников. Колониальная администрация не только подтвердила прежние правила о ношении оружия ачехцами, но и сделала их более строгими. В своем окончательном виде эти правила были суммированы в инструкции ван Флиту следующим образом: «Пока в Великом Аче продолжается война, туземцам абсолютно запрещено ношение оружия» [100, т. II, прил. III, 169]. Это относилось ко всем ачехцам, включая даже улубалангов, перешедших на сторону колонизаторов.

На протяжении 1897—1898 гг. в Великом Аче была проведена регистрация населения по образцу той, что осуществлялась в 80-х—начале 90-х годов внутри «линии концентрации». Жители переписывались жандармами и были обязаны проживать в своих деревнях; путешествовать по Аче было разрешено лишь при наличии пропуска, подписанного голландскими властями. Двери домов должны были постоянно держаться открытыми, с тем чтобы жандармы в любое время дня и ночи могли войти в дом и убедиться, что там не скрываются партизаны [298, 115]. Выход из домов ночью был запрещен, и в нарушавших это правило жандармы и солдаты стреляли без предупреждения. Лишь внутри «линии концентрации» начали разрешать ачехцам находиться вне своих домов и в ночное время [298, 116], поскольку эти районы к концу 90-х годов были уже основательно «замирены».

Таким образом, голландская политика в отношении населения оккупированного Великого Аче характеризовалась усилением террора в продолжавших сопротивление и некоторым ослаблением репрессий в «умиротворенных» областях и деревнях. Это в сочетании с активным привлечением на свою сторону адатных вождей в определенной мере способствовало успехам колонизаторов в Великом Аче.

Успехам колонизаторов способствовали и изменения в области военной тактики. Постепенно голландская армия в Аче стала не

только выходить за пределы «линии концентрации» (это случалось и раньше), но и создавать постоянные гарнизоны на оккупированных территориях вне укрепленных линий. Правда, голландские генералы с трудом отходили от полюбившейся им тактики создания постов и блокгаузов. Во всех инструкциях ачехским губернаторам в 1896 г. подчеркивалось, что «линия концентрации остается основой наших позиций в Великом Аче», и действия за линией все еще рассматривались как дополняющие основную задачу всемерного укрепления главного района сосредоточения голландских войск. Недаром генерал Феттер первоочередную задачу войск вне линии видел в том, чтобы «воспрепятствовать врагу строить укрепления вблизи наших постов» [100, т. II, прил. I, 161].

Вместе с тем уже с лета 1896 г. под непосредственным влиянием Снука Хюргронье (даже в чисто военных вопросах ученый разбирался, как показали события, намного лучше генералов) был взят курс на создание мобильных колонн. Мобильные колонны представляли временные крупные соединения, задача которых состояла в «умиротворении» определенной территории Великого Аче. Такие колонны создавались и раньше, например во время походов Пела и ван дер Хейдена в 70-х годах. Снук Хюргронье предложил превратить эти колонны в долгосрочно действующие в определенном районе Великого Аче соединения, которые не следует уводить в Кутараджу после окончания операций. В ходе боев в Великом Аче в 1896 г. были созданы три мобильные колонны с постоянными штаб-квартирами в Крунг Рабе (саги XXV), Чот Манчанге (саги XXVI) и Индрапури (саги XXII). Это позволило сделать более гибким командование голландскими частями в Великом Аче, придать бóльшую самостоятельность командирам мобильных колонн — очень важный момент в борьбе с партизанскими отрядами, а также обеспечить постоянную оккупацию значительной части территории. Штаб-квартиры колонн были связаны железной дорогой с «линией концентрации».

Помимо трех центров мобильных колонн голландское командование стало создавать укрепленные лагеря и посты в наиболее тревожных, с его точки зрения, районах. Например, такие лагеря были созданы в Самахани и Селимуне (саги XXII), в Ламйонге (саги XXVI), в Лепонге [298, 112, 115]. В лагерях и на постах размещались отдельные подразделения мобильных колонн, с тем чтобы вести борьбу с партизанами, проводить регистрацию населения и т. п. Постепенно колонизаторы тянули железную дорогу и к этим пунктам. Таким образом, в отличие от прежних операций упор был сделан не столько на кратковременный эффект появления превосходящих сил, которые более или менее легко разбивали ачехцев в открытом бою, сколько на постепенное вытеснение партизанских отрядов и действенную оккупацию отдельных пунктов.

Мобильные колонны находились в постоянном движении. В инструкции ван Флиту (осень 1896 г.) особо подчеркивалась необходимость активных действий колонн, ночных походов, налажива-

ния шпионской службы [100, т. II, прил. III, 168]. Непрерывное патрулирование велось не только вблизи постов и других укреплений, но и в районах, которые ранее находились вне сферы деятельности голландских войск. Патрулирование совершалось и по жестко определенным маршрутам, как это было раньше, и по выбранным командиром мобильной колонны на тот или иной отрезок времени направлениям. Это создавало момент внезапности в действиях мобильных колонн, помогало заставать врасплох партизанские отряды, захватывать руководителей сопротивления и т. д. Разукрупненность сил, самостоятельность действий командиров подразделений, увеличение числа патрулей, постов, постоянных и временных лагерей, ведение действий в ночное время — все это усиливало эффективность голландских операций в Великом Аче. Постепенно (для этого генералам понадобилось свыше 20 лет, да и то трудно сказать, смогли бы они понять это так скоро, если бы не Снук Хюргронье) голландское командование привыкло к мысли, что в Аче ведется партизанская война, тактику которой не преподавали в военной академии в Бреда.

Одним из самых существенных свидетельств тактических изменений была организация контргерильи. Хотя первые планы создания подразделений, действующих партизанскими методами, появились еще в 70-е годы [139], организована контргерилья была лишь почти через 20 лет после начала войны. Части контргерильи голландской армии в Аче выросли из полицейских формирований и сохранили в значительной мере первоначальный полицейский характер до самого конца, ибо жандармский корпус в Аче в годы расцвета своей деятельности выполнял функции частей контргерильи, а также официальной и тайной полиции.

Идея создания полицейских сил, которые должны действовать на оккупированной территории Аче, возникла в умах голландской администрации, как и мысль о контргерилье, в 70-е годы. Но полиция из ачехцев (преимущественно жителей Мерасы) и минангкабау оказалась не в состоянии эффективно поддерживать «спокойствие и порядок» даже в непосредственной близости от Кутараджи. С особой очевидностью слабость местной полиции сказалась в 80-е годы, когда началось генеральное наступление ачехских патриотов на голландскую «линию концентрации», сопровождавшееся непрерывными диверсиями на оккупированной врагом территории. В обстановке национального подъема полицейские-ачехцы оказывались ненадежными, оружие, переданное им колонизаторами, часто попадало в руки борцов за независимость, а сами полицейские — из патриотических побуждений, религиозного рвения или боязни мести со стороны саманистов и умаровцев — нередко помогали патриотам.

В этих условиях осенью 1889 г. губернатор ван Тейн создал два «подвижных охранных отряда», явившихся предшественниками жандармерии, а 2 апреля 1890 г. появилось постановление «Об организации жандармского корпуса для несения полицейской

службы внутри линии концентрации в Великом Аче». В постановлении говорилось: «Основными задачами, возлагаемыми на жандармерию, является обеспечение спокойствия в ночное время внутри линии, охрана инженерных сооружений, особенно железной дороги и мостов, а также телефонных линий» [320, 11—12]. Первоначально в состав корпуса, который имел временный характер (срок действия постановления был ограничен декабрем 1891 г.), входили 12 бригад по 18 человек в каждой. Четыре бригады составляли отделение во главе с лейтенантом, командиром корпуса был капитан.

Жандармы набирались из наиболее дисциплинированных и жестоких солдат, обладающих личной храбростью и физической выносливостью. Особое внимание было обращено на обучение их приемам рукопашного боя: ачехцы имели абсолютный перевес над врагом в рукопашных схватках, и голландцы боялись их нападения с клевангами гораздо больше, чем ружейного или даже артиллерийского огня. С этой целью жандармы были вооружены клевангами и крисами, а также кавалерийскими карабинами вместо пехотных ружей. Бригады постоянно совершали ночные переходы — таким путем голландское командование создавало подразделения, которые не боялись бы ночного времени. Рядовые жандармы и капралы набирались из солдат-индонезийцев: голландское командование справедливо полагало, что привычные к тропическому климату жители Амбона и Явы, к тому же умеющие владеть крисом, окажутся более пригодными для жандармской службы, чем солдаты-европейцы.

Очень скоро жандармы получили в Аче печальную известность. Они наводили ужас на деревни, поблизости от которых были замечены вооруженные ачехцы. После очередного набега жандармов за ними обычно оставались сожженная деревня и валяющиеся вблизи разрушенных домов трупы. Жандармерия не просто проводила экзекуции — она стремилась унизить ачехцев, внушить им чувство страха и собственной беспомощности; жандармам мало было убить человека, они хотели еще сломить его перед смертью. Ночью они окружали деревню, заподозренную в укрывательстве партизан или в сочувствии к последним, и, не заходя в дома, спрашивали, есть ли мужчины. Утром жандармы врывались в деревню, выгоняли мужчин из помеченных крестиками жилищ, заставляли их стать на колени и рубили головы. Иногда жандармы заставляли обреченных на смерть людей взбираться на кокосовые пальмы, а затем устраивали стрельбу по цели, состязаясь в меткости [253, 135]. Ночное ожидание неизбежной смерти в обреченной деревне должно было, по мысли офицеров жандармерии, парализовать волю ачехцев к сопротивлению и послужить уроком для оставшихся в живых.

Действия жандармерии не привели к «умиротворению» оккупированной территории. Партизанское движение продолжало существовать как в пограничной с «линией концентрации» зоне, так и

внутри линии. Жандармы «прославились» в это время не столько борьбой с партизанскими отрядами, проникавшими за линию, сколько насилиями над мирным населением. Конечно, за эти годы жандармерия приобрела довольно значительный опыт борьбы и с вооруженными партизанами, приучалась вступать в ночные стычки, устраивать засады, и слова главы жандармов капитана Нотена («Можно сказать, что наблюдается успех наших внезапных действий и мы действуем ночью точно так же, как днем, заставляя вражеские банды обращать внимание на наши засады») не являлись пустым хвастовством [320, 17].

С конца 1895 г. новый командир жандармов, капитан Граафланд, взял курс на действия корпуса вне «линии концентрации», используя опыт, накопленный в полицейских и боевых операциях прошедших лет, т. е. поставил задачу превращения жандармерии в части контргерильи. После событий весны 1896 г., когда в обстановке растерянности и прямой паники в голландском лагере наиболее боеспособными частями оказались жандармские, последние стали принимать участие в действиях вне линии именно в качестве контргерильи. Жандармы участвовали в походе на Анак Галонг, а также в боях 1896—1897 гг. во всех саги Великого Аче. Особенно активно действовали жандармские подразделения в Лепонге и Лхонге, где их противником был Теуку Умар и где велась тяжелая и изнурительная «малая» партизанская война.

Уже в это время одной из основных задач жандармерии стали захваты и убийства вождей сопротивления. Самой крупной операцией подобного рода в описываемый период было пленение и последующее убийство Нья Макама. Другой важной функцией жандармерии стало несение патрульной и полицейской службы на вновь захваченных голландцами территориях; идея использовать жандармерию для несения патрульной службы в отдаленных районах Великого Аче принадлежала Снуку Хюргронье [107, т. II, прил. XXXV, 64]. В августе 1897 г. жандармы сменили пехоту в качестве гарнизона Самахани во внутренней части саги XXII, а за месяц до этого несколько жандармских бригад были направлены для регистрации населения в саги XXV и XXVI. Отражением возросшей роли жандармерии стало увеличение численности корпуса, в котором по приказу от 16 декабря 1897 г. насчитывалось почти 500 человек [320, 37—39].

Таковы были основные изменения политической линии и военной тактики колонизаторов в Великом Аче к середине 1898 г.

Ачехское сопротивление от попытки объединения патриотических сил до гибели Теуку Умара (апрель 1898 — февраль 1899 г.)

После поражений 1896—1897 гг. перед руководителями войны за независимость с особой остротой встал вопрос о выработке плана сопротивления захватчикам. Враг оккупировал глав-

ные центры Великого Аче, партизанские отряды могли действовать лишь в окраинных горных районах; государство саманистов и объединение Теуку Умара прекратили свое существование. Неудачи ачехского сопротивления этих лет в значительной, если не в решающей степени объяснялись отсутствием единства в рядах патриотических сил.

В критические для Великого Аче дни голландского наступления 1896—1897 гг. саманисты, умаровцы, приверженцы султана и отряды владетелей горных районов сражались порознь, что позволило голландцам громить своих противников поодиночке. Пагубность разобщенности еще более чувствовалась в условиях, когда крестьянство устало от многолетней войны и в значительной мере разуверилось в своих духовных и светских лидерах. Героем ачехского народа в эти тяжелые годы стал Теуку Умар — едва ли не единственный из руководителей сопротивления, который настойчиво призывал к объединению, уговаривая забыть старые счеты. Отряды Теуку Умара оказали наиболее серьезное сопротивление наступающим голландским колонизаторам, в Умаре народ видел самого талантливого, удачливого и решительно настроенного вождя.

Наибольшие потери от голландского наступления понесли саманисты. Они не только потеряли практически всю контролируемую ими территорию Великого Аче. Их руководители растерялись, утратили контроль за ходом событий, впали в состояние паники (особенно после гибели Мат Амина). Саманистские вожди были непримиримо настроены в отношении Теуку Умара и отказывались идти на объединение с ним. Стремясь сохранить свое влияние на народ, саманистское руководство, отвергнув союз с Умаром, обратилось к другой силе, стремительно возрождавшейся из ничтожества,— султанской партии.

Именно султанская партия, переставшая с конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. играть сколько-нибудь значительную роль в движении, стала после голландского наступления 1896—1897 гг. центром нового объединеиня патриотических сил. Причины этого, казалось бы неожиданного, поворота событий заключались в следующем.

Существование саманистского государства и объединения Умара в годы подъема борьбы за независимость заставило основную массу светской наследственной знати, не признавшей власть колонизаторов или вновь выступившей против них, объединиться вокруг султанского двора. Пока были сильны саманисты и Умар, эти настроения носили скорее потенциальный характер. С ослаблением саманистского государства и переходом Умара на сторону голландцев ачехская знать, рассчитывая вернуть свое влияние, сплотилась вокруг двора в Кемале. Сплочение знати вокруг султана облегчалось тем обстоятельством, что прежняя опора двора — партия туанку и высших сановников султаната — перестала существовать.

Вождь этой партии, некогда активный руководитель антиголландского сопротивления Туанку Хашим умер в январе 1897 г., тесть султана Туанку Махмуд жил на Пинанге, откуда обращался за помощью к Турции,— этим и ограничивалось его участие в войне за независимость. Около султана остались второстепенные туанку, ни один из которых серьезной роли в войне не играл. Вокруг султана сплотилась не только ачехская знать из «болота» 70-х годов, к Кемале примкнули и патриотически настроенные теуку, которые возглавляли борьбу в 70-е годы и не складывали оружия все эти годы. Они не запятнали себя сотрудничеством с колонизаторами, как большинство ачехской знати, но и не были склонны уступить свое место саманистам или приверженцам Умара. Молодой, энергичный, пользующийся популярностью Панглима Полим III после смерти отца (1891) стал признанным лидером не только этой части знати, но и всех сплотившихся вокруг кемальского двора. Подъем антиголландского движения после возвращения Теуку Умара в ряды сопротивления захватил и часть владетельной знати, которая в массе присоединилась не к Умару, а к султану и Панглиме Полиму III, усилив тем самым султанскую партию.

Подавляющее большинство участвующих в антиголландской борьбе представителей этой знати было заинтересовано не столько в сохранении независимости Аче, сколько в наиболее приемлемых для них условиях включения султаната в голландскую колониальную империю. Светская знать выступала, стремясь захватить руководство народной борьбой в свои руки, с еще более своекорыстных и эгоистических позиций, чем на первых этапах войны, ибо теперь она обладала горьким для себя опытом появления теократического государства. Эти обстоятельства предопределили слабость и нестойкость феодального руководства сопротивлением конца 90-х — начала 900-х годов, создали огромный разрыв между неисчерпанными возможностями народного движения и нежеланием значительной части нового руководства продолжать борьбу дальше опасных для нее пределов, когда будет утеряна возможность торга с захватчиками или массы встанут на путь, подобный тому, который привел к созданию саманистского государства.

Позиции саманистов после наступательных операций голландских войск в Великом Аче в 1896—1897 гг. оказались серьезно ослабленными. Государство Самана было разгромлено. Растерявшаяся после смерти своего популярного духовного наставника Теунгку Кутакарангского и гибели не менее популярных руководителей партизанской борьбы — Хабиба Лхонгского и Мат Амина, лишившаяся основных баз и возможности собирать средства в Великом Аче, подвергавшаяся самым ожесточенным (наравне с Теуку Умаром) преследованиям, саманистская верхушка, возглавленная вернувшимся из Мекки Теунгку Чотплиёнгским и младшими сыновьями Самана, уступила верховное руководство сопротивлением антиголландски настроенным адатным вождям во главе с Пан-

глимой Полимом. К этому партию улам побуждала не только обстановка, сложившаяся в Великом Аче, но и само превращение саманистской верхушки в родственную с наследственной знатью группу, члены которой стремились закрепиться в качестве владетелей той или иной территории. Перерождение саманистской верхушки содействовало появлению у нее общих со светской наследственной знатью интересов, а разочарование ачехского крестьянства в своих духовных руководителях заставляло последних искать союзников. В отличие от массы светской знати саманисты не были склонны идти на соглашение с колонизаторами и являлись решительными сторонниками продолжения сопротивления в форме «священной войны». Необходимо учитывать, что саманисты шли на упрочение союза с той частью адатной знати, которую Снук Хюргронье именовал фанатичной [147, т. IV (1), 381], т. е. настроенной резко антиголландски.

Союз саманистов с султанской партией способствовал не только росту авторитета последней, но и развивал внутри нее настроения непримиримости к захватчикам, усиливал «фанатичные» элементы среди адатных вождей и в конечном счете вместе с нажимом крестьянства заставил султана и его окружение продолжать борьбу еще в течение нескольких лет.

Немалую роль в возрастании авторитета султана сыграли настроения ачехского крестьянства. Разочаровавшееся в возможности создать шариатское государство, где порядки будут отвечать идеалам раннего мусульманства, точнее, традиционным мечтам ачехского крестьянина, где будут обузданы всевластие и бесчинства сильных мира сего, ачехское крестьянство, утратив разбуженные войной надежды на достижение социальной справедливости, обратилось (как оно неоднократно делало и раньше) к султану. В глазах ачехского крестьянина султан превратился в символ единства родины, причем символ незыблемый, тогда как другие кумиры оказались не столь надежными.

Все эти причины и поставили султана Мохаммада Дауда в центр антиголландской борьбы, хотя сам он ни в коей мере не отвечал роли вождя народного сопротивления. Заурядный представитель ачехского султанского рода Алауддин Мохаммад Даудшах II не обладал ни умом, ни волей, ни способностью привлекать к себе сердца окружающих. С детских лет жил он в далекой Кемале, ведя жизнь изгнанника, зависящего от своих опекунов, семьи Полимов, владетелей Пиди, Мохаммада Самана. Мохаммад Дауд не был искушен ни в ратном деле, ни в политике. В годы подъема войны за независимость он посвятил себя женскому обществу, играм, петушиным боям и не обнаруживал ни малейшего желания ввязываться в борьбу, которая велась от его имени. Тем не менее не нужно забывать, что султан рос в обстановке войны с колонизаторами, пусть даже непосредственно не затронувшей Кемалу. И Туанку Хашим и клан Полимов, т. е. те, кто оказывал на него наибольшее влияние, были врагами голландцев. Мохаммад Дауд

был настроен антиголландски и в трудное для родины время принял участие в борьбе с колонизаторами.

Истинным вождем Кемалы был сверстник и тезка султана — Панглима Полим III. Этот самый талантливый из клана Полимов человек сумел не только возродить султанскую партию из небытия, но и встать с конца 90-х годов вместе с Теуку Умаром во главе ачехского сопротивления. Панглима Полим III был одним из лучших представителей патриотически настроенной знати Аче и может быть поставлен в один ряд с Имамом Лонгбатским, Теуку Ламнгским и своим дедом Панглимой Полимом I. Он продолжал бороться с врагом и когда большинство принимавших участие в войне владетелей покинули ряды борцов за независимость; он продолжал сопротивляться даже тогда, когда сдался султан. Но после того как он решил прекратить борьбу, едва ли голландская администрация в Аче имела в своем распоряжении такого лояльного, беспрекословно выполняющего ее распоряжения и вместе с тем гибкого улубаланга, как Мохаммад Дауд, третий из великих, как их именовали в Аче, Полимов.

Панглима Полим III привлек на сторону султана Теуку Умара. Последний без колебаний пошел на объединение: лучше всех он понимал, что только единство может спасти народ от порабощения, что своими удачами в 1896—1897 гг. колонизаторы обязаны прежде всего отсутствию единства в рядах ачехцев. Теуку Умар без колебаний предоставил свои обстрелянные и хорошо вооруженные отряды, равно как и свой талант лучшего в Аче мастера партизанской войны, в распоряжение Полима. Умар пожертвовал своим честолюбием, надеждами на роль единоличного лидера сопротивления во имя общей борьбы за независимость родины, согласился покинуть родной Западный берег и перейти в Пиди, чтобы помочь своим недавним соперникам. Ничто так не увеличило авторитет Кемалы в глазах народа, как союз с Теуку Умаром.

В начале ноября 1897 г. в Пиди встретились султан Мохаммад Дауд, Панглима Полим, Теуку Али Баит, некоторые улубаланги Пиди, лидеры саманистов — Теунгку Чотплиёнгский и Хабиб Хусин. На совещании обсуждались вопросы обороны Пиди и объединения антиголландских сил. Было решено просить Теуку Умара прибыть в Пиди для переговоров об условиях объединения [249, 47]. В феврале следующего, 1898 г. Теуку Умар появился во владениях Полимов в Пиди, где встретился с Панглимой Полимом III и договорился о совещании с султаном, саманистами и знатью Пиди [249, 47].

В начале апреля 1898 г.[11] в Гароте (княжество Пиди) состоялась встреча руководителей борьбы за независимость. В Гарот прибыли султан, Панглима Полим, некоторые улубаланги Великого Аче, раджи Гигиёна и Мереду. Прибыли сами или прислали на

[11] Х. Т. Дамстэ [226, 459], а за ним и М. Саид [311, 604] указывают другую дату — январь 1898 г., тогда как большинство авторов свидетельствуют, что встреча произошла в апреле.

совещание своих сыновей почти все улубаланги Пиди, явились в Гарот и представители саманистов во главе с Теунгку Чотплиёнгским. Наконец, в Гарот прибыл самый желанный для султана и Полима человек — Теуку Умар. Таким образом, в Гароте собрались представители всех основных сил, ведущих антиголландскую борьбу. Собравшиеся присягнули на верность султану и поклялись продолжать «священную войну» до окончательной победы или гибели [71, 1898 г., 494]. Собрание приняло решение назначить Теуку Умара командующим объединенными силами в Пиди и просило его перебросить свои отряды в это княжество.

Значение совещания в Гароте состояло в объединении трех основных сил ачехского сопротивления — светской знати, саманистов и умаровцев. Объединение было достигнуто на базе сплочения вокруг султана, т. е. верховное руководство передавалось в руки ачехской знати. Вместе с тем не был снят саманистский лозунг «священной войны» и сама присяга султану связывалась с верностью этой идее. Уступкой народным массам и средством привлечения сторонников Умара была передача военного руководства Теуку Умару. Совещание в Гароте явилось объединением на основе взаимных уступок, причем основные выгоды достались султанской партии, вставшей во главе движения.

Гаротское совещание решило сосредоточить все силы на обороне Пиди, что отвечало интересам султана и Полима, владения которых находились в этом районе Аче, но наносило ущерб партизанскому движению в Великом Аче, так как Теуку Умар и другие партизанские вожди начали перебрасывать свои отряды на Северный берег. Уход Теуку Умара из Лхонга и Лепонга серьезно повлиял на антиголландскую борьбу на Западном берегу, позволив голландскому командованию добиться здесь значительных успехов. Наиболее целесообразная тактика ачехцев в условиях голландского наступления должна была заключаться в рассредоточении и максимальном охвате территории Аче, где бы действовали партизанские отряды. Это прекрасно понимал Теуку Умар, который построил свои действия на Западном берегу таким образом, что держал колонизаторов в состоянии постоянного напряжения от Мелабоха на юге до IV и VI мукимов на севере. Он внезапно появлялся в каком-либо пункте, заставляя голландское командование спешно перебрасывать сюда войска, а сам наносил удар в другом месте. Многочисленные голландские экспедиции в Лепонг и Лхонг не приводили к должному эффекту, поскольку Умар действовал небольшими отрядами, операции которых он умело координировал.

Решения гаротского совещания по военным вопросам означали частичное возвращение к провалившейся еще в 70-х годах тактике сосредоточения боевых сил и обороны укрепленных кампонгов — политическое руководство светской знати немедленно вызвало к жизни и возвращение к традиционным для нее методам ведения войны. Правда, командующим был назначен Теуку Умар, которому предоставили возможность организовать оборону, но сама кон-

центрация основных сил сопротивления на сравнительно ограниченной территории Пиди была несомненно ошибкой. Вместо того чтобы организовать широкое партизанское движение на территории всего Аче (в том числе и в Пиди), гаротское совещание приняло неверное решение оборонять всеми силами Пиди и поставило свои основные силы под удар голландской армии.

Почти одновременно с гаротским совещанием, на котором была предпринята попытка консолидировать силы ачехского сопротивления, произошли перемены и в противоположном лагере, логически завершавшие те изменения голландской политики и военной тактики в Аче, которые стали явственно обнаруживаться с весны 1896 г.

Переведенный по настоянию Снука Хюргронье в 1896 г. из резидентства Восточное побережье Суматры, где он был командующим войсками, в Великий Аче [228, 105], подполковник ван Хэютс в качестве командира мобильной колонны завоевал популярность среди офицеров и части колониальной администрации Нидерландской Индии. Ван Хэютс показал себя не только способным и удачливым командиром, но и тонким политиком, который весьма успешно не просто «покорял», но и «умиротворял». Как уже указывалось, Снук Хюргронье в 1896—1897 гг. давал постоянные советы ван Хэютсу, который обращался к своему покровителю по самым разнообразным вопросам, и, вне всякого сомнения, подполковник стремился в пределах своих возможностей проводить в жизнь программу Снука Хюргронье. Несмотря на резко отрицательное отношение командующего Феттера и губернаторов Аче Стемфоорта и ван Флита к ван Хэютсу, противники последнего не могли не признать, что именно ван Хэютс из всех командиров мобильных колонн добился наибольших успехов и что эти успехи связаны с посильным следованием программе Снука Хюргронье. Под давлением обстоятельств даже твердолобые голландские военные постепенно отступали от прежней военно-политической линии и переходили, хотя и медленно, к этой программе. В этих условиях ван Хэютс получал все бóльшие возможности для самостоятельных действий [102, 95—96]. Особенно возросла популярность ван Хэютса после удачной экспедиции в Пиди летом 1897 г.

В княжестве Пиди, ставшем центром антиколониальной борьбы, голландцы удерживали лишь форт на побережье в Сигли, который подвергался непрерывным нападениям. Особую опасность для колонизаторов представляли мукимы Пекан Бару и Пекан Сот, где укрепились саманисты под руководством Хабиба Хусина. Владетель улубалангства Пинанг еще в 80-е годы, в период расцвета саманистского государства, был вынужден отдать эти мукимы как свою долю на нужды «священной войны» [143, т. I, 221]. Пекан Бару и Пекан Сот стали вакафом, т. е. отданным на религиозные цели имуществом. Доходы с мукимов шли на содержание «мусульман», которые держали в постоянном напряжении голландский гарнизон Сигли; мукимы стали частью саманистского го-

сударства, правда автономной. Несмотря на то что владетель Пинанга еще в 1879 г. подписал «пространное заявление», признав себя вассалом голландских колонизаторов, ни он, ни его преемники не вмешивались в дела мукимов [327, 138—139], которые стали одним из крупнейших центров борьбы за независимость на Северном берегу Аче.

Вопрос о необходимости организовать разгром непокорных мукимов поднял Снук Хюргронье. Обосновывая свое предложение, он писал генерал-губернатору ван дер Вейку 21 ноября 1896 г.: «После событий последних лет (речь идет о действиях саманистов в Пиди.— *В. Т.*) невозможно сохранить спокойствие и порядок в Сигли, пока не будут изгнаны банды из Пекан Бару и пока эта область не будет вверена влиятельному вождю, который будет в состоянии нести ответственность за управление и окажет помощь нашим патрульным отрядам» [143, т. I, 215]. Снук Хюргронье указывал также, что разгром саманистских мукимов окажет благотворное, с точки зрения колонизаторов, влияние на соседние улубалангства Пиди и облегчит предложенный им поход во владения Полимов — VII мукимов Пиди [143, т. I, 215, 221]. В этом письме уже содержались те основные идеи, которые позже были положены в основу военно-политических действий в Пиди: нанесение основного удара по «духовным вождям», союз с улубалангами, особенно с теми, кто недоволен соседством улам, одновременные действия в приморской и внутренней частях Пиди. В другом письме генерал-губернатору, написанном 31 мая 1897 г., накануне экспедиции, и представляющем, по сути дела, инструкцию для ее командования, Снук Хюргронье обращал особое внимание на необходимость разгрома Хабиба Хусина, который может стать связующим звеном между саманистами и Теуку Умаром [143, т. I, 224]. Снова и снова Снук Хюргронье связывает разгром ачехского сопротивления прежде всего с ликвидацией «духовных вождей» и «авантюристов».

В конце июля 1897 г. ван Хэютс высадился в Сигли с двумя пехотными батальонами и 12 бригадами жандармерии. 6 августа после мощного артиллерийского обстрела голландцы захватили укрепления, воздвигнутые саманистами близ Сигли, а на следующий день разрушили их [299, 125]. Десять дней сопротивлялся Хабиб Хусин превосходящему его по численности в 10 раз врагу, но к 15 августа был вынужден покинуть мукимы. Ван Хэютс вывел войска, оставив в крепости Сигли усиленный гарнизон для поддержки отряда, действующего в Пекан Бару — Пекан Сот [299, 126]. Экспедиция ван Хэютса кроме выполнения чисто военных задач должна была изучить обстановку в княжестве, собрать сведения о природных условиях, в которых придется действовать войскам, о настроениях населения, позиции знати, ее отношениях с султаном и саманистами. Едва ли не самым ценным из опыта экспедиции для захватчиков была позиция улубаланга Пинанга, который сохранял нейтралитет во время борьбы ван Хэютса с са-

манистами [327, 146], несмотря на то что считался ярым приверженцем султана и, следовательно, врагом голландцев.

Поход против Пекан Бару и Пекан Сот, разрекламированный голландской прессой в метрополии и в Индонезии, сделал из ван Хэютса героя, которому в короткий срок удалось покончить с беспокоящим колонизаторов долгие годы «мятежным» районом. После экспедиции 1897 г. ван Хэютс был назначен начальником штаба армии Нидерландской Индии. Прибыв в середине октября 1897 г. в Батавию, он укрепил свои контакты со Снуком Хюргронье, который с неослабной энергией продолжал призывать к решительному изменению политического курса и методов ведения войны в Аче, предлагая в качестве первого шага назначить на пост губернатора свободного от рутинных концепций голландской колониальной армии, широко мыслящего человека, каковым он считал ван Хэютса. Снуку Хюргронье, как и многим другим, импонировали в ван Хэютсе смелость, здравый смысл, отвращение к рутине, ясное понимание застарелых недостатков голландской армии, стремление к новым методам. Естественно, ученого нередко коробили выходки подполковника, его грубость, солдафонство, диктаторские замашки, однако Снук Хюргронье считал, что эти качества не помешают ван Хэютсу проводить в жизнь его, Снука Хюргронье, программу. Как часто бывает, последний переоценил свои возможности интеллектуального воздействия. Когда ван Хэютс почувствовал себя увереннее, он, не колеблясь, разделался и со Снуком Хюргронье, заставив его покинуть Аче. Но в 1897 г. до этого было далеко: ван Хэютс нуждался в Снуке Хюргронье и делал все для того, чтобы тот не разочаровался в своем выборе.

15 марта 1898 г. советник по восточным языкам и мусульманскому праву Кристиан Снук Хюргронье стал одновременно и советником по арабским и туземным делам при администрации Нидерландской Индии, а также специальным советником при губернаторе Аче [228, 106], а через десять дней полковник ван Хэютс был назначен гражданским и военным губернатором Аче [202, 14]. Инструкция новому губернатору, составленная Снуком Хюргронье, знаменовала окончательное изменение военно-политической линии голландских колонизаторов в Аче; она не только закрепляла те перемены, которые обозначились с весны 1896 г., но и явилась дальнейшей конкретизацией программы Снука Хюргронье применительно к ачехским условиям весны 1898 г.

Согласно первому пункту инструкции, «линия концентрации» упразднялась и губернатору рекомендовалось: «а) оккупировать важнейшие центры трех саги Великого Аче, для чего использовать жандармерию, которой придать полевую артиллерию и необходимый административный персонал... б) осуществлять господство над вассальными владениями посредством занятия ряда важных пунктов на побережье или вблизи него, которые будут служить центрами наблюдения за побережьем и местами сосредоточения, в случае необходимости, мобильных колонн» [107, т. 2,

прил. LXXIV, 162]. В Кутарадже создавалась постоянно действующая мобильная колонна, которая должна была вести операции в Великом Аче, Пиди и других княжествах побережья.

Наиболее эффективным в этих условиях оказался, как прекрасно понимал Снук Хюргронье, жандармский корпус, которому инструкция отводила важнейшее место в новой системе военно-политических мероприятий. Подразделения жандармерии должны были включаться в состав всех мобильных колонн, действующих в Великом Аче или в княжествах. На жандармерию возлагались следующие задачи: «а) осуществлять постоянный контроль над покорившимися вождями и населением, проводить регистрацию населения деревень и его имущества; б) неустанно преследовать еще не сдавшихся вождей, проповедников священной войны и их приверженцев, партизанских лидеров и их отряды». Жандармерия должна была организовывать ночные походы, нападения и засады, а также сосредоточить в своих руках разведывательную службу. Помимо задач военного и шпионского характера жандармский корпус занимался административно-полицейскими обязанностями [107, т. 2, прил. LXXIV, 162—163]. Численность жандармского корпуса в марте 1899 г. была увеличена до пяти дивизий (1232 человека), часть которых вместе с гарнизонными войсками несла полицейскую службу в Великом Аче, а другая часть в составе мобильных колонн боролась с партизанами [320, 44].

«В первую очередь администрация должна разгромить предводителя бандитов Теуку Умара. В том случае, если он окажется за пределами Великого Аче, ему нельзя давать никакой передышки»,— гласил 3-й пункт инструкции [107, т. 2, прил. LXXIV, 162]. В отношении сопротивляющихся инструкция рекомендовала «действовать со всей строгостью» [143, т. I, 230]. Жесткий курс в отношении руководителей сопротивления дополнялся узакониванием репрессий во враждебных деревнях: «Там, где ведутся военные действия и население поддерживает вражеские банды, оно подвергается штрафам...» [107, т. 2, прил. LXXIV, 162]. Инструкция не только подтверждала прежние правила владения оружием, но и в определенной мере усложняла их. Владение огнестрельным оружием запрещалось, лишь «некоторые видные вожди могут иметь одно шомпольное оружие для самообороны по утверждении разрешения губернатора правительством Нидерландской Индии». Запрещалось также носить холодное оружие всем ачехцам, за исключением «улабалангов, авторитетных лиц из султанской семьи, имамов и некоторых других видных людей», которые должны были иметь письменное разрешение губернатора Аче с указанием имени, должности и вида оружия. «Со всеми ачехцами, которые обнаружены с оружием в руках, кроме тех, что упомянуты в пункте 5, следует поступать, как с врагами»,— резюмировал правила ношения оружия 9-й пункт инструкции [107, т. 2, прил. LXXIV, 163].

Колониальной администрации в Аче вменялось в обязанность не только проводить репрессии и экзекуции, но и привлекать вож-

дей и население на свою сторону. Запрещалось сожжение кампонгов, мечетей и отдельных жилищ, разрешалось сжигать лишь укрепления, находящиеся за пределами деревень. Если раньше деревня, из которой раздавались выстрелы по голландцам, считалась враждебной, то теперь инструкция «во избежание ошибок в случае обстрела наших войск из какого-либо кампонга» рекомендовала «тщательно выяснить обстоятельства и не считать автоматически, что население этого кампонга добровольно поддерживало врага» [107, т. 2, прил. LXXIV, 163]. Особое внимание инструкция уделяла налаживанию контактов с «доброжелательными элементами населения», в первую очередь со знатью. Размеры жалованья улубалангов и имамов и различные прибавки к нему ставились в прямую зависимость от их деятельности в прошлом, состояния дел в их владениях, их «влияния и мер, которые администрация предпринимает для укрепления их власти». Инструкция поощряла сотрудничество вождей и населения с колониальной администрацией, предусматривая выдачу вознаграждения или возмещение убытков тем лицам, которые тайно помогают голландской армии обнаруживать партизанские убежища, местопребывание партизанских руководителей, служат проводниками и т. д. В соответствии с общими идеями Снука Хюргронье о создании «ассоциации туземного общества с нашей цивилизацией» инструкция побуждала голландскую администрацию в Аче «принять все меры для должного воспитания сыновей ачехских вождей и взять на себя заботу об ответственности за их поведение» [107, т. 2, прил. LXXIV, 163—164]. Правда, видимо, Снук Хюргронье преследовал в данном случае более близкие и практические цели — создать максимально послушный административный аппарат из местного населения в Аче, где до «умиротворения» было еще далеко.

Инструкция реализовала основные положения программы, предложенной Снуком Хюргронье еще в 1892 г. и выкристаллизовавшейся на протяжении 90-х годов. Отказ от «политики концентрации», действенная оккупация важнейших пунктов Великого Аче и побережья, наступательная тактика, контргерилья, преследование религиозных лидеров и партизанских вождей, сочетание жестоких мер в отношении непокорных с ослаблением репрессий в «замиренных» районах, максимальное привлечение светской наследственной знати — таковы были основные положения программы, в полной мере отразившиеся в этой инструкции. Снук Хюргронье не только теоретически обосновал новый военно-политический курс голландского колониализма в Аче (и других Внешних владениях), но и приложил усилия для назначения на губернаторский пост в Кутарадже сторонника этого курса. Он сам принял непосредственное участие в его осуществлении.

Начавшееся в мае 1898 г. голландское наступление в Пиди должно было, по замыслу ван Хэютса, если не закончить Ачехскую войну, то существенно приблизить ее окончание. В Пиди были сосредоточены основные силы сопротивления, там находились вид-

нейшие вожди движения; здесь укрывались бежавшие из Великого Аче крестьяне, представители знати и духовенства, не желавшие покориться врагу. Поэтому в княжестве не было недостатка в людях, всегда готовых принять участие в борьбе с голландцами и при удобном случае пополняющих партизанские отряды. Пиди был общепризнанным духовным центром Аче: здесь находился кампонг Тиро, откуда вышли руководители саманистского движения, из многочисленных богословских школ Пиди громче всех раздавались призывы к «священной войне». Население Пиди с начала войны оказывало наиболее эффективную по сравнению с другими княжествами побережья помощь Великому Аче вооруженными и экипированными отрядами, деньгами, опиумом, оружием и боеприпасами. Близость и давние связи с Пинангом позволили пидисцам наладить доставку морским путем оружия и боеприпасов, которые затем поступали в Великий Аче, а также в другие княжества.

Все эти обстоятельства вынудили голландское командование обратить внимание на Пиди, после того как главные очаги сопротивления в Великом Аче были потушены. Поход в Пиди имел особое значение для губернатора ван Хэютса и его советника Снука Хюргронье и с точки зрения укрепления их позиций — как демонстрация эффективности первого же мероприятия, предпринятого в соответствии с новой инструкцией.

Обстановка в Пиди благоприятствовала голландскому наступлению. Пиди занимал территорию к юго-востоку от Великого Аче, ограниченную с запада горами Барисан, а с востока Малаккским проливом. Протяженность береговой линии к югу от голландского форта Сигли составляла 44 *км*, в глубь от побережья владения Пиди простирались на 25—30 *км*. Из саги XXII достичь Пиди можно было по рекам Аче и Селимун, которые издавна служили средством сообщения между внутренними районами Пиди и Великим Аче. Пиди состоял из трех основных частей: федерации XII улубалангств, или собственно Пиди, федерации VI улубалангств, или Гигиёна, и VII мукимов Пиди, входящих в состав саги XXII Великого Аче. Между князьями Пиди и владетелями Гигиёна шла постоянная борьба, в которую оказались вовлеченными ачехские султаны и семья Полимов, владевшая VII мукимами Пиди. Улубалангги в Пиди обладали значительной самостоятельностью, особенно в собственно Пиди, тогда как в Гигиёне власть князя была прочнее [71, 1898 г., 489]. Голландские колонизаторы поддерживали рознь между федерациями, а также между князьями и улубалангами. В 90-х годах XIX в. разгорелась ожесточенная борьба в Гигиёне, в которой принял участие и султан Мохаммад Дауд. В результате он должен был в декабре 1894 г. бежать из Кемалы, захваченной враждебными ему улубалангами [327, 143]. Но вскоре он вернул свои позиции, и Гигиён был вынужден признать владения союзников султана отдельными улубалангствами. Это привело к усилению противоречий между султаном и князьями Пиди и Гигиёна, ревниво следившими за укреплением власти султана над

подвластными им владениями. Хотя в обстановке патриотического подъема при объединении ачехских сил, борющихся за независимость, раджи Пиди и Гигиёна приняли участие в гаротском совещании, они оказались крайне ненадежными союзниками.

Экспедиция в Пиди по своим масштабам превосходила все прежние походы колонизаторов в прибрежные княжества Аче. Целью этого предприятия было не закрепление на побережье или экзекуция, а разгром сил сопротивления и введение в Пиди тех же порядков, что устанавливались в Великом Аче. Из распоряжения генерал-губернатора от 5 марта 1898 г. видно, что на первом плане стоял разгром Теуку Умара и Панглимы Полима, обосновавшихся, по данным голландской агентуры, в VII мукимах Пиди, т. е. во внутренней части области, входящей в Великий Аче, тогда как операции в собственно Пиди считались задачей второго плана [71, 1898 г., 486].

Голландские войска должны были действовать двумя колоннами. Первая во главе с ван Хэютсом, осуществлявшим и общее командование экспедицией, направлялась морским путем в Сигли, откуда двигалась в глубь Пиди на соединение со второй колонной, наступавшей из Селимуна (саги XXII) в восточном направлении через VII мукимов Пиди. В состав голландского экспедиционного корпуса, отправленного в Пиди, входили пять пехотных батальонов, отряд морской пехоты, свыше эскадрона кавалерии, десять орудий [249, 50—51]. В экспедиции участовала жандармская дивизия в составе 12 бригад во главе с командиром жандармского корпуса капитаном ван Блумен Ваандерсом [320, 41]. Сухопутные силы поддерживали броненосец «Принц Хендрик Нидерландский», фрегат «Аче» и три военных судна Индийской флотилии [71, 1898 г., 548]. Общая численность экспедиционного корпуса составляла около 8 тыс. человек (160 офицеров, 2550 европейских и амбонских солдат, 1700 яванских солдат и 3300 носильщиков).

Наступлению предшествовала тщательная подготовка, занявшая несколько месяцев: голландское командование уточняло местонахождение вождей сопротивления, вело переговоры с улубалангами Пиди и соседних районов Великого Аче, собирало сведения о местности. Накануне наступления по совету Снука Хюргронье колонизаторы вызвали раскол в рядах противника, предложив раджам и улубалангам Пиди явиться на встречу с губернатором в Сигли. 30 мая в Сигли прибыли раджа Гигиёна и ряд улубалангов [107, т. I, 158]. В решающий момент часть улубалангов Пиди и Гигиёна открыто перешли на сторону врага: сыграли роль боязнь за свое положение, неверие в возможность успешной борьбы с захватчиками, противоречия с султаном и Панглимой Полимом, а также страх перед развертыванием народного сопротивления, возглавленного Теуку Умаром и уламами.

Хотя в Сигли явились лишь семь улубалангов из тридцати, их помощь существенно облегчила колонизаторам действия в Пиди, особенно в начальный период, пока они не привлекли на свою сто-

рону других улубалангов и не создали разветвленную шпионскую сеть. От предателей-улубалангов голландское командование получило проводников и сведения о местопребывании ачехских отрядов. Явившиеся в Сигли улубаланги сопровождали голландские войска в своих владениях, стремясь предупредить возможные выступления населения [71, 1898 г., 555].

Первый удар ван Хэютс нанес по Гароту, где находился Теуку Умар. Умар уклонился от сражения с голландской армией, превосходящей его отряды по численности и вооружению, и в ожидании помощи от Панглимы Полима нападал на маршевые колонны, атаковал голландские дозоры и т. п. Панглима Полим так и не пришел на помощь. На третий день после начала голландского наступления на Гарот Теуку Умар оставил селение и ушел в глубь Пиди. Ван Хэютс немедленно двинул свою армию на Паданг Тиджи в VII мукимах Пиди, где находилась штаб-квартира Панглимы Полима, и захватил этот кампонг 5 июня почти без сопротивления.

9 июня обе голландские колонны соединились в Паданг Тиджи [249, 53]. Голландская пресса ура-патриотического направления расценивала это событие как крупную победу голландской армии, которая в течение недели прошла через весь Пиди. Однако действительная борьба на Северном и Восточном побережье Аче только развертывалась. Теуку Умар возглавил партизанскую борьбу; население оккупированных районов Пиди покидало свои деревни, не желая сотрудничать с захватчиками. Ван Хэютс был вынужден отправить ассистент-резидента в Дели за дополнительным контингентом китайских кули для строительства стратегической дороги Сигли — Паданг Тиджи, так как, несмотря на террор колонизаторов и уговоры перешедших на сторону врага улубалангов, жители захваченных территорий Пиди отказывались выходить на дорожные работы [71, 1898 г., 591]. Отряды Теуку Умара действовали в окрестностях Гарота. Вел партизанскую войну, хотя и не так активно и умело, как Теуку Умар, и Панглима Полим, обосновавшийся между Кемалой и Беренуном [299, 142].

12 июня голландцы начали наступление на партизанские районы Пиди. Основная часть голландских войск во главе с самим ван Хэютсом двинулась к Беренуну и Чот Муронгу, чтобы разгромить Теуку Умара и Панглиму Полима. Вторая, более слабая колонна, возглавляемая подполковником Виллемсом, должна была направиться вверх по течению р. Пиди, где укрывался султан, которого поддерживали не покорившиеся захватчикам улубаланги Пиди [71, 1898 г., 628]. Ван Хэютс в первый же день натолкнулся на ожесточенное сопротивление саманистов. Лишь после нескольких атак голландцы выбили саманистов из укреплений и смогли продвинуться к Чот Муронгу. Колонна Виллемса захватила покинутую султаном Кемалу и вслед за частями ван Хэютса вернулась в Паданг Тиджи [71, 1898 г., 641].

Партизанская борьба в Пиди продолжалась. План ван Хэютса — разгромить силы сопротивления одним ударом — терпел яв-

ную неудачу. Вожди сопротивления не вступали (за редким исключением) в крупные сражения, но постоянно тревожили врага неожиданными нападениями. Ни население, ни знать Пиди не обнаруживали намерения идти на сотрудничество с колонизаторами. Оценивая результаты операций в Пиди за первые 18 дней июня, самарангский «Де Локомотиф» писал: «Теуку Умар, Полим, претендент-султан в Педире следуют тактике русских в 1812 году. Полима не нашли в Паданг Тиджи, Умара — в Гароте или Муронге, претендента — в Кемале. Население скрывается в горах. Мы обнаруживаем не сожженные нами, но уже покинутые кампонги» [227, 1937 г., 634]. Сообщая о кровопролитных боях в IX мукимах Кеманган, автор статей в «Де Локомотиф» Броосхоофт заключал: «Педирская экспедиция пока не оправдывает возлагаемых на нее надежд» [227, 1937 г., 634].

Организацию сопротивления голландское командование справедливо приписывало Теуку Умару, против которого 27 июня ван Хэютс вышел в новый поход. Хотя голландские батальоны захватили несколько ачехских укреплений, основной цели — разгрома Умара — они не достигли [71, 1898 г., 729]. В начале июля ван Хэютс был срочно вынужден прекратить военные действия против Теуку Умара и направить войска в княжество Иди, где началось мощное народное движение под руководством Теунгку Тапы.

Проповедник из Телонга (Северный Гайо) Теунгку Тапа, появившись в княжествах Восточного и Северного побережья, объявил себя Малем Дива, а свою жену — Путри Мерендам Дива, героями ачехского эпоса «Хикаят Малем Дива», явившимися в критическое для народа время, чтобы спасти его от порабощения и уничтожить «кафиров» [147, т. IV(1), 385—386]. Он призвал население Иди и соседних княжеств, некогда входивших в государство Пасей, подняться на «священную войну», обещав изгнать «неверных» от мыса Диамант до Тамианга, т. е. освободить Восточное побережье [72, 819]. В течение нескольких дней все население Иди и соседних территорий поднялось на борьбу с захватчиками. Даже некоторые улубаланги, которые были настроены выжидательно, вынуждены были под напором народа примкнуть к движению [311, 613]. 1 июля сохранивший верность колонизаторам раджа Иди Теуку Чик сообщил о появлении отрядов Тапы в своем княжестве, а на следующий день ачехцы разрушили мост через р. Иди. 3 июля Теунгку Тапа разгромил посланные против него две голландские роты и стал хозяином положения в Иди [72, 822—823]. Ван Хэютс был вынужден свернуть операции в Пиди и срочно перебросить пехотный батальон, жандармерию и отряд моряков против Теунгку Тапы. После ожесточенных боев 11—12 июня Теунгку Тапа оставил укрепления близ столицы княжества Иди и отступил со своими последователями в глубь княжества, а 16 июня, после потери последних бентенгов, бежал в Гайо [72, 841]. Лаконичные сообщения голландских сводок военных действий против Теунгку Тапы не могут передать драматических коллизий борьбы, когда

сотни практически безоружных ачехцев, уверенных в своей неуязвимости, шли в атаку на голландские позиции и сотнями же гибли под ураганным картечным и ружейным огнем. Колонизаторы, разгромив Теунгку Тапу, наложили на население огромную контрибуцию — 250 тыс. гульденов. Кроме того, был конфискован весь урожай перца [227, 1937 г., 639].

Движение Теунгку Тапы, новая, хотя и менее значительная вспышка которого произошла в следующем, 1899 г., занимает особое место в истории Ачехской войны. На первый взгляд это было обычное явление, неоднократно встречавшееся в Аче на протяжении 80—90-х годов, когда тот или иной улама поднимал на борьбу с колонизаторами своих учеников или население тех деревень, где он проповедовал. Именно так оценивал движение Снук Хюргронье в своих статьях для «Ява Бодэ» [147, т. IV (1), 344, 386]. Но движение Теунгку Тапы существенно отличалось от саманистского. Последнее было сравнительно хорошо организованным движением, которое ставило своей целью создание военно-теократического шариатского государства. Его идеологи были учеными-богословами, получившими образование в Мекке, знакомыми с идеями ваххабизма и махдизма, стремившимися направить движение по пути следования мусульманским доктринам, по крайней мере в том смысле, который они в них вкладывали. Хотя многое в саманизме было связано с традиционными верованиями и привычками ачехского крестьянства, все же очень заметным было «очищение» ачехского ислама, стремление идеологов движения приблизить его к нормам «чистого» ислама. Движение Теунгку Тапы, напротив, основывалось на мусульманском учении «священной войны» лишь внешне, его идеологической основой был мессианизм и эсхатологические верования, причем отнюдь не в их специфически мусульманском выражении.

В основе лежала традиционная, общая для многих народов архипелага, восходящая к домусульманским религиозным и культурным пластам индонезийско-малайского мира вера в Рату Адиля — справедливого правителя. В данном случае ипостасью Рату Адиля стал Теунгку Тапа — воплощение сказочного Малем Дивы, вернувшегося, чтобы спасти свой народ от чужеземцев. Таким образом, в идеологии движения причудливо сочетались как мусульманские, так и домусульманские начала, с явным перевесом в сторону последних.

Теунгку Тапа широко использовал колдовские обряды, магические заклинания, заговоры, видимо, даже гипнотические методы (Снук Хюргронье называет его фокусником), т. е. все то, что отвергалось учеными-богословами типа Мохаммада Самана, но составляло неотъемлемые элементы народных верований. Последователи Тапы безоружными бросались на голландскую артиллерию, они вдохновлялись как ненавистью к врагу и религиозным фанатизмом, так и верой в собственную неуязвимость, которой их наделял сказочный герой.

Движение Теунгку Тапы отличалось не только своими идеологическими истоками. Как и саманизм, оно основывалось на широком народном подъеме борьбы за независимость, и в этом отношении оба движения были однородными. Но последователи Теунгку Тапы — в своей массе крестьяне Иди и соседних мелких княжеств — поднялись в порыве, горячо веря в чудо, которое не может не произойти, тогда как саманистское движение, которому отнюдь не были чужды элементы и мистицизма и уверенности «мусульман» в своей избранности, тем не менее базировалось на достаточно прочной военно-административной основе. У движения Тапы такой основы не было, как не было и сколько-нибудь заметной организованности вообще. Это был яростный, безоглядный бунт отчаявшихся людей, уже изверившихся в своих традиционных руководителях и наставниках и страстно желавших поверить, что не все потеряно, что есть еще крестьянский бог, не тот, далекий, о котором твердят уламы, а их, исконный, дедовский и прадедовский,— он не оставит их, не может оставить их, когда он так им нужен.

Движение Теунгку Тапы возникло в критический, переломный момент войны. Ачехский крестьянин устал от экзекуций, грабежей и насилий голландской солдатни, устал от бесконечных измен адатных вождей, устал от порядков шариатского государства, насаждавшихся саманистами, устал от буйных и часто не брезгавших грабежами командиров партизанских отрядов, многие из которых были не прочь поменяться местами с адатными вождями. Появление Рату Адиля — Теунгку Тапы дало выход чувствам ачехского крестьянства, которое загорелось надеждой на установление справедливого порядка, достигнутого собственными усилиями после изгнания колонизаторов. Популярности нового движения способствовали также неудачи в Великом Аче и голландское наступление в Пиди. Крестьянство Восточного и Северного берега, столкнувшись с проникновением колонизаторов в глубинные районы и неспособностью светских и духовных руководителей организовать отпор врагу, само поднялось на борьбу. Таковы были идеологические и политические предпосылки и особенности движения Теунгку Тапы.

Несмотря на поражение в июле 1898 г., Теунгку Тапа сумел в 1899 г. вновь поднять население ряда княжеств Восточного и Северного берега на борьбу с захватчиками [147, т. IV (1), 386]. Повторилась, хотя и в меньшем масштабе, трагедия предыдущего года: голландцы расстреляли плохо вооруженные, слабо организованные силы последователей Теунгку Тапы, предпочитавших к тому же вступать в открытые сражения, а не придерживаться тактики партизанской войны. Разгром движения Теунгку Тапы серьезно ослабил силы антиколониального сопротивления в районе, ставшем с 1898 г. главным центром борьбы. Еще более серьезное значение для дальнейшего хода Ачехской войны имело даже не поражение одного из отрядов борцов за независимость (в данном случае в Иди и соседних мелких княжествах), а та апатия и чувство

усталости, которые распространились в густонаселенных районах Восточного побережья Аче, где крестьянство после поражения патриотов в Великом Аче несло на себе основную тяжесть борьбы с колонизаторами.

Можно предполагать, что движению Теунгку Тапы в большей степени, чем другим антиколониальным действиям ачехского народа в годы войны, были свойственны социальные мотивы, хотя прямых доказательств нет в нашем распоряжении. Но сам характер движения — появление Рату Адиля, а также явная враждебность большинства улубалангов Иди и соседних княжеств, бóльшая часть которых встала на сторону колонизаторов, говорят в пользу такого предположения. Показательно также, что со второй половины июля 1898 г. изменилась позиция ряда улубалангов Пиди, до того времени весьма активно сопротивлявшихся голландским захватчикам.

Движение Теунгку Тапы двойственным образом отразилось на антиколониальной борьбе на Северном и Восточном берегу Аче. С одной стороны, оно заставило голландских колонизаторов прервать операции в Пиди и бросить значительные силы на подавление восстания Тапы. Тем самым Теуку Умар и другие вожди сопротивления в Пиди получили передышку и возможность для консолидации сил и подготовки обороны. Кроме того, движение Теунгку Тапы существенно расширило территорию, охваченную подъемом антиколониальной борьбы. Вместе с тем это движение напугало прибрежных князей, которые начали опасаться не только возрождения саманизма, но и еще более нежелательных для них самостоятельных выступлений крестьянства. В страхе перед этим многие улубаланги Пиди, Иди и других княжеств с большей, чем прежде, готовностью шли на компромисс с захватчиками и отходили от антиколониального движения. А поскольку в княжествах Северного и Восточного берега адатная знать не утратила своего влияния на руководство борьбой, как это произошло в Великом Аче, то предательство и даже простой нейтралитет князей неблагоприятно сказались на судьбах сопротивления.

Восстание Теунгку Тапы, как уже отмечалось, позволило антиколониальным силам в Пиди активизировать свою деятельность. В июле 1898 г. Теуку Умар нанес захватчикам несколько чувствительных ударов под Чот Муронгом, а также в окрестностях Сигли [72, 905—909; 311, 614]. В конце июля в Чот Муронге, ставшем штаб-квартирой Теуку Умара, собрались руководители антиголландской борьбы. Среди них были Теуку Умар, султан, Теунгку Чотплиёнгский, сыновья Мохаммада Самана — Теунгку Беб и Теунгку Маэт, некоторые улубаланги Пиди, старосты деревень и родственники султана. На этой встрече было решено назначить Умара верховным вождем, т. е. не только военным, но и политическим руководителем. Совещание в Чот Муронге одобрило план ведения военных действий, основанный на партизанской тактике, который был выдвинут Теуку Умаром. Наконец, было принято ре-

шение, по которому все уклоняющиеся от участия в военных действиях должны были нести военные расходы [72, 910].

Совещание в Чот Муронге явилось важной вехой в истории ачехского сопротивления. Если на гаротской встрече в апреле 1898 г. адатная знать саги XXII и Пиди получила преобладание над саманистами и сторонниками Умара, то в Чот Муронге главенствующее положение заняли именно последние. В чотмуронгской встрече не приняли участие ни Полим III, ни бóльшая часть улубалангов Пиди, зато активно действовали (наряду с Умаром и саманистами) старосты и деревенские панглимы Пиди. Светская знать, в руки которой попало руководство борьбой в Пиди, за два с небольшим месяца успела обнаружить явную неспособность организовать сопротивление захватчикам. Народные массы, разочаровавшиеся в своих традиционных лидерах, выдвигали на первый план Теуку Умара, в котором видели своего героя. Серьезный удар по позиции адатных вождей нанесло движение Теунгку Тапы, в котором с наибольшей силой проявилось недовольство крестьянства Восточного побережья Аче действиями улубалангов. В этой обстановке укрепили свои позиции растерявшиеся после поражения 1896—1897 гг. уламы, сгруппировавшиеся к лету 1898 г. вокруг Теунгку Чотплиёнгского и сыновей Мохаммада Самана. Оставаясь на позициях продолжения сопротивления, они, преодолев старую неприязнь, пошли на более тесный союз с Умаром, убедившись, что адатные вожди не склонны в своей массе к решительной, бескомпромиссной борьбе с врагом.

Провозглашение Теуку Умара верховным вождем сопротивления означало не просто осуществление честолюбивых замыслов самого Умара. Это была серьезная победа патриотических сил, стремившихся к сплочению народа для борьбы с колонизаторами. Решения, принятые в Чот Муронге, означали курс на организацию широкой народной партизанской войны с захватчиками и затрагивали интересы адатной знати (оттеснение ее от руководства движением, взимание военного налога с улубалангов). И хотя в силу различных объективных и субъективных причин ачехское сопротивление уже никогда не поднялось на уровень середины 80-х — начала 90-х годов XIX в., руководство движением, на короткий срок попавшее в руки адатных вождей, после совещания в Чот Муронге до самого конца оставалось в основном в руках приверженцев Умара и саманистов, т. е. наиболее радикальных группировок сопротивления.

Чотмуронгские решения и движение Тапы в сочетании с политикой Снука Хюргронье способствовали отходу основной массы улубалангов Пиди от антиколониальной борьбы. 21 июля сдался улубаланг Кемалы, а в первой половине августа с повинной к колонизаторам явились улубаланги Чумбо, Сама Индры, Лхо Каджу и другие, более мелкие адатные вожди [107, т. I, 166—167]. Ассистент-резидент Северного и Восточного берега писал в своем отчете за период с 19 июля по 2 августа: «За исключением Теуку Бин-

тара Пинанга, который не прекратил контакты с врагом, остальные вожди оставили сотрудничество с ним» [107, т. I, 167].

Предательство знати не заставило население Пиди покориться. Жители кампонгов по-прежнему не желали сотрудничать с колонизаторами, покидали свои деревни и уходили в горы. Активно действовали партизанские отряды Теуку Умара, сыновей Самана, Кечик Лемана, родственников султана [71, 1898 г., 921—925]. После Чот Муронга Теуку Умар принял решение рассредоточить силы и вести борьбу мелкими партизанскими отрядами, чтобы не дать голландскому командованию, которое начало очередное наступление, возможности разгромить ачехскую армию [320, 631].

2 августа голландцы захватили штаб-квартиру Умара — кампонг Чот Муронг, а в ночь на 8 августа — его укрепление в Кута Рембайянг [249, 57]. Отбиваясь от наседавших со всех сторон мобильных колонн, лишенный помощи Панглимы Полима и улубалангов Пиди, Теуку Умар был вынужден отступить в глубь княжества, к горному хребту Букит Барисан. Здесь, в 60 *км* от Сигли, в истоках р. Тангсе, он создал укрепленный лагерь. Против Теуку Умара 14 августа была направлена сильная колонна под командованием заместителя ван Хэютса подполковника Виллемса.

Сражение под Тангсе стало последней крупной битвой, которую дал захватчикам Теуку Умар. Он еще раз блеснул недюжинным воинским талантом, умением использовать обстановку, обнаружил превосходное понимание сущности партизанской войны, победил... и навсегда покинул Восточный Аче. В ущелье Бенит ачехский вождь устроил засаду голландской колонне. Когда Виллемс подошел к ущелью, он обнаружил, что вход прегражден завалом из больших деревьев. С трудом саперы расчистили завал, и голландские войска вступили в длинное, узкое ущелье, по дну которого бежала быстрая горная река. Уровень воды в речке поднялся, так как наступил дождливый сезон, и идти по самому берегу колонна не смогла. Пришлось карабкаться по извилистым узким тропкам, чтобы преодолеть ущелье, за которым, по данным лазутчиков, находился лагерь Умара. Когда голландские солдаты начали двигаться по ущелью, партизаны Умара обрушили на врага град камней и стали обстреливать колонну сверху. Солдаты боялись сделать лишний шаг по тропинке, на которую сверху летели огромные камни, и не желали выходить из-за скальных укрытий, чтобы не попасть под меткий огонь ачехцев. Даже опытный и храбрый Виллемс растерялся в этой обстановке. Почти в полном беспорядке колонна бросилась к выходу из «проклятого ущелья» [299, 40; 71, 1899 г., 50—53; 243, 142—143]. Ачехцы торжествовали победу, а голландцы отступили в Чот Муронг, где находилась штаб-квартира мобильной колонны, действующей во внутреннем Пиди.

Взбешенный неудачей, ван Хэютс в конце августа организовал новый поход на Тангсе. На этот раз он сам возглавил еще более мощную, чем первая, голландскую колонну. Благодаря предательству проводника голландским войскам удалось обойти ущелье

Бенит по горным тропам и неожиданно напасть на его защитников с тыла. Теуку Умар не принял сражения со стремившимся навязать ему бой ван Хэютсом и вывел свой отряд из-под удара, ловко обманув ван Хэютса, который ожидал, что ачехцы будут защищать Тангсе [71, 1899 г., 53—64; 299, 158—164].

После этого Теуку Умар покинул Пиди и с остатками своих отрядов двинулся на родину, на Западный берег. Героический его поход в сентябре 1898 г. через непроходимые джунгли, горные ущелья, болота и трясины внутреннего Аче получил название «похода смерти». Деревни не встречались на этом пути. Больные и раненые умирали по дороге, и их хоронили тут же, ибо у оставшихся в живых не хватало сил, чтобы заботиться о мертвых. Умирали от голода дети, слабые не доходили до привалов... Теуку Умар сумел тем не менее вывести своих последователей из Пиди и снова разжечь потухшее было сопротивление в западных областях Аче. Уход Теуку Умара объяснялся не только натиском голландских войск и стремлением Умара активизировать сопротивление на Западном берегу. Противоречия между аристократией и народными массами в ачехском лагере после совещания в Чот Муронге обострились, светская знать во главе с Панглимой Полимом III не желала признавать Умара верховным вождем сопротивления, так как это означало переход руководства борьбой снова в руки выходцев из народа и духовенства, которые склонялись к союзу с Умаром.

В результате в тяжелый для ачехцев август 1898 г. Полим III и другие феодалы не поддержали изнемогавшие отряды Теуку Умара и улам из Тиро, которые несли на себе основную тяжесть борьбы с врагом. Отступление Умара в Тангсе объяснялось невозможностью для него удержаться в прибрежных районах Пиди в обстановке, когда улубаланги или переходили на сторону врага, или, продолжая оставаться в патриотическом лагере, не шли на помощь своим соперникам.

Теуку Умар был чужаком в Восточном Аче и, естественно, не мог рассчитывать здесь на ту массовую поддержку, которую он имел в западных районах. Раскол в лагере сопротивления, ставший реальностью после Чот Муронга, поставил Теуку Умара, провозглашенного верховным вождем, в крайне затруднительное положение. Его отряды, приведенные с Западного берега, сильно поредели в летних боях, поскольку именно на борьбе с ними сосредоточили главные усилия колонизаторы в Пиди. Программа консолидации сил и развертывания народной партизанской войны, принятая в Чот Муронге, едва начала претворяться в жизнь к моменту нового голландского наступления в августе и не успела принести значительных плодов. Понесшие наименьший урон по сравнению с отрядами Умара и саманистов войска Полима III и других адатных вождей фактически не поддерживали Умара и не признавали его верховным вождем.

В этих условиях Теуку Умар принял решение вернуться в Западный Аче и там организовать центр сопротивления врагу. Уход

Умара означал углубление разрыва между народными вождями антиголландского сопротивления и адатными вождями, принимавшими участие в борьбе. Хотя до самого конца Ачехской войны лидерами сопротивления были представители различных групп ачехского общества, что объяснялось помимо самого характера войны также слабой дифференциацией этого общества, размежевание между народом и адатными вождями нарастало на протяжении всей войны, по мере того как последние переходили на сторону колонизаторов и в движении усиливались социальные мотивы. Кратковременное объединение различных групп внутри ачехского лагеря, достигнутое в Гароте ценой уступок адатным вождям, кончилось. Теуку Умар, ставший на этом этапе войны выразителем интересов широких масс ачехского крестьянства, стоявшего за продолжение войны и создание справедливого общественного устройства на освобожденных территориях, порвал с адатными вождями Пиди и отправился в Западный Аче, который он хотел превратить в центр борьбы против колонизаторов. Часть партизанских вожаков, и среди них один из популярнейших — Теуку Бен Пекан [147, т. IV (1), 394], последовала за Умаром, другая часть — преимущественно уроженцы Пиди — осталась на востоке султаната [71, 1899 г., 152]. Остались и большинство саманистских руководителей, так как в этом районе их позиции были наиболее прочными.

Не уход Умара был причиной раскола в руководстве движением, как считают многие голландские авторы [249, 55—56], а, наоборот, этот раскол привел к тому, что Теуку Умар был вынужден покинуть Пиди. Разногласия между Умаром и Полимом III объяснялись не борьбой за доходы и отказом последнего выдать за Умара свою сестру (именно эта версия бытует в голландской историографии), а противоречиями между наследственной аристократией и народными вождями сопротивления, обострившимися в дни голландского наступления. Характерно в этом отношении наблюдение одного из наиболее заслуживающих доверия историков заключительных лет Ачехской войны, Х. Т. Дамстэ, который писал, что адатные вожди Пиди шли на примирение с голландцами по мере того, как Умар появлялся поблизости от их владений [227, 1938 г., 12].

Раскол в рядах борцов за независимость и последующий массовый переход адатных вождей Пиди на сторону врага облегчили последнему действия в Восточном Аче. 3 сентября мощная голландская колонна во главе с ван Хэютсом и Снуком Хюргронье двинулась в восточные районы Пиди, население и улубаланги которых отказывались подчиниться колонизаторам. В кампонге Тепин Райя Снук Хюргронье во время допроса местного уламы и преподавателя религиозной школы Теунгку Гаде выяснил, что улубаланги и командиры партизанских отрядов находятся неподалеку, в укреплении Кута Беренун. 6 сентября утром Снук Хюргронье сообщил ван Хэютсу о результатах допроса и посоветовал немедленно напасть на Кута Беренун. Командир первой дивизии жан-

дармерии капитан ван дер Маатен (автор неоднократно упоминавшейся работы о Снуке Хюргронье) во главе своих жандармов направился в Кута Беренун, окружил дом, где находились ачехские вожди, и захватил всех находящихся там без всякого сопротивления с их стороны [227, 1938 г., 9]. Всего было захвачено около 100 человек, в том числе улубаланги Глумпанг Пайонга, Нджонга и Аруна, а также многие партизанские панглимы. Среди пленных находились жены и другие родственники руководителей сопротивления [71, 1899 г., 128].

Беренунское пленение послужило как бы сигналом к массовой сдаче адатных вождей Пиди, еще продолжавших сопротивление. Ассистент-резидент ван Рейк ван Алкемаде писал в отчете за сентябрь: «К концу месяца все улубаланги, равно как и меньшие вожди Педира, которые до того времени не покорились, изъявили покорность, прибыв в Сигли или к командирам колонн» [107, т. I, 172]. Были ли события в Беренуне причиной массового перехода адатных вождей Пиди на сторону врага, как об этом пишут голландские авторы, особенно те из них, которые выпячивают роль Снука Хюргронье? Безусловно, пленение наиболее антиголландски настроенных адатных вождей, а также членов семей некоторых владетелей Пиди не могло не сказаться на настроении тех улубалангов, которые участвовали в борьбе, но главная причина предательства знати Пиди объясняется не Беренуном, а страхом адатной верхушки перед народным сопротивлением и их готовностью после Чот Муронга пойти на соглашение с колонизаторами. Уход Теуку Умара, которого знать ненавидела и боялась, облегчил ей переход на сторону врага и одновременно позволил оправдать этот шаг якобы имевшей место безвыходностью положения.

Адатная знать Пиди была готова к перемене лагеря, а события в Беренуне явились лишь толчком, который ускорил эту перемену. Предательство адатной верхушки привело к настолько значительному сокращению размаха борьбы в Пиди, что корреспондент «Де Локомотиф» писал 1 октября: «Положение в Педире за последние две недели улучшилось настолько, что в пребывании там всех наших войск нет более необходимости» [227, 1938 г., 24]. Ассистент-резидент ван Рейк ван Алкемаде писал в отчете за сентябрь: «Во всем Педире вплоть до крайнего его востока, куда наша колонна дошла 26—29 сентября, население находится в своих деревнях и выходит на полевые работы... За исключением VII мукимов Пиди, где время от времени... обстреливают наши войска, наши колонны проходят Педир, не сталкиваясь с враждебными действиями» [107, т. I, 173—174].

Снук Хюргронье в своих статьях для «Ява Бодэ» в октябре 1898 г. отмечал, что лидеры сопротивления после ухода Теуку Умара утратили контроль над событиями и ушли в глубинные районы Пиди и других княжеств Восточного побережья. Большинство же улубалангов Пиди, писал Снук Хюргронье в статье «Экспедиция в Педир», покорились и выступают приверженцами адата, мира и

порядка [147, т. IV (1), 341]. Автор колониальной политики в Аче считал необходимым немедленно организовать экспедицию в соседние с Пиди княжества, где находили приют приверженцы Умара, саманистов и Полима [147, т. IV (1), 304].

В конце сентября 1898 г. колонизаторы двинули войска из Пиди в соседнее княжество Пасанган и его вассальные владения, адатные вожди которых во главе с улубалангом Теуку Чик Семауном и уламы, руководителем которых был Теунгку Шех Махмуд из кампонга Авех Гехах, подняли народ на борьбу с захватчиками [120, 215]. В начале октября голландские войска захватили прибрежные районы Пасангана и заставили руководителей сопротивления уйти во внутренние районы княжества. В конце октября, после гибели улубаланга Гедонга и похода в княжество Кертой, колонизаторы объявили о прекращении крупных операций в Восточном Аче. На население княжеств была наложена тяжелая контрибуция в общей сумме более 100 тыс. малайских долл. и конфискован урожай перца.

Несмотря на массовый переход адатных вождей на сторону врага, сопротивление в Восточном Аче не прекратилось, хотя размах его и сократился, и колонизаторам потребовалось еще несколько лет, чтобы затушить очаги народного сопротивления.

Рассматриваемый период заканчивается героической борьбой Теуку Умара в Западном Аче. Умар не сложил с себя звания верховного вождя сопротивления голландским захватчикам; еще в Тангсе он получил от султана печать (как некогда Саман), которая давала ему, по ачехским понятиям, право издавать указы и распоряжения в качестве представителя верховной власти. В Западный Аче Умар вернулся с твердым намерением создать новый центр сопротивления, новую армию, новое государство, опираясь на которые он будет вести борьбу с колонизаторами. Однако его попытки закрепиться в областях своих прежних владений (VI мукимов, IV мукима, Лепонг, Лхонг) успехом не увенчались. Причиной тому были не только сильные голландские отряды, преследовавшие Умара по пятам. За время отсутствия Умара изменилась сама обстановка в Великом Аче, где колонизаторам репрессиями в отношении массы населения и уступками его верхушке удалось «умиротворить» наиболее беспокойные районы. Это ощутил Теуку Умар, когда он не встретил массовой поддержки в западных областях Великого Аче и был вынужден уйти на побережье, в родной Мелабох. Для характеристики обстановки в оккупированных голландцами районах Великого Аче показательно то, что к Умару присоединились молодежь и бедная часть населения его прежних владений, тогда как «почтенные», «старшие» люди холодно отнеслись к его появлению [243, 149]. Усилия колонизаторов по привлечению зажиточной части ачехской деревни начали приносить плоды.

Несмотря на спад движения в Великом Аче, Теуку Умар сумел разжечь пламя народной войны в соседних областях Западного берега. Преодолевая сопротивление перешедших на сторону врага

раджей, сплачивая разрозненные партизанские силы, действовавшие в Западном Аче, привлекая молодежь и бедноту, Теуку Умар осенью 1898 г. собрал трехтысячную армию [311, 626—629]. С середины сентября 1898 г. до весны следующего, 1899 г. голландские власти снаряжали на Западный берег одну экспедицию за другой, стремясь разгромить своего главного врага [249, 56]. В начале 1899 г. в Мелабох для руководства действиями против Умара прибыл губернатор ван Хэютс, после похода в Пиди ставший генерал-майором. Готовил решительный удар по врагу и Теуку Умар, обосновавшийся в бассейне р. Войла, к северо-востоку от Мелабоха. 11 февраля 1899 г. Теуку Умар выступил в поход на Мелабох. Он планировал неожиданным ударом при содействии своих приверженцев в кампонге овладеть голландским фортом, сбросить вражеский гарнизон в море, а затем развернуть генеральное наступление на голландские колонны и укрепления в Западном Аче. Накануне он отправил письмо одному из своих друзей в Мелабохе, в котором указывался маршрут движения армии и время нападения на Мелабох. Письмо по неясным обстоятельствам не попало по назначению, а оказалось в руках некоего Раджа Амеха, бывшего голландским шпионом. Узнав о предстоящем выступлении Умара, голландское командование отправило жандармскую бригаду во главе с лейтенантом Фербрюгом для устройства засады. Как обычно, Умар со своими телохранителями двигался впереди основных сил. В двух километрах от Мелабоха его поджидала засада. Жандармы смертельно ранили Теуку Умара в тот момент, когда он курил на берегу речки, ожидая подхода главных сил [311, 627—630]. Ачехское наступление на Мелабох было сорвано. Умирающего Умара положили на носилки и понесли в горы. В кампонге Сенебо он умер. Тело Умара по приказу Чут Нья Дин было перенесено в далекий кампонг Муго (свыше 40 *км* от Мелабоха), где оно было погребено близ мечети [12].

Поражение в Пиди осенью 1898 г. и гибель Теуку Умара в феврале 1899 г. были не просто вехами военной истории борьбы ачехского народа за независимость. События в Пиди знаменовали окончательный отход адатных вождей Аче как организованной силы от сопротивления и переход от политики половинчатой поддержки борьбы за независимость или нейтралитета к безусловной ориентации на колонизаторов.

Гибель Теуку Умара была в этой обстановке серьезнейшим уроном для ачехских патриотов, отмежевавшихся от аристократов — предателей народной войны. Со сцены сошел последний крупный народный вождь, способный объединить население различных областей Аче на борьбу с врагом.

---

[12] Колонизаторы не осмелились тронуть могилу народного героя. На месте гибели Умара после окончания Ачехской войны был поставлен колониальными властями памятник с надписью: «Здесь погиб Теуку Умар 11 февраля 1899 г.». После завоевания независимости голландская надпись была заменена индонезийской того же содержания.

Глава VI

Окончание Ачехской войны (1899—1913)

Ачехский народ не сложил оружия после разгрома саманистского государства, поражения в Пиди и гибели Теуку Умара. Последующее пятнадцатилетие было временем арьергардных боев ачехских патриотов, временем, которое по героизму смело может соперничать даже с годами подъема антиголландского сопротивления. Ведь для того чтобы продолжать борьбу с врагом, когда погибли видные вожди, уничтожены главные опорные базы, растет число предателей и людей, отходящих от движения, требовалось едва ли не большее мужество, чем для защиты столицы, когда существовал султанат, или для того, чтобы встать под знамена Самана в обстановке единодушного порыва, всколыхнувшего весь Аче.

История ачехского сопротивления в эти годы еще в большей степени, чем в предыдущие периоды войны, состоит из локальных, часто слабо связанных друг с другом действий партизанских отрядов, подъемов и затуханий борьбы в различных районах Аче. Собственно говоря, такой вид движение начало принимать с 1896 г., когда после гибели Мат Амина перестал существовать единый центр; эта картина усугубилась после смерти Умара, последнего всеачехского лидера, и уничтожения остатков нового государственного устройства. До 1903 г. сопротивление, возглавляемое Полимом III и султаном, носило еще сравнительно организованный характер. В последнее десятилетие (1903—1913) сопротивление окончательно лишилось даже подобия единого центра и распалось на действия отдельных партизанских отрядов, слабо связанных между собой.

Кроме истории сопротивления и внутренних его особенностей — центральной темы исследования — значительный интерес приобретает при анализе событий этого времени голландская колониальная политика в Аче. Два обстоятельства определяют этот интерес. Во-первых, данный период является временем, когда завершился начавшийся со второй половины 90-х годов переход от военных методов разрешения ачехской проблемы к политическим. Во-вторых, голландская политика в Аче, оформившаяся в эти годы, стала своего рода образцом для колониальной политики в отношении Внешних владений вообще.

Ачехское сопротивление в 1899—1903 гг.

Центры сопротивления после 1897 г. находились за пределами Великого Аче. В ноябре 1899 г. Снук Хюргронье писал: «В Великом Аче мы приближаемся к тому, что называется упорядоченным управлением; вожди и население в значительной мере уже привыкли следовать распоряжениям администрации... поскольку находятся под нашей властью в течение длительного времени... В окрестностях столицы и в двух саги из трех (XXV и XXVI мукимов), составляющих собственно Аче, мечи, можно сказать, перекованы на орала, повсюду можно видеть мирно работающих людей, не встречаются вооруженные, за исключением тех, кто имеет разрешение на ношение оружия» [147, т. IV (1), 389—390]. Вместе с тем Снук Хюргронье замечал, что в саги XXII, особенно в VII мукимах Баит, неспокойно, поскольку Полим III и Теуку Али Баит появляются в своих владениях и призывают население продолжать борьбу. Продолжали активно действовать в горных районах Великого Аче и теунгку, влиянием которых на Полима III Снук Хюргронье объяснял упорство этого владетеля [147, т. IV (1), 392]. В декабре 1898 г. покорился один из крупнейших улубалангов Великого Аче, Теуку Чут Тунгкупский, что упрочило позиции колонизаторов [226, 462]. Постоянно расквартированные в Великом Аче (до 1902 г.) жандармские части жестоко подавляли все ростки не только действительного, но и возможного сопротивления. Тем не менее борьба не стихала и в Великом Аче. Глава ондерафделинга XXVI мукимов К. ван дер Маатен писал, что в 1898 г. в саги было совершено вооруженное нападение на жандармерию [107, т. I, 220]. В горах скрывались отряды Кечик Самана и Панг Усена, сведения о действиях которых в Великом Аче доходят до 1907 г. [226, 621]. Другой старый центр антиголландского сопротивления — Пиди продолжал в отличие от Великого Аче сохранять свое значение до самого конца войны. На первый план выдвигаются здесь внутренние горные области Тангсе, Гемпанг, Паму, Ану, граничащие с Гайо, откуда приходили подкрепления. Продолжали сохранять свое значение одного из центров антиколониальной борьбы также VII мукимов Пиди, где действовал Полим III. Голландские колонизаторы были вынуждены держать в Пиди, несмотря на провозглашенное ими «умиротворение» этой области, два пехотных батальона и четыре жандармские бригады, а с 1902 г.— жандармскую дивизию [107, т. I, 188].

На Восточном берегу продолжали сохраняться антиголландские центры в Пасангане, Самаланге, Мереду, Телок Семаве, Гедонге. Особенностью, которая отличала этот период от предшествующего времени, была локализация основных баз сопротивления не на побережье, а во внутренних районах, граничащих с Гайо. Внутренние области Аче — Гайо и Алас, ранее слабо затронутые борьбой за независимость, постепенно приобретают все большее значение для ачехских патриотов как источники подкреплений, продоволь-

ствия и места убежища. Сохранялись центры сопротивления и на Западном побережье — Мелабох и Тапа Туан.

В целом районы, охваченные антиколониальной борьбой, значительно уменьшились в размерах. Однако уменьшение это не было абсолютным, и на протяжении 1899—1908 гг. борцам за независимость нередко удавалось распространить свои действия на обширные территории, в том числе и такие, которые, казалось, были прочно оккупированы врагом. Другой отличительной особенностью новых центров была их удаленность от побережья, а следовательно, от густонаселенных районов Аче. Это обстоятельство сообщало силы движению, так как колонизаторам было труднее добраться до опорных баз и мест укрытий ачехских патриотов; кроме того, в борьбу вовлекались жители глубинных районов, что играло значительную роль в консолидации ачехского народа и пробуждении его национального самосознания. Вместе с тем это же обстоятельство было источником слабости: сфера действия партизанских отрядов сужалась, увеличивались трудности со снабжением оружием и боеприпасами, возникала продовольственная проблема.

После прекращения сопротивления основной части знати Пиди и гибели Теуку Умара как на Восточном, так и на Западном берегу Аче продолжали существовать значительные очаги сопротивления. Даже в Пиди обстановка внушала колонизаторам опасения. Саманисты обосновались в окрестностях Тангсе и тревожили непрерывными нападениями голландские гарнизоны. Султан и Панглима Полим III, укрывшиеся в Гайо, совершали набеги на Пиди, причем султан большей частью действовал в Кемале, а Полим — в VII мукимах Пиди [107, т. I, 188]. Не прекращалась борьба в соседних с Пиди княжествах, где вскоре после вывода голландских войск в конце 1898 г. преобладание вновь получили враждебные колонизаторам адатные вожди и уламы. Часть раджей Пасангана, Самаланги, Мереду активно поддерживали султана и Полима III, и вплоть до 1902 г. голландское командование усматривало главную опасность для своего господства именно в княжествах Восточного Аче.

В мае 1899 г. султан и Полим III, вновь появившиеся в Пиди, разослали из кампонга Кутасаванг письма к улубалангам побережья с призывом подняться на «священную войну» [226, 463]. Еще бóльшую роль, нежели султанские призывы, в подъеме антиколониальной борьбы в области Пасей сыграла новая вспышка движения Тапы, относящаяся к лету 1899 г. В конце мая Теунгку Тапа появился на Восточном побережье Аче. Основную массу его последователей на этот раз составляли жители Гайо. По-видимому, идеологическое обоснование движения было прежним, недаром Снук Хюргронье характеризовал гайосцев, собравшихся под знаменами Тапы, как «религиозных, наивных и легковерных людей» [147, т. IV (1), 402]. Как и в прошлом году, к Теунгку Тапе присоединилось множество людей в княжествах пасейской области.

Появление Тапы немедленно повлияло на оживление антиголландской борьбы в соседних с Иди княжествах, причем особо сильный размах приняла она в тот момент в Пасангане, раджа которого Теуку Чик, укрывшись во внутренней части своего владения, вел с конца 1898 г. партизанскую войну с захватчиками.

Обстановка на Северном и Восточном берегу Аче для голландских колонизаторов осложнилась настолько, что летом 1899 г. сюда были вынуждены прибыть ван Хэютс и Снук Хюргронье. Прибыв на Восточное побережье, ван Хэютс в первую очередь обратился против Теунгку Тапы. В июне 1899 г. отряды Тапы были расстреляны голландской артиллерией [226, 464]. Голландская колонна, вышедшая из Телок Семаве, очистила от приверженцев Тапы и присоединившихся к ним улам и улубалангов пасейского берега княжества Гедонг, Кертой, Матанг Кули, Пету. Теунгку Тапа бежал в Гайо, раджа Матанг Кули был убит. Наиболее упорное сопротивление на пасейском берегу оказали захватчикам кроме последователей Тапы отряды, руководимые уламами. Лишь в бою 6 июня под Биара погибло свыше тридцати улам и теунгку [107, т. I, 189]. Упорнейшее сопротивление в пасейской области продолжалось до сентября, но и после окончания экспедиции ван Хэютс был вынужден оставить здесь пехотный батальон и жандармерию для патрулирования [320, 46].

Отчаянное сопротивление встретили интервенты в Пасангане. Раджа Теуку Чик создал в верховьях р. Пасанган укрепление Чот Пи, куда перенес свою резиденцию [147, т. IV (1), 399]. Осенью 1899 г. к радже присоединились султан и Полим III. В ноябре 1899 г. в Верхний Пасанган из Пиди была направлена голландская колонна под командованием подполковника ван дер Веддена, который штурмовал укрепление Чот Пи и ценой значительных потерь овладел им. 21 ноября пали ачехские укрепления в Гле Рисех и Гле Саби [249, 58]. После этого султан и Полим III покинули Пасанган. Но Теуку Чик не сложил оружия. В трудной обстановке, испытывая нехватку оружия, теснимый мобильными колоннами и жандармскими отрядами, он продолжал сопротивление до своей смерти в феврале 1900 г. [311, 623]. Партизанская война в Пасангане не прекратилась и после смерти Теуку Чика. В 1901 г. ван Хэютсу пришлось создать в Пасангане временный лагерь и бросить сюда две жандармские дивизии для прочесывания местности [107, т. I, 190].

Последним крупным очагом антиколониальной борьбы на восточном побережье в 1899—1901 гг., сопротивлением в котором руководили Полим III и султан, стала Самаланга, которая наряду с Пиди была одним из основных центров ачехского сопротивления на Восточном побережье с самого начала войны. Благодаря тому что здесь в антиколониальное сопротивление были вовлечены широкие массы населения, а адатные вожди во главе с раджами действовали в более тесном союзе с верхушкой деревни и уламами, чем в других княжествах Восточного побережья, Самаланга успешно

отражала голландские нападения на протяжении 70—90-х годов XIX в., и укрепление Бату Илик, под которым потерпел поражение ван дер Хейден в 1880 г., стало одним из символов ачехской независимости.

В 1900 г., когда в Самаланге укрылись вытесненные врагом из соседних княжеств отряды султана и Полима III, а также ряда партизанских вожаков, борьба против колонизаторов здесь еще более усилилась. Голландцы контролировали, и то не полностью, лишь побережье. Повсеместно происходили нападения на жандармские патрули, в джунглях вырастали новые ачехские укрепления. Особенный размах приняла борьба в горном районе II мукима Тунонг, куда голландские патрули не рисковали заходить. Даже то обстоятельство, что раджа Самаланги прекратил сопротивление и сдался голландским властям, не укрепило существенно позиций последних [107, т. I, 190].

В январе 1901 г. колонизаторы направили в Самалангу экспедицию численностью около 3 тыс. человек [113, 6]. Возглавил экспедицию сам ван Хэютс. Высадившись в Нангру, голландцы закрепились на побережье и начали движение к ачехским укреплениям Бату Илик, Асан Кумбанг и Танах Мерах. Корабельная артиллерия и 105-*мм* орудия, установленные в Нангру, обратили в пепел Асан Кумбанг, который ачехцы были вынуждены оставить [113, 11].

31 января враг захватил Танах Мерах, а 3 февраля атаковал главное укрепление ачехцев — Бату Илик. Корреспондент голландского журнала «Эйген Хаард», специально посланный в Самалангу, чтобы увековечить подвиги ван Хэютса, с нескрываемым удивлением писал о силе ачехского сопротивления. Он сообщал, что во время обстрела «защитники оставались на своих местах и первые наши солдаты, взобравшиеся на стену, были убиты или ранены врагом» [113, 29]. Отчаянно защищались ачехцы, подвергаемые непрерывному артиллерийскому и ружейному огню. Наконец голландские батальоны бросились на штурм и сломили сопротивление немногих оставшихся в живых после артиллерийского обстрела ачехцев. Внутри крепости ачехцы сражались до конца. Корреспондент «Эйген Хаард» писал об этом: «Враг защищался храбро и упорно, до последнего человека, могущего сжимать в руке клеванг» [113, 29].

После падения Бату Илик султан бежал в Гайо, а Полим III вначале — во внутренние районы Гедонга и Кертоя, а затем — также в Гайо [320, 47]. Теуку Чик Самалангский был восстановлен голландцами в правах раджи. В его княжестве осталась жандармская дивизия для организации непрерывного патрулирования. С падением Бату Илик, как уже отмечалось, закончилась активная роль султана Мохаммада Дауда и Полима III, а также адатной знати в организации сопротивления в восточных районах Аче. Теперь основным полем их деятельности стали внутренние районы — Гайо и Алас, где, однако, руководство принадлежало мест-

ным родо-племенным вождям. Руководство же сопротивлением на Восточном побережье окончательно переходит к уламам, саманистам и партизанским лидерам.

Экспедиция в Самалангу была последней голландской операцией в Аче, предпринимаемой такими крупными силами. Поскольку после падения Бату Илик ачехцы отказались от действий значительными отрядами и вернулись (султан и Панглима Полим III вследствие недостатка сил, саманисты и партизанские лидеры по приверженности к этой тактике) к партизанским действиям, причем преимущественно мелкими отрядами, то и колонизаторы рассредоточили свои силы и сделали основной упор на контргерилью. На первый план выдвинулись жандармские части, которые оказались наиболее приспособлены к «малой» войне. Для тактики голландских войск на последнем этапе Ачехской войны характерны автономные действия патрулей, большие переходы, устройство временных лагерей во внутренних районах, засады, неожиданные нападения, хорошая постановка разведывательной службы, охота на партизанских лидеров и членов их семей и т. п.

Преследуя султана и Полима III, голландцы в 1901—1903 гг. проникли в Северный Гайо, который с конца XIX в. стал базой ачехских патриотов. Здесь не только находили убежище противники колонизаторов из Великого Аче. Население Гайо и Аласа снабжало рисом и деньгами партизан Восточного побережья, гайо и аласы пополняли поредевшие ряды борцов за независимость [143, т. I, 432; 271, т. I, 39]. В Гайо пользовалась успехом пропаганда «священной войны», сотни жителей Гайо последовали за Теунгку Тапой.

Кроме улам активную антиголландскую пропаганду в Гайо вели последователи султана, особенно после того, как они потеряли свои позиции на Восточном побережье. После падения Бату Илик султан Мохаммад Дауд обосновался в кампонге Такенгон, расположенном в области Лаут Тавар, или Озерном Гайо. Вожди различных районов Гайо принесли присягу султану [143, т. I, 431]. Активизация нового центра антиголландского сопротивления встревожила колонизаторов, которые с осени 1901 г. начали посылать непрерывные экспедиции в Гайо. Особенно ратовал за эти экспедиции ван Хэютс, который в отличие от Снука Хюргронье все более склонялся к мысли, что сопротивление организуется вокруг султана и что пленение последнего будет означать конец войны.

27 сентября 1901 г. майор ван Даален во главе 12 бригад жандармерии выступил из Пасангана с задачей проникнуть в Лаут Тавар и захватить султана [59, 83—84]. Голландский отряд двадцать дней преследовал султана, покинувшего Такенгон и ушедшего в глубь Гайо. Начиная с 1 октября гайо нападали на отряд ван Даалена: они обстреливали голландские биваки, атаковали небольшие патрули, высылаемые ван Дааленом из Такенгона [59, 39—45]. 20 октября жандармам удалось настигнуть султана и его отряд, значительную часть которого составляли женщины

и дети. 18 человек было убито в перестрелке, жандармы захватили в плен нескольких женщин и ребенка и прикончили раненых мужчин [59, 56]. Дальнейшее преследование султана не увенчалось успехом, и, теснимый гайо, ван Даален был вынужден в начале ноября повернуть к Западному побережью. Испытав на себе силу сопротивления партизан Западного берега, возглавляемых Чут Нья Дин, жандармская колонна в конце ноября 1901 г. прибыла в Мелабох [59, 81].

За походом ван Даалена последовали другие голландские экспедиции во внутренние районы Аче. Помимо непосредственной задачи — преследования султана и Полима III — они имели целью разведку местности, куда до той поры не ступала нога европейца. Жандармы получали опыт боевых действий в горных районах внутреннего Аче, который был использован ими в полной мере для борьбы с партизанским движением в последующие годы. Гайо отчаянно сопротивлялись. В сентябре 1902 г. они вынудили капитана Колейна (будущего военного министра Нидерландов) вернуться, не завершив похода [320, 49]. Не рискуя углубляться в отдаленные районы Гайо, жандармы сосредоточили внимание на преследовании обремененного малоподвижным «обозом» — женщинами и детьми — султана. 26 декабря 1902 г. майор ван дер Маатен захватил в кампонге Лам Мело любимую жену султана Почут Муронг и его 14-летнего сына Ибрахима. Известие об этом сломило нестойкого Мохаммада Дауда, который еще в первой половине декабря начал искать контактов с голландскими властями [107, т. I, 208—209]. Он разослал письма Панглиме Полиму III и уламам Тиро (сыновьям Самана), уведомив их, что слагает с себя руководство войной.

31 декабря ван дер Маатен получил письмо султана, в котором тот выражал готовность покориться голландцам [107, т. I, 208]. 10 января 1903 г. султан в сопровождении раджей Пиди, Мереду и Самаланги прибыл в Сигли, где его торжественно встретил ван дер Маатен. 20 января в Кутарадже состоялась официальная церемония сдачи. Мохаммад Дауд подписал заявление о том, что он во всем доверяется губернатору Аче, признает Аче частью Нидерландской Индии, находящейся под властью Нидерландов, признает власть королевы и ее представителя генерал-губернатора и готов сделать все, что потребуется, чтобы доказать свою преданность. В ответной речи ван Хэютс заявил, что принимает сдачу султана, оставляет окончательное решение его судьбы на рассмотрение генерал-губернатора, ожидает, что султан направит письма продолжающим сопротивление вождям с призывом покориться. Султану была установлена ежемесячная пенсия в размере 1000 гульденов [311, 637—638].

Сдача султана, растерявшего в последние годы то влияние, которое он приобрел после объединения патриотических сил в 1898 г., вопреки расчетам ван Хэютса не оказала на ачехцев серьезного воздействия. Тем с большим рвением генерал обратил силы на пле-

нение друга султана и наиболее влиятельной фигуры в султанской партии — Панглимы Полима III. Еще в конце 1898 г. голландцы вели с ним переговоры, соглашаясь признать его главой саги XXII и вернуть все конфискованное имущество [311, 623—624]. Пользовавшийся большой популярностью, энергичный, волевой человек и незаурядный военачальник, Панглима Полим в 1901—1902 гг. активно действовал против колонизаторов в Северном Гайо, Пиди, Пасангане, Самаланге. Так, в 1901 г. он разбил голландский отряд под кампонгом Матанг Кули, а в 1902 г. организовал гайо для разгрома колонны Колейна.

После сдачи султана жандармские части с удесятеренной строжайшими наказами ван Хэютса энергией бросились на преследование Полима III. В конце января 1903 г. унтер-офицер жандармерии Кристоффел напал на его убежище, но Полиму удалось скрыться. В ночь на 22 мая ван дер Маатен, уведомленный предателями, напал на лагерь Полима в Тангсе и захватил его жену и детей [320, 51], а месяц спустя Колейн арестовал вторую жену Полима. 6 сентября потерявший связь с другими руководителями борьбы Полим III вместе со своим отрядом сдался Колейну. Капитуляция Полима (в отличие от сдачи султана) вызвала целую волну капитуляций адатных вождей, еще продолжавших борьбу. «Подчинение влиятельного вождя XXII мукимов,— пишет голландский военный историк,— имело большее значение, чем сдача султана. Многие вожди сдались вместе с ним, другие стали возвращаться в свои деревни» [249, 60]. В первой половине 1904 г. практически прекратила сопротивление вся адатная знать, включая одного из самых упорных врагов голландцев — Теуку Али Баита [249, 61].

Как и в прежние годы, борьба с ачехским народом в 1899—1903 гг. недешево обошлась захватчикам. Они потеряли более 250 человек убитыми и около 1500 ранеными [226, 627].

В госпиталях в эти годы перебывал практически весь личный состав армии, занятой в Аче, и каждый год эта армия обновлялась примерно на одну треть [56, 126].

Партизанское движение в 1903—1913 гг.

Ачехский народ не сложил оружие после окончательного перехода знати на сторону врага. В трех районах Аче еще на протяжении десяти лет продолжалось сопротивление. Этими районами были Гайо и Алас, внутренние области Западного берега и княжества Северного и Восточного берега.

Гайо и Алас. Голландские походы 1901—1902 гг. не «замирили» южные районы Аче, население которых, как уже указывалось, с конца XIX в. активно включилось в борьбу. Лишь на Северный Гайо — Лаут Тавар и Линго — в какой-то мере распространилось влияние голландской администрации. Южные области Гайо и соседний с Батакландом Алас по-прежнему не признавали власти

колонизаторов, несмотря на то что их сюзерен, султан, прекратил сопротивление. Как и раньше, в Гайо и Аласе получали убежище враги голландской власти, а молодежь пополняла ряды повстанцев, сражавшихся в княжествах побережья Аче. Чтобы сломить сопротивление гайо и аласов, губернатор ван Хэютс направил экспедицию под командованием быстро выдвигавшегося молодого офицера подполковника ван Даалена.

8 февраля 1904 г. отряд ван Даалена, состоящий из 10 жандармских бригад (около 200 человек) и вспомогательных подразделений, в сопровождении 450 носильщиков прибыл в гавань Телок Семаве, откуда начал путь в Гайо [92, 11]. Не встретив серьезного сопротивления в Северном Гайо, голландская колонна в первых числах марта вступила в область Гайо Луас. Эта область состояла из нескольких федераций кампонгов, в очень слабой степени признающих власть избираемого кеджуруана; некоторые федерации вообще не желали признавать кеджуруана Бедена, находившегося в Кутарадже [92, 29]. Когда враг появился в Озерном Гайо (Лаут Тавар), вожди Гайо Луаса собрались на совещание и решили сопротивляться захватчикам [92, 32].

10 марта стычкой у кампонга Реробо началась героическая эпопея Гайо Луаса. Голландцы встретили такое сопротивление, которое озадачило даже жандармов-ветеранов. Каждый кампонг был превращен защитниками в крепость, которую приходилось брать штурмом. В обороне участвовало все население, включая женщин и детей. В праздничных одеждах, с песнями и молитвами шли гайо на врага; они гибли десятками и сотнями, но в плен сдавались единицы, и то лишь женщины и дети [92, 42; 249, 63]. Несмотря на то что гайо были вооружены примитивным огнестрельным оружием (мушкетами и допотопными пушками), а основным видом их вооружения были копья и кинжалы, они более двух месяцев оказывали упорное сопротивление отборным частям голландской армии, специально тренированным для операций в горно-лесистых, труднодоступных районах. Родо-племенная спайка явилась могучим средством организации сопротивления, но в то же время она мешала объединению кампонгов для отпора врагу.

Действия жандармерии в Гайо Луасе отличались невероятной жестокостью: вырезалось почти поголовно население сопротивлявшихся кампонгов (ни в одной другой экспедиции в Аче не было убито столько детей, сколько в Гайо), деревни сжигались, уничтожались фруктовые деревья, рисовые поля и скот, население облагалось огромной контрибуцией. Подобная тактика объяснялась стремлением запугать гайо и лишить их способности к сопротивлению. Нельзя также забывать, что экспедицией руководил едва ли не самый жестокий офицер, которого знала колониальная армия Нидерландов в годы Ачехской войны, а младшие офицеры старались не отстать от своего начальника, соревнуясь в уничтожении и запугивании населения.

Покорение Гайо Луаса было облегчено противоречиями между сторонниками кеджуруана Бедена, которого поддерживали голландцы, и его противниками из родо-племенной группы Букит. В конце марта на сторону врага перешел ряд вождей [92, 55]. Падение кампонгов Пеносана и Тампенга в мае 1904 г. означало конец сопротивления Гайо Луаса. В начале июня его вожди заключили соглашение с ван Дааленом, по которому признавали Бедена кеджуруаном и уплачивали контрибуцию, взамен чего голландцы гарантировали невмешательство в обычаи и религию гайо [92, 135].

В июне колонна ван Даалена бесчинствовала в Аласе, где повторилась, хотя и в меньших масштабах, картина сопротивления Гайо Луаса [92, 151—177]. Оставляя за собой сожженные, разоренные кампонги и сотни трупов, жандармы в течение месяца прошли Алас и вступили в пограничные с Аче батакские районы. В отличие от Гайо Луаса, где сопротивление было всеобщим, в Аласе голландцы преодолевали сопротивление отдельных кампонгов, причем самый ожесточенный отпор они встретили в деревнях, населенных выходцами из Гайо. В ряде таких кампонгов против жандармов выступало все население и окончание сражения обычно превращалось в массовую бойню [271, т. I, 40].

Кровавый поход ван Даалена в Гайо и Алас (погибло около 3 тыс. человек) в значительной мере лишил ачехцев базы во внутренних районах. Хотя гайо и аласы еще некоторое время боролись с голландской властью, все же сила сопротивления в этих районах резко упала по сравнению с концом XIX — началом XX в.

Западный берег до самого конца Ачехской войны оставался одним из наиболее упорных районов антиколониальной борьбы. После гибели Теуку Умара главные центры сопротивления сосредоточились здесь в верховьях рек Сенаган, Мелабох и Войла, а также южнее — во внутренних районах Тапа Туана.

Самое сильное сопротивление в начале XX в. на Западном берегу захватчики встретили в Сенагане. Партизанской борьбой здесь руководили сын улубаланга Сенагана по имени Теуку Кеманган, а также улама Хабиб Сенаганский со своими сыновьями. Нападения ачехцев на голландские посты и патрули были массовым явлением. В апреле 1904 г. жандармские бригады капитана Кампиони попали в засаду и, потеряв командира, были вынуждены отступить [135, 62—63]. Впрочем, отход последней группы адатной знати от движения затронул и Западный берег: в начале 1905 г. Теуку Кеманган и его брат Теуку Джохан сдались командиру жандармского поста в Сенагане лейтенанту Смиту [135, 66]. Но партизанское движение, возглавляемое сыном Хабиба Сенаганского Теунгку Путихом, продолжалось в Сенагане до смерти последнего в 1910 г. [135, 76; 344, 231].

Непримиримым врагом захватчиков оставалась Чут Нья Дин, партизанский отряд которой наводил ужас на голландцев. В ноябре 1905 г. один из старых сподвижников Умара, Панглима Лаот,

предал Чут Нья Дин. Устав от скитаний по джунглям и рассчитывая на милость врага, он явился на жандармский пост и предложил свои услуги в качестве проводника. Незаметно подкравшиеся солдаты окружили лагерь Чут Нья Дин близ кампонга Муго и схватили ее в тот момент, когда она молилась [322, 206—208]. Чут Нья Дин была выслана из Аче и закончила свои дни в Сумеданге на Яве. Однако партизанское движение в окрестностях Мелабоха не стихало до начала первой мировой войны. Так, действовавший к северу от Мелабоха партизанский отряд Нья Асема был уничтожен лишь в 1914 г. [135, 182].

Длительное сопротивление оказало колонизаторам население внутренних районов Тапа Туана, где сражались отряды Теуку Бена и Теуку Юсуфа. В 1901 г. последний разбил отряд лейтенанта Колейна, а Теуку Бен напал на сооружавшийся голландцами лагерь [107, т. I, 193]. Голландский поход в горный кампонг Меуке, сопровождавшийся, как обычно, массовыми экзекуциями, не сломил партизанских вожаков Тапа Туана. В 1905—1908 гг. в связи с общей активизацией антиколониального сопротивления в Аче произошло оживление действий партизан и в Тапа Туане. В августе 1905 г. здесь был уничтожен целый голландский патруль [226, 619], а в начале 1908 г. произошли нападения на жандармские посты [248, 66].

Лишь в июне 1908 г. сложил оружие Теуку Бен, сына которого схватили месяцем раньше жандармы [226, 625]. После этого прекратили сопротивление другие видные партизанские вожаки Тапа Туана. Но, как и в окрестностях Мелабоха, отдельные вспышки борьбы с колонизаторами не затихали в Тапа Туане и спустя много лет после этого.

Наиболее ожесточенным характером отличалось сопротивление последних опорных пунктов и партизанских отрядов ачехцев на *Северном и Восточном берегу*. Здесь, в Пиди и Самаланге, до конца 1903 — начала 1904 г. упорно боролись с врагом патриотически настроенные феодалы Восточного побережья и Великого Аче — Теуку Бен Пекан, Теуку Убит, Теуку Брахим Монтасикский. Особенно много хлопот доставил голландцам бывший соратник Умара — Теуку Бен Пекан, к которому стекались жители Мереду и Самаланги. Весной 1903 г. к нему присоединился со своим отрядом Нья Муда, известный в Аче как умелый организатор диверсий на железной дороге [320, 90]. Кроме нападений на железную дорогу, убийств голландских шпионов, поджогов лагерей Бен Пекан в 1903 г. провел ряд более крупных операций, включая нападения на патрули и лагеря жандармерии. Однако в феврале 1904 г. Бен Пекан сдался голландцам; еще раньше прекратил сопротивление Теуку Убит, действовавший в Самаланге, а осенью 1904 г. жандармский лейтенант Дарланг выследил Брахима Монтасикского и уничтожил его вместе с семьей.

После перехода патриотически настроенной группы адатной знати на сторону врага руководство борьбой против захватчиков

взяли на себя саманисты — уламы и партизанские панглимы. В 1904—1908 гг. Восточное побережье охватила новая вспышка антиголландской борьбы. «Повсюду происходили диверсии на железной дороге, перерезались телефонные провода, поджигались наблюдательные вышки, мосты и казармы, имели место частые убийства наших шпионов, проводников и доброжелательно настроенных вождей»,— пишет голландский военный историк [320, 101—102]. В Пиди активно действовали сыновья Мохаммада Самана. Одним из самых прославленных партизанских вожаков стал Теунгку Чотчичемский, командующий отрядами улам Тиро. Его собственный отряд был хорошо вооружен, воины носили форму, соблюдали дисциплину и порядок и с успехом сражались с жандармами. После его смерти отряд не распался и под руководством сначала Теунгку Лемана, а затем Теунгку Арона Кемальского сражался до января 1913 г. [320, 93—96].

Чтобы покончить с движением в Восточном Аче, голландские власти перебросили сюда значительные силы, создали ряд постоянных лагерей и постов, организовали непрерывное патрулирование. Вместе с тем с 1908 г. они резко сократили репрессии против мирного населения, прекратили наиболее одиозные действия жандармерии и постарались наладить дружеские взаимоотношения с адатными вождями и прекратившими сопротивление уламами. В результате уже к концу 1909 г. им удалось покончить с массовым сопротивлением на Северном и Восточном берегу.

С конца 1909 г., после прекращения сопротивления не только адатных вождей, но и большинства улам Восточного побережья, голландцы сосредоточили усилия на ликвидации партизанских отрядов сыновей Самана, действовавших в горных районах Пиди. Сопротивление этих последних крупных руководителей борьбы за независимость — одна из наиболее героических и трагичных страниц Ачехской войны.

Для охоты на сыновей Самана губернатор Сварт выделил отборные жандармские подразделения во главе с прекрасным знатоком ачехского языка и обычаев, человеком, снискавшим славу лучшего организатора службы шпионажа в Аче, лейтенантом Смитом. 22 декабря Смит со своим отрядом, находившимся в непосредственном подчинении губернатора, прибыл в Тангсе.

Сыновья Самана, Теунгку Чик Маэт и Теунгку ди Букит, а также их соратники, Теуку Даганг Бланг и Петуа Гам Масен, со своими отрядами укрывались в горах поблизости от Тангсе. Положение их было очень тяжелым, так как поддержки в других районах Восточного побережья и в Гайо они больше не получали. Партизаны должны были получать продовольствие из Тангсе, где находился голландский пост, и соседних кампонгов, а также возделывать ладанги, которые могли быть обнаружены голландцами с большей легкостью, нежели пещерные укрытия. Хотя почти все жители Тангсе отказались сообщить что-либо Смиту, последнему все же удалось найти предателей среди корыстолюбивых или обиженных са-

манистами людей, главным образом адатных вождей, которые помогли жандармам установить местопребывание партизан и служили проводниками [344, 28].

Видимо, в январе 1910 г. Смит направил сыновьям Самана письмо их прежних соратников по борьбе — Панглимы Полима и других, которые уговаривали улам из Тиро прекратить сопротивление. Понимая, что надежд на благополучный исход борьбы с обложившими Тангсе голландскими войсками нет, мужественные патриоты во главе с Теунгку Чик Маэтом тем не менее отклонили переговоры и решили погибнуть в бою, но не изменить делу народной борьбы и памяти своего отца и братьев, погибших за независимость Аче [344, 28].

23 апреля 1910 г. Смит выступил из Тангсе для разгрома отряда Петуа Гам Масена, местонахождение которого голландцы установили с помощью местных феодалов [135, 140]. 1 мая жандармы достигли берегов р. Секулех и устроили засаду близ поля, на котором трудилась семья партизанского вожака. Обнаружив засаду, тот бросился на врагов, но был сражен двумя выстрелами [135, 142]. Так погиб знаменитый охотник на тигров Петуа Гам Масен, пользовавшийся в Аче славой ведуна. Через 20 дней отряд Смита, идущий по следам ачехцев, которые доставляли продовольствие партизанам, подошел к лагерю саманистов. Голландцы внезапно напали на лагерь, но ачехцы не растерялись и бросились в рукопашную схватку. Это дало возможность большей части отряда уйти и оторваться от преследователей. На поле боя остались видные партизанские вожди и уламы, а по возвращении Смит узнал, что одной из жертв столкновения 21 мая стал Теунгку ди Букит, который был смертельно ранен и вынесен соратниками с поля боя [135, 148].

Смит ушел в Тангсе и стал собирать сведения о лагерях и маршрутах отряда Теунгку Маэта. В полдень 3 сентября жандармы нашли ачехский лагерь. В завязавшейся перестрелке ачехцы потеряли Кечик Банья — одного из панглим отряда и жену Теунгку Маэта. 5 сентября жандармы натолкнулись на чернобородого человека, отдыхавшего в тени дерева с карабином в руках. Раздались выстрелы — и последний сын Мохаммада Самана, выронив оружие, упал, пораженный в сердце двумя пулями [135, 156]. Тело Теунгку Чик Маэта жандармы принесли в кампонг Тангсе, где показали народу. Толпа разорвала одежду погибшего на куски, которые оберегались как священные реликвии (особенно те, которые были омыты кровью шахида). Предметом почитания стала и могила храброго воина [344, 38].

После гибели Теунгку Маэта саманисты, действовавшие в Пиди, разбились на более мелкие отряды. Это затруднило задачу жандармов, которые потратили еще четыре года на ликвидацию последних очагов сопротивления в Восточном Аче.

В конце мая 1911 г. жандармы Смита вступили в бой с отрядом внука Мохаммада Самана — Теунгку Маата. В этом бою по-

гибли такие известные саманисты, как зять Самана — Теунгку Олех Путу, улама Теунгку Де Мат и др. «Огромный успех,— писал губернатор Аче, получив это известие,— четыре из пяти известных теунгку убиты; теперь необходимо найти Теунгку Маата» [135, 162].

Через несколько месяцев Смиту удалось выследить и убить одного из самых видных улам — духовного главу саманистов Хабиба Тепинванского. Старик, тяжело переживавший гибель своего сына, который был застрелен жандармами в мае 1910 г., остался до конца непримиримым врагом захватчиков и не шел с ними ни на какие переговоры. Вместе с Хабибом Тепинванским погибли улама Теунгку Чотминейский и партизанский вожак Панг Бале [135, 167]. 3 декабря 1911 г. погиб последний воин из семьи Самана — Теунгку Маат, сын Мат Амина. Шестнадцатилетний юноша отверг предложение Смита о сдаче, не внял он и уговорам оставшихся в живых женщин их семьи, заявив, что желает погибнуть шахидом, как отец [344, 42].

После гибели сыновей и внука Самана сопротивление в Восточном Аче некоторое время еще продолжалось. До февраля 1912 г. боролся знаменитый партизанский вождь Теунгку Баратский, действовавший в окрестностях Телок Семаве [226, 626]. По данным голландских властей, еще в начале 1913 г. в Пиди действовали отряды Панг Бинтанга и Теуку Даганга, а также остатки отряда сыновей Самана во главе с Теунгку Мат Арефом. В окрестностях Телок Семаве сражались Теунгку Матайерский и Теуку Раджа Саби, в Мелабохе — Теуку Раджа Тампо, в Гайо — Панг Интан и Панг Манап [229, 117; 327, 155]. Большинство их погибло в 1913 г., который можно, таким образом, считать годом окончания Ачехской войны, хотя отдельные вспышки сопротивления наблюдались еще в течение нескольких лет, проявляясь главным образом в актах индивидуального террора [229, 119—123].

Особенности антиколониальной борьбы в Аче в 1899—1913 гг.

Летом — осенью 1898 г. распалась антиголландская коалиция, сложившаяся после разгрома саманистского государства и перехода Теуку Умара в лагерь сопротивления. Ачехские силы оказались вновь разрозненными, а смерть Теуку Умара означала гибель единственного вождя, который был в состоянии возглавить борьбу за независимость. С гибелью Умара фактически перестали существовать умаровцы как организованная сила в Ачехской войне. Панглимы Теуку Умара и его союзники (вроде Теуку Бен Пекана) сражались изолированно, и лишь часть из них в некоторой мере признавали руководство боровшейся с захватчиками до 1905 г. Чут Нья Дин.

Смерть Теуку Умара и ликвидация умаровцев как политической силы ослабили наиболее демократичные в тех условиях элементы

в лагере борцов за независимость. Теуку Умар и его отряды с весны 1896 г. привлекали к себе сердца простых ачехцев, крестьянства, недовольного адатной знатью и разочаровавшегося в уламах. Именно эта растущая популярность заставила султанскую партию и верхушку саманистов пойти на союз с ненавистным им народным вождем, без которого, как они прекрасно понимали, нечего было рассчитывать на успешную оборону Пиди. Именно поддержка народа позволила Умару совершить «поход смерти» и разжечь мощное пламя народной войны на Западном берегу. Но почему же после смерти народного героя ни один из его военачальников не смог повести за собой народ? Почему с гибелью Умара перестали существовать умаровцы как одна из политических сил антиколониального движения в Аче?

Ответ на этот вопрос связан с некоторыми особенностями Ачехской войны — как сохранявшимися на протяжении всех ее лет, так и проявившимися после 1896 г. Не касаясь пока последних — усталости населения, борьбы султанской партии и улам с Умаром, изменения политики голландских колонизаторов и т. д., рассмотрим такую непосредственно относящуюся к затронутому вопросу особенность антиколониальной борьбы в Аче, как отношения между различного рода вождями и народом.

Замкнутые деревенские мирки, изолированность которых усугублялась с ослаблением центральной власти и натурализацией хозяйства, связывали между собой традиционные адатные вожди, султан и религия. Поднявшееся на борьбу ачехское крестьянство, естественно, в первую очередь обратилось к своим традиционным руководителям — адатным вождям, которые в свою очередь не в малой степени способствовали вовлечению крестьянства в эту борьбу. По мере отхода улубалангов и имамов от борьбы с захватчиками все бóльшую значимость приобретала религия. Это было существенным социальным и психологическим сдвигом: вместо единства деревенских, мукимных, самое большее улубалангских мирков создавалось столь настоятельное в условиях войны государственное единство. Ачехцы — участники «священной войны» осознавали свое единство и противопоставляли себя «кафирам», отступникам, т. е. голландцам и их приспешникам. Религиозный фанатизм, о котором так много писали голландские авторы, изображая его чуть ли не природной чертой ачехского народа, был, по сути дела, формой патриотизма в условиях войны с колонизаторами. Правда, объединение на религиозной основе не разрушило окончательно приверженности ачехцев к своим традиционным руководителям, хотя и существенно поколебало ее.

Существовали всего две возможности объединения народа в ачехских условиях: или традиционалистская идеология следования адату и адатным вождям, превратившаяся постепенно в тормоз движения (и это прекрасно понимали наиболее дальновидные колонизаторы — Снук Хюргронье, например), или модернистская в ачехских условиях второй половины XIX в. мусульманско-бого-

словская идеология, под знаменами которой сражался народ,— третьего пути не было. Ачехское крестьянство не могло создать ничего отличного от этих двух направлений и в своей массе встало под знамена мусульманской идеологии, поскольку она в большей степени отвечала не только его патриотическим, но и социальным настроениям.

Перед выходцами из низов ачехского общества, выдвинувшимися в годы народной войны, стояла альтернатива: или примкнуть к уламам, или искать себе место в рядах адатной знати, выкраивать свое владение. Лишь один из них, Теуку Умар, сумел подняться до уровня всеачехского руководителя, который не замыкался рамками той местности, где он действовал. Теуку Умар попытался создать свое государство, точнее, государственное образование, по масштабам намного превосходившее как владения адатной знати, так и территории новых вождей. Потерпев неудачу в этом начинании, он выдвинул идею объединения патриотических сил уже в пределах всего Аче. И тем не менее Теуку Умар не сумел полностью вырваться за пределы тех ограничений, которые создавались ачехскими традициями, особенностями политического развития и психологии. В период, когда он пытался создать свое государство, он являлся, по сути дела, крупным панглимой, объединившим под своей властью обширную территорию.

В Аче, где основным видом социальных связей были связи личностные, вокруг традиционных вождей, улам или удачливых военачальников всегда объединялось определенное число приверженцев. Приверженцы Умара были многочисленны, ибо кроме славы самого храброго воина и талантливого полководца в последние годы его окружал ореол народного вождя, популярного среди малоимущих слоев деревни. Но именно потому, что его последователей связывали с Умаром личностные отношения, его смерть означала их крушение как политической силы. Ни один из панглим Умара не смог заменить погибшего вождя, и последователи Теуку Умара разбились на группы, часть которых примкнула к уламам, другая часть — к своим улубалангам, а некоторые продолжали сражаться под знаменем Чут Нья Дин.

Социальная обстановка Аче не создала условий для появления прочных политических объединений, кроме традиционных: под эгидой адатной знати или во главе с уламами. Появлявшиеся во время войны «демократические» политические объединения или эволюционировали по пути слияния с традиционными, или прекращали свое существование со смертью создателя.

Как указывалось, гибель Теуку Умара и исчезновение его последователей как одной из сил ачехского сопротивления явились серьезным ударом по последнему — значительная часть крестьянства, враждебно настроенная к адатной знати и разочаровавшаяся в шариатских порядках, видевшая в Теуку Умаре свою надежду и защитника, оказалась без руководства и отошла от борьбы.

Позиция ачехской знати на заключительном этапе борьбы за независимость освещалась в предыдущих разделах главы, к этому остается добавить немногое. Прекращение сопротивления султана и Панглимы Полима III в 1903 г. означало конец сопротивления последней организованной группы ачехской знати. Продолжавшие бороться с захватчиками в различных княжествах Восточного и Западного Аче представители улубалангских семей были одиночками, связанными с последними партизанскими отрядами, во главе которых, как правило, стояли уламы. Основная масса ачехских феодалов включилась в систему колониальной администрации и заняла лояльную позицию в отношении голландской власти. Не только старые союзники колониальных властей вроде семьи Нек активно помогали колонизаторам в утверждении и упрочении их господства в Аче. Едва ли не самым надежным человеком оказался в недавнем прошлом упорный враг — Панглима Полим III. Восстановленный в своей должности, он верой и правдой служил новым хозяевам Аче, активно способствуя прекращению партизанского движения в горных районах своей области и соседнем Пиди [226, 615]. Ачехская знать примирилась с господством колонизаторов и даже отказалась от прежних планов сохранения султаната. Такая позиция знати ярко выразилась в событиях 1904—1908 гг., когда, как уже отмечалось, произошло некоторое оживление сопротивления колонизаторам. На активизацию сопротивления и вовлечение в него населения после отлива 1899—1903 гг. повлияли жестокие карательные мероприятия голландского командования. Кроме того, несомненное воздействие на настроения в Аче оказали события русско-японской войны. Если в тех районах Индонезии, которые уже давно находились под властью колонизаторов и в которых создались внутренние предпосылки для национального пробуждения, т. е. в первую очередь на Яве, победа Японии повлияла прежде всего на развитие национализма, побуждая националистов к созданию своих организаций и т. п. [165, 136—137], то для ачехского народа, продолжавшего борьбу за независимость, победа азиатской страны над белыми христианами в обстановке оживления антиколониальной борьбы значительно укрепила решимость сопротивления и породила надежды на помощь извне. Слухи о японских успехах и нахождении японской эскадры в индонезийских водах просачивались в Аче и оказывали определенное влияние на положение.

Губернатор Аче ван Даален писал в своем докладе о положении в Аче в 1905 г.: «Непредусмотренным фактором, помешавшим умиротворению, стала победа Японии над Россией. Донесенная авантюристами и паломниками-ачехцами из Мекки, эта весть ободрила врага, поскольку восточная нация одержала верх над западной». Ван Даален утверждал также, что группировка Бен Пекана на Северном берегу и султан Мохаммад Дауд установили связи с японским генеральным консулом в Сингапуре и что некий араб Хабиб Багдади возил их письма из Аче в Сингапур [226, 619—620].

Трудно сказать, насколько серьезными были связи ачехских феодалов и улам с японцами, но попытка установления таких связей, вероятно, имела место: ведь на протяжении всей войны ачехская знать не теряла надежды привлечь к конфликту какую-либо иностранную державу, которую можно было бы использовать против Голландии. Другое дело, что голландская администрация, испытывавшая затруднения в Аче, пыталась объяснить все свои неудачи в этот период влиянием Японии, тогда как последнее являлось далеко не первостепенным фактором.

Султан Мохаммад Дауд с 1905 г. установил связи с лидерами сопротивления на Северном берегу и в Великом Аче. Причина этого заключалась, по-видимому, в том, что голландская администрация обманула его надежды на возвращение трона. Ван дер Маатен, принимавший непосредственное участие в переговорах с султаном перед его сдачей и наблюдавший его в Кутарадже, пишет, что ван Хэютс, видимо, внушил последнему какие-то надежды на получение трона и восстановление султаната [107, т. I, 210]. Но поскольку адатных вождей удалось окончательно привлечь и без этой меры, надеждам султана не суждено было сбыться. Тогда султан решил использовать для нажима на губернатора Аче и генерал-губернатора оживление антиколониальной борьбы и настроения, навеянные русско-японской войной.

6 мая 1907 г. на окраинах Кутараджи раздались выстрелы — ачехцы напали на посты в деревнях Пенити и Кута Алам. Это сделали партизанские отряды Кечик Самана и Панг Юсуфа, проникшие к Кутарадже из горных районов Великого Аче. В июне — августе произошли нападения на голландские лагеря, патрули и железную дорогу в других районах Великого Аче, а также в Пиди [226, 620—621].

В организации некоторых нападений на голландские войска, диверсий на железных дорогах и т. п., предпринятых в 1904 — 1907 гг., колониальная администрация обвинила султана и близких к нему феодалов. Летом 1907 г. султан был арестован голландскими властями, которые заявили, что при обыске они обнаружили доказательства переписки султана с японским генеральным консулом в Сингапуре [266, т. II, 371—372]. Султана обвинили в заговоре с целью подъема восстания в Великом Аче и в связях с партизанскими отрядами. 21 августа Мохаммад Дауд вместе с Пангераном Усеном и Теуку Джохан Лампасейским был выслан из Аче, куда более не вернулся. Высылка султана не оказала практически никакого влияния на настроения ачехской знати, все слои которой к этому времени достаточно прочно связали судьбу с колониальным режимом. Прекращение репрессий против отдельных представителей ачехской знати, дальнейшие уступки ей со стороны колониальной администрации с середины 1908 г. окончательно ликвидировали все оппозиционные настроения в среде адатных вождей Аче.

За Мохаммадом Даудом в 1904—1907 гг. уже не было никакой

группировки. В интригах с Японий приняли участие лишь сам султан и его ближайшее окружение, планы которых не шли дальше намерения припугнуть голландские власти и добиться выполнения обещания ван Хэютса восстановить султана на троне предков. Адатная знать окончательно исчерпала свои возможности участия в сопротивлении как слой ачехского общества уже осенью 1903 г. Это не означало, однако, что все адатные вожди или члены их семей прекратили бороться с захватчиками. Например, вдова расстрелянного голландцами младшего брата раджи княжества Кертой по имени Почут Меутия организовала партизанский отряд и до своей смерти в 1910 г. боролась с захватчиками, а ее сын Теуку Раджа сражался до 1919 г. [258, 51; 344, 86—160]. Но боролись они теперь, как уже отмечалось, как отдельные лица, по тем или иным причинам не прекращавшие сопротивления.

Ярким документом, характеризующим позиции адатной знати в конце Ачехской войны, является уже упоминавшееся письмо Полима III и других бывших лидеров патриотически настроенных феодалов саманистским руководителям [344, 27]. В этом письме адатные вожди выступают защитниками ислама, обвиняя улам, настаивающих на продолжении сопротивления, в нанесении ущерба мусульманской религии. Они апеллируют к опыту других мусульманских стран (Индии, Магриба, Египта), к которым всегда обращались Саман и его последователи, но к опыту, оправдывающему их теперешнюю позицию. На послание явное влияние оказали идеи мусульманских идеологов, которые призывали к преклонению перед могуществом колониальных властей, к примирению с ними. Это влияние чувствуется и в призыве внести необходимые изменения в религиозное учение, продиктованные изменившейся обстановкой. Здесь речь идет прежде всего о джихаде, лозунг которого авторы послания считали неподходящим к конкретным условиям, сложившимся в Аче.

Таким образом, послание представляет интерес и с точки зрения развития идеологии в Аче: в нем заметно прослеживается влияние идей, имевших хождение в Индии и на Ближнем Востоке в конце XIX — начале XX в. Налицо проникновение рационалистических идей — требование пересмотра устаревших религиозных концепций, который объявляется делом не только богословов, но общей обязанностью мусульман. Новые идеи и попытки толкования догматов в рационалистическом духе служат здесь цели сломить дух сопротивления, заставить народ покориться чужеземной власти, оправдать позицию феодалов и дать им в руки идеологическое оружие для привлечения на свою сторону населения, разделяющего взгляды саманистов. Если же учесть, что авторами послания были Панглима Полим, Туанку Махмуд и Туанку Раджа Кемала, т. е. лидеры патриотической части ачехской знати, продолжавшие сопротивление после перехода большей части феодалов на сторону колонизаторов, то становится очевидным, что после 1903 г. различие между позициями групп адатной знати Аче

по отношению к голландскому колониальному режиму перестало существовать.

Руководителями сопротивления на заключительном этапе Ачехской войны были саманисты, которые оставались главным врагом колонизаторов и после гибели своего государства.

Проповедь «священной войны» имела успех среди населения вплоть до окончания многолетней борьбы; кроме того, саманистские лидеры были не только проповедниками, но и организаторами сопротивления. Уламы и военачальники-панглимы из числа соратников Мохаммада Самана, а также новых людей, выдвинувшихся после его смерти, вели антиголландскую пропаганду, возглавляли партизанские отряды, которые беспокоили врага неожиданными нападениями, совершали диверсии на железных дорогах, перерезали телефонные линии, разрушали мосты, атаковали посты и нападали на отдельных голландских солдат.

После того как патриотически настроенная знать с осени 1898 г. начала поворачиваться в сторону примирения с колонизаторами, саманистские лидеры по-прежнему остались на позициях борьбы с захватчиками. Это послужило основанием для появления в газете «Де Локомотиф» 21 октября 1899 г. статьи Р. А. ван Сандика «Следующий вопрос д-ру Снуку Хюргронье».

Автор статьи, обращаясь к Снуку Хюргронье, спрашивал: «Поскольку со времени вашего прибытия в Аче в апреле 1898 г. покоряются исключительно светские, а не духовные вожди, не отдаляет ли это, согласно вашей теории, покорение Аче?» [147, т. IV (1), 371]. В ответе своему критику Снук Хюргронье подчеркивал, что «духовные вожди» остаются руководящей силой сопротивления, что ожидать их скорого покорения было бы ошибкой, равно как и недооценивать значение отхода светской знати от союза с уламами. Активная борьба с саманистскими лидерами, отмечал Снук Хюргронье, облегчается возвращением адатных вождей на свои места, поскольку это лишает улам и теунгку роли вождей в ачехском обществе и превращает их снова лишь в духовные авторитеты. «Духовные вожди, — писал Снук Хюргронье, — достигли в Аче необычного влияния, используя необычные обстоятельства», каковыми были война и недовольство населения тиранией улубалангов. Решительные меры против партизанских отрядов и уступки адатной знати заставили ту часть последней, которая еще продолжала борьбу, не только отойти от «духовных вождей», но и увлечь за собой часть населения, недовольного засильем улам. В этом Снук Хюргронье усматривал реальные результаты изменения голландской политики в Аче и симптомы более или менее близкого покорения страны [147, т. IV (1), 376—383]. Снук Хюргронье писал также об ослаблении влияния саманистов в Великом Аче, отмечая, что это произошло не только вследствие гибели ряда улам, но и вследствие возвращения их значительной части к «мирным» занятиям: «Мелкие духовные вожди в Великом Аче или убиты, или следуют улубалангам, с которыми находятся в хороших

отношениях, и вернулись в свои кампонги. Как кадли и теунгку, они занимаются судебными делами под контролем нашего гражданского управления» [147, т. IV (1), 385]. Прекратили борьбу с колонизаторами последователи умершего в 1895 г. Теунгку Кутакарангского, сплотившиеся вокруг младшего сына покойного, который жил под надзором колониальных властей. Отошел от борьбы и Хабиб Самалангский, умерший в родной деревне в 1901 г. Его последователи не принимали участия в антиголландской борьбе, сосредоточив все внимание на изучении богословия [147, т. IV (1), 384—385]. Таким образом, две значительные группировки саманистов прекратили сопротивление и если не примирились с голландской властью, то отошли от активной политической деятельности. Все это говорило о более резком, чем прежде, разделении саманистов на радикальную и умеренную группировки.

Поляризации сил в саманистском лагере способствовало движение Теунгку Тапы в 1898—1899 гг. Оно напугало не только улубалангов, но и многих улам, стремившихся ввести антиголландское движение в строгие канонические рамки. Саманистов напугала не только идеологическая подоплека движения — рецидив домусульманских воззрений, — но и его социальная направленность, а также фактическая независимость от саманистских центров.

Дальнейшее размежевание произошло в период обострения борьбы в 1904—1908 гг., когда партизанские отряды активно нападали не только на голландцев, но и на тех, кто перешел на сторону врага. По словам Кремера, именно в эти годы отошел от активной деятельности Теунгку Матайерский, который был не согласен с методами борьбы партизан [271, т. I, 44].

По мере возрастания трудностей антиголландской борьбы, окончательного перехода патриотической группы знати во вражеский лагерь, распространения чувств усталости и апатии в народе влияние умеренной группировки продолжало возрастать. Судя по всему, в умеренную группу входили прежде всего уламы в точном смысле этого слова, т. е. законники и богословы, связанные со светской знатью и занимавшие различные посты при прежнем управлении, а также влиятельные духовные учители. Но было бы упрощением считать, что группа умеренных саманистов объединяла только верхушку духовенства: в Великом Аче, например, к ней примыкала бóльшая часть рядовых теунгку. Два фактора оказывали воздействие на рост умеренной группировки и возрастание ее влияния. Во-первых, определенная общность интересов уламской верхушки и адатной знати, установившаяся в последние годы существования саманистского государства в период тесного объединения саманистов с патриотической феодальной группировкой, заинтересованность в недопущении самостоятельных выступлений крестьянства. Именно это заставляло улам отходить от борьбы, в руководстве которой все бóльшую роль играли выходцы из ачехских низов. Во-вторых, умеренная партия опиралась на настроения ачехского крестьянства, которое больше других слоев

общества страдало от войны и ее последствий. Часть крестьянства, особенно в наиболее истерзанном войной Великом Аче, склонялась к прекращению сопротивления, разочаровавшись в способности религиозных лидеров отстоять независимость страны и создать справедливое социальное устройство. Именно эти настроения и подогревались умеренными саманистами; с другой стороны, эти чувства оказывали влияние на позицию многих рядовых теунгку, тесно связанных с деревней.

Главными лидерами радикальной группировки и вместе с тем руководителями сопротивления были Теунгку Чотпліёнгский, Хабиб Тепинванский, а также сыновья и внуки Мохаммада Самана—Теунгку Чик Маэт, Теунгку Букитский, Теунгку Шех Саман и Теунгку Шех Маат. Единого центра после 1898—1899 гг. у саманистов не существовало, равно как фактически не было единого руководства. До своей гибели летом 1905 г. Теунгку Чотпліёнгский, а после его гибели Хабиб Тепинванский считались главными духовными вождями саманистов, но в действительности связь и координация действий различных партизанских отрядов были недостаточными и руководители сопротивления в различных районах действовали самостоятельно. В 1907 г. в связи с подъемом движения саманисты Восточного побережья Аче собрались в Верхнем Пиди, а уламы Западного берега — в Гунунг Манчанге (Войла) [226, 620]. Это способствовало выработке единых планов борьбы с захватчиками, и в 1907—1908 гг. ачехцы, как уже указывалось, добились немалых успехов, но постоянной связи между руководителями различных отрядов наладить так и не удалось.

Для саманистского движения в последние годы характерны локальность, неспособность организовать сопротивление на значительной территории. Такая раздробленность была вызвана в первую очередь военными неудачами ачехцев, потерявших прежние центры, и изоляцией партизанских отрядов. Сказывалось также и углубление противоречий между сторонниками продолжения борьбы и умеренной частью саманистов.

Параллельно усилению умеренной группировки происходила дальнейшая радикализация той части саманистов, которая продолжала сопротивление. Это было связано с действиями голландцев, усиливших в 1903—1907 гг. репрессии против ачехцев, предательством знати, примиренческой позицией части саманистских лидеров. Руководство борьбой с врагом во многих местах попало в руки низших теунгку, партизанских панглим—выходцев из крестьян, которые вели активную борьбу и с предателями-улубалангами, и с отступниками от дела «священной войны». «Неудовлетворительное политическое положение, — писал глава администрации Лхо Сукона (Северный берег) В. Схеепенс, — достигло своего предела в начале 1908 г. Сумятица была настолько велика, что о регулярном управлении не приходилось и говорить. Вожди покинули свои районы и искали убежища в Лхо Семаве (голландский форт. — *В. Т.*) или поблизости от наших лагерей». Голландский чиновник

отмечал, что «вражеские банды усилились за счет притока молодых искателей приключений, бродяг и преступных элементов» [271, т. I, 44]. Это красноречиво свидетельствует о социальном составе партизанских отрядов, ибо Схеепенс употребляет термины, которыми голландцы постоянно обозначали неимущую или недовольную засильем традиционных вождей часть ачехской деревни.

Вместе с тем эта локальность явилась источником слабости патриотических сил, ибо, с одной стороны, голландские войска могли поодиночке громить партизанские отряды, а с другой стороны, местнические настроения часто приводили к неправильным взаимоотношениям партизанских отрядов и местного населения, чем пользовались колонизаторы. От действий партизанских лидеров, особенно принадлежащих к знати, часто страдало крестьянство; в последние годы среди партизан усилились настроения непримиримости ко всем отошедшим от борьбы и стремившимся занять нейтральную позицию. Это приводило к всевозможным эксцессам, от которых страдали не только прямые приспешники колонизаторов, но и обычные мирные жители.

Ослепленные своей идеологией, делившей мир на «мусульман» и «кафиров», радикальные саманисты не были в состоянии объединить ачехское крестьянство. Несмотря на справедливую критику действий знати и духовных наставников, отступивших от заветов Самана, многое во взглядах радикальных саманистов не могло импонировать связанному с реальной жизнью крестьянину.

В среде радикальных саманистов усиливаются эсхатологические, мистические настроения, уже заметные в движении Теунгку Тапы. Ярким документом, отражающим взгляды этого направления, является вариант «Хикаят пранг сабил», принадлежавший одному из непримиримых врагов голландцев — Теуку Радже Саби и созданный где-то в княжествах Восточного побережья Аче.

Поэма окрашена духом непримиримости по отношению к врагу. Безвестный автор взывает к Аллаху: «О господин мой, не покидай нас ни днем, ни ночью, изгони неверных, чтобы они не уничтожили ислам. Мы молим тебя о помощи против всех голландских неверных, наших врагов!»

Далее автор обрушивается на улубалангов и улам, забывших заветы Самана: «Это долг сражаться с неверными! Таково повеление нашего Господина. Братья, не отступайте и твердо следуйте по божьему пути! Не внимайте улубалангам. Ибо их слова — козни дьявола... Законники говорят не больше — священная война их не заботит. У многих теунгку цепенеет язык — священная война их не тревожит... Ныне никто не молится, и священная война идет на убыль» [63, 620—621].

Автор обличает не только улубалангов и теунгку. Всех, кто предпочел мирный труд и семейную жизнь «священной войне», пугает он картинами конца света, страшного суда, рисует картины райского блаженства для павших за веру. Высокий накал страстей, поэтический экстаз характеризуют поэму. Рушится дело «свя-

щенной войны», и с ним для автора гибнет мир. Близок конец света, и единственный достойный путь — умереть за веру.

Подобные призывы могли еще иметь успех в подвергавшихся карательным экспедициям бедных горных кампонгах, но уже не находили отклика в равнинных районах, где голландцы постепенно прекращали экзекуции и где население получало возможность налаживать нормальную жизнь.

Голландская колониальная политика в Аче в 1899—1913 гг.

После прихода к власти в Нидерландах «христианской коалиции», включавшей две протестантские (антиреволюционную и христианско-исторический союз) и католическую партии, начался «этический курс» колониальной политики в Индонезии. Сущность «этического курса» состояла в том, чтобы создать наиболее благоприятные условия для эксплуатации Индонезии методами финансового капитала. С этой целью «этики» стремились к большему вмешательству государства в дела колонии, а также к некоторому смягчению противоречий между индонезийским народом и голландским империализмом, чтобы подорвать нараставшее на архипелаге освободительное движение [165, 47—76].

«Этические» взгляды высказывались рядом голландских политиков и публицистов еще с конца XIX в. «Этиком» был и Снук Хюргронье, которому принадлежала идея «ассоциации туземного общества с западной цивилизацией» [146, 108—133]. В программе Снука Хюргронье для Аче в 1898 г. обнаруживаются черты будущего «этического курса». С 1898 г., т. е. с момента назначения Снука Хюргронье советником генерал-губернатора со специальными функциями в Аче, теоретически в основу голландского политического курса была положена его программа. Практически же голландская военщина зачастую предпочитала действовать «испытанными» методами, особенно тогда, когда обнаружились первые успехи в «умиротворении» Аче и казалось, что с сопротивлением покончено.

Голландская колониальная политика в Аче после 1898 г. характеризовалась опорой на адатную знать, беспощадной борьбой с саманистами и другими лидерами сопротивления, некоторым сокращением репрессий с целью привлечь население, установлением системы жестокого полицейского режима, становым хребтом которой стала жандармерия.

Было бы неправильно представлять, что изменения политики в Аче после 1898 г., связанные с именем Снука Хюргронье, затронули какие-либо существенные принципы самого военного колониального режима. Все мероприятия, предложенные и проводимые Снуком Хюргронье, были направлены лишь на устранение наиболее вопиющих крайностей этого режима, делавших последний не-

навистным и неприемлемым для ачехцев. Но даже такая политика встречала сопротивление в среде колониальной администрации и военных в Аче, и ее окончательное внедрение затянулось на годы. Зигзаги голландской политики в Аче в начале XX в. связаны не просто с соперничеством колониальных деятелей, стремившихся провести в жизнь свои личные идеи, или с борьбой гуманных администраторов-новаторов с твердолобыми офицерами-консерваторами. Эти колебания отражают характер и противоречия «этического курса» голландской колониальной политики, и с этой точки зрения их рассмотрение представляет несомненный интерес для анализа особенностей голландского колониализма в целом.

В феврале 1903 г. Снук Хюргронье покинул Аче, с тем чтобы никогда больше туда не возвращаться. Эпоха «дуумвирата» закончилась. Губернатор ван Хэютс поставил перед своим начальством вопрос с солдатской прямотой: или он, ван Хэютс, «умиротворитель» Аче, или Снук Хюргронье, с его сомнительными идеями. Генерал-губернатор Розебоом и министр колоний Иденбюрх размышляли недолго. Дело было не только в чувстве корпоративной солидарности (Розебоом был генерал-лейтенантом, а Иденбюрх служил в армии 20 лет и участвовал в Ачехской войне), не только в популярности ван Хэютса в колониальных кругах и среди «патриотической» общественности. Правящим кругам Голландии вообще больше импонировала точка зрения «практика» ван Хэютса на ачехскую проблему, чем размышления Снука Хюргронье по этому поводу.

Сущность же разногласий между губернатором и советником сводилась к следующему. Снук Хюргронье считал, что необходимо четко разделять «период покорения», который не должен продолжаться более двух лет, и «период умиротворения», который растянется на значительно более продолжительный срок [147, т. IV (2), 137]. Полагая, что с «периодом покорения» покончено и Аче вступил в фазу «умиротворения», он в соответствии с этим предлагал перенести центр тяжести колониальной политики в политическую сферу и не форсировать события, действуя обдуманно и постепенно.

Генерал ван Хэютс, напротив, полагал, что с сопротивлением в Аче покончено и нет необходимости в особых церемониях по отношению к ачехцам. Если раньше, заискивая перед Снуком Хюргронье, он представлял себя сторонником «гуманных» методов, то теперь «покоритель Аче» считал, что не нуждается более в советах ученого. Генерал склонялся к применению и в «период умиротворения» тех «жестких» методов, которые Снук Хюргронье считал приемлемыми лишь в «период покорения». Стремясь упрочить славу «покорителя Аче», ван Хэютс выступил с планом превращения Аче во второй Дели, а Кутараджи — во второй Медан [107, т. I, 205]. Началось внедрение голландских фирм в экономику Аче. Табачные компании Дели арендовали землю в саги XXVI и в Индрапури; делийская фирма «Нолте и Хаас» заключила соглаше-

ние с раджей Лангсара о вырубке леса; в 1902—1903 гг. началась разведка нефти на Восточном берегу; в Кутарадже и Сабанге открылись отделения различных торговых домов [280, 74—75]. Генерал не жалел средств на европеизацию жизни в Кутарадже: строил новый губернаторский дом, отель, ввозились лошади из Австралии для устройства бегов. Все это вызывало резкую критику со стороны Снука Хюргронье. Разрыву способствовала полная нетерпимость ван Хэютса к своим оппонентам; кроме того, самолюбивый генерал полагал, что достаточно делить лавры победителя со штатским Снуком Хюргронье.

В апреле 1902 г. последний, находясь в Батавии, направил ван Хэютсу письмо, в котором настаивал на переходе к «периоду умиротворения» [107, т. 2, прил. XLII, 80—82]. Письмо вызвало резкую реакцию ван Хэютса. Окончательный разрыв наступил в декабре 1902 — январе 1903 г., когда Снук Хюргронье выступил против заигрываний ван Хэютса с султаном, справедливо, как показали дальнейшие события, полагая, что капитуляция Мохаммада Дауда ни к каким существенным изменениям в войне не приведет. В результате в феврале 1903 г. Снук Хюргронье покинул Аче, а ван Хэютс смог без помехи приступить к проведению в жизнь своих планов окончательного «умиротворения» Аче железной рукой.

С 1903 г. ван Хэютс взял курс на жестокое подавление сопротивления ачехского народа, главным образом путем военных мероприятий, отказавшись от многих положений программы Снука Хюргронье. Именно на конец его правления приходится печально знаменитый поход ван Даалена в Гайо и Алас, по жестокости оставивший позади все прежние голландские экспедиции в Аче. Эта линия продолжалась и при его преемниках — ван дер Вейке и ван Даалене (1904—1908). Сам ван Хэютс, ставший в июле 1904 г. генерал-губернатором Нидерландской Индии, продолжал оставаться главным вдохновителем этой политики, перенося ее к тому же на другие районы Внешних владений. В 1908 г. Снук Хюргронье в статье «Аче» писал, что главной причиной нового подъема антиголландской борьбы в 1904—1908 гг. было продолжение политики репрессий, которая так и не сменилась «политикой умиротворения». «Непрерывные передвижения войск по всей стране, производимые в течение длительного времени, возбуждают всеобщее чувство беспокойства, непрестанные обыски домов усиливают недовольство и дают фанатикам возможность его использовать». На население ложится тяжелая транспортная повинность; особую непопулярность снискала дорожная повинность. Далее Снук Хюргронье критикует метод регистрации и паспортного контроля, а также порядок взимания штрафов. Снук Хюргронье замечал, что в таких условиях любой офицер или унтер чувствует себя маленьким деспотом, а «отсюда естественно проистекают официально признаваемые случаи жестокости, грубости, необдуманного поведения» [147, т. IV (2), 134—137].

Прибывший в 1908 г. губернатор Сварт писал, что на пасей-

ском побережье «вожди утратили власть над населением, ибо им не доверяли; народ, ранее занимавшийся земледелием и скотоводством, обнищал; поголовье скота резко сократилось». «В Кертой, — писал он, — некогда богатом и процветающем княжестве, я нашел положение безнадежным, и сейчас оно все еще является критическим» [229, 103].

Казалось, что повторяется картина, имевшая место после походов ван дер Хейдена, когда жестокости, чинимые захватчиками, вызвали всенародный отпор. Но этого не случилось. Во-первых, как отмечалось выше, ачехское сопротивление было уже ослаблено и вспышка 1904—1908 гг. не охватила всей страны и не привела к возрождению массового движения 80-х годов. Во-вторых, голландские колонизаторы, испугавшись, резко изменили свою политику в Аче, вернувшись к рекомендациям Снука Хюргронье относительно «периода умиротворения».

Осенью 1907 г. в голландской газете «Афондпост» появилась под псевдонимом Веккер (Будитель) серия статей жандармского офицера В. А. ван Оорсхота, объединенных общим заглавием «Как цивилизованные Нидерланды принесли в 20 веке мир и порядок в Аче».

Статьи Веккера произвели в Нидерландах впечатление разорвавшейся бомбы. Общественность узнала о кровавых злодеяниях военщины, о которых доходили лишь отрывочные слухи, неизменно заглушаемые фанфарами и барабанным боем в честь великого «умиротворителя» генерал-губернатора ван Хэютса и его верного последователя — губернатора Аче ван Даалена. Веккер сорвал завесу, которой прикрывалась «пацификация» Аче, обнаружив сущность последней как системы зверств и насилий. Он писал: «Многие начальники лагерей (речь идет о временных лагерях жандармерии в районах, подвергавшихся «умиротворению». — *В. Т.*) назначают премии для той бригады, которая убила больше всех людей. Кроме того, во время некоторых походов прямо назначаются премии за каждого убитого ачехца... Вся пацификация стала облавой на человеческую дичь. Боевой клич жандармерии гласит: „Вперед, отрезайте им головы!“ И головы часто отрезаются, и их с триумфом таскают повсюду» [68, 895]. Веккер описал истребление населения целых деревень, включая женщин и детей, пытки, поджаривание пленных на медленном огне, причем назвал точные даты и имена голландских офицеров, ответственных за эти преступления [68, 893, 896]. Он сообщил, что один жандармский офицер собрал коллекцию неприятельских голов, а другой приказал привязать пленных к рельсам и пустил по ним паровоз [68, 895]. Он прямо возложил ответственность за все происходящее в Аче на высшие власти, которые определяют карьеру офицера по числу убитых его подразделением ачехцев, приведя характерный случай, происшедший с ним самим: он получил выговор от начальника патруля, когда привел раненого старика на бивак, вместо того чтобы пристрелить его на месте. Веккер обвинил в прев-

ращении пацификации в систему зверств губернатора ван Даалена, по имени которого назвал ее «вандаализмом» [68, 892].

Разоблачения Веккера вызвали дебаты по ачехскому вопросу в голландском парламенте. С протестами против методов «умиротворения» выступили и католический депутат де Стюэрс, и либерал Томпсон, и «свободомыслящий демократ», отец «этического курса» ван Девентер, и лидер социал-демократов ван Коль.

Показательно, что с критикой политики в Аче выступали представители различных политических партий Нидерландов, как правящих, так и оппозиционных. Скандал, вызванный опубликованием статей Веккера, был столь велик, что и защитники и противники «этического курса» выступили за изменение методов, применяемых в Аче. Характерно, что ван Девентер, который в 1905—1906 гг. оправдывал захват Бали и призывал в парламенте действовать «сильной рукой» против правителей во Внешних владениях [165, 54], присоединился к критикам ачехской политики, которая, по его мнению, накладывала тень на программу «этиков». С позиций защиты «этического курса» критиковал ван Даалена и социал-демократический эксперт по колониальному вопросу Г. Г. ван Коль, который несколькими годами раньше после поездки в Аче пел восторженные дифирамбы ван Хэютсу [102, 138], а в 1907 г. на Штутгартском конгрессе II Интернационала расхваливал голландскую политику в Индонезии как «образцовую» [165, 248].

Еще бóльшую бурю, чем в правительственных кругах, вызвали статьи Веккера в среде голландской и индонезийской общественности. Если в парламентских речах старались представить «эксцессы» в Аче как результат излишнего рвения губернатора ван Даалена, то авторы статей и брошюр, появившихся в это время, шли дальше и связывали действия ван Даалена с общим характером голландской колониальной политики. То направление в критике «вандаализма», которое ближе всего стояло к правительственной позиции и рассматривало проблему с точки зрения защиты «этической политики», было представлено в голландской прессе статьей К. Снука Хюргронье «Аче», напечатанной в «Ниювс Курант» в 1908 г. Снук Хюргронье считал положение, создавшееся в Аче, результатом отступления ван Хэютса от программы, выработанной в 1898 г. Он возлагал главную ответственность не на ван Даалена, которого считал простым исполнителем, а на ван Хэютса, действовавшего в бытность губернатором теми же методами, которые использовал учившийся у него преемник. В конечном счете Снук Хюргронье переносил вопрос в область личной ответственности губернатора или генерал-губернатора, продолжая ратовать за «политику умиротворения», но проводимую более мягкими и умеренными методами. Не преминул Снук Хюргронье свести счеты с ван Хэютсом, противопоставив его самостоятельную политику политике, проводимой во времена «дуумвирата». Однако, критикуя такие методы, как непрерывное патрулирование, регистрация и паспортный контроль, захват в заложники женщин

и детей, профессор Снук Хюргронье забывал, что советник Снук Хюргронье явился инициатором применения некоторых из этих методов и введения в систему других и что на нем также лежит вина за злодеяния военщины в Аче.

Более критическое направление в среде «этиков» было представлено брошюрой Фаноя [76], который около 20 лет служил в колониальной армии и был связан с антиреволюционной партией. Фаной, как и Снук Хюргронье, также считал, что не один ван Даален виновен в зверствах, происходящих в Аче: «Перечислять наши злодеяния не стоит — это уже сделал Веккер... Но „вину" за эти злодеяния, которую Веккер возлагает на генерала ван Даалена, я склонен переложить на плечи того, кто его к этому побуждал, т. е. на бывшего губернатора ван Хэютса и различных приверженцев его системы, которые принимали участие в ее создании» [76, 22]. Автор брошюры считал, что ван Даален явился продуктом системы, установленной ван Хэютсом, что природная жестокость ван Даалена поощрялась ван Хэютсом: один был полковником и губернатором, второй — капитаном и гражданским начальником; один занимался военным руководством, второй получал личный опыт. Фаной вспоминал, что еще в 1902 г. он в секретном докладе ван Хэютсу привел слова одного из «дружественных» феодалов Самаланги: «Когда капитан ван Даален, жестокий капитан, станет губернатором, Аче запылает», а также сослался на свидетельство того же человека, который обвинял ван Даалена в убийстве 400 мужчин, женщин и детей в своем дистрикте в течение трех месяцев [76, 30—31].

Фаной указывал, что система умиротворения грозит опустошить Аче, превратить его в «страну без мужчин» [76, 30]. Он обрушился не только на ван Хэютса. Фаной критиковал всю «индийскую политику кабинета в 1901—1905 гг.», возлагая персональную ответственность на лидеров «христианской коалиции» Саворнин Ломана и Кюйпера, а также на министра колоний Иденбюрха и социал-демократа ван Коля, который, «побывав в Аче, стал понимать еще меньше, чем до этой поездки». «Эти четыре господина должны были бы вместо заявления „Аче начинает умиротворяться" говорить: „Аче начинает вымирать"»,— саркастически замечал Фаной [76, 35].

В отличие от стремившегося выгородить себя Снука Хюргронье Фаной обличал не только действия голландской военщины в Аче после 1903 г., но и политику более раннего времени. Он считал, что весь период 1896—1898 гг. был временем зверств, равно как и период походов на побережье в 1898—1901 гг. Фаной связывал зверства в Аче со всей историей войны, в которой с самого начала поощрялось жестокое отношение к ачехцам, принимавшее совершенно омерзительные формы в периоды «обращения к мечу», т. е. когда ачехская проблема решалась главным образом военными средствами. Возникновение такой политики он относит ко времени «прославленного героя» ван дер Хейдена: «Ачехская язва — убий-

ства и пожары тогда приветствовались. А также насилия и грабежи. И массовые расстрелы. И пули дум-дум... Стремление убивать и поджигать глубоко проникло в сознание солдат и офицеров». Это рождало реакцию: «В то время ненависть и отвращение к нам были настолько велики, что ачехские женщины вместе с юношами и мужчинами участвовали в боях» [76, 15]. Не прошел Фаной и мимо любимого детища создателей «системы пацификации» — жандармерии. Он так характеризовал эту «гордость голландской колониальной армии»: «Это головорезы, башибузуки, тигры в образе людей; это позор армии, ибо теперь вся пехота проникнута жандармским духом» [76, 20].

Но вот автор переходит к изложению своей позитивной программы — и выясняется, что он «этик» до мозга костей, причем «этик» куда менее реалистичный, чем, скажем, Снук Хюргронье. Ничего, кроме призывов к «гуманной политике», «основанной на глубоком знании индийской политической и военной истории», «справедливой и разумной», и установления «совсем другой системы умиротворения... которая потребует меньшего количества войск» [76, 40—41], он предложить не может. Самым действенным средством в его программе оказывается восстановление султаната — мера, которая, по его мнению, привлечет симпатии ачехцев к колониальному режиму и успокоит национальную гордость [76, 44—45]. Фаной, таким образом, считает, что зверства в Аче — это извращение «этического курса», объясняемое непригодностью лиц, ответственных за колониальную политику Нидерландов, а также милитаристскими традициями Ачехской войны. Он остается, как и Снук Хюргронье, целиком на колониалистских позициях, и его заботит главным образом то, что «ачехский вопрос сделал нас как колониальную державу предметом пересудов; если он не будет разрешен на разумной основе, он станет нашим позором» [76, 7].

Наиболее последовательную демократическую позицию в отношении «политики умиротворения» в Аче заняли передовые представители интеллигенции в лице Э. Ф. Э. Дауэса Деккера, будущего основателя Индийской партии, поставившей вопрос о независимости Индонезии [165, 212—214]. В статьях «Голландские Писарро в Аче» и «В Аче продолжают действовать по-старому», опубликованных в немецком либеральном журнале «Дас фрайе ворт» после разоблачений Веккера, Дауэс Деккер не только обличал ван Даалена и ван Хэютса и всю «систему умиротворения», но и разоблачал колониальный режим в целом и истинный характер «этического курса».

Анализируя статьи Веккера и дебаты в голландском парламенте, он делал вывод, что дело не в ван Хэютсе или ван Даалене, бездарных личностях с деспотическими наклонностями. Голландская политика в Аче — не исключительный случай, и зверства на Сераме и Целебесе превосходят зверства в Аче. «Между тем правительства в колонии и метрополии продолжают обманывать нацию, боясь запаха гноя, который распространился бы от вскры-

того чумного бубона, и в результате голландский писарризм продолжает вызывать у туземца ненависть, презрение и отвращение. Таков результат голландской цивилизации, голландской культуры, голландской морали»,—заключал Дауэс Деккер [68, 897]. Индонезийский демократ не питал иллюзий относительно намерений колониальных властей, показывая, что система террора и насилия не зависит от смены лиц, а является сущностью колониальной политики Нидерландов. Он писал: «Как я и предсказывал в февральском номере журнала, единственным результатом расследования ван Хэютса в Аче явилось отстранение „палача Аче" ван Даалена, которого сняли в виде уступки общественности. Но „система умиротворения" (т. е. зверств) сохраняется» [69, 438—439].

Генерал-губернатор ван Хэютс вначале взял ван Даалена под свою защиту и в письме министру колоний Д. Фоку от 17 октября 1907 г. требовал оградить новоиспеченного генерала от «газетных нападок» [293, прил. LV, 119—120]. После жарких дебатов в голландском парламенте было принято решение, прошедшее голосами правительственного большинства, провести в Аче «беспристрастное расследование», поручив его комиссии во главе с... ван Хэютсом. Комиссия, куда кроме ван Хэютса вошли командующий войсками Нидерландской Индии генерал Рост ван Тоннинген и генеральный секретарь колониальной администрации ван Реес, прибыла в Аче 25 ноября 1907 г. и находилась там в течение месяца.

«Двуликий Янус», как назвал его один из голландских исследователей, ван Хэютс разыграл в Аче целую комедию. Почти месяц путешествовал он по Аче. Повсюду он широко открывал глаза, знакомясь со слишком суровыми мерами ван Даалена, и всем видом и «случайными» репликами демонстрировал свою глубокую скорбь по поводу отступлений заслуженного, но, увы, недальновидного генерала от его, ван Хэютса, инструкций. Он ободрял обиженных улубалангов, освобождал заложников, с восторгом биографы «героя» рассказывали, как ван Хэютс накормил несчастного ачехского мальчика, отец которого, видимо, несправедливо был казнен, и даже дал ему 25 гульденов.

24 декабря 1907 г. вернувшийся в Кутараджу ван Хэютс направил губернатору ван Даалену письмо, в котором возлагал на него ответственность за отступление от принципов выработанной ван Хэютсом политики в Аче и предлагал немедленно предпринять следующие меры: 1) прекратить аресты вождей и членов их семей за ношение огнестрельного оружия; освободить всех вождей, арестованных за нарушение этого правила; 2) прекратить аресты вождей, их жен и детей, а также их изгнание с политическими целями; 3) прекратить вычеты из жалованья князей во владениях; 4) ослабить контроль за торговлей князей побережья; 5) уменьшить размеры дорожной повинности; 6) отменить немотивированные штрафы; 7) ослабить строгость правил ношения оружия для вождей; 8) разрешить вождям иметь вооруженную охрану;

9) не вести судебных разбирательств без ачехских писцов; 10) ограничить вмешательство лагерных комендантов в дела управления. Своей властью генерал-губернатор предложил немедленно освободить ряд интернированных в Сабанге и Кутарадже вождей [293, прил. LXIX, 127—129].

Через три дня ван Даален вручил ван Хэюсту просьбу об отставке [293, прил. LXX, 130], а 10 июля в Аче прибыл новый губернатор — еще один «умиротворитель» (на этот раз — Сулавеси) Х. Н. А. Сварт, ранее служивший в Аче в жандармских частях. Ван Даален был сделан козлом отпущения. Инструкция от 24 декабря 1907 г. существенно изменяла голландскую политику в Аче, хотя была облачена в форму возвращения к прежним методам, якобы проводившимся ван Хэютсом в последние годы его губернаторства. Даже в рядах правящих партий лицемерие ван Хэютса и его покровителей вызвало чувство протеста. Один из лидеров партии антиреволюционеров, А. Ф. де Саворнин Ломан, опубликовал в июне 1908 г. в «Де Недерландер» передовую статью «Беспристрастное расследование!», в которой подверг критике результаты деятельности комиссии ван Хэютса, обвинив последнего в смазывании картины, замалчивании фактов и в стремлении свалить вину на рядовых исполнителей [293, прил. LXXXV, 146—149].

Декабрьская инструкция делала упор на всемерное привлечение к сотрудничеству с колонизаторами адатных вождей и на устранение наиболее задевающих последних мероприятий. Вместе с тем колонизаторы были вынуждены идти на уступки и массе ачехского населения — этим объясняется облегчение ненавистной для народа дорожной повинности.

Ставший губернатором осторожный и неглупый Сварт понимал, что сохранение прежних методов просто-напросто невозможно. Продолжая линию на неустанное преследование и физическое уничтожение партизан, Сварт вместе с тем стремился не ожесточать ачехцев сверх меры. Изменившуюся политику колонизаторов характеризует, например, приказ Сварта командирам патрульных колонн от 26 февраля 1912 г. В разделе «Обращение с населением» говорилось: «Необходимо гуманно относиться к населению и оказывать ему помощь против банд и их предводителей. Там, где этого потребуют обстоятельства, следует проводить обыски для нахождения огнестрельного оружия. К вождям следует относиться с почтением, насильственная вербовка проводников и лазутчиков запрещается. Следует охранять от разрушения и порчи все молитвенные дома и жилища и только в случае крайней необходимости входить в них ночью. Места убежища врага необходимо полностью разрушить и уничтожить. Следует сохранять жизнь пленным, по возможности щадить в боях женщин и детей. Не следует рассматривать невооруженных как врагов. Пленные женщины и дети поступают в распоряжение советника или улубаланга» [135, 117].

При Сварте уменьшились размеры хеерендинстен на дорожном строительстве: уже в 1908 г. эта принудительная повинность, кото-

рую должен был отбывать каждый мужчина-ачехец (за исключением адатных вождей), была сокращена с 52 дней в году до 24 [135, 136].

Постепенно колонизаторы приступили к замене старых улубалангов и имамов их сыновьями, которые воспитывались в школах, открытых голландцами. Как и в других районах Индонезии, в Аче в годы действия «этического курса» голландская администрация начала создавать «туземные школы». Именно в Аче, как нигде в другом районе архипелага, обнаружились действительные цели колонизаторов в деле развития народного образования. В 1908 г. в Аче действовала 21 мужская школа, а в 1913 г. — уже 151 мужская и 6 женских школ с числом учащихся около 7 тыс. человек [135, 134]. На тысячу жителей в Аче приходилось примерно столько же учащихся, как на «освоенных» Яве и Мадуре. Это объяснялось отнюдь не заботой голландских администраторов о распространении образования в Аче. Колонизаторам нужны были более или менее грамотные, а главное, воспитанные в голландской школе адатные вожди. С начала XX в. они поощряли улубалангов отдавать своих детей в школы и прямо вынуждали их к этому. Показательно, что число школ в Аче резко возросло с 1908 по 1913 г., после чего темпы развития просвещения значительно замедлились, поскольку дети адатной знати в основном оказались уже вовлеченными в систему голландского колониального образования.

Было прекращено массовое истребление ачехского населения; если с 1901 по 1907 г. (включительно), по голландским данным, было убито около 18 400 ачехцев (совершенно очевидно, что львиная доля приходится на мирное население, включая женщин и детей, — ведь масштабы сопротивления уменьшились по сравнению с концом XIX в.), то в 1908—1914 гг. число убитых ачехцев составляло «всего» 3320 человек [226, 627].

Пример Аче показывает истинную цену «этического курса» голландских колонизаторов. Годы его действия были для ачехского народа временем совершения жесточайших злодеяний, массовых убийств, величайших унижений. Хотя с 1908 г. наиболее вопиющие злодеяния постепенно стали прекращаться, режим жестокого террора, военного лагеря сохранялся в Аче еще на протяжении многих лет. Не из соображений гуманности, выдвигавшейся апологетами «этического курса» в качестве основы голландской колониальной политики, изменили колонизаторы свою политику в Аче с 1908 г., а только по мотивам целесообразности. А. Б. Беленький, которому принадлежит лучшее в советской литературе исследование сущности «этического курса», замечает: «... следует напомнить, что именно на годы проведения „гуманного“ „этического курса“ приходятся завоевание Аче и других районов Индонезии, расположенных вне Явы, и все совершенные во время этих кампаний кровавые злодеяния... Вряд ли можно считать случайностью, что Индонезией в период „этического курса“ управляли военные...

„Этические" правительства Голландии предпочитали, чтобы их ценнейшей колонией по-прежнему правил меч» [165, 73—75].

Изменение политики в Аче оказало огромное и в определенной мере даже решающее влияние на характер и методы политики Нидерландов во Внешних владениях. В конце XIX — начале XX в. отчетливо прослеживаются два определяющих направления: переход к «этическому курсу» и окончательное завоевание архипелага. Оба направления были тесно связаны, и «гуманизм» ничуть не мешал «этикам» кровью и железом приобщать народы Индонезии к «цивилизации». Оба направления были продиктованы попытками голландской колониальной империи приспособиться к наступившей эпохе империализма. Если введение «этического курса» на Яве и Мадуре объяснялось главным образом стремлением найти новые формы эксплуатации тех областей Индонезии, которые приносили основной доход колонизаторам, и подорвать нараставшее национально-освободительное движение, то захват еще не вошедших в Нидерландскую Индию островов и районов архипелага был продиктован страхом, что в условиях завершения раздела мира более сильные державы смогут утвердиться в Индонезии. Начавшееся с конца XIX в. «наступление» во Внешних владениях усиленно развивалось в начале XX в. В 1901—1906 гг. голландцы окончательно покорили султанат Джамби и батакские районы; на Калимантане в 1902—1907 гг. захватили центральную часть острова и подавили сопротивление в бывшем султанате Банджармасин; на Сулавеси в 1904—1908 гг. покончили с остатками независимости южных княжеств Гова и Бони; в этот же период было установлено голландское владычество на всех Молуккских и Малых Зондских островах. В результате к 1905 г. под властью Нидерландов оказалась огромная территория (более 1,9 *кв. км*), с населением более 37,7 млн. человек, из которых во Внешних владениях проживало 7,6 млн. человек [165, 8].

Ход Ачехской войны, политический и военный опыт, накопленный голландской администрацией и армией в Аче, сказались в первую очередь на том направлении голландской колониальной политики, которое было связано с экспансией во Внешние владения.

Разгром ачехского сопротивления позволил голландским властям высвободить значительные военные силы, которые были брошены на захват независимых или полузависимых областей архипелага. Инициаторами и непосредственными исполнителями «активной политики» во Внешних владениях стали люди, получившие «ачехский опыт». «Герой» Ачехской войны ван Хэютс в 1904 г. стал генерал-губернатором Нидерландской Индии, его соратник по Аче Колейн — главой гражданской службы колонии. Незадолго до назначения ван Хэютс и Колейн были вызваны в Гаагу для обсуждения политики в отношении Внешних владений [266, т. II, 440]. На совещании, в котором приняли участие вдохновители «этического курса» — премьер-министр Кюйпер и министр колоний Иденбюрх, было принято решение о незамедлительном распространении

голландской власти на весь архипелаг, и именно под руководством ван Хэютса и Колейна осуществлялось окончательное завоевание Индонезии. Ачехская война дала и кадры непосредственных исполнителей: жандармские офицеры Сварт, Кристоффел, Дарланг и другие жестоко подавляли народные движения и приводили к покорности население Сулавеси, Калимантана, Суматры и других островов.

Колонизаторы использовали в других районах архипелага военную тактику, выработанную в ходе Ачехской войны, прежде всего систему патрулирования, создание временных лагерей, жандармских постов и мобильных колонн, организацию контргерильи. Ачехская война дала колонизаторам значительный политический опыт, с успехом примененный ими в других районах Индонезии: привлечение адатной (феодальной или родо-племенной) знати, система поощрений и наказаний населения, политика в отношении духовенства и т. д.

Наконец, в Аче голландскими колонизаторами была найдена форма политических взаимоотношений с различными владениями архипелага. Летом 1898 г. Снук Хюргронье и ван Хэютс поставили вопрос о ликвидации, как неудобных, договоров с княжествами ачехского побережья и замене их более подходящим для нужд голландской администрации соглашением [319, 253, 260]. В ноябре 1898 г. они подали генерал-губернатору записку. В ней авторы указывали на непрактичность «заявления из 18 статей», которое легло в основу политических отношений голландской администрации Аче с княжествами побережья. В записке указывалось, что, с одной стороны, этот договор не может предусмотреть всех случаев, возникающих по мере упрочения голландского господства, а с другой — связывает инициативу голландских чиновников, поскольку князья на законном основании противятся многим распоряжениям советников и резидентов. Отмечалось, что с утверждением голландской власти будут возрастать частные интересы европейцев, а это еще больше усложнит обстановку в княжествах. Авторы ставили альтернативу: или поставить вассальные княжества под прямое управление, как Великий Аче, или позволить губернатору Аче заменить «заявление из 18 статей» другим, более удобным для голландских властей документом [107, т. I, 229—238]. Снук Хюргронье и ван Хэютс склонялись к принятию второго предложения, что, по их мнению, позволило бы без лишних расходов и при сохранении видимости традиционного управления поставить княжества ачехского побережья под строгий контроль голландской власти и включить их в систему колониальной администрации. Согласно проекту «краткого заявления», подписавший его ачехский раджа признавал, во-первых, что территория его княжества составляет неотъемлемую часть Нидерландской Индии, а сам он полностью подчиняется королеве Нидерландов и генерал-губернатору, из чьих рук он принимает управление княжеством; во-вторых, он обязывался считать всех врагов Нидерландов своими вра-

гами, а их друзей — своими друзьями и, в-третьих, обещал во всем повиноваться губернатору Аче [319, прил. V, 360]. Этот проект был утвержден голландским правительством с тем дополнением, что второй пункт содержал обязательство князей не вступать в политические связи с иностранными державами, — сказалась боязнь Голландии перед вторжением других империалистических хищников на архипелаг.

В записке о системе управления в Джамби, датированной 26 января 1900 г. [107, т. 1, 242—245], Снук Хюргронье предлагал применить к Джамби ачехскую практику—заставить раджу Джамби подписать «краткое заявление». Он откровенно пояснял, что отношения голландской администрации с индонезийскими княжествами и племенными федерациями не должны определяться политическими договорами, а должны всецело зависеть от воли администрации. Поэтому договоры могут быть составлены по образцу «краткого заявления», принятого в Аче, и их содержание должно сводиться в основном к обещанию князей и вождей управлять своими территориями в соответствии с принципами, которые установлены голландской администрацией и разъясняются голландскими чиновниками посредством устных инструкций или письменных распоряжений.

Подписание «краткого заявления» окончательно превращало индонезийских князей и вождей в голландских марионеток. С внедрением «краткого заявления» в Индонезии в полной мере получила развитие система косвенного управления, близкая по образцу к той, которая существовала в соседней английской колонии — Малайе. На введение системы косвенного управления повлияли и соображения финансового характера. Преемник ван Хэютса на посту генерал-губернатора — Иденбюрх писал: «Таким способом представлялось возможным установить действенное постоянное административное влияние на вассальные княжества без значительных затрат» [88а, 162].

Главный же смысл введения системы косвенного управления заключался в том, что она, делая голландских колонизаторов неограниченными хозяевами в Индонезии, позволяла им поддерживать иллюзию сохранения традиционного общественного устройства. Крестьянин зачастую непосредственно не сталкивался с голландскими чиновниками, а по-прежнему имел дело со своими владетелями и вождями. С другой стороны, эта система позволила колонизаторам наладить сотрудничество с адатной знатью и постепенно превратить ее в своего пособника. Сохраняя политический и финансовый контроль в своих руках, голландская администрация превратила адатную знать Внешних владений в послушных марионеток, всецело зависящих от колонизаторов и одновременно заинтересованных в сохранении остатков тех привилегий и доходов, которые были им милостиво оставлены.

В 1907 г. генерал-губернатор ван Хэютс сформулировал следующие основные принципы новой политики косвенного управле-

ния: «1) Распространение голландского влияния на архипелаге; 2) отказ от политики невмешательства во внутренние дела владений в сочетании с предоставлением им большей или меньшей степени самоуправления; 3) мирные усилия, направленные на изменение отношений с туземными владениями, чтобы добиться удовлетворительных гарантий постепенного улучшения управления и судебной системы; 4) уделение особого внимания финансам, чтобы доходы могли удовлетворить нужды владения и его населения; 5) решительное побуждение, но без применения силы, туземных владетелей заботиться о благосостоянии и улучшении экономических условий населения; 6) включение туземных владений в состав правительственных территорий только по просьбе вождей или населения или лишь тогда, когда это необходимо в интересах населения» [346, 461—462].

Если отбросить словесную шелуху, в которую была облачена программа ван Хэютса, то суть ее сводилась к установлению полновластного господства колонизаторов во Внешних владениях, присвоению права менять по своему усмотрению косвенное управление на прямое, контролю над хозяйством и финансами индонезийских владений. Окончательно взаимоотношения между колониальной администрацией и туземными владетелями были определены «Ордонансом о самоуправлении» 1914 г., по которому владетели получили право входить с предложениями о введении мер, которые они считают целесообразными. Этот же ордонанс установил систему жалованья владетелям, которые были лишены права вмешиваться в дела финансового управления [266, т. II, 435—436].

В первое десятилетие XX в. «краткое заявление» в его унифицированной форме [319, прил. VI, 362—363] было введено во всех вновь завоеванных областях Индонезии. Оно заменило также многие старые договоры, существовавшие между голландской администрацией и «туземными» владетелями. В итоге к 1927 г. «краткое заявление» подписали князья и вожди 267 «самоуправляющихся территорий» и лишь с 15 владетелями были сохранены договоры старого типа [266, т. II, 433].

«Краткое заявление» и система косвенного управления имели огромное значение для выработки колониальной политики Голландии во Внешних владениях в XX в., и решающую роль при этом сыграл опыт, полученный колонизаторами в Аче.

Заключение

Ачехская война в своем развитии прошла два основных этапа. На первом (1873—1880) во главе движения стояли султан и владетельные феодалы, и борьба Аче за свою независимость по своему характеру и форме походила на те войны, которые вели многие государства Индонезии и других стран Востока против колониального порабощения на протяжении XVII—XIX вв. На втором этапе (1881—1913), по мере нарастания антифеодальных настроений крестьянства, вызванных в значительной мере капитуляцией части знати перед колонизаторами, к руководству движением пришли духовенство и деревенская верхушка. Развернулась широкая народная партизанская война. Эти изменения вызвали появление военно-теократического саманистского государства и объединения Умара, что означало создание в ходе антиколониальной борьбы новых форм политического устройства. Размах народной борьбы, социально-политические изменения в структуре общества позволяют поставить Ачехскую войну в один ряд с наиболее мощными и своеобразными народными движениями XIX в., направленными против колониализма.

Ачехская война — национально-освободительное движение феодального типа. Феодалы руководили освободительной борьбой ачехского народа на первом этапе войны, они участвовали в движении и на втором его этапе, играя особенно заметную роль после разгрома саманистского государства (1898) и гибели Теуку Умара (1899). И духовенство и деревенская верхушка, руководившие сопротивлением с начала 80-х годов XIX в., не были в условиях Аче представителями буржуазного национализма. Даже создав военно-теократическое государство Самана, они остались на позициях «феодального национализма». Еще более ярко это проявилось в объединении Теуку Умара.

Ачехская война — героическая страница истории национально-освободительного движения в Индонезии — оказала влияние на характер и особенности последующего развития Северной Суматры. Ачехская война вспыхнула в период, когда в наиболее развитом районе Индонезии — на Яве — начинали складываться предпосылки зарождения буржуазного национально-освободительного пробуждения Индонезии. Национально-освободительное движение эпохи пробуждения Индонезии оказало огромное влияние на последующее развитие Аче, как и других районов архипелага. В Аче быстрее, чем во многих других районах Внешних провинций, совершился переход от «феодального национализма» к национализму буржуазному, а идеи мусульманского национализма распростра-

нились в Аче гораздо сильнее, чем в большинстве других областей Внешних провинций.

Эти особенности развития Аче в XX в. в значительной, если не в решающей мере объясняются борьбой 1873—1913 гг. и ее традициями. Ачехская война способствовала пробуждению и росту национального самосознания ачехского народа. Уламы и деревенская верхушка, противопоставлявшие себя в годы войны светской аристократии, обладавшие опытом создания военно-теократического государства, сохранили положение руководителей крестьянства. Поскольку в Аче буржуазия была представлена в основном духовенством и сельской верхушкой, идеи мусульманского буржуазного национализма оказали огромное влияние на народные массы. Показательно, что одним из двух районов Индонезии, где после августовской революции 1945 г. социальная борьба с феодальными силами приняла наиболее острые формы, был Аче (другой район — Восточная Суматра). В декабре 1945 — январе 1946 г. ачехские уламы подняли крестьянство против феодальной аристократии и истребили почти половину всех улубалангов. После крушения голландского колониального режима уламам — теперь представителям ачехской буржуазии — удалось решить старый спор со светской знатью в свою пользу. Значительную роль в этом сыграли традиции Ачехской войны, и в первую очередь то влияние, которое уламы получили в народе в ходе войны и которое они продолжали сохранять в последующее время.

Традиции Ачехской войны, несомненно, повлияли и на историю мятежа Дауда Бэре в 1953—1961 гг. Провозглашая «Исламистское государство Аче», глава Всеачехского объединения улам Дауд Бэре представлял себя продолжателем дела Мохаммада Самана, и это обстоятельство сыграло немаловажную роль в той поддержке, которую ему оказало ачехское крестьянство.

Вплоть до настоящего времени традиции Ачехской войны продолжают играть заметную роль в расстановке классовых и политических сил на Северной Суматре.

Библиография

I. Произведения основоположников марксизма-ленинизма [1]

1. Маркс К., Голландские дела.— Дания.— Конверсия британского государственного долга.— Индия.— Турция и Россия, т. 9.
2. Маркс К., Британское владычество в Индии, т. 9.
3. Маркс К., Объявление войны. К истории возникновения восточного вопроса, т. 10.
4. Маркс К., Капитал, т. I, т. 23.
5. Маркс К., Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940.
6. Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, т. 7.
7. Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, т. 21.
8. Энгельс Ф., К истории первоначального христианства, т. 22.
9. Ленин В. И., Международный социалистический конгресс в Штутгарте, т. 13.
10. Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, т. 27.
11. Ленин В. И., Заседание Международного социалистического бюро, т. 17.
12. Ленин В. И., Итоги дискуссии о самоопределении, т. 30.

II. Библиографические издания, справочники и энциклопедии

13. «Библиография Юго-Восточной Азии», М., 1960.
14. «Советская историческая энциклопедия», т. 1—12, М., 1961—1969.
15. «Catalogus der Koloniale bibliotheek van het Koninklijk Instituut voor de taal-, land- en volkenkunde en het Indisch Genootschap», Den Haag, 1908.
16. «Catalogus der Bibliotheek van het Koninklijk Instituut voor de taal-, land- en volkenkunde van Nederlandsch-Indië en het Indisch Genootschap», Den Haag, 1915.
17. Hartman A., Repertorium op de literatuur betreffende de Nederlandsch kolonien, voor zoover zij verspreidis in tijdschriften en mengelwerken,— I. Oost-Indië (1840—1893), 's-Gravenhage, 1895.
18. Hartman A., Repertorium op de literatuur betreffende de Nederlandsche kolonien, voor zoover zij verspreidis in tijdschriften en mengelwerken, — I. Oost-Indië eerste vorvolg (1894—1903), s-Gravenhage, 1905.
19. Hartman A., Repertorium op de literatuur betreffende de Nederlandsch kolonien voor zoover zij verspreidis in tijdschriften en mengelwerken, — I. Oost-Indië, tweede vervolg (1901—1905), 's-Gravenhage, 1908.
20. Kennedy R., Bibliography of Indonesian Peoples and Cultures, vols I—II, New Haven, 1955.
21. «Encyclopaedie van Nederlandsch-Indie», d. I—VIII, 's-Gravenhage, 1918—1938.
22. «Ensiklopedie Indonesia», dj. I—III, Bandung — 's-Gravenhage (S. a.).
23. «Nieuw Nederlandsch biographisch woordenboek», d. I—X, Leiden, 1911—1937.

---

[1] Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по второму изданию, труды В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

III. Источники

24. Бакунин М. М., Тропическая Голландия. Пять лет на острове Яве, СПб., 1902.
25. Воллан Г. де, По белу свету, т. II, СПб., 1895.
26. «Из истории национально-освободительной борьбы индонезийского народа (20—70-е годы XIX в.),— «Исторический архив», 1958, № 2.
27. «Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII — 60-е годы XIX в.). Документы и материалы», М., 1962.
28. «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871—1917 гг.). Документы и материалы», ч. I, М., 1965.
29. Радде Г. И., 23 000 миль на яхте «Тамара», СПб., 1892.
30. Ухтомский Э. Э., Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890—1891), т. II, СПб., 1895.
31. Щербатова О. А., В стране вулканов. Путевые заметки на Яве 1893 г. С географическим, историческим и политическим обзором Малайского архипелага и Явы, СПб., 1897.

32. «Aanteekeningen over Atjehneesche aangelegenheden», — «Tijdschrift voor Nederlandsch-Indië», 1874, Nieuwe serie.
33. «Adat Atjeh», 's-Gravenhage, 1958.
34. Anderson John, Acheen and the Ports of the North and East Coasts of Sumatra; with Incidental Notices of the Trade in the Eastern Seas and the Aggressions of the Dutch, London, 1840.
35. «Atchin. Antwoord aan den Minister van Kolonien. Een redevoering die in de Tweede Kamer niet is uitgesproken», 's-Gravenhage, 1873.
36. «De Atjeh Drukpers — vervolging tegen H. B. van Daalen Redacteur van den Java Bode», Batavia, 1874.
37. «Atjeh. Verzameling van bulletins nopens de Tweede Expeditie», Batavia, 1874.
38. Beeger G. W., De militaire operatien in Tenom in Januari 1884,— IMT, 1885.
39. «Beknopte beschrijving van den Kraton van Groot-Atjeh, alsmede van zijne verdedigings, kracht en bewapening», Batavia, 1874.
40. Berg N. P. van den, The financial and economic condition of Nederland India since 1870 and the effect of the present currency system, The Hague, 1895.
41. Berghuis van Woortman, De aanleiding tot de expeditie naar Samalangan in Juli 1880,— IMT, 1880.
42. Bernard F., A travels Sumatra. De Batavia à Atjeh, Paris, 1904.
43. Beumig P. H. R., Schetsen uit de strijd op Groot-Atjeh, Amsterdam, 1911.
44. Bogaard F. H., De tactiek der marechaussee in Groot-Atjeh in 1895,— IMT, 1902.
45. Booms P. G., De eerste Atjehsche expeditie en hare enquête. Historische kritiek, Amsterdam, 1880.
46. Booms P. G., Over de eerste expeditie tegen Atjeh. Een antwoord aan generaal de Stuers, 's-Gravenhage, 1875.
47. Borel G. F. W., Drogredenen zijn geen waarheid. Naar aanleiding van het werk van den Generaal van Swieten over onze vestiging in Atjeh, 's-Gravenhage, 1880.
48. Borel G. F. W., Onze vestiging in Atjeh. Critisch bescheven, 's-Gravenhage, 1878.
49. Bosch P. ten, De sluiting der Atjehsche kust, 's-Gravenhage, 1892.
50. Bradley W., The Wreck of the «Nisero», and Our Captivity in Sumatra, London, 1884.
51. Brooshooft Y., Geschiedenis van den Atjeh-oorlog 1873—1886, Utrecht, 1886.

52. Brutus [Nieuwenhuijzen W. C.], Atjehsche omtrekken, 's-Gravenhage, 1887.
53. Brutus [Rees W. A. van], Open brief aan den Generaal Knoop over de Atjeh-kwestie, Amsterdam, 1879.
54. Campioni M. J. J. B. H., Wenken en voorschriften gegevens door een troepen commandant tevens civiel gezaghebber in een nog niet gepacificeerd gebied,— IMT, 1904.
55. Coblijn W. A., Hoe Atjeh te onderwerpen, 's-Gravenhage, 1893.
56. Colijn H., Politiek beleid en bestuurzorg in de Buitenbezittingen, d. 1—3, Batavia, 1907—1909.
57. Cool W., Het Atjeh-vraagstuk, Breda, 1886.
58. Daalen G. C. E. van, Inventaries van voorwerpen afkomstig van de Gajo-, Alas-en Bataklanden verzameld door G. C. E. van Daalen, — IMT, 1905, extra-bijlage.
59. Daalen G. C. E. van, Journaal van den commandant der marechaussee colonne ter achtervolging van den Pretendent-Sultan in de Gajolanden, — IMT, 1902, extra-bijlage.
60. Daalen G. C. E. van, Verslag van den tocht naar de Gajo-en Alaslanden, — IMT, 1905, extra-bijlage.
61. Daalen H. B. van, De enquete over den mislukten tocht naar Atjeh, Batavia — 's-Gravenhage, 1873.
62. Daalen H. B. van, De mislukte tocht naar Atjeh. Aan wien de schuld? Batavia — s'Hage, 1873.
63. Damste H. T., Atjehse Oorlogspapieren,— IG, 1912.
64 Damste H. T., De executie van Teukoe Tjhi Toenong te Lho 'Seumawe in 1905, — KT, 1938.
65. Damste H. T., Hikayat prang sabi, — BKI, 1928, d. 84.
66. Damste H. T., Memoires van een Atjehschen balling,— KT, 1916.
67. Djajadiningrat R. H., Critisch overzicht van den Maleische werken vervatte gegevens over de geschiedenis van het Soeltanaat van Atjeh,— BKI, 1911, d. 65.
68. Douwes Dekker E. F. E., Die holländischen Pizarros in Atjeh,— «Das freie Wort», 1908, Bd VII, № 23.
69. Douwes Dekker E. F. E., Man fährt in Atjeh weiter fort,— «Das freie Wort», 1908, Bd VIII, № 11.
70. Dulaurier Ed., Chronique du royaume d'Atcheh dans l'île de Sumatra, traduite du malay sur un manuscript appartenant a la Société asiatique de Paris, collationné sur deux exeemplaired manuscrits de la Bibliotheca Marsdeniana, de Kings College à Londres,— «Journal Asiatique», Paris, t. VIII, 1839, 3 ser.
71. Enthoven J. J. K., De Pedir-expeditie — IMT, 1898, 1899.
72. Enthoven J. J. K., De Pedir- en Edi-expeditie,— IMT, 1898.
73. «De expeditie naar Samalangan in 1877»,— IMT, 1884.
74. «De expeditie naar Samalangan, Meureudoe en Peusangan»,— IMT, 1902.
75. Exter van, Naar aanleiding van «De politiek van dan oorlog in Atjeh; door W. C. Nieuwenhuijzen, voormalig chef van den Staf bij de troepenmacht in Atjen en onderhoorigheden»,— IMT, 1898.
76. Fanoy J. J. B., Het Atjeh — vraagstuk, en hoe dat thans nog kan worden opgelost. Een word ter waarschuwingen tot leering van het Nederlandsche volk, Semarang, 1908.
77. Fransen van de Putte I. D., Atheh. Parlamentaire redevoering van I. D. Fransen van de Putte (van December 1873 — December 1885), Schiedam, 1886.
78. «De Geconcentreerde Stelling in Groot-Atjeh», 's-Gravenhage, 1885.
79. Godin J. H. C., De gevechten in Atjeh van 19 en 20 Augustus 1878 en 23 en 24 Maart 1879,— IMT, 1880.
80. Groeneveldt W. P., Historical Notes on Indonesia and Malaya Compieled from Chinese Sources, Djakarta, 1960.
81. [Haakman J. A.], Atjeh. Beschouwingen, Batavia, 1878.

82. «Herinneringen aan de tweede expeditie tegen Atjeh, den lezers van Generaal van Swieten brief aangeboden door een Indische officier», Samarang, 1874.
83. Heutsz J. B. van, De Onderwerping van Atjeh, 's-Gravenhage — Batavia, 1893.
84. Hijden K. van der, Memorie van den Luitenant-Generaal K. van der Hijden naar aanleiding van het voorgevallen op 18 Mei 1881 in de Tweede Kamer der Staten-Generaal, 's-Gravenhage, 1882.
85. «Hikayat Malem Dagang», uitgegeven door H. K. J. Cowan, 's-Gravenhage, 1937.
86. Hoffman F. G., Atchin; verhaal der expeditie van 1857, Nijmegen, 1873.
87. Hoogenboom G., De bouw der geconcentreede postenlinie van Groot-Atjeh,— IMT, 1887.
88. Iskandar Teuku, De «Hikayat Atjeh», 's-Gravenhage, 1959.
88a. Idenburg A. W. F., De beteekenis van van Heutsz, — IG, 1929.
89. Jeekel C. A., Eenige beschouwingen over «De Waarheid» over onze vestiging in Atjeh van den Luitenant-Generaal J. van Swieten, 's-Gravenhage, 1879.
90. Kassandra, Eene douche, Amsterdam, 1896.
91. Kempe E., De Atjeh blokkade mislukt. Eene critiek en een waarschuwing, 's-Gravenhage, 1893.
92. Kempees J. C. J., De tocht van overste van Daalen door de Gajo-, Alas- en Bataklanden, 8 Februari tot 23 Juli 1904, Amsterdam, 1905.
93. Kesteren C. E. van, De Nisero-quastie en de Gouverneur-Generaal Loudon,— IG, 1884.
94. Kielstra E. B., De Atjeh-kwestie, — «Verslagen der algemeene vergaderingen van het Indische Genootschap 1881—1885».
95. Kielstra E. B., Beschrijving van den Atjeh-oorlog, d. I—III, 's-Gravenhage, 1883—1885.
96. Kooten G. I. van, De expeditie tegen Edi in Mei 1889,— IMT, 1889.
97. «De krijgsverrichtingen in Edi en Gedong in Mei en Juni 1878»,— IMT, 1885.
98. Kruijt J. A., Atjeh en Atjehers. Twee jaren blokkade van Sumatra's Noord-Oost-kust, Leiden, 1877.
99. Kruijt J. A., De Atjeh-oorlog. Kort overzicht, oorsprong, verloop en gevolg, 's-Gravenhage, 1896.
100. Kruisheer A., Atjeh '96, d. I—II, Welterveden, 1913.
101. «De laatste benden op Atjeh. (Volgens de «Atjeh-kroniek» in de «Nieuwe Courant» van 16 Januari 1913)»,— IG, 1913.
102. Lamster J. C., J. B. van Heutsz, Amsterdam, 1942.
103. Laging Tobias P. F., Beschouwingen naar aanleiding van eenige Atjeh-adviezen, — «Verslagen der algemeene vergaderingen van het Indisch genootschap 1888», 's-Gravenhage, [189...].
104. Laging Tobias P. F., Phrasen en feuten, Amsterdam, 1886.
105. Langen K. F. H. van, Beknopt alfabetisch informatieboekje betreffende Groot Atjehsche personen en aangelegenheden, Kota-Radja, 1897.
106. Langen K. F. H. van, De «Nisero-kwestie», een en ander naar aanleiding van het rapport van den heer W. E. Maxwell,— IG, 1884.
107. Maaten K. van der Snouck Hurgronje en de Atjeh-oorlog, d. 1—2. Rotterdam, 1948.
108. Meijer H. F., Atjeh van 26 December 1875 tot 4 September 1876. De offensive handelingen der guerilla, Breda, 1883.
109. Mooy C. de, Herinneringen aan mijn verblijf te Atjeh. — IG, 1886.
110. Nederburgh S. C. H., Proeve van een onderzoek der middelen tot oplossing van het Atjehvraagstuk verdedigt en toegelicht, 's-Gravenhage, 1887.
111. Niclou H. A., Open brieven aan den Heer G. F. W. Borel naar aanleiding van zijn boek «Onze vestiging in Atjeh», Samarang, 1879.
112. [Niclou H. A. A.], Vragen en opmerkingen naar aanleiding van «Een advies aan den Minister van Kolonien door W. A. van Rees», [s. l.], 1876.
113. Nieuwenhuis C., De expeditie naar Samalanga (Januari 1901). Dagverhaal van een fotograaf te velde, Amsterdam, 1901.

114. Nieuwenhuizen F. N., Een word over «De waarheid» van Generaal van Swieten, 's-Gravenhage, 1879.
115. [Nieuwenhuijzen W. C.], De Toekoe-Oemar — politiek. Inleiding en wording, 's-Gravenhage — Batavia, 1897.
116. «Officeele bescheiden betreffende het ontstaan van den oorlog met Atjeh in 1873», Den Haag, 1881.
117. «Oorlog met Atjeh. Verslag van het verhandelde in de verhaderingen der Tweede Kamer in Comité-Generaal van 16, 17, 18 on 19 April 1874», 's-Gravenhage, 1881.
118. «Parliamentary Papers. Correspondence Respecting the Wreck of the «Nisero» and the Detention of her Crew by the Rajah of Tenom», 6 vols, London, 1884.
119. «Parliamentary Papers. Correspondence Respective to the Relations between Great Britain and Acheen», London, 1873.
120. «De Pasangan-expeditie», — IMT, 1899.
121. Perelaer M. T. H., De houding van een eerlijk man. Laatste woord aan den Luitenant Generaal J. van Swieten naar aanleiding van het handweigeren door den heer G. C. E. van Daalen aan den heer J. Loudon, Rotterdam, 1882.
122. Perelaer M. T. H., Mijn terechtwijzer terechtgewezen. Antwoord aan «een vriend der waarheid», [s. l.], 1882.
123. Petit W. L. de, La conquête de la Vallee d'Atchin par les Hollandais, Paris, 1891.
124. Philips W. J., Penjoeratan pekerdja-an perang di negeri Atjeh, Samarang, 1889.
125. Piepers M. C., «Zwaarden eischen klingen, maar ook gevesten». Beschouwingen over de Atjeh-ziekte en hare genezing, Amsterdam, 1896.
126. «De poging tot overvalling onzer versterking te Edi op 11 September 1887»,— IMT, 1887.
127. Pruijs van der Hoeven A., Mijne ervaring van Atjeh, 's-Gravenhage, 1886.
128. Pruijs van der Hoeven A., Veertig jaaren Indische dienst, 's-Gravenhage, 1894.
129. «Rapport der Commissie, benoemd bij besluit van den Gouverneur-Generaal van Nederlandsch-Indië van den 18den Mei 1873», d. 1—3, Batavia, 1874.
130. «De reisen van Nicolaus de Graaf gedaan naar alle gewesten des werelds beginnende 1639 tot 1687 incluis», 's-Gravenhage, 1930.
131. [Rochemont J. I. de], Bemoedinging, een woord aan zijne medeburgers door een officier van het Nederlandsch-Indië Leger, Batavia, 1873.
132. Rochemont J. I. de, Een valsche Brutus, Batavia — Amsterdam, 1875.
133. Rochemont J. I. de, Wat hebben partijschappen van onzen Atsjin oorlog gemaakt? Een volks-voorlezing, Haarlem, 1876.
134. Scherer G. A., Hoe moet Atjeh gepacificeerd worden?, 's-Gravenhage, 1891.
135. Schmidt H. J. en Du Groo M. H., Marechaussee in Atjeh. Herinneringen en ervaringen van den eersten luitenant en kapitein van het Korps Marechaussee van Atjeh en Onderhoorigheden H. J. Schmidt van 1902 tot 1918, Maastricht, 1943.
136. Schmidt auf Altenstadt J. H. P. van, Telok Semawé de best haven van Atjeh Noordkust benevens eenige voorafgaande beschouwingen, 's-Gravenhage, 1887.
137. Schoemaker J. P., Hikayat prang di Edi pada bulan Mei 1889 terdjoempoet dari pada Hikayat prang di Atjeh, Batavia, 1891.
138. Schoemaker J. P., Schetsen uit den Atjeh-oorlog, d. 1—2, 's-Gravenhage, 1887—1890.
139. Schoemaker J. P., Tjerita-tjerita dari negeri Atjeh, Batavia, 1891.
140. «Segli in 1885 en 1887»,— IG, 1890.
141. Sie-Anoe [Bruijn van Rozenburg P. B.], Met Sie-Anoe naar Edi, Apeldoorn, 1895.
142. Snouck Hurgronje C., The Achenese, vols I—II, Leyden, 1906.

143. Snouck Hurgronje C., Ambtlijke adviezen van C. Snouck Hurgronje, d. I—III, 's-Gravenhage, 1957—1965.
144. Snouck Hurgronje C., Het Gajoland en zijne bewoners, Batavia, 1903.
145. Snouck Hurgronje C., Mecca in the Latter Part of the 19th Century: Daily Life, Customs and Learning. The Moslems of East-Indian-Archipelago, Leiden and London, 1931.
146. Snouck Hurgronje C., Politique musulmane de la Hollande. Quatre congerences, Paris, 1911.
147. Snouck Hurgronje C., Verspreide geschriften, d. I—VI, Bohn und Leipzig, 1923—1927.
148. Swieten J. van, De Luitenant-Generaal J. van Swieten contra den Luitenant-Generaal G. M. Verspijck, Zalt-Bommel, 1880.
149. Swieten J. van, Open brief van Generaal J. van Swieten aan Generaal P. G. Booms, Rotterdam, 1879.
150. Swieten J. van, De waarheid over onze vestiging in Atjeh, Zalt-Bommel, 1879.
151. Terbeest J. J. B. H., Atjeh-herinneringen. Pleidooi voor oudstrijders van het Nederlandsch-Indische Leger van voor 1920, Den Haag, 1933.
152. Tichelman G. L., Samalangasche Sarakata's,— TBG, 1938, d. 78.
153. «Treaties and Engagements affecting the Malay States and Borneo», ed. by W. E. Maxwell and W. S. Gibson, London, 1924.
154. «De tweede aanvall op onze versterking te Edi (6 November 1887)», — IMT, 1887.
155. [Verstege J. J. W. E.], De benoeming van een civiel gouverneur van Atjeh en onderhoorigheden, 's-Gravenhage, 1881.
156. Verstege J. J. W. E., Een beroep op het Nederlandsche volk, in zake het Atjeh — vraagstuk voordracht, Amsterdam, 1886.
157. Verstege J. J. W. E., De Samalangan-schilderij te Amsterdam, beschowd in hare wordingsgeschiedenis, hare waarde en beteekenis, vooral voor het Nederlands-Indie leger, — IMT, 1884.
158. Verspijck G. M., Generaal van Swieten en de waarheid, 's-Gravenhage, 1880.
159. Verspijck G. M., Loudon en Atsjin. Een word van protest, 's-Gravenhage, 1875.
160. Vink J. A., De tocht naar Langsar in Mei 1877,— IMT, 1885.
161. Vis M. H., De gevechten in Atjeh van 19 en 20 Augustus 1878 en 24 Maart 1879,— IMT, 1880.
162. U., Iets over de rooftochten der Atjehers op Poloe Bras en de middelen tot tegengang daarvan,— IMT, 1888.
163. «Uit onze Atjeh-guerilla», — IMT, 1885, 1887.

IV. Литература

164. «Ачин, нидерландская колония на Суматре: географическое положение, климат и население»,— «Морской сборник», СПб., 1876, т. 154, № 5.
165. Беленький А. Б., Национальное пробуждение Индонезии, М., 1965.
166. Бушуев С. К., Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля, М.— Л., 1939.
167. Васильев А. М., Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45—1818), М., 1967.
168. «Века неравной борьбы. Национально-освободительное движение в Азии и Африке», М., 1967.
169. Вертхейм В. Ф., Реформаторские течения в религиях Южной и Юго-Восточной Азии. Реферат доклада на XXV Международном конгрессе востоковедов, [б. м., б. г.].
170. Винстедт Р., Путешествие через полмиллиона страниц. История малайской классической литературы, М., 1966.
171. «Война на острове Суматра»,— «Всемирный путешественник», СПб., 1873, № 5.
172. «Всемирная история», т. VII, М., 1960.

173. Гольдциер И., Лекции об исламе, СПб., 1912.
174. Гордон-Полонская Л. Р., Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана (критика «мусульманского национализма»), М., 1963.
175. Губер А. А., Введение,— «Республика Индонезия. 1945—1960», М., 1961.
176. Губер А. А., Индонезия. Социально-экономические очерки, М., 1932.
177. Губер А. А., К истории проникновения голландцев в Индонезию,— «Ученые записки Московского государственного педагогического института», т. III, вып. 1, 1941.
178. Доббин Э., Юго-Восточная Азия, М., 1952.
179. «История XIX века», тт. 7, 8, М., 1937.
180. Козлова М. Г., Седов Л. А., Тюрин В. А., Типы раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии,— «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968.
181. Крачковский И. Ю., Памяти Хр. Снука Хюргронье, почетного члена Академии наук СССР (8.II.1857—26.VI.1936),— Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958.
182. Ладыженский А. А., Русский корабль у берегов Индонезии в 1878 году,— «Вопросы истории», 1965, № 12.
183. Луцкая Н. С., Республика Риф, М., 1959.
184. Маретин Ю. В., Адат, ислам и политическая борьба у минангкабау (Западная Суматра) в первой половине XX в.,—«Советская этнография», 1964, № 6.
185. Маретин Ю. В., Общественные отношения у батаков (Северная Суматра),— «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», Л., 1967.
186. Маретин Ю. В., Основные типы общины в Индонезии, — «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968.
187. Массэ А., Ислам. Очерк истории, М., 1961.
188. «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966.
189. «Новая история Индии», М., 1960.
190. «Новая история колониальных и зависимых стран», т. I, М., 1940.
191. «Новая история стран зарубежного Востока», т. II, М., 1952.
192. «Новая история стран зарубежной Азии и Африки», Л., 1959.
193. Симония Н. А., Буржуазия и формирование нации в Индонезии, М., 1964.
194. Смирнов Н. А., Мюридизм на Кавказе, М., 1963.
195. Смирнов С. Р., Восстание махдистов в Судане, М.—Л., 1950.
196. Сотников Ю. А., Некоторые черты социально-экономического развития Внешних провинций Индонезии ко времени их империалистического порабощения (конец XIX — начало XX в.),— «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 43, 1960.
197. Торнау Н., Изложение начал мусульманского законоведения, СПб., 1850.
198. Тюрин В. А., Завоевание Малайи Англией, М., 1962.
199. Тюрин В. А., Проблемы истории Индонезии в современной буржуазной историографии,— «Вопросы истории», 1967, № 1.
200. Хашаев Х. М., Общественный строй Дагестана в XIX веке, М., 1961.
201. Холл Д. Дж. Е., История Юго-Восточной Азии, М., 1958.

202. Alex [Vries C. de], Luitenant-Generaal van Heutsz, Amsterdam, [1904].
203. Alexander, Korte levensschets van den Arabier Habib Abdoer 'Rahman Alzahir,— IG, 1880.
204. «De Atjeh-onlusten in 1896, door een officier van het Nederlandsch — Indisch Leger in actieven dienst», Rotterdam, [1897].
205. Banck J. E., Atchin's verheffing en val, Rotterdam, 1873.
206. Bannink J. C. A., De verovering en pacificatie van Atjeh, vergeleven met de geschiedenis van Britisch-Birma, — IG, 1913.
207. Beek A. W. K. ten, De vier eerste jaren van den Atjeh-oorlog, 's-Gravenhage, 1883.

208 Benda H. J., Christian Snouck Hurgronje and the Foundation of Dutch Islamic Policy in Indonesia,— «Journal of Modern History», 1958, № 4.
209. Benda Harry J., The Structure of Southeast Asian History: Some Preliminary Observations,— «Journal of the Southeast Asian History», 1962, № 1.
210. Blunt W., Desert Hawk. Abd el Kader and the French Conquest of Algeria, London, [1947].
211. Boer M. G. de, Zeehaven en kolenstation Sabang, 1899—1924, Amsterdam, 1924.
212. Booms A. S. H., Een civil ambtenaar bij de krijgsverrichtingen in Atjeh,— IG, 1906.
213. Booms A. S. H., Neerlands krijgsroem in Insulinde 19-e eeuw sedert de instelling van de Militaire Willemsorde, d. 1—2, 1902.
214. Braam Houckgeest F. A. van, De mariniers te Atjeh. Bijdrage tot de geschiedinis der mariniers, Nieuwdiep, 1875.
215. Brin de, Atjeh en Tunis,— IMT, 1883.
216. Brooshooft P., De ethische koers in de koloniale politiek, Amsterdam, 1901.
217. Bruinsma J. F. D., Onze versterking in het landschap Edi en de krijgsverrichtingen aldaar gedurende April en Mei 1889, Sneek, 1890.
218. Bruinsma J. F. D., De verovering van Atjeh's Groote Missigit, Sneek, 1889.
219. Cabaton A., Le rapport sur Atjeh de M. le consuller des Indes F. A. Liefrink,— «Revue de monde musulman», 1910, № 1.
220. «A Chronology of Indonesian History», Djakarta, 1960.
221. Clodd H. P., Malaya's First British Pioneer. The Life of Francis Light, London, 1948.
222. Collet O., Terres et peuples de Sumatra, Amsterdam, 1935.
223. Cool W. en Hooijer G. B., Eene schone bladzijde uit Atjeh's geschiedenis, 's-Gravenhage, 1889.
224. Coolhaas W. P., A Critical Survey of Studies on Dutch Colonial History, The Hague, 1960.
225. Coombs D., The Gold Coast, Britain and the Netherlands, 1850—1874, London, 1963.
226. Damste H. T., Atjeh historie,— KT, 1916.
227. Damste H. T., Drie Atjeh-mannen,— KT, 1936—1938.
228. Damste H. T., Shouck Hurgronje en Atjeh,— KT, 1927.
229. Du Groo M. H., Generaal Swart. Pacificator van Atjeh, Maastricht, 1943.
230. Een oud-hoofd officier, De Generaal J. H. R. Köhler. Eene nalezing van feiten tijdens de eerste expeditie tegen het Rijk van Atjeh, Rotterdam, 1884.
231. Emerson R., Malaysia, a Study in Direct and Indirect Rule, New York, 1937.
232. Furnivall J. S., Colonial Policy and Practice, a Comparative Study of Burma and Netherlands India, New York, 1956.
233. «De Generaal-Majoor H. Demmeni», — IMT, 1887.
234. «De Generaal-Majoor H. K. F. van Teijn», — IMT, 1892.
235. Gerlach A. J. A., Atjih en de Atjinezen. Beknopt overzicht van onze betrekkingen tot dat Rijk, sedert de vestiging de Nederlanders in den Oost-Indischen Archipel, Arnhem, 1873.
236. Gerlach A. J. A., De eerste expeditie tegen Atjih, Arnhem, 1874.
237. Gerlach A. J. A., De tweede expeditie tegen Atjeh,— «De Tijdspiegel», 1875.
238. Gould James W., Americans in Sumatra, The Hague, 1961.
239. Graaf H. J. de, Geschiedenis van Indonesië, 's-Gravenhage — Bandung, 1949.
240. H. A. A. N., De genieekundige dienst bijde tweede expeditie tegen Atjeh,— IMT, 1880.
241. Haar B. ter, Adat Law in Indonesia, New York, 1948.
242. Hamerster A., Bijdrage tot de kennis van de afdeeling Asahan, Amsterdam, 1926.

243. Hazil, Teku Umar dan Tjut Nja Din. Sepasang pahlawan perang Atjeh, Djakarta — Amsterdam, 1952.
244. Herfkens J. W. F., De Atjeh-oorlog van 1873 tot 1896, Breda, 1905.
245. Herfkens J. W., De expeditie naar Edi, Mei tot Juli 1890, Breda, 1901.
246. Hill A. H., The Coming of Islam to North Sumatra,— «Journal of the Southeast Asian History», 1963, № 1.
247. «Historians of South-East Asia», London, 1961.
248. Hooijer G. B., De krijgsgeschiedenis van Nederlandsch Indië van 1811 tot 1894, d. III, Den Haag — Batavia, 1897.
249. Hotz G. D. E. J., Beknopt geschiedkundig overzicht van de Atjeh oorlog, Breda, 1924.
250. Hulstijn P. van, Van Heutsz en de Buitengewesten, Den Haag, 1926.
251. «Introduction to Indonesian Historiography», New York, 1964.
252. Jacobs J., Het familie-en kampongleven op Groot-Atjeh. Eene bijdrage tot de ethnographie van Noord-Sumatra, d. I—II, Leiden, 1894.
253. Jacub Ismail, Tengku Tjhik di-Tiro (Muhammad Saman). Pahlawan besar dalam perang Atjeh (1881—1891), Djakarta, 1960.
254. Jeekel L. J. P. J., Het Sumatra-tractaat, Leiden, 1881.
255. Johns A., Dak'lik al Huruf by Abd al Rauf of Singkel,— «Journal of the Royal Asiatic Society», London, 1955.
256. Johns A. H., Sufism in Indonesia, — «Journal of the Southeast Asian History», Singapore, 1961, № 2.
257. Jongejans J., Land en volk van Atjeh, vroeger en nu, Baarn, 1939.
258. Kasim M., Kisah-kisah keperwiraan wanita Atjeh dalam perang gerilja melawan Belanda, Medan, 1960.
259. Kappard T. C., Het eiland Nias en zijne bewoners,— BKI, 1909, d. 62.
260. Kemp P. H. van der, De geschiedenis van Londensch tractaat van 17 Maart 1824,— BKI, 1904, d. 56.
261. Kemp P. H. van der, De zendingen van Ibbetson en Anderson naar Sumatra's Oostkust in 1820 en 1823,— BKI, 1897, d. 47.
262. Kepper G., De oorlog tusschen Nederland en Atchin, Rotterdam, 1874.
263. Kergers P., De oorlog met Atchin, beschreven en afgebeeld voor het Nederlandsche volk, Doesborgh, 1875.
264. Klaveren I. I., The Dutch Colonial System in the East Indies, Rotterdam, 1953.
265. Klerck E. S. de, De Atjeh-oorlog, d. I, 's-Gravenhage, 1912.
266. Klerk E. S. de, History of the Netherlands East Indies, vols I—II, Rotterdam, 1937—1938.
267. Kielstra E. B., Atjeh, onder het bistuur van den Gouverneur Demmeni,— IMT, 1888.
268. Kielstra E. B., Atjeh, onder het bestuur van den Gouverneur Laging Tobias,— IMT, 1887.
269. Kielstra E. B., Atjeh, onder het bestuur van den Gouverneur Pruijs van der Hoeven,— IMT, 1886.
270. Kielstra E. B., Onze aanrakingen met Troemon,— IG, 1888.
271. Kreemer J., Atjeh. Algemeen samenvattend overzicht van land en volk van Atjeh en Orderhoorigheden, d. 1—2, Leiden, 1922—1923.
272. Kroesen C. A., Geschiedenis van Asahan,— TBG, 1886, d. 31.
273. Krom N. J., Hindoe-Javaansche geschiedenis, 's-Gravenhage, 1926.
274. Kruisheer A., Kort overzicht van den stand van zaken op het eiland Sumatra in 1905 (Atjeh),— IMT, 1906.
275. Kruisheer A., Tocht naar Gliëng in den nacht van 15—16 Mei 1897, — IMT, 1912.
276. Laging Tobias P. F., Het stelsel van het sultanaat in Atjeh,— IG, 1886.
277. Langen K. F. H. van, Steenkolenbergen in het voormalige rjik van Melaboeh,— IG, 1880.
278. Langen K. F. H. van, Atjeh's Westkust,— «Tijdschrift van het Aardrijkskundig genootschap», 1888, d. V, serie 2.

279. Langen K. F. H. van, De inrichting van het Atjehsche staatsbestuur onder het Sultanaat,— BKI, 1888, d. 37.
280. Longhout Joh., The Economic Conquest of Acheen by the Dutch, The Hague, 1924.
281. Lau H. L. la, Eene vergelijking tussen de verovering en pacificatie van Burma en Atjeh,— IMT, 1912, 1913.
282. Leendertz C. J., Van Sumatra's Nordkust tot den Goudberg. Jets over land en volk van Groot-Atjeh, Leiden, 1896.
283. Lekkerkerker C., Land en volk van Sumatra, Leiden, 1916.
284. Leur J. C. van, Indonesian Trade and Society, The Hague, 1955.
285. Lier J. C. van, Mr. J. Loudon en zijne bestuur geschetst, Batavia — Utrecht, 1875.
286. Loeb E. M., Sumatra, its History and People, Wien, 1935.
287. Lombard Denys, Le Sultanat d'Atjeh au temps d'Iskander Muda 1607—1633, Paris, 1967.
288. Marcella E., Geschiedenis van het Korps Genietroepen van het Leger in Oost-Indië, 1816—1895, Batavia — Den Haag, 1897.
289. Marsden W., The History of Sumatra, London, 1811.
290. Meurake Dada, Atjeh 1000 tahun dan peristiwa Teungku Daud Beureh, Medan, [s. a.].
291. Misopseudes [Verstege J. J. W. E.], Eerlijke koloniale staatsleiden. Naar aanleiding van eene bladzijde uit het Ministerieelleven van Mr. W. Baron van Goltstein, Rotterdam, 1882.
292. Moorhead F. J., A History of Malaya, vol. I, London, 1957.
293. Naarding J. W., Het conflict Shouck Hurgronje — Van Heutsz — Van Daalen, Utrecht, 1938.
294. [Niclau H. A. A.], Atjeh gedurende de tweede expeditie en later, Batavia, 1876.
295. Nieuwenhuize C. A. O. van, Šamšu 'l-din van Pasai, Leiden, 1945.
296. Oehmke T. R. L., Waar kris en klewang dreigden. Een episode uit de heldenstrijd op Atjeh 1895—1897, Amsterdam, 1936.
297. An Old Resident [W. H. Read], Play and Politics, London, 1901.
298. Pabst J. C., Overzicht van de krijgsverrichtingen in Groot-Atjeh van 1873 tot 1909, Breda, 1924.
299. Pabst J. C., Overzicht van de krijgsgeschiedenis in de Pidië streek in 1897 en 1898, Breda, 1924.
300. Paelig W. F., Eenige bladzijden uit de geschiedenis van den Atjeh — oorlog, Nieuwdiep, 1876.
301. Pane S., Sedjarah Indonesia, dj. II, Djakarta, 1956.
302. Pekelharing B. H., I. D. Fransen van de Putte, — «Mannen en vrouwen van beteekenis in onze dagen. Levensschetsen en portretten», Haarlem, 1899.
303. Piekaar J., Atjeh en de oorlog met Japan, Hague, 1949.
304. Pol C. van de, Tjoet Nja Din,— «De Gids», 1918.
305. Pruijs van der Hoeven A., Het laatste nieuws uit Atjeh, 's-Gravenhage, 1896.
306. Rees P. A. van, De pionniers der beschaving in Nederlandsch-Indië. Verhaal van eenige krijgstogten op de Buitenbezittingen, 1866.
307. Rochemont J. I. de, De Generaal Jan van Swieten, 1807—1888, 's-Gravenhage, 1888.
308. Rochemont J. I. de, Loudon en Atsjin, Batavia — Amsterdam, 1875.
309. Rochemont J. I. de, Onze oorlog met Atsjin, d. I—II, 's-Gravenhage, 1877.
310. Rochemont J. I. de, Onze vestiging in het Rijk van Atsjin, Haarlem, 1876.
311. Said Mohammed, Atjeh sepandjang abad, dj. I, [Medan], 1961.
312. Schadee W. H. M., Geschiedenis van Sumatra's Oostkust, d. I—II, Amsterdam, 1918—1919.
313. Schoemaker J. P., Nederlands-Indische krijgsverhalen, 's-Gravenhage, 1894.

314. Schrieke B. H. M., Indonesian Sociological Studies, vols 1—2, The Hague, 1956—1957.
315. Smail John, On the Possibility of an Autonomous History of Modern Southeast Asia,— «Journal of the Southeast Asian History», 1961, № 2.
316. Snouck Hurgronje C., Aantekeeningen of G. P. Rouffaers opstel over Atjehsche Soeltanregels,— BKI, 1908. d. 60.
317. Snouck Hurgronje C., Een Mekkaansch gezantschap naar Atjeh in 1683, — BKI, 1888, d. 37.
318. Snouck Hurgronje C., Selected Works of C. Snouck Hurgronje, Leiden, 1957.
319. Somer J. M., De Korte Verklaring, Breda, 1934.
320. Struijvenberg A., Het Korps Marechaussee op Atjeh 1890—1930, Koetaradja, 1930.
321. Sutjipto Wirjousuparto, Sedjarah Indonesia, dj. II, Jogjakarta, 1960.
322. Szekely—Lulofs M. H., Tjoet Nja Din, Djakarta, 1954.
323. Tarling N., Anglo — Dutch Rivalry in the Malay World 1780—1824, Sydney, 1962.
324. Tarling N., British Policy in the Malay Peninsula and Archipelago 1824—1871,— «The Journal of the Malay Branch of the Royal Asiatic Society», Singapore, pt II, 1957.
325. Tarling N., Piracy and Politics in the Malay World, Melbourne — Canberra — Sydney, 1963.
326. Tolson G. P., Acheh,— «The Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society», Singapore, 1880.
327. Veltman T. J., Nota over de geschiedenis van het landschap Pidië,— TBG, d. 58.
328. Veth P. J., Atchin en zijne betrekkingen tot Nederland, Leiden, 1873.
329. Vink J. A., Biographie van de Toekoe Panglima Maharadja Tibang Mohamad,— IMT, 1892.
330. Vlekke B. H. M., Nusantara. A History of Indonesia, The Hague — Bandung, 1959.
331. Vollenhoven C. van, Het adatrecht van Nederlandsch — Indie, d. 1—2, Leiden, 1931.
332. Voorhoere P., Nuruddin al-Raniri,— BKI, 1959, d. 115.
333. Vreede C., De gouvernement-besluiten in zake der verboden in-, uit- en doorvoer in Atjeh,— IG, 1888.
334. Wertheim W. F., Indonesian Society in Transition. A Study of Social Change, The Hague, 1959.
335. Widjojoatmodjo R. A., Islam in the Netherlands East India,— «Far Eastern Quarterly», 1942, № 2.
336. Wijck H. C. van der, De Nisero-zaak, 's-Gravenhage, 1884.
337. Winkel L. F. A., De militaire loopbaan van den Luitenant-Generaal Karel van der Hijden, Utrecht, 1896.
338. Winstedt R. O., A History of Malaya, London, 1935.
339. Wolters O. W., Early Indonesian Commerce, Ithaca, 1967.
340. Woodman D., The Republic of Indonesia, London, 1956.
341. Wurtzburg C. E., Raffles of the Eastern Seas, London, 1954.
342. Y., Z. E. de Luitenant-Generaal K. van der Hijden en de burgerlijke ambtenaren,— IMT, 1882.
343. Zainuddin H. M., Tarich Atjeh dan Nusantara, Medan, 1961.
344. Zentgraaf H. C., Atjeh, Batavia, 1939.
345. Zentgraaf H. C., Goudoever W. A. van, Sumatraantjes, Batavia, 1947.
346. Verbeek W., De zelfbesturende landschappen buiten Java,— «Koloniale Studiën», 1919, d. III.
347. t'Veer P. van, De Atjeh-oorlog. Amsterdam, 1969.

Список сокращений

BKI — «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde, uitgegeven door Koninklijk Instituut voor de taal-, land- en volkenkunde van Nederlandsch Indie», Amsterdam — 's-Gravenhage.

IG — «De Indische Gids», Amsterdam.

IMT — «Indisch Militair Tijdschrift», Batavia.

KT — «Koloniaal Tijdschrift», 's-Gravenhage.

TBG — «Tijdschrift voor Indische taal-, land- en volkenkunde uitgegeven door het Bataviaasch genootschaap», Batavia — 's-Gravenhage.

Оглавление

Введение 3
Глава I. Султанат Аче перед голландской агрессией 13
Страна и население 13
Возникновение султаната Аче и его история (до середины XIX в.) 15
Общественная структура Аче 22
Родовые и территориальные связи. 22
Деревня 23
Класс феодалов 29
Духовенство 39
Общественный строй Гайо и Аласа 43
Глава II. Начало Ачехской войны 46
Голландская колониальная политика во Внешних владениях в 50—60-х годах XIX в. и Аче 46
Суматранский договор 1871 г. 53
Политическое положение в Аче в начале 70-х годов XIX в. 55
Подготовка нападения на Аче и дипломатическая борьба вокруг ачехского вопроса в 1873 г. 57
Первая голландская экспедиция и ее разгром (март — апрель 1873 г.) 66
Вторая голландская экспедиция (май 1873 — апрель 1874 г.) 74
Глава III. Период феодального руководства сопротивлением (1874—1880) 85
От провала плана ван Свитена к неудаче «программы Пела» — «период выжидания» (1874—1878) 86
От «программы Пела» к походам ван дер Хейдена — «период наступления» (1878—1880) 97
Сопротивление голландским колонизаторам в княжествах побережья в 1874—1880 гг. 109
Движущие силы и группировки ачехского сопротивления в 1874—1880 гг. 120
Глава IV. Подъем сопротивления ачехского народа (1881—1896) 137
Введение гражданского управления и положение в Аче в начале 80-х годов XIX в. 137
Начало нового подъема борьбы за независимость 144
Мохаммад Саман и начало «священной войны» 149
Государство саманистов 156
Ачехское наступление 1882—1883 гг. и его результаты 175
Создание «линии концентрации» и наступательные действия ачехцев в Великом Аче в 1884—1893 гг. 181
Антиколониальное движение в княжествах побережья в 1881—1893 гг. 186
Объединение Теуку Умара и события 1893—1896 гг. в Великом Аче 194
Глава V. Переломный этап Ачехской войны (1896—1898) 209
Голландская колониальная политика в 80—90-х годах XIX в. и Ачехская война 209
Теуку Умар и положение в Великом Аче весной 1896 г. 224
Голландское наступление и борьба в Великом Аче (май 1896 — апрель 1898 г.) 232
Ачехское сопротивление от попытки объединения патриотических сил до гибели Теуку Умара (апрель 1898 — февраль 1899 г.) 246
Глава VI. Окончание Ачехской войны (1899—1913) 271
Ачехское сопротивление в 1899—1903 гг. 272
Партизанское движение в 1903—1913 гг. 278
Особенности антиколониальной борьбы в Аче в 1899—1913 гг. . . . 284
Голландская колониальная политика в Аче в 1899—1913 гг. 294
Заключение 308
Библиография 310
Список сокращений 321

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
86	2 св.	«период выдвижения»	«период выжидания»
311	2 сн.	Brooshooft Y.	Brooshooft P.

Зак. 1174

Владимир Александрович Тюрин

АЧЕХСКАЯ ВОЙНА

(из истории национально-освободительного движения в Индонезии)

Утверждено к печати
Ученым советом Института востоковедения
Академии наук СССР

*

Редактор *Я. Б. Гейшерик*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *М. З. Шафранская*

*

Сдано в набор 11/V 1970 г.
Подписано к печати 31/VIII 1970 г.
А-10410 Формат 60 × 90¹/₁₆ Бумага № 2
Печ. л. 20,25 Уч.-изд. л. 23,7
Тираж 1200 экз. Изд. № 2593
Зак. № 1073. Цена 1р. 52 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

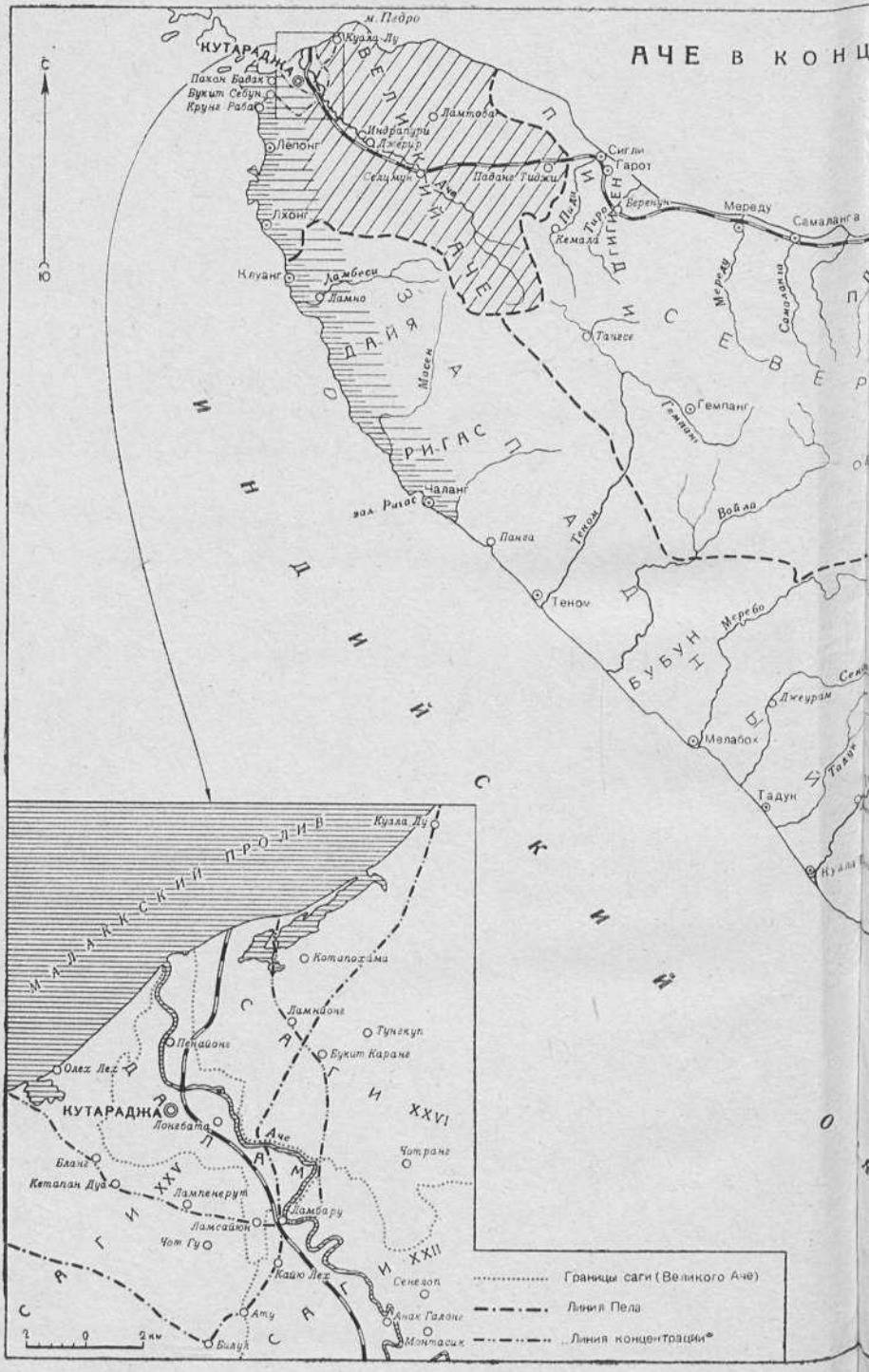
В 1970 ГОДУ ВЫЙДУТ:

Заказникова Е. П. Рабочий класс и национально-освободительное движение в Индонезии (до провозглашения независимости). 22 л.

Очерки экономической и социально-политической истории Индии и стран Среднего Востока (сборник памяти И. М. Рейснера). 25 л.

Страны Юго-Восточной Азии. История и экономика. 5 л.
Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. 25 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготорговли «Академкнига», а также по адресу: Москва В-463, Мичуринский просп., 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

АЧЕ В КОНЦ
КУТАРАДЖА
м. Педро
Кузяа Лу
Пакан Бадак
Букит Себун
Круне Рая
Ламтоба
Индрапури
Джерьо
Лепонг
Сиглн
Гарот
Селимун
Паданг Тиджи
Лхонг
Тарун
Дагиген
Кемала
Береунун
Мереду
Самаланга
Клуанг
Ламбеси
Ламно
Масен
Тачеси
Гемпанг
Ринас
Чалант
зал. Ринас
Панга
Теноч
Войла
Бубун
Меребо
Джеурам
Малабох
Тадун
Кузяа
Индийский
Пролив
Малакский
Котапохама
Ламнаоне
Гунекуп
Пенайоне
Букит Каране
Олех Лех
Лонгбата
Ache
Чотранг
Бланг
Кетапан Дуа
Лампенерут
Ламбару
Ламсайюн
Чот Гу
Кайю Лех
Сенезоп
Анах Галоне
Монтасих
Атц
Билуй
XXV
XXVI
XXII
Границы саги (Великого Ache)
Линия Пела
Линия концентрации*

Е XIX - НАЧАЛЕ XX В.

